

Василий Евдокимович
Дашинъ.

A 258
367

34
10-19
130

ф. дес.
ф. 1-60
6065

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

И. А. АЛТЫНСАРИНЪ.

И. И. Ильминскаго.

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА.

1891.

ВОСПОМИНАНИЯ

БАН

А. А. АЛТЫНСАРИНЪ

Дозволено цензурою. Казань, 5 Декабря 1891 года.

Государственная
Библиотека
СССР
И. В. Н. Ленин

6246-53

2014312330

Предисловіе.

17 Июля 1889 года скончался, въ своемъ зимовочномъ домѣ близъ поселка Костаная, киргизецъ Ибрагимъ Алтынсаринъ, 48-ми лѣтъ.

Вотъ краткій перечень жизни и службы Алтынсарина, на основаніи его формулярнаго списка. Онъ былъ киргизецъ черной кости, Кыпчаковского рода Средней Орды, писался сыномъ почетнаго ордынца, а его дѣдъ, войсковой старшина Балгожа Ямгурчинъ, былъ знаменитый въ свое время бій во всей Средней Ордѣ. Когда было предположено открыть въ Оренбургѣ для образованія киргизскихъ дѣтей особую школу, въ 1846 году Ибрагима, еще пятилѣтняго ребенка, умный дѣдъ зачислилъ въ кандидаты. Алтынсаринъ съ открытіемъ школы 22 Августа 1850 года поступилъ въ нее въ составѣ перваго курса. Кончилъ курсъ въ 1857 году. Въ 1859 году назначенъ младшимъ толмачемъ Оренбургскаго Областнаго Правленія. Въ 1860 году опредѣленъ учителемъ одной изъ вновь учрежденныхъ при стѣнныхъ укрѣпленіяхъ маленькихъ школъ, именно при Оренбургскомъ укрѣпленіи (нынѣ городъ Тургай) и переводчикомъ при томъ же укрѣпленіи. 25 Февраля 1865 года за усердную службу произведенъ въ хорунжіе. 2-го Января 1869 года опредѣленъ письмоводителемъ Тургайскаго уѣзднаго управленія. Въ 1870, 1871, 1872 и 1874 годахъ, четыре раза по нѣскольку мѣсяцевъ, съ разрѣшенія Оренбургскаго Генералъ-Губернатора, исправляя должность Тургайскаго уѣзднаго судьи. Въ 1871—2 г. исправляя должность старшаго помощника начальника Тургайскаго уѣзда, и за отсутствіемъ самого начальника

исправляя и его должность. Съ 1 Сентября 1879 года назначен исправляющим должность инспектора киргизскихъ школъ Тургайской области, и утвержденъ въ ней 28-го Октября 1888 года. За заслугу лѣтъ постепенно производился въ чины отъ губернскаго секретари до коллежскаго совѣтника и къ сроку 1 Мая 1889 года былъ представленъ въ статскіе совѣтники. Получилъ ордена: Св. Станислава и Св. Анны 3 и 2 степени.

При такой выдающейся для орднца вѣтшной карьерѣ, Алтынсаринъ гораздо болѣе замѣчательенъ по своимъ личнымъ качествамъ, какъ человѣкъ умный, честный и симпатичный. Я былъ знакомъ съ нимъ безъ малаго тридцать лѣтъ, съ Ноября 1859 г.; имѣлъ много случаевъ узнать его и ни разу не пришлось мнѣ забыть въ немъ что-нибудь непорядочное. Я постоянно имѣлъ къ нему самое искреннее расположеніе, особенно цѣнилъ я въ немъ живую любознательность къ русскому образованію и постоянную мысль о необходимости этого образованія для киргизъ. Когда я получилъ первое извѣстіе по телеграфу о его смерти и вслѣдъ за тѣмъ подробное описаніе этого печальнаго событія, мнѣ захотѣлось помануть его некрологомъ на основаніи личнаго моего съ нимъ знакомства, дополнивъ интересными и характерными выдержками изъ его ко мнѣ писемъ, которыхъ у меня много накопилось начиная съ 1861 года и до послѣднихъ лѣтъ, — и гутъ же предпологалъ я напечатать его записку о киргизскихъ волостныхъ школахъ, представленную Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, на что и получилъ отъ Его Силѣства разрѣшеніе въ письмѣ отъ 8 Августа 1889 г. за № 13570. Но пока я собирался съ своими воспоминаніями, время шло и мой планъ постепенно разширялся.

Алтынсаринъ учился въ первой и сначала единственной Оренбургской школѣ для киргизъ; потомъ былъ учителемъ во вновь учрежденномъ степномъ училищѣ; наконецъ былъ инспекторомъ киргизскихъ школъ Тургайской области, которыя онъ же главнымъ образомъ устроилъ, организовать и направилъ. Оренбургскую Киргизскую школу я засталъ въ 1858 году, уже послѣ перваго выпуска, при новомъ начальникѣ и при нѣсколькихъ новыхъ порядкахъ. Во время Оренбургской же моей службы возникли и мален-

кія стѣнные школы, учрежденныя по плану и идеѣ управляющаго Оренбургскими киргизами профессора Василія Васильевича Григорьева. Но ни о той, ни о другихъ я въ то время не имѣлъ яснаго и подробнаго понятія. Теперь мнѣ захотѣлось получить о нихъ знаніе точное и документальное. Высочайше утвержденное Положеніе о школѣ киргизскихъ дѣтей при Оренбургской пограничной комисіи 14 Июля 1884 года напечатано въ Полномъ Собраніи законовъ Россійской Имперіи. А дальѣйшее производство объ этой и другихъ Киргизскихъ школахъ заключается въ архивныхъ дѣлахъ бывшей Оренбургской пограничной комисіи. Я обратился къ Г. Тургайскому Военному Губернатору съ просьбой доставить мнѣ изъ архива Областнаго Правленія дѣла объ Оренбургской школѣ и потомъ о стѣнныхъ школахъ, и мнѣ любезно были доставлены сначала три дѣла объ Оренбургской Школѣ подъ №№ 31418, 31441 и 40665 и потомъ два дѣла объ учрежденіи школъ въ стѣнныхъ укрѣпленіяхъ подъ №№ 42720 и 47342. При этомъ, въ отношеніи отъ 20 Июля 1890 года за № 7410, Его Превосходительство Генералъ-Маіоръ Барабашъ увѣдомилъ меня, что онъ не имѣетъ прелестный къ напечатанію матеріаловъ, извлеченныхъ мною изъ дѣлъ той и другой почты.

Около 1868 года по новому положенію объ управленіи киргизами прежня восточная, средняя и западная части Оренбургской Киргизской Степи раздѣлились на двѣ области: Тургайскую и Уральскую; всѣ киргизскія школы перечислены въ ведомство Министерства Народнаго Просвѣщенія и отошли къ Казанскому Учебному Округу. Во главѣ Министерства и Учебнаго Округа стояли лица, обратившіе серьезное вниманіе на образованіе инородцевъ. По инициативѣ Министерства въ Учебномъ Округѣ началась переписка съ Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ объ устройствѣ и направленіи новыхъ киргизскихъ школъ съ примѣненіемъ къ нимъ установившихся къ тому времени въ Казани способовъ образованія инородцевъ и возникъ вопросъ о составленіи первоначальныхъ учебниковъ на киргизскомъ языкѣ и премѣненіи къ нему русской азбуки. Я испросилъ Дѣла этой переписки изъ канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа 20 Марта 1870 года, за

№ 42, и изъ канцеляріи Попечителя Оренбургскаго Учебнаго Округа за № 1263. Последнее дѣло началось въ Ноябрь 1870 года въ Казанскомъ Учебномъ округѣ, но впоследствии было передано въ Округъ Оренбургскій, послѣ его открытія. Отъ г.г. Попечителей учебныхъ округовъ Казанскаго и Оренбургскаго я получилъ разрѣшеніе къ напечатанію нѣкоторыхъ бумагъ, извлеченныхъ изъ того и другаго дѣла—отъ г. Попечителя Казанскаго въ предложениіи отъ 8 Декабря 1890 года, за № 6206, и отъ г. Попечителя Оренбургскаго въ отношеніи отъ 31 Декабря того же года, за № 4020.

Эти законоположенія и дѣла должны представить ясную и точную картину киргизскихъ школъ, но для большей наглядности я доискивался статьи объ Оренбургской киргизской школѣ художника А. Ф. Чернышева, въ весьма рѣдкомъ нынѣ изданіи Тимма «Русскій Художественный Листокъ». Ив. Ае. Вычковъ былъ такъ обязателенъ, что доставилъ мнѣ полный списокъ этой статьи съ иллюстраціями въ Императорской Публичной Библиотекѣ экземпляра названнаго изданія № 17 10 Юня 1853 года, а у меня еще раньше былъ рисунокъ къ этой статьѣ того же художника Чернышева.

Въ означенныхъ дѣлахъ Тургайскаго областного архива встрѣчается имя Алтынсарина, который и въ отеческихъ лѣтахъ отличался видно настойчивостію и самостоятельностью. Такъ въ 1850 году, когда киргизскіе мальчики, привезенные въ Оренбургъ, временно помѣщались на частной квартирѣ и открытіе Школы нѣсколько замедлилось, по просьбѣ дядитлѣтнаго Алтынсарина было оставленъ при немъ впредь до открытія Школы, съ производствомъ порціонныхъ денегъ, его дядька киргизинъ Джытбай Утеминовъ. Потомъ, когда ученики перешли въ казенное помѣщеніе и Школа открылась и когда по состоявшемуся журналу Пограничной Коммиссіи предположено было Утеминова отпустить въ Орду, Утеминовъ былъ опять оставленъ, при Школѣ, «покуда киргизскіе дѣти не свыкнутся съ настоящимъ положеніемъ»; однако Утеминовъ, безъ сомнѣнія по настоянію Алтынсарина, оставался при дѣтяхъ до окончанія имъ полнаго курса. Его постоянное, въ продолженіи семи лѣтъ, присутствіе въ Школѣ и то, что «питомцы

(какъ сказано въ журналѣ Пограничной Коммиссіи) со всеми своими нуждами обращались больше къ нему, какъ своему соплеменнику, чѣмъ къ приставленнымъ для надзора за ними татарскимъ унтеръ-офицерамъ, знающимъ русскій языкъ»,—все это, по моему мнѣнію, предохранило ихъ отъ окончательнаго обтатаренія, къ которому иначе должно было привести ихъ все устройство Оренбургской школы.

Но личный характеръ и нравственная фізіономія Алтынсарина живо рисуется въ его письмахъ, въ которыхъ онъ прямо и сильно выражалъ свои чувства и свое душевное состояніе. Въ этомъ отношеніи особенно интересны его первыя ко мнѣ письма 1860-хъ и первыя 1870-хъ годовъ, въ которыхъ выражаются его порывы къ свѣту образованія. У меня накопилось, какъ выше замѣтилъ я, довольно много его писемъ; но еще чаще писалъ онъ, болѣе въ дѣловомъ родѣ преимущественно объ школахъ, надъ которыми былъ назначенъ инспекторомъ, къ инспектору татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго Учебнаго Округа В. В. Катаринскому и къ учителямъ киргизскихъ школъ Тургайской области А. А. Мозохиному и Ѳ. Д. Соколову. Всѣ эти письма были любезно доставлены мнѣ въѣздѣ съ описаніемъ отношеній покойнаго инспектора къ учителямъ и школамъ и о послѣднихъ дняхъ его жизни.

И вотъ собралась у меня масса матеріаловъ, какъ о школахъ, такъ и о личности Алтынсарина.

Изъ такого богатаго матеріала художникъ составилъ бы прелестную картину, достойную своего предмета; я же, признаюсь, и не пытался сдѣлать что-либо подобное и рѣшился, въ видѣ предложенія къ моимъ Воспоминаніямъ, подлинникомъ напечатать документы и бумаги, какъ изъ Полнаго Собранія законовъ и всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣлъ, такъ особенно всѣ до единаго, мнѣ и другимъ адресованныя письма покойнаго Алтынсарина, въ которыхъ выразилась его прекрасная, благородная душа. Я не опустилъ даже относящихся ко мнѣ и къ другимъ вѣжливыя и почтительныя выраженія, поклонныя семейнымъ и т. п., хотя и не совсѣмъ бы уместныя въ печати, собственно для того, чтобъ виднѣ было,

как Алтынсаринъ вполнѣ владѣлъ обычаемъ и складомъ русской переписки, какъ отъ всѣхъ его писемъ вѣетъ русскимъ духомъ.

Приведу еще одинъ фактъ. Есть у меня двѣ картины: одна вышеупомянутая картина художника Чернышева, изобразившаго съ натуры—Оренбургскую киргизскую школу и ея питомцевъ въ первомъ ихъ видѣ; вторая картина—фотографическая группа 1889 г., представляющая Алтынсарина съ киргизскими учениками Костановской школы. На первой картинѣ изображены пять сценъ: 1) одежда воспитанниковъ (парадная, зимняя, лѣтняя, зимній кафтанъ и малахай), 2) спальня воспитанниковъ (роскошныя койки и вся обстановка), 3) больница, 4) классный залъ: на главной стѣнѣ портретъ Императора Николая Павловича, воспитанники, по лѣвой отъ зрителя стѣны, сидятъ за партами въ два ряда, по четыре парты въ ряду и по четыре человѣка за каждой партией; всѣ они съ бритыми головами и въ тюбетейкахъ. У противоположной стѣны, на кафедрахъ въ креслахъ возсѣдаетъ мулла въ чалмѣ и съ длиннымъ жезломъ и около него, съ правой стороны, ученикъ читаетъ урокъ. На второй картинѣ 1889 года представлены сидящими въ рядѣ, справа уѣздный начальникъ русской полковникъ, слева инспекторъ Алтынсаринъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ; по сторонамъ того и другаго сидятъ два русскихъ учителя изъ воспитанниковъ Казанской учительской семинарии, за ними сидятъ ихъ помощники киргизы изъ воспитанниковъ Орской учительской школы,—учителя и ихъ помощники въ черныхъ сюртукахъ. Сзади этихъ сидящихъ стоятъ киргизскіе ученики старшаго класса, а спереди сидятъ на полу киргизскіе же ученики младшаго класса,—тѣ и другіе въ сѣрыхъ блузахъ и съ волосами. Явная разница между тѣмъ до излеченія обтатареннымъ состояніемъ, въ которомъ прошли годы начальнаго образованія Алтынсарина, и между этимъ, совершенно обрусѣлымъ и какимъ-то яснымъ и открытымъ видомъ, до котораго довела киргизскія школы Алтынсаринъ.

Всѣмъ Начальствующимъ и официальнымъ лицамъ, сообщившимъ мнѣ исчисленные матеріалы и дозволившимъ напечатать ихъ, а равно достопочтенной вдовѣ Алтынсарина—опекувшій надъ его имуществомъ и его корреспондентамъ, изъявившимъ согласіе на

напечатаніе его и своихъ писемъ,—считаю своимъ долгомъ принести глубокую и искреннюю благодарность.

Мои Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ, сравнительно съ Приложеніями, весьма короткія, вмѣстѣ съ послѣдними да составить матеріалъ для исторіи первыхъ ступеней киргизскаго образованія. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть для нѣкоторыхъ любителей, а иныхъ могутъ интересовать и въ отношеніи этнографическомъ.

Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ.

Въ Октябрѣ 1858 года я прѣѣхалъ въ Оренбургъ съ намѣреніемъ поступить на службу въ Пограничную Коммиссію. Предсѣдателемъ Коммиссіи въ то время былъ ученый ориенталистъ профессоръ Василій Васильевичъ Григорьевъ, а въ числѣ совѣтниковъ Коммиссіи былъ мой товарищъ Алексѣй Александровичъ Бобровниковъ. Меня интересовалъ киргизскій языкъ, котораго въ Казани я не имѣлъ случая узнать, потому что о немъ не было ничего въ литературѣ. Я просилъ В. В. Григорьева открыть мнѣ доступъ къ архиву Коммиссіи, полагая, что въ ея перепискѣ должны быть бумаги, писанныя по-киргиски, но В. В. совершенно справедливо замѣтилъ, что во всей этой перепискѣ ни строки нѣтъ киргизской: искони установился обычай писать киргизамъ на татарскомъ языкѣ. Такой взглядъ установили, конечно, татары, бывшіе первыми посредниками между русскимъ правительствомъ и киргизской ордой и единственными почти до послѣдняго времени переводчиками и толмачами по киргизскому управленію. Не излишне замѣтить, что татарское вліяніе на отношенія русскихъ къ киргизамъ уже въ недавнее время закрѣплено такъ сказать документально въ географическихъ названіяхъ Степи; такъ напримѣръ, официально пишется Тургай, Кустанай, а по киргизски произносится: Торгай, Костанай.

В. В. Григорьевъ придумалъ для меня особый, живой способъ изученія киргизскаго языка. Онъ прикомандировалъ ко мнѣ троихъ киргизскихъ юношей: Кулубекова, Кусвакова и Вахтиярова, изъ перваго выпуска Оренбургской Киргизской Школы, которые, по окончаніи курса въ 1857 году, были по собственному прошенію оставлены при Пограничной Коммисіи для практическаго изученія дѣлопроизводства; они же дежурили поочередно при новыхъ ученикахъ Киргизской Школы. В. В. Григорьевъ написалъ по-русски бумагу, которую мнѣ поручилъ переложить при помощи этихъ киргизовъ на чисто-киргизскій языкъ. Это было правило о пенсіяхъ семействамъ киргизовъ, убитыхъ во время преслѣдованія возмущившагося Кенсары.

Киргизскіе толмачи и стали посѣщать меня каждый день для перевода. Къ нимъ скоро присталъ бывшій воспитанникъ Неплюевского кадетскаго корпуса молодой султанъ Баймухаметовъ, сынъ извѣстнаго султана-правителя западной части Баймухамета Айчувакова.

Во время своихъ занятій съ киргизскими юношами, я замѣтилъ, что въ Школѣ они сильно пропитались татарскимъ языкомъ. Не смотря на строгій наказъ Генерала (такъ киргизы называли предсѣдателя Пограничной Коммисіи — джанараль, а Генераль-Губернатора называли губернатъ) перевести его бумагу на чисто-киргизскій языкъ, они, особенно на первыхъ порахъ, постоянно сбивались на татарскіе формы и обороты и мнѣ немало труда стоило направить ихъ на киргизскій путь, выспрашивая каждаго изъ нихъ и выбирая изъ сказанныхъ ими выраженій и формъ такія, которыя бы менѣе походили

на татарскія. Но мало-по-малу родной языкъ вступилъ въ свои права и въ нашихъ переводахъ стали являться самостоятельныя и удачныя киргизскіе обороты.

Черезъ этихъ же юношей я познакомился съ Киргизскою Школою. Съ самаго начала меня привлекъ въ нее во время своего дежурства Вахтияровъ. Это былъ ловкій и изящный молодой человекъ, бронетъ, смягченнаго киргизскаго типа, хорошо дѣлалъ гимнастику, танцевалъ, игралъ на скрипкѣ, — и все это самоучкой.

Первые организаторы Школы постарались дать ей чисто татарскую, мусульманскую обстановку: прислуга была татарская, кушанья татарскія; ученики брили голову, совершали обычныя омовенія, праздновали пятницу, а по воскресеньямъ учились магометанскому закону и татарскому языку. На мѣсто перваго надзирателя коллежскаго секретаря Венгржиновскаго, былъ назначенъ почти съ самаго открытія ученія коллежскій совѣтникъ Кукляшевъ, преподаватель восточныхъ языковъ въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, татаринъ, мусульманинъ. Съ нимъ киргизы прошли почти весь свой школьный курсъ. Года за полтора до перваго изъ Школы выпуска поступилъ въ надзиратели Дыньковъ.

Дыньковъ былъ коренной русскій человекъ; онъ получилъ образованіе въ Неплюевскомъ училищѣ и былъ товарищемъ Льву Николаевичу Плотникову, который впоследствии, сдѣлавшись товарищемъ предсѣдателя Пограничной Коммисіи и попечителемъ Киргизской Школы, доставилъ ему мѣсто надзирателя послѣдней. Дыньковъ долго служилъ въ Орской тамождѣ, гдѣ постоянно былъ въ сношеніяхъ съ киргизами, сартами и татарами, и

глубоко проникъ въ природу восточныхъ людей и ордынцевъ. У него были жена и дѣти, которые одѣвались и держали себя очень прилично, а самъ онъ держалъ себя попросту, былъ небольшого роста, рабоватый, невзрачный, но очень практичный и дѣльный человѣкъ и притомъ патриотъ. Онъ полюбилъ киргизятъ, былъ знакомъ съ родителями нѣкоторыхъ изъ нихъ; ему не понравилась татарская обстановка Школы и онъ постепенно старался ее вывести. Ученики ходили съ бритыми головами: новый надзиратель нашелъ, что для нѣкоторыхъ неудобно и вредно брить голову, да это не составляетъ непремѣнную обязанность магометанства, и онъ отдалъ на волю учениковъ—кто хочетъ, пусть брѣтется, а кто не хочетъ, можетъ отпустить волосы, — всѣ ученики отпустили волосы. Въ передней школы стоялъ огромный тазъ съ кулганами для омовеній. Дыньковъ замѣтилъ, что это нечистоплотно и можетъ не понравиться начальству. Онъ велѣлъ вынести тазъ съ кулганами въ баню, находя ее болѣе приличнымъ мѣстомъ для омовеній, — сразу прекратились омовенія. Настала ураза — магометанскій постъ, когда цѣлый день воздерживаются отъ пищи и питья и ѣдятъ по ночамъ. Дыньковъ нашелъ это неудобнымъ для казеннаго заведенія, рискованнымъ для здоровья воспитанниковъ, для которыхъ, какъ для несовершеннолѣтнихъ и несамостоятельныхъ, нельзя считать обязательнымъ строгое соблюденіе поста: онъ приказалъ готовить кушанье въ обычное время, а если кто изъ воспитанниковъ пожелаетъ поститься, для того къ ночи оставлять холодное кушанье—ураза прекратилась. Дыньковъ прекратить и еженедѣльные по пятницамъ хожденія киргизятъ въ

мечеть. Мулла, преподававшій въ Школѣ магометанскую вѣру, высказывалъ нѣкоторыя неудовольствія на всѣ эти распоряженія надзирателя, но послѣдній, не дѣлая прямыхъ возраженій на магометанскую вѣру, представлялъ свои случайныя и житейскія основанія и, чтобы окончательно не раздражить муллу и не довести дѣло до вышательства начальства, онъ снарядилъ и велѣлъ проводить всѣхъ киргизскихъ воспитанниковъ въ мечеть на праздникъ Гаитъ, съ коврами, подъ охраною татарскихъ дядекъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Одну только пятницу не могъ своими средствами искоренить Дыньковъ, а крѣпко она была ему не по душѣ. Въ пятницу киргизскіе ученики освобождались отъ занятій и получали отпускъ, а въ воскресенье они учились и не пользовались никакимъ отпускомъ. Это бы само по себѣ еще не имѣло большаго значенія; но это по неволѣ сближало воспитанниковъ Киргизской Школы съ магометанами, съ татарами, а болѣею частію съ хивинцами и бухарцами, которыхъ множество въ Оренбургѣ, и напротивъ удаляло отъ русскихъ домовъ и семействъ, гдѣ бы киргизскіе дѣти могли усвоить русскую рѣчь, здравья понятія и добрые житейскіе обычаи. Человѣкъ пожилой и опытный въ жизни, притомъ домосѣдъ, Дыньковъ цѣлые вечера постоянно проводилъ съ киргизскими учениками, съ которыми ему пришлось жить только одинъ годъ. Онъ велъ съ ними бесѣды о ихъ семействахъ и домашнихъ обстоятельствахъ, вообще о предметахъ житейскихъ, высказывалъ свои предположенія и совѣты, какъ, по выходѣ изъ школы, должны они жить въ Степи и вести свои дѣла житейскія и служебныя, онъ

вызывалъ и ихъ къ высказыванію своихъ мыслей и предположеній. Главная цѣль этихъ бесѣдъ была упражнять воспитанниковъ въ русскомъ разговорѣ, въ которомъ они были довольно слабы, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были западать въ молодые души и нѣкоторые русскіе взгляды и понятія. Я познакомился со Школой, когда минуло лишь года два со времени поступленія въ нее Дынькова, но нашелъ Школу съ достаточно обрусѣлою наружностью, а троихъ практикантовъ и репетиторовъ (Кулубекова, Кучербаева и Вахтіярова) хорошо владѣющими русскою рѣчью и сочувственными къ русскому обществу и русской жизни.

Приведу еще одинъ случай относительно Киргизской Школы. Мои компаньоны разъ высказали мнѣ свое сожалѣніе, что они не умѣютъ танцовать, и присовокупили, что вотъ-де въ Школѣ учатъ гимнастикѣ, которая ни къ чему не пригодна; гораздо лучше было бы вмѣсто гимнастики обучать танцамъ. Договорились до обученія киргизскихъ дѣтей танцамъ, только боялись надзирателя. Впрочемъ успокоились на той мысли, что старикъ вѣроятно не замѣтитъ и не догадается, или въ крайнемъ случаѣ пожурить немного, не придавши дѣлу большого значенія. Вахтіяровъ явился исполнителемъ этой мысли. Дыньковъ хотя зналъ впередъ замыселъ, но долго показывалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Тогда, кромѣ двухъ учениковъ третьяго класса, вся Школа состояла изъ перваго только класса въ числѣ 28 мальчиковъ отъ 11 до 13 лѣтъ. Киргизята очень ловки, они скоро усвоили разныя танцы, и это искусство, введенное сначала контрабанднымъ путемъ, было принято попечителемъ

Школы спусходительно, какъ невинная забава. Къ сожалѣнію Дыньковъ, страдавшій какою-то хроническою болѣзнію, умеръ около 1860 года, и на его мѣсто назначенъ былъ изъ чиновниковъ Пограничной Коммисіи русской челоувѣкъ, точный исполнитель формальныхъ правилъ и опытный хозяинъ, но сухой, какъ воспитатель, — при немъ едва ли могла процвѣтать Киргизская Школа.

Въ 1859 году снарядилась экспедиція для съемки восточнаго берега Каспійскаго моря, начиная почти отъ Мангышлака до Персидской границы, подъ командою полковника генеральнаго штаба Виктора Дезидерьевича Дандевиля. Эта экспедиція продолжалась съ 1-го Мая до Октября. Я былъ назначенъ въ нее въ качествѣ толмача при сношеніяхъ съ туркменцами. Памятникомъ моего участія въ этой экспедиціи осталось нѣкоторое, очень малое, количество матеріала туркменскаго языка.

Когда по возвращеніи въ Оренбургъ явился я къ В. В. Григорьеву, я засталъ у него Ибрагима Алтынсарина, изъ воспитанниковъ перваго выпуска Киргизской Школы. По окончаніи курса онъ уѣзжалъ въ родной аулъ и тамъ состоялъ при своемъ дѣдѣ, извѣстномъ бѣ Валгоджѣ, который отличался мудростію своихъ рѣшеній и необыкновенной тучностью. Онъ собственно позаботился объ образованіи своего внука: при первомъ извѣстіи объ открытіи Киргизской Школы записалъ его, пятилѣтняго ребенка, въ кандидаты. Григорьевъ высоко цѣнилъ бѣ Валгоджу и ради него любилъ Алтынсарина, который впрочемъ и своими личными качествами и дарованіями вполне заслуживалъ расположеніе Генерала. И такъ я встрѣтился съ Алтынсаринимъ у В. В. Григорьева.

В. В. познакомил насъ, отрекомендовавши мнѣ Алтынсарина въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ послужномъ спискѣ Алтынсарина сказано: „въ службу вступилъ 1-го Августа 1859 года младшимъ толмачомъ Областнаго Управленія“. Въ тому времени киргизы Оренбургскаго вѣдомства изъ вѣдѣнія Азіатскаго Департамента перечислены были въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и составили область, а Пограничная Комmissія переименована въ Областное Управление Оренбургскими киргизами; весь составъ Пограничной Комmissіи остался и въ Областномъ Правленіи, только предсѣдатель получилъ названіе управляющаго, В. В. Григорьевъ собственно имѣлъ въ виду образованіе Алтынсарина, пользуясь его неутолимою любознательностью. Онъ назначилъ его состоять при себѣ какъ толмача, когда являлись по дѣламъ службы или съ просьбами киргизы. Алтынсаринъ каждый день съ 9 часовъ до 3-хъ находился въ приемной комнатѣ (въ залѣ) квартиры Управляющаго; за этой комнатой былъ кабинетъ В. В. Григорьева— обширный, съ большими по стѣнамъ полками, уставленными массою книгъ. У него была богатая бібліотека и не мало было книгъ на русскомъ языкѣ. Григорьевъ давалъ Алтынсарину книги, и онъ по дѣльмъ утрамъ читалъ ихъ, отрываясь лишь рѣдкими случаями посѣщенія киргизовъ или русскихъ чиновниковъ: о послѣднихъ онъ долженъ былъ докладывать Управляющему, а киргизамъ служить переводчикомъ. Читая русскія книги, Алтынсаринъ, по совѣту В. В. Григорьева, писалъ въ особую тетрадь неизвѣстныя ему русскія слова, представлялъ эту тетрадь В. В.—чу, который вписывалъ къ каж-

дому слову значеніе кратко и точно. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Но неутомимый Алтынсаринъ добывалъ себѣ литературные журналы, читалъ ихъ по дѣльмъ ночамъ, выбирая неизвѣстныя слова и чрезъ недѣлю приподнесъ В. В.—чу толстую тетрадь, исписанную словами, почти все иностранными, которыми пріизобилуетъ новая журналистика. В. В. прогналъ его съ этой тетрадью, и долженъ былъ бѣдный юноша прибѣгнуть ко мнѣ. Эта тетрадь завязала мое съ Алтынсаринымъ знакомство крѣпкимъ узломъ, составивъ предметъ и матеріалъ для нескончаемыхъ разговоровъ. Алтынсаринъ являлся ко мнѣ каждый вечеръ часамъ къ семи и просиживалъ часовъ до двѣнадцати. Бесѣды наши главнымъ образомъ состояли въ объясненіи словъ. Я не ограничивался переложеніемъ иностранныхъ словъ на русскія, но, не стѣняясь временемъ и не скупясь рѣчами, распространялся въ объясненіи понятій, особенно когда доходила очередь до техническихъ терминовъ. Нужно отдать справедливость Алтынсарину, что онъ съ большимъ терпѣніемъ переносилъ мое многорѣчіе. Какъ симпатичнѣйшій юноша, Алтынсаринъ сдѣлался пріятнымъ гостемъ въ моей семьѣ. Когда В. В. Григорьевъ узналъ о нашихъ вечернихъ вандаціяхъ, между тѣмъ Алтынсаринъ перечиталъ всѣ русскія у него книги; тогда онъ уволилъ Алтынсарина отъ постояннаго при немъ дежурства, и этотъ мочь проводить у насъ дѣльня утра. У насъ въ это время гостила одна молодая госпожа. Съ утра до обѣда дамы занимались рукодѣліемъ, а Алтынсаринъ читалъ имъ книги художественнаго содержанія. Когда онъ ошибался въ удареніи или встрѣчалъ неизвѣстное ему слово, слушательницы его поправляли и

объясняли; чтение перемишлявалось постоянно съ разговоромъ. Мало по-малу Алтынсаринъ такъ свыкъся и сдружился съ нами, что принявъ наше предложеніе оставаться обѣдать, хотя онъ былъ въ высшей степени застѣнчивъ и совѣстливъ. Случалось нерѣдко, что онъ уходилъ отъ насъ послѣ обѣда, чтобы дать мнѣ отдохнуть, и приходилъ опять вечеромъ.

Иногда въ утреннее время Алтынсаринъ уходилъ въ Областное Правленіе на службу. Разъ совѣтникъ поручилъ ему перевести небольшое предписаніе въ Орду. Алтынсаринъ перевелъ на чисто-киргизскій языкъ; но такъ какъ онъ былъ младшій толмачъ, то его переводъ долженъ былъ подписать старшій переводчикъ; этотъ съ негодованіемъ зачеркнулъ весь переводъ Алтынсарина и вмѣсто него написалъ по-татарски. Алтынсаринъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ съ великимъ огорченіемъ. Въ другой разъ случилось другаго рода приключеніе. Утромъ Алтынсаринъ былъ по службѣ въ Областномъ Правленіи. По окончаніи присутствія, когда нужно было идти обѣдать, ему показалось, что онъ сытъ, а всего вѣрнѣе — онъ стѣснился придти къ намъ на обѣдъ. Онъ пошелъ къ себѣ на квартиру, гдѣ не было ничего приготовлено, притомъ же домъ былъ татарскій, а въ то время была ураза. Алтынсаринъ къ вечеру сильно проголодался, улегся на кровать и предался воздержанію. Вдругъ слышитъ запахъ пельменей; его беретъ любопытство, и онъ сталъ разыскивать. Обонаніе скоро довело его до чашки съ пельменями подъ кроватью. У него жилъ, въ родѣ слуги, киргизинъ съ родины, молодой человекъ, усердный магометанинъ. Этотъ держалъ уразу

и заготовилъ себѣ пельменей, которыми думалъ разговѣться послѣ заката солнца. Его въ это время не было дома. Алтынсаринъ смотритъ на пельмени съ любопытствомъ, потомъ съ вожденіемъ; взялъ онъ одинъ пельмень, съѣлъ, какъ бы ради пробы, потомъ другою, потомъ третій; потомъ, чтобы соблюсти справедливость, раздѣлилъ все пельмени, сколько ихъ было, пополамъ, и скоро проглотилъ свою половину. Наконецъ сталъ брать все по одному да по одному, такъ что кончилъ все пельмени, покрылъ салфеточкой и поставилъ подъ кровать, а самъ съѣлъ въ сторонку, какъ ни въ чемъ не бывало. Послѣ солнечнаго заката и послѣ молитвы въ мечети киргизскій постникъ приходитъ въ комнату и прямо подъ кровать; Алтынсарину стало очень жаль, что онъ оставилъ на цѣлую ночь своего сожителя голоднымъ.

Выше я означилъ главный и, такъ сказать, начальный предметъ нашихъ съ нимъ разговоровъ; попадались другія темы и наши бесѣды могли разнообразиться, но только всегда онъ былъ энергиченъ и душевенъ. Любопытность Алтынсарина и его горячность невольно возбуждали и во мнѣ словоохотливость; но впрочемъ это было назадъ тому ровно тридцать лѣтъ, когда я долженъ былъ чувствовать себя бодрѣе и жизнннѣе. Въ тѣ годы нѣсколько разъ возили почетныхъ киргизовъ въ Петербургъ, чтобы „показать имъ величіе и славу имперіи“. Для сопровожденія ихъ командировались чиновники: комиссаръ, какъ главный руководитель, помощникъ ему и переводчикъ. Во всю дорогу киргизскимъ представителямъ оказывался почетъ и доставлялись всякія удобства. Въ Петербургѣ больше недѣли

возили ихъ представляться Государю и членамъ Царской Фамиліи, съ визитами къ министрамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, показывали библіотеки и разныя любопытныя учрежденія, театры, военные разводы и пр. и пр. Голова шла кругомъ у непривычныхъ къ такому коловороту степняковъ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга ихъ жаловали чинами, медалями и роскошными кафтанами; но они рады были, когда возвращались въ свою широкую степь. И здѣсь на всѣ разспросы любопытныхъ киргизовъ положительно ничего не могли рассказать и только ограничивались однимъ словомъ: жаксы—очень хорошо. Вотъ разъ по случаю только-что возвратившейся изъ столицы подобной киргизской депутаціи мы разговорились съ Алтынсаринымъ объ этой депутаціи, о тѣхъ чудесахъ и диковинахъ, которыя ей показывали въ Петербургѣ; потомъ перешли къ разсужденію о томъ, сколько въ Петербургѣ есть разныхъ мѣстъ и способовъ образованія. Алтынсаринъ сталъ воображать, какъ было бы хорошо, если бы ему удалось попасть въ Петербургъ. Я сказалъ, что это очень возможно: на слѣдующій годъ по всей вѣроятности будетъ отправлена новая депутація, при которой онъ можетъ быть въ родѣ младшаго толмача; вмѣстѣ съ депутаціей и онъ представится Государю и осмотритъ всѣ замѣчательныя учрежденія. А такъ какъ въ такое короткое время трудно что нибудь усвоить и основательно понять, то онъ можетъ выпросить у Генерала рекомендательное письмо къ кому- нибудь изъ его петербургскихъ знакомыхъ, напр. В. В. Вельяминову-Зернову, который дастъ ему у себя пріютъ и познакомитъ его съ образованными

людьми или ввести въ такія мѣста, гдѣ онъ можетъ многое видѣть и многому научиться. Наши планы были возможныя и быточныя; Алтынсаринъ вдохновился и пошелъ на эту тему фантазировать съ полнымъ увлеченіемъ и восторгомъ. Долго онъ говорилъ объ этомъ, была уже полночь и онъ ушелъ ночевать. На другой день приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что онъ провелъ самую тяжелую ночь: лишь только онъ вернулся домой, ему пришла мысль, что его поѣздка въ Петербургъ не сбудется, что это невозможно, и чѣмъ восторженнѣе онъ фантазировалъ съ вечера, тѣмъ грустнѣе и мрачнѣе потянулись у него мысли на тему невозможно-сти, ему становилось все хуже и хуже, наконецъ онъ дошелъ до такого невыносимаго состоянія, что хотъ въ петлю лѣзть; измучился, почти цѣлую ночь не спавши.

У Алтынсарина что-то такое было въ организмѣ не совсѣмъ здоровое, онъ, напримѣръ, не имѣлъ на головѣ волосъ, по случаю особой болѣзни (по киргизки—*таз*), поэтому постоянно носилъ парикъ. Онъ слишкомъ былъ воспримчивъ и часто подвергался сильной тоскѣ, которую называлъ хандра. Участіе къ нему глубоко его трогало и привязывало; а малое недоразумѣніе или одиночество могло повергать его въ разочарованіе и почти въ отчаяніе.

Все это наше знакомство и всѣ разговоры вмѣщаются въ зиму 1859—60 года.

Въ 1860 году съ разрѣшенія Оренбургскаго Генералъ-Губернатора Катенина, съ уральскихъ казачьихъ земель переходили въ Зауральскую степь до 2000 кибитокъ киргизовъ со скотомъ и всѣмъ имуществомъ. По-

водомъ къ этому переходу послужили жалобы уральцевъ на воровство и разные беспорядки, производимые будто-бы у нихъ киргизами, и они возбудили ходатайство, чтобы киргизовъ съ земель казачьихъ выселить за рѣку Уралъ. Это ходатайство было уважено—было разрѣшено переселить сначала до 1000 кибитокъ; потомъ какимъ-то образомъ прибавились еще переселенцы—разрѣшено переселить уже до 2000 кибитокъ. Но въ сущности къ этому переселенію присоединились киргизы Вукеевской орды, которые испугались и взволновались отъ учрежденныхъ въ Вукеевской ордѣ округовъ и новыхъ порядковъ, опасаясь, что ихъ хотятъ сдѣлать русскими—крестятъ и будутъ брать въ солдаты. Эта смута повела почти къ поголовному бѣгству Вукеевцевъ за Уралъ и подъ видомъ 2000 кибитокъ перешли туда тысячъ пять или болѣе. Чтобы переходъ произошелъ въ порядкѣ и безъ замѣшательства, назначено было нѣсколько пунктовъ на Уралѣ, гдѣ должны были переходить киргизы; здѣсь распоряжались и наблюдали чиновники казачьи съ депутатамъ со стороны Генераль-Губернатора. Въ зауральской Степи этимъ переселенцамъ нужно было назначить земли и урочища для зимовокъ приблизительно къ однородцамъ, чтобы предупредить могущее возникнуть столкновение и неурядицы. Для этого назначена была киргизская коммисія, подъ предсѣдательствомъ помощника правителя западной части Чулака Айбасова; къ этой коммисіи для наблюденія присоединены были отъ Областнаго Правленія я и киргизъ засѣдатель Мангысовъ. Я выѣхалъ изъ Оренбурга около 1-го Мая 1860 года, въ повозкѣ доѣхалъ до Илецкаго городка и Затонной

станции на Илекѣ; оттуда верхомъ на казачьей лошади въ ставку султана-правителя Тяукина на рѣкѣ Утѣ, по киргизски Чингырлау. Отсюда начались мои странствованія въ западной части зауральской Степи. Айбасова я не засталъ въ аулѣ: онъ былъ уже на пропускномъ пунктѣ ниже Уральска, и мы съ Мангысовымъ поѣхали на соединеніе съ нимъ. Не стану, — ибо здѣсь неумѣстно, — рассказывать объ весьма интересной картинѣ повальнаго перехода киргизъ черезъ Уралъ по живымъ мостамъ, настланнымъ на бударкахъ (казачьи лодки) и о нашихъ потомъ разѣздахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Степи. Наша коммисія, прибывши на какое-либо зимовочное урочище и взявъ съ собою мѣстныхъ понятыхъ, обозрѣвала земли, намѣчала границы для переселенныхъ сюда по числу кибитокъ, внесенныхъ въ списки на перепускныхъ пунктахъ. Прибыли мы въ кочевье Вайбактинскаго рода—аулъ старшины Абубекра Казыева. Это отъ Илецкаго городка верстъ за 150. День склонялся къ вечеру, я сидѣлъ въ кибиткѣ одинъ, на главномъ мѣстѣ противъ двери, —вдругъ съ неистовымъ крикомъ и воемъ—Николай Ивановичъ!!! вторгается, въ киргизскомъ чапанѣ и малахѣ, Алтынсаринъ. Онъ былъ очень взволнованъ, и насилу могъ успокоиться. Я несказанно обрадовался дорогому гостю, который привезъ мнѣ отъ жены доброе извѣстіе и гостинцы. Алтынсаринъ рассказалъ мнѣ, что по ходатайству и по проэктамъ В. В. Григорьева открываются въ зауральской киргизской Области четыре маленкихъ киргизскихъ школы: въ Троицкѣ, Оренбургскомъ укрѣпленіи (нынѣ Тургай), Уральскомъ укрѣпленіи (нынѣ Иргизъ) и еще гдѣ-то. Въ противополож-

ность дорогой и роскошной обстановкѣ Оренбургской Киргизской Школы, В. В. Григорьевъ придумалъ открыть нѣсколько школъ въ самой Стени самаго простаго и дешеваго устройства. Учителями въ эти школы назначены были киргизы, кончившіе курсъ въ 1857 году въ Киргизской Школѣ: Кулубековъ, Мунсызбаевъ, еще кто-то и Алтынсаринъ; послѣдній былъ назначенъ въ Оренбургское укрѣпленіе учителемъ школы и переводчикомъ при комендантѣ. Онъ долженъ былъ ѣхать на мѣсто своего назначенія раньше моего возвращенія въ Оренбургъ. Ему захотѣлось проститься со мною. Пока дѣло должно было ходить къ утвержденію, въ продолженіи 2—3 недѣль, Алтынсаринъ отпросился у В. В. Григорьева попить кумысу въ ставкѣ Чулака Айбасова, а собственно—чтобы повидаться со мною. Онъ направился въ аулъ Айбасова, чтобы тамъ узнать, гдѣ въ настоящее время находился Айбасовъ, а при немъ я. Свиданіе со мной онъ утаилъ отъ Василія Васильевича, потому, что боялся, что В. В. поопасся бы просрочки его, какъ склоннаго къ увлеченію.

Жена моя поручила ему кое-какіе гостинцы, и онъ пустился въ дорогу до аула Айбасова въ повозкѣ вмѣстѣ съ своимъ киргизомъ Досмухаметомъ; послѣдняго оставилъ въ аулѣ Айбасова, а самъ взялъ двухъ лошадей, переодѣлся въ киргизскій костюмъ и верхомъ о двуконь пустился по указанному пути разыскивать меня. Онъ почти безъ отдыха проскакалъ верстъ полтораста не останавливаясь. Когда онъ пріѣхалъ въ аулъ, и ему указали мою кибитку, онъ придумалъ войти въ мою кибитку и сѣсть на корточки у порога, какъ дѣлають киргизы,

являясь къ начальнику съ просьбою: киргизинъ войти въ кибитку, садится у порога на корточки и молча сидитъ, пока начальникъ спроситъ, что ему нужно. Такъ хотѣлъ явиться ко мнѣ и Алтынсаринъ, чтобы испытать, узнаю ли я его. Но лишь онъ увидалъ меня, невольно пришелъ въ такое волненіе, которое разразилось крикомъ и воплемъ. Тотчасъ разогрѣли самоваръ, и за чаемъ по прежнему пошли наши длинные и оживленные бесѣды и разспросы. На другой день мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали осматривать земли, на третій день его пригласили остаться въ аулѣ старшины Казыева и такъ усердно угощали кумысомъ, что онъ разстроилъ желудокъ. Чуть только онъ оправился, долженъ былъ ѣхать въ Оренбургъ, чтобы во время явиться къ Генералу.

Не даромъ Алтынсаринъ стремился повидаться и проститься со мною. Вернувшись въ Оренбургъ, онъ скоро ѣхалъ на Тургай, и мы не видѣлись съ нимъ лѣтъ шестнадцать.

Для открываемыхъ при степныхъ укрѣпленіяхъ маленькихъ киргизскихъ школъ Областное Начальство признано было прибрѣтать книги, мало или даже вовсе не подходящія къ начальному обученію киргизъ. Вотъ образцовая вѣдомость книгамъ для сельскихъ школъ на 25 учениковъ: 1) русская азбука, 2) татарская азбука вмѣстѣ съ грамматикой, соч. Векчурина, 3) русская грамматика, 4) ариметика, 5) русская христоматія для чтенія, 6) татарская книга для чтенія подъ заглавіемъ Абулгазы, 7) татарско-русскій словарь. Всѣхъ этихъ книгъ назначено по 25, по экземпляру на каждого ученика; цѣною русская азбука 35 коп., сочиненіе Векчу-

рина 1 руб. 40 коп., прочимъ пяти книгамъ, какъ сказано въ примѣчаніи, цѣны не извѣстны¹⁾. Надо замѣтить, что инныя книги поименованы наобумъ несогласно съ ихъ подлинными заглавіями и даже содержаніемъ. Татарская азбука Бекчурина есть „Руководство къ изученію арабскаго, турецкаго и персидскаго языковъ,“ составленное для учениковъ Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса, гдѣ авторъ былъ учителемъ восточныхъ языковъ; для киргизскихъ школъ эти языки были совершенно не нужны. Татарская книга для чтенія подъ заглавіемъ Абдулгазы — это есть обширное историческое сочиненіе Хивинскаго владѣльца Абдулгазы-багадур-хана, изданное въ Казани въ 1825 году, подъ редакціей академика Френа, на счетъ Графа Румянцева, подъ заглавіемъ: „Abulgasi Bahadur Chan, historia Mongolorum et Tartarorum. Folio. Kasan“. Сочиненіе важное для исторіи Золотой Орды и Средней Азии, но вовсе не пригодное для начальной школы и не имѣющее никакого отношенія къ киргизамъ; притомъ эта книга давно была библиографической рѣдкостью. Татарско-русскій словарь — для него даже не назначено число экземпляровъ. Это очевидно словарь Троянскаго, большой и неуклюжий и вовсе неспособный для начальныхъ школъ.

В. В. Григорьевъ озаботился еще въ 1861 году составленіемъ для степныхъ киргизскихъ школъ учебника русскаго языка. Когда осенью 1860 года я вернулся изъ степной командировки, В. В. Григорьевъ поручилъ мнѣ составить учебникъ русскаго языка для

киргизскихъ школъ, по русски и по киргизски. Пособій у меня подъ руками почти никакихъ не было: тогда и русская школьная литература была небогата. Я составилъ книжку подъ заглавіемъ: „Самоучитель русской грамоты для киргизовъ“, въ двухъ отдѣлахъ: въ первомъ, послѣ русской азбуки и немногихъ примѣровъ для чтенія, изложены грамматическія формы и правила въ видѣ разговоровъ и краткихъ предложеній; во второмъ отдѣлѣ было помѣщено нѣсколько статейъ разнаго, большею частію реальнаго содержанія. Этотъ самодѣльный мой русскій текстъ усердно перелагалъ на киргизскій языкъ Бахтияровъ, — Алтынсарина я уже не засталъ въ Оренбургѣ. Бахтияровъ перелагалъ постоянно подъ моимъ наблюденіемъ; онъ писалъ киргизскій переводъ татарскими буквами, хотя В. В. Григорьевъ мнѣ и совѣтовалъ, поручая эту работу, писать киргизскій переводъ русскими буквами, и я уже понималъ научныя преимущества для киргизскаго языка русскаго алфавита предъ татарскимъ, но я не совладалъ съ этимъ дѣломъ и допустилъ обычный въ Степи алфавитъ татарскій, собственно арабскій. Когда я представилъ эту работу, уже оконченную, Василію Васильевичу, онъ пожалѣлъ и упрекнулъ меня, что я не послушался его совѣта, но не хотѣлъ вводить меня въ лишній трудъ — снова переписать всю тетрадь. Нужно сознаться, что я тогда не вполне понималъ практическую важность русскаго алфавита для инородческихъ языковъ. Самоучитель можно было печатать въ Оренбургѣ: въ типографіи штаба былъ арабско-татарскій шрифтъ, но я выпросилъ себѣ для напечатанія Самоучителя безденежную командировку въ

¹⁾ Примѣчаніе. Въ „Приложеніи“ страл. 116.

Казань, гдѣ мнѣ удобнѣе было напечатать нѣкоторые материалы для киргизскаго языка, собранные въ Оренбургѣ и въ Степи. Съ самаго прѣзда въ Оренбургъ, когда сталъ я заниматься съ киргизскими юношами, я часто выпрашивалъ киргизскія названія предметовъ по сортамъ, а частію случайно, при переводахъ и разговорахъ, попадались мнѣ неизвѣстныя изъ татарскаго языка слова киргизскія. Я ихъ записывалъ въ особую тетрадь и за двѣ зимы 1858—59 и 1859—60 годовъ у меня накопилось нѣсколько сотъ такихъ словъ, которыя однакожь не имѣли точнаго опредѣленія. Во время степной командировки лѣтомъ 1860 года, находясь постоянно среди киргизъ въ ихъ кочевьяхъ и обстановкахъ, я имѣлъ возможность не только приумножить свое собраніе киргизскихъ словъ, но и точно опредѣлить ихъ значеніе. Такимъ образомъ составилъ небольшую словарь киргизско-русскій, къ которому я придалъ, въ видѣ предисловія, краткій очеркъ не всей киргизской грамматики, но лишь ея особенностей отъ татарскаго языка. Кромѣ того зимой въ началѣ 1859 года, прослышавъ о извѣстномъ акынѣ (импровизаторѣ-сказочникѣ) въ западной части Марабаѣ, я просилъ В. В. Григорьева вызвать его въ Оренбургъ. Но здѣсь, не смотря на теплую квартиру и все казенное содержаніе, степной пѣвецъ чувствовалъ себя какъ птица въ клеткѣ и постоянно рвался изъ города: едва успѣлъ мнѣ Кулубековъ записать подъ диктовку Марабаѣ сказку Ирѣ-Таргынь, также татарскими буквами. Въ Казани я напечаталъ Самоучитель и Ирѣ-Таргына—отдѣльными брошюрками, а словарь киргизско-русскій, подъ заглавіемъ: „Материалы къ изученію

киргизскаго нарѣчія“ въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета, изъ которыхъ я получилъ сотни двѣ отдѣльныхъ оттисковъ. Эти книжицы и служили потомъ учебнымъ пособіемъ въ киргизскихъ школахъ.

Поѣздка моя въ Казань была въ Февралѣ 1861 г. Между тѣмъ въ Казанскомъ Университетѣ открылись двѣ восточныхъ кафедры—арабскаго и турецко-татарскаго языка. Я былъ выбалотированъ на вторую. Пока производилась переписка о перемѣщеніи меня изъ Оренбурга въ Казань, я вернулся въ Оренбургъ и оттуда окончательно переѣхалъ въ Казань въ Декабрѣ 1861 года.

Въ Оренбургѣ я имѣлъ слухи о житьѣ Алтынсарина въ Оренбургскомъ укрѣпленіи и изрѣдка писалъ ему. Алтынсаринъ попалъ въ укрѣпленіе въ самое неблагоприятное время. Комендантомъ укрѣпленія былъ нѣмецъ баронъ М., человекъ безхарактерный и мнительный. При немъ былъ одинъ казачій офицеръ и еще нѣсколько служащихъ. И въ этомъ малѣйшемъ обществѣ поднялись раздоры, партіи, сплетни другъ на друга; старались и Алтынсарина вовлечь въ эту кутерьму. А училище не открывалось, и Алтынсаринъ не имѣлъ занятій. Я писалъ ему—совѣтовалъ для упражненія въ русской рѣчи сблизиться съ какимъ-либо добрымъ офицеромъ изъ служащихъ въ укрѣпленіи, но не было рѣшительно подходящаго человека по случаю раздоровъ и смуты. Я посылалъ Алтынсарину нѣкоторыя книжки; разъ попалась какая-то описательная брошюра о киргизахъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ объ этомъ народѣ такой отзывъ: „киргизъ дикарь, колотырникъ, живетъ грабежемъ“ и т. д. Подобные отзывы о киргизахъ глу-

боко огорчали Алтынсарина. Живя безъ дѣла, видя кругомъ себя сплетни и интриги, не имѣя съ кѣмъ бы по душѣ побесѣдовать, Алтынсаринъ жестоко хандрилъ; по вечерамъ уходилъ на берегъ Тургая и смотрѣлъ въ безпредѣльную степь, пустынную и голую, предаваясь грустнымъ мыслямъ и мечтамъ. Къ счастью баронъ недолго оставался въ укрѣпленіи, и на его мѣсто назначенъ былъ комендантомъ Яковъ Петровичъ Яковлевъ Оренбургскаго корпуса топографовъ, человекъ вполне русскій, выросъ въ степи, въ постоянныхъ работахъ, человекъ умный, основательный и практической, зналъ характеръ киргизскаго народа, а главное былъ правилъ твердыхъ, честныхъ, разсудителенъ и не самолюбивъ. При Я. П. Яковлевѣ настали миръ и тишина. Онъ принималъ истинно отеческое участіе въ Алтынсаринѣ, извинялъ ему нетерпѣливыя и рѣзкія выходки, разрѣшалъ его сомнѣнія, давалъ практическіе и основательные совѣты. Чтобы болѣе сблизить Алтынсарина съ русскимъ обществомъ, Яковъ Петровичъ назвалъ его Иваномъ Алексѣевичемъ, и это имя осталось за нимъ до смерти. И даже назначилъ ему въ году день (6 Января) праздновать именины. И Алтынсаринъ постоянно исполнялъ этотъ русскій обычай: пекъ иманиннй пироги и принималъ отъ русскихъ своихъ знакомыхъ подарки—точь въ точь по русски. Алтынсаринъ глубоко уважалъ Якова Петровича и душевно былъ ему благодаренъ, какъ своему благодѣтелю и воспитателю.

Школа въ Оренбургскомъ укрѣпленіи нѣсколько лѣтъ оставалась не открытой. Но Алтынсаринъ частнымъ образомъ, въ своей квартирѣ, держалъ троихъ, а

потомъ четверыхъ киргизскихъ мальчиковъ, которыхъ по немногу и обучалъ грамотѣ. Наконецъ, школа формально и торжественно открыта 8 Января 1864 года, въ присутствіи всѣхъ чиновъ укрѣпленія и до 200 почетныхъ орданцевъ. Открытіе Школы отпраздновали, по народному обычаю, скачками и угощеніемъ; киргизы были въ восторгѣ, и сразу записалось 13 мальчиковъ, большею частью дѣти Султановъ и Почетныхъ биевъ. Отъ 16 Марта того года Алтынсаринъ писалъ маѣ: „8 Января совершилось давно ожидаемое мною открытіе школы, и поступили въ нее 14 киргизскихъ мальчиковъ, мальчиковъ славныхъ, смыслящихъ. Какъ голодный волкъ за барана, взялся я горячо за ученіе дѣтей и къ крайнему моему удовольствію мальчики эти въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ выучились читать и даже писать по русски и по татарски. Методу ученія я занялъ у Васъ“ и проч.

Поселившись въ Казани, я не разъ звалъ къ себѣ Алтынсарина погостить, познакомиться здѣсь съ людьми образованными и съ нѣкоторыми научными заведеніями и предметами, запасись книгами. Разныя препятствія и служебныя дѣла задерживали Алтынсарина въ укрѣпленіи. Но вотъ въ 1870-хъ годахъ началась переписка о составленіи алфавита для киргизскаго языка и о переложеніи на киргизскій языкъ учебниковъ. Въ 1873 году дѣло было доведено до того, что Министерство разрѣшило составить въ Казани комиссію съ тѣмъ, чтобы пригласить въ нее знающихъ русскій языкъ образованныхъ киргизъ. Оренбургскій Генераль-Губернаторъ назначилъ отъ Уральской области волостнаго упра-

вителя Ирджана Чулакова, „знающаго хорошо русскій письменный и разговорный языкъ, и отъ Тургайской области дѣлопроизводителя Тургайскаго уѣзднаго управленія Ибрагима Алтынсарина, который обращаетъ на себя вниманіе не только занятіями по служебной своей должности, но отчасти и особыми трудами по этнографіи киргизовъ, напечатанными въ Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла И. Р. Г. О.“ Коммиссія должна была собраться къ Ноябрью; но тутъ зачѣмъ-то дѣло замедлилось, а потомъ открытъ былъ Оренбургскій Учебный Округъ, и первый Попечитель онаго П. А. Лавровскій принялъ въ свои руки дѣло о составленіи киргизскихъ учебниковъ; въ русской азбукѣ онъ не допускалъ ни малѣйшихъ приспособленій къ инородческимъ звукамъ. Такъ поѣздка Алтынсарина въ Казань и не состоялась.

По предметамъ киргизскаго образованія Петръ Алексѣевичъ входилъ въ переписку со мною. Я ему рекомендовалъ Алтынсарина, какъ самаго способнаго киргизина для этого дѣла. Алтынсаринъ, по порученію Попечителя, составлялъ учебную книгу для киргизскихъ школъ, предположивъ ее въ двухъ частяхъ: первая часть, которая и напечатана русскими буквами въ 1879 г. подъ заглавіемъ: „Киргизская Хрестоматія. Книжка первая“, заключаетъ коротенькіе рассказы изъ киргизскаго быта. Во второй части составитель думалъ собрать статьи серьезнаго содержанія изъ географіи, исторіи, естествознанія, физики и т. п. Въ томъ-же году онъ напечаталъ „Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку“. — Краткій очеркъ русской грамматики. Это были его записки, по которымъ онъ пре-

подавалъ русскій языкъ въ школъ Оренбургскаго укрѣпленія.

Въ 1876 году Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Д. А. Толстой собрался обозрѣть Оренбургскій Учебный Округъ. Предполагая на мѣстѣ обсудить и приготовить средства и заведенія для образованія учителей для инородческихъ племенъ новаго округа, онъ заблаговременно велѣлъ и мнѣ явиться къ нему въ Уфу. Графъ по пути въ Оренбургскій округъ пріѣхалъ въ Казань 7 Сентября. Здѣсь къ нему являлись чины учебнаго вѣдомства на пристани.

Въ тотъ же день заѣхалъ въ Казань по пути въ Петербургъ Алтынсаринъ и остановился у меня. Свиданіе, послѣ 16 лѣтней разлуки, было для обоихъ насъ въ высшей степени пріятно; не знали мы, какъ наговориться. Алтынсаринъ прогостилъ у меня съ недѣлю. Онъ мнѣ подробно разсказывалъ о своемъ житьѣ въ укрѣпленіи, о своихъ занятіяхъ, объ отношеніи къ Якову Петровичу. Подъ командою честнаго и благороднаго Яковлева въ укрѣпленіи составилось дружное и благонравное общество, и на складочныя деньги, въ которыхъ участвовалъ и Алтынсаринъ, они выписывали много серьезныхъ и дѣльныхъ книгъ и журналовъ. Алтынсаринъ все это читалъ съ увлеченіемъ и такимъ путемъ приобрѣлъ значительное развитіе и знанія; русскимъ языкомъ овладѣлъ вполне. Между тѣмъ Алтынсаринъ продолжалъ сношенія съ киргизами, изъ которыхъ у него составилось тѣсное общество молодыхъ людей, ему сочувствующихъ и расположенныхъ къ русскому образованію. Когда въ 1868 году издано было Высочайше ут-

вержденное временное Положеніе объ управленіи киргизами, по которому Степь Оренбургскаго вѣдомства раздѣлена была на двѣ Области—Тургайскую и Уральскую и каждая область подраздѣлилась на уѣзды, тогда Алтынсаринъ, безъ сомнѣнія съ согласія, а можетъ и по совѣту, своего покровителя Я. П. Яковлева, изучивъ сначала самъ подробно новое Положеніе, пригласилъ къ себѣ своихъ киргизскихъ друзей и постарался разъяснить имъ смыслъ Положенія и благотворные виды Правительства для киргизовъ. Усвоивши основательное и твердое понятіе о значеніи новаго Положенія, эти киргизы развѣхались по ауламъ своего уѣзда и вездѣ старались разъяснить благотворное для киргизовъ значеніе новаго распоряженія Правительства. Послѣ такой подготовки, объявленіе и введеніе новаго Положенія въ Тургайскомъ уѣздѣ было принято народомъ съ довѣріемъ, мирно и спокойно, а въ другихъ мѣстностяхъ дѣло не обошлось безъ волненій. Съ открытіемъ Тургайскаго уѣзда, Я. П. Яковлевъ опредѣленъ Уезднымъ Начальникомъ, а Алтынсаринъ—письмоводителемъ Тургайскаго уезднаго управленія.

Я сообщилъ Алтынсарину, что я по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія долженъ явиться къ нему въ Уфу, быть можетъ проѣду и въ Оренбургъ. Конечно Министръ займется образованіемъ киргизъ. Если онъ заговоритъ со мною о киргизахъ и спроситъ, не знаю-ли я образованныхъ и дѣльныхъ людей въ Степи, которыми можно было-бы воспользоваться для руководства новыми киргизскими школами,—могу-ли я, спрашиваю Алтынсарина, указать на тебя? На это Ал-

тынсаринъ откровенно и задушевно сказалъ, что административныя и судебныя должности ему вовсе не по душѣ, а всегда онъ интересовался дѣломъ учебнымъ, и если бы Графъ допустилъ его къ участію въ образованіи киргизъ, это-бы составило верхъ его счастья. Мы условились, чтобы Алтынсаринъ вернулся въ Оренбургъ къ концу Сентября, когда Графъ Дмитрій Андреевичъ будетъ въ Оренбургѣ.

Алтынсаринъ отправился въ Петербургъ, гдѣ явился къ В. В. Григорьеву, который принялъ его съ пренею лаской и помогъ ему видѣть всѣ достопримѣчательности столицы.

Изъ Казани Графъ назначилъ ѣхать въ Пермскую губернію, оттуда спуститься по Камѣ до Набережныхъ Челновъ, отсюда на коняхъ посѣтить Мензелинскъ и Обривозовъ тамошнія учебныя заведенія, вернуться въ Челны и на Вѣльскомъ пароходѣ слѣдовать въ Уфу. Когда я вечеромъ 15 Сентября пріѣхалъ на Казанскую пристань Вѣльской компаніи, тамъ я узналъ, что Вѣльскій пароходъ Михаилъ долженъ принять изъ Челновъ Министра. Такимъ образомъ мнѣ пришлось отъ Челновъ до Уфы плыть вмѣстѣ съ Графомъ и П. А. Лавровскимъ, съ которымъ я прежде только переписывался, но не видѣлся.

На маленькомъ пароходѣ нерѣдко бывали вмѣстѣ въ рубкѣ: Графъ, Попечитель и я, и скоро представился мнѣ удобный случай доложить Графу объ Алтынсаринѣ. Разумѣется, я изобразилъ его съ одушевленіемъ; Петръ Алексѣевичъ подтвердилъ мой отзывъ, какъ человѣкъ лично знающій Алтынсарина. Я не опустилъ и

эту знаменательную случайность, что, не выдвинувшись со мною 16 лѣтъ, Алтынсаринъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Казань въ самый день проѣзда Графа, а также, что когда я высказалъ Алтынсарину свое предположеніе, что быть можетъ удалось бы мнѣ рекомендовать его Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, то онъ этой возможностью былъ приведенъ въ истинный восторгъ. Графъ Д. А. запомнилъ Алтынсарина.

Я вызывался только въ Уфу и хотѣлъ было оттуда прямо воротиться въ Казань, но П. А. Лавровскій просилъ Графа пригласить меня и въ Оренбургъ. Это была очень тягостная и непріятная поѣздка по случаю осенней слякоти, сырой и холодной погоды: насилу я добрался до Оренбурга, чуть не застрялъ на дорогѣ. Въ Оренбургѣ Графъ пробылъ четыре дня—ревисовалъ учебныя заведенія, обзрѣвалъ Оренбургскія достопримѣчательности, имѣлъ совѣщаніе вмѣстѣ съ Генералъ-Губернаторомъ объ образованіи киргизъ и о киргизскомъ алфавитѣ. Встрѣчаясь каждый день со мною, Графъ спрашивалъ, гдѣ Алтынсаринъ? Алтынсаринъ замѣшкался въ Петербургѣ и потомъ задержался на дорогѣ отъ Самары въ Оренбургъ, ибо желѣзная дорога еще не была открыта, а слякоть была страшная. За день до выѣзда изъ Оренбурга Графъ съ досадою спрашиваетъ меня, гдѣ Алтынсаринъ? Уже наканунѣ выѣзда Алтынсаринъ утромъ добрался наконецъ до Оренбурга и сейчасъ же отыскалъ меня. Это было часовъ въ 11 утра. Я доложилъ о немъ Графу. Но у него весь день былъ занятъ. Вечеромъ городское общество давало Графу въ Дворянскомъ Собраніи обѣдъ; онъ приказалъ представить ему Алтынсарина

въ его квартирѣ послѣ обѣда, въ 7 часовъ вечера. Въ назначенный часъ, когда Графъ только что возвратился изъ Дворянскаго Собранія къ себѣ на квартиру въ сопровожденіи Попечителя, я представилъ Алтынсарина Его Сіятельству. Графъ принялъ его очень благосклонно и даже любезно; Алтынсаринъ держалъ себя почтительно и вмѣстѣ съ достоинствомъ. Тутъ было порѣшено, что Министръ прислать его на учебную службу, когда начнутъ устроить систему киргизскаго образованія. На слѣдующій день Графъ выѣхалъ. Оренбургская желѣзная дорога была доведена только до Сакмары, ни въ городѣ еще не было проложено рельсовъ и устроено вокзала, ни по всему протяженію до Самары не было никакихъ приспособленій для пассажировъ, но строители дороги составили для Графа маленький поѣздъ изъ одного вагона перваго класса, одного вагона втораго класса и двухъ багажныхъ вагоновъ; въ одномъ былъ багажъ Графа, а въ другомъ разогрѣвали самоваръ. Чай пилъ и закусывалъ Графъ на ходу въ своемъ вагонѣ, а обѣдъ для него устроенъ былъ на половинѣ пути въ домѣ кого-то изъ дорожнаго начальства. Графа сопровождали начальникъ движенія, инженеръ и жандармскій офицеръ. При Графѣ были чиновникъ департаментскій и курьеръ. Меня Графъ взялъ съ собою и избавилъ меня отъ самой непріятной, продолжительной и слякотной поѣздки отъ Оренбурга до Самары; съ отличными удобствами, въ самомъ пріятномъ обществѣ, доѣхалъ я до Самары часовъ въ десять 4 Октября—памятный и торжественный для Казани день.

Алтынсаринъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора киргизскихъ школъ Тургайской Области съ 1 Сентября 1879 года. Когда началась рѣшительная переписка о назначеніи его на это мѣсто, онъ безъ сомнѣнія сталъ хлопотать объ устройствѣ училищъ, т. е. располагать киргизскія общества къ пожертвованію и ассигнованію суммъ на устройство школьныхъ помѣщеній. Были задуманы два рода училищъ: двухклассныя по одному на уѣздъ въ уѣздныхъ городахъ или центральныхъ въ уѣздѣ укрѣпленіяхъ, и волостныя, одноклассныя школы, въ средѣ кочевій самихъ киргизовъ. Алтынсаринъ находилъ нужнымъ начать съ двух-классныхъ училищъ, такъ какъ ихъ было всего четыре и можно было ихъ лучше устроить и лучше обставить мебелью и пособиями. Въ 1879 году открывалось два училища: въ Тургаѣ и Иргизѣ. Алтынсаринъ для обезпеченія хорошаго направленія и благосостоянія училищъ важнѣе всего прочаго считалъ учителей и потому главною своею заботою поставилъ, „присканіе способныхъ и дѣльныхъ учителей, могущихъ сразу повести учебную часть успѣшно и въ желаемомъ направленіи, такъ какъ теперь, когда только что полагается основаніе киргизскому образованію, практически разумное веденіе учебнаго дѣла представляется необходимымъ болѣе нежели когда либо въ другое время. Отъ дурнаго начала нельзя было бы и ожидать хорошихъ послѣдствій, а отъ успѣха нынѣшнихъ киргизскихъ учениковъ зависитъ и успѣхъ дальнѣйшаго распространенія русскаго образованія въ Киргизской Степи. Въ виду такихъ именно соображеній и не имѣя никакихъ другихъ возможностей привлечь въ

Степь способныхъ людей для занятія учительскихъ должностей, я осмѣливаюсь (писалъ мнѣ Алтынсаринъ) обратиться къ Вамъ, душевно сочувствовавшему киргизскому народу и какъ образователю учителей для инородцевъ, съ покорнѣйшею просьбою командировать ко мнѣ въ городъ Иргизъ и Троицкъ двухъ способнѣйшихъ и по возможности опытныхъ въ дѣлѣ преподаванія учениковъ, окончившихъ курсъ въ завѣдуемой Вами Семинаріи“.

Алтынсаринъ писалъ это въ официальномъ отношеніи отъ 5 Апрѣля 1881 года за № 43, а первыхъ двоихъ учителей для Иргиза и Тургай въ 1879 году прислалъ у меня телеграммой отъ 5 Сентября Инспекторъ В. В. Катаринскій. Но я увѣренъ, что во первыхъ обратился ко мнѣ онъ а не Алтынсаринъ, потому что послѣдній еще не успѣлъ получить бумаги о своемъ назначеніи и не считалъ себя въ правѣ входить въ сношеніе, какъ инспекторъ; во вторыхъ В. В. Катаринскій всегда былъ очень друженъ и единомышленъ съ Алтынсаринимъ, раздѣляя его давнишнія мысли объ образованіи киргизъ и о киргизскихъ школахъ и затребовалъ учителей изъ Казанской Учительской Инородческой Семинаріи безъ сомнѣнія по желанію Алтынсарина. Я назначилъ въ Иргизъ и Тургай кончившихъ курсъ въ 1879 году Семена Меркурьева и Ивана Григорьева изъ старо-крещеныхъ татаръ, въ томъ соображеніи, что они скорѣе усвоятъ киргизскій языкъ, на которомъ и будутъ удобнѣе объясняться съ своими учениками. Въ 1881 г. Алтынсаринъ уже самъ въ вышеприведенномъ отношеніи отъ 5 Апрѣля № 43, упомянувъ, что въ то время устрои-

лось уже четыре центральных училища в степных крепостях: Тургай, Актюбь, Иргизъ и Уртабай (последнее впрямь до окончания постройки здания оставалось еще в г. Троицкѣ), просилъ двоихъ учителей въ Иргизъ и Троицкъ. Я назначилъ туда изъ кончившихъ курсъ въ 1881 году, также изъ старо-крещеныхъ татаръ, Сергѣя Данилова и Ивана Спиридонова.

Въ томъ же 1881 году отъ 12 Августа за № 58 Алтынсаринъ просилъ меня командировать третьяго учителя для Актюбинской школы. Но такъ какъ въ укрѣпленіи Актюбѣ особое школьное зданіе будетъ строиться съ весны 1882 года и на него отпущена и сумма въ размѣрѣ 26 тысячъ, то школа года полтара временно будетъ помѣщаться въ 80 верстахъ отъ Оренбурга и въ 5 верстахъ отъ русской станицы Красногорской, въ зданіи магометанской медресы при мечети, построенной киргизами. „Въ виду того, что означенная временная школа года полтара будетъ находиться въ средѣ Киргизской волости и при школѣ будутъ обучаться и медресные ученики (въ особомъ зданіи), то было бы желательно, писалъ мнѣ Алтынсаринъ, имѣть здѣсь русскаго учителя болѣе опытнаго и самостоятельнаго, могущаго на сколько возможно, если не повлечь на киргизскія медресы, то по крайней мѣрѣ поддерживать достоинство и значеніе своей школы“. Къ счастью Актюбинской школы окончилъ тогда въ Семинаріи изъ русскихъ Арсеній Мозохинъ, крестьянинъ Ланшевскаго уѣзда, юноша весьма талантливый, характера расудительнаго, твердаго и отличной нравственности, и въ добавокъ очень благообразный и стройный по внѣшности и такъ

сказать степенно-сановитый. Его я и назначилъ учителемъ на такое трудное мѣсто, которое еще болѣе затруднялось тѣмъ, что онъ не зналъ ни сколько по татарски.

Алтынсаринъ не хотѣлъ открывать Актюбинскую школу равнѣ устройства собственнаго для нея помѣщенія, но настоялъ тогдашній военный Губернаторъ, полагаясь на силу административнаго вліянія своего на киргизскихъ старшинъ, которые ему обѣщали употребить все мѣры, чтобы ремонтировать и приспособить медресу для временнаго помѣщенія Актюбинской школы. Но Алтынсаринъ лучше понималъ характеръ обтатаренныхъ старшинъ, магометанскому фанатизму которыхъ тягостно было допустить школу русскаго характера. Когда Мозохинъ осенью прѣѣхалъ на Бурту, тамъ ничего не было готово, за ремонтъ и не принимались. Инспекторъ за нѣсколько сотъ верстъ; молодой человекъ готовъ былъ впасть въ отчаяніе. Но Алтынсаринъ съ такой заботливостью устроилъ всю школьную обстановку и даже необходимѣйшія вещи для учителя, прикомандировалъ къ Мозохину киргизина, который бы помогалъ ему въ языкѣ, а противъ разныхъ прощковъ и фанатизма муллъ Алтынсаринъ повелъ дѣло такъ осторожно и дипломатично, что и муллы устранились и медреса разсыпалась.

Въ 1883 году Алтынсаринъ просилъ еще русскаго учителя для Иргизскаго училища. Я назначилъ кончившаго тогда курсъ въ Семинаріи Федора Соколова, русскаго очень способнаго молодого человека. Но по какимъ то передвижкамъ учителей Соколовъ попалъ сначала въ гор. Троицкъ въ приходское училище; въ послѣдствіи

онъ былъ завѣдущимъ Иргизскимъ училищемъ, а потому—двух-класснымъ Костанаевскимъ. Въ слѣдующіе года Алтынсаринъ также постоянно обращался ко мнѣ для замѣщенія учительскихъ вакансій въ двух-классныхъ училищахъ. Такъ въ 1888 году были назначены: Алексѣй Кляичковъ въ Костанай и Василій Лапшинъ въ Актюбу.

Но съ особенной настойчивостью и любовью хлопоталъ Алтынсаринъ объ открытіи въ Тургаѣ, кро-мѣ двух-класснаго училища, особаго ремесленнаго училища въ честь заслуженнѣйшаго начальника уѣзда Якова Петровича Яковлева. 4 Октября 1881 года Алтынсаринъ писалъ мнѣ: „въ Тургаѣ задумали мы устроить особенную школу и наименовать ее, въ честь обожаемаго дѣдушки нашего, Яковлевой. На эту школу охотно жертвуютъ деньги богатые киргизы, и начальство соглашается на устройство ея. Въ Мартѣ будущаго года будетъ пятидесятилѣтіе Якова Петровича, и вотъ я намѣренъ приподнести къ этому дню ремесленную-то Яковлевскую школу“.

Этимъ оканчиваю свои воспоминанія объ Алтынсаринѣ. Я чуть намѣтилъ лишь главнѣйшія его черты и дѣйствія, но достаточно полагаю, чтобы послужить ключемъ къ чтенію его писемъ, въ которыхъ вполне отразились: его душа, его взглядъ на вещи, особенно его понятія объ образованіи киргизъ и горячее стремленіе къ просвѣщенію своего народа, его любовь къ учителямъ, которыми онъ очень дорожилъ, но не оставлялъ и безъ строгаго внушенія въ случаѣ недостатковъ. За то и учителя любили его какъ роднаго. Трогательныя свѣдѣнія о

смерти Ивана Алексѣевича, какъ они называли Алтынсарина и его симпатичная характеристика изложены въ письмахъ учителей ко мнѣ послѣ уже его смерти, помѣщенныхъ на страницахъ 374—388-й въ слѣдующихъ за симъ приложенияхъ.

Что содержится въ „ПРИЛОЖЕНІЯХЪ“.

	Страницы.
Высочайше утвержденное Положеніе о школахъ для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Комиссіи	3— 7
Переписка объ Оренбургской Школѣ: домогательство Пограничной Комиссіи расширить программу Школы и распоряженіе объ открытіи оной	8— 72
О принятіи киргизскихъ мальчиковъ въ Школу, объ окончаніи ими курса и первомъ выпускѣ	72— 86
Изъ статьи „Школа для киргизскихъ дѣтей въ Оренбургѣ“. Русскій художественный Листокъ, издаваемый Тиммомъ 1853 года	86— 95
Школы при стѣнныхъ укрѣпленіяхъ	96—157
Изъ переписки Учебнаго Вѣдомства объ основныхъ началахъ образованія киргизъ	158—194
Записка Военнаго Губернатора Тургайской Области Генералъ-Маіора Константиновича о побѣдѣ въ степь въ Январѣ мѣсяцѣ 1883 года и о введеніи русскаго алфавита для текста, писаннаго на киргизскомъ языкѣ.	195—201
Письма и бумаги И. А. Алтынсарина.	
1) Къ Н. И. Ильминскому	202—284
Записка Алтынсарина о киргизскихъ волостныхъ школахъ	263—273
2) Къ В. Вл. Катаринскому	284—343
3) Къ Ар. Ан. Мозолину	344—370
Предложеніе Инспектора Тургайской Области Завѣдующему Актюбинскимъ двух-класснымъ училищемъ отъ 12 Февраля 1883 г. за № 35	370—374

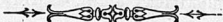
4) Къ <i>О. Д. Соколову</i>	389—396
Письма учителей объ Алтынсаринѣ: Ар. Ан. Мо- зохина о дѣятельности Алтынсарина по Актюбинской школаѣ, когда она временно помѣщалась въ медресѣ	374—383
<i>О. Д. Соколова</i> о послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти Алтынсарина	383—386
— Обь отношеніяхъ Алтынсарина къ школамъ и учителямъ и о его частной жизни	386—388

~~~~~

ПОПРАВКИ въ „Приложеніяхъ“.

На страницѣ 10, начиная съ 5 строки, до 22 включительно со словъ: „примѣняясь также не менѣе заботливо“... до словъ: „объ этомъ упомянуто съ приличными поясненіями въ § 18 прилагаемаго проекта,“—идетъ одинъ періодъ. Но на строкѣ 11, вѣсто запятой, точка разорвала связь рѣчи, и вторая неразрывная половнина періода начинается съ новой строки, какъ отдѣльная мысль. Это явный недосмотръ.

На страницѣ 34, строка 4, напечатано 1048 года, слѣдуетъ читать 1848 года.

Приложенія

къ

Воспоминаніямъ объ *И. А. Алтынсаринѣ*.

А.

ОРЕНБУРГСКАЯ ШКОЛА ДЛЯ КИРГИЗСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Высочайше утвержденное Положеніе о Школѣ для Киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Коммисіи.

§ 1. При Оренбургской Пограничной Коммисіи учреждается Школа на тридцать воспитанниковъ изъ киргизовъ.

§ 2. Главная цѣль учрежденія Школы, кромѣ распространенія между киргизами знанія русскаго языка и нѣкоторой грамотности, состоитъ въ приготовленіи способныхъ людей къ занятію по пограничному управленію мѣсть писмоводителей при султангахъ-правителяхъ и дистанционныхъ начальникахъ въ Ордѣ, а также къ исправленію и другимъ должностямъ, въ которыя исключительно назначаются киргизы.

§ 3. Школа состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Пограничной Коммисіи; ближайшее же наблюденіе за оною возлагается на товарища предсѣдателя, а за неимѣніемъ его, или въ случаѣ продолжительнаго его отсутствія, на одного изъ совѣтниковъ Коммисіи, по выбору предсѣдателя и съ утвержденія Оренбургскаго Военнаго Губернатора.

§ 4. При Школѣ состоятъ: надзиратель (имѣющій помѣщеніе въ домѣ, занимаемомъ Школою); учитель русскаго языка;

чистописанія и ариметики; учитель татарскаго языка и законоучитель магометанскаго исповѣданія.

§ 5. Порядок опредѣленія и увольненія поименованныхъ выше лицъ означенъ въ положеніи объ управленіи Оренбургскими киргизами (§§ 23, 24 и 25).

§ 6. Исправленіе должностей надзирателя, а также учителей при Школѣ, считается дѣйствительною службою.

§ 7. Надзирателю ввѣряется ближайшее завѣдываніе Школою и надзоръ за воспитанниками. Онъ выбирается преимущественно изъ отставныхъ военныхъ офицеровъ, или изъ гражданскихъ чиновниковъ, соединяющихъ нужныя для сего нравственныя и другія качества.

§ 8. При ученикахъ, для постояннаго за ними присмотра, находится два отставныхъ унтеръ-офицера, выбираемые изъ людей благонадежныхъ.

§ 9. Школа помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ Оренбургской Пограничной Коммисіи.

§ 10. Суммы на содержаніе воспитанниковъ и всей Школы, а также на жалованье лицамъ, при ней состоящимъ, опредѣлены штатомъ управленія Оренбургскими киргизами.

§ 11. На сумму, назначенную симъ штатомъ на отопленіе и освѣщеніе Школы, наемъ служителей и прочіе расходы, будутъ также относиться ремонтъ заведенія и покупка учебныхъ принадлежностей и учебныхъ пособій.

§ 12. Воспитанники принимаются въ Школу исключительно изъ однихъ киргизовъ, и преимущественно изъ такихъ, коихъ родители оказали услуги Правительству, или же известны по своей особенной оному преданности.

§ 13. Приемъ въ Школу воспитанниковъ дѣлается съ утвержденія предсѣдателя Пограничной Коммисіи.

§ 14. Никто изъ молодыхъ киргизовъ не принимается въ Школу безъ согласія на то ихъ родителей.

§ 15. Кромѣ опредѣленнаго симъ положеніемъ числа штатныхъ воспитанниковъ, находящихся на казенномъ содержаніи, могутъ быть принимаемы въ Школу, смотря по возможности, и сверхъ штата воспитанники, на собственномъ ихъ иждивеніи (но не иначе, какъ изъ киргизовъ-же), или же вольноприходящіе молодые киргизы, что все представляется ближайшему усмотрѣнію Пограничной Коммисіи.

§ 16. Возрастъ, для поступленія въ Школу, полагается отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ; срокъ-же ученію отъ шести до семи лѣтъ.

§ 17. Согласно съ самою дѣлю учрежденія сей Школы, предметы ученія въ оной суть слѣдующіе: а) русскій языкъ, б) чистописаніе, в) ариметика и способъ счисленія на счетахъ, г) татарскій языкъ, д) законъ магометанскій и е) составленіе дѣловыхъ бумагъ на русскомъ языкѣ.

§ 18. Отъ усмотрѣнія начальства зависить и распирить нѣсколько кругъ ученія, сообразуясь однако же съ главною дѣлю, изъясненною въ § 2.

§ 19. Въ содержаніи воспитанниковъ нужно, по возможности, примѣняться къ ихъ образу жизни въ Стенѣ, и для того въ лѣтнее время отправлять ихъ на кочанку въ одно изъ ближайшихъ и удобныхъ для сего мѣстъ, гдѣ за ними также должны быть приличныя присмотры.

§ 20. Одежда казенныхъ воспитанниковъ заведенія должна быть однообразная и примѣненная къ оубянію киргизовъ.

§ 21. Въ обязанности врача Пограничной Коммисіи входитъ также посѣщеніе и пользованіе больныхъ воспитанниковъ Школы, для коихъ, смотря по надобности, можетъ быть устроена

въ домѣ, занимаемомъ Школою, особая камера. Одержимыхъ тягою, или продолжительною болѣзнію, начальство можетъ переводить въ военный госпиталь.

Примѣчаніе. При самомъ приѣздѣ воспитанниковъ въ заведеніе обращается особенное вниманіе на состояніе ихъ здоровья, и для сего они должны быть предварительно свидѣтельствуемы врачомъ Коммисіи. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые еще не имѣли осы, при поступленіи въ Школу должны быть подвергнуты оспрививанію.

§ 22. Надзиратель представляетъ товарищу предсѣдателя (который есть какъ-бы попечитель киргизской Школы), или-же замѣняющему его совѣтнику, срочные рапорты и вѣдомости, по установленной формѣ, о состояніи Школы, поведеніи, а также успѣхахъ воспитанниковъ и т. п.; въ концѣ же года онъ представляетъ начальству годовой отчетъ о состояніи Школы по всѣмъ частямъ.

§ 23. Надзиратель ведетъ также установленныя книги расходамъ по суммамъ, на содержаніе Школы отсутствующихъ, и по окончаніи года представляетъ сіи книги въ Пограничную Коммисію, которая уже передаетъ ихъ потомъ на ревизію въ казенную палату.

§ 24. Пограничная Коммисія представляетъ какъ Оренбургскому Военному Губернатору, такъ и Азиатскому Департаменту, годовые отчеты о состояніи Школы (о числѣ воспитанниковъ, занятіяхъ ихъ и оказываемыхъ успѣхахъ, а также по хозяйственной части заведенія).

§ 25. Годичныя испытанія ученикамъ дѣлаются въ опредѣленное для сего, по усмотрѣнію начальства, время. Лучшимъ воспитанникамъ даются похвальные листы и другія приличныя награды.

§ 26. Распредѣленіе воспитанниковъ по должностямъ, по окончаніи ими курса ученія въ семь заведеній, будетъ зависѣть отъ распоряженій Пограничной Коммисіи, которая объ опредѣленіи ихъ доноситъ Военному Губернатору.

§ 27. Отличившимъ изъ воспитанниковъ, вышедшимъ изъ заведенія, Пограничная Коммисія ведетъ списокъ и имѣетъ ихъ въ виду для преимущественнаго замѣщенія ими открывающихся вакансій по пограничному управленію въ Ордѣ.

§ 28. Изъ нихъ, по усмотрѣнію начальства, могутъ быть избираемы и засѣдатели въ Пограничную Коммисію, но не прежде однако же, какъ когда они прослужатъ, по выходѣ изъ заведенія, по крайней мѣрѣ пять лѣтъ въ Ордѣ, при отличномъ тѣмъ поведеніи, засвидѣствованномъ мѣстнымъ киргизскомъ начальствомъ.

Полное Собраніе 3. Р. И. Собраніе второе. Томъ XIX. № 17999. 14 іюня 1844 г.

Штатъ Школы при Пограничной Коммисіи.

Надзиратель 1
Учитель русскаго языка, чистописанія и ариметики 1
Учитель татарскаго языка 1
Законоучитель магометанскаго исповѣданія 1
Учениковъ изъ киргизовъ 30
Имѣ въ линію 36
На службу 25
Отставныхъ унтеръ-офицеровъ, для присмотра за учениками 2
На отопленіе и освѣщеніе Школы, наемъ служителей и пр. расходы 1000
ИТОГО 36

Число людей	Имѣ содер. въ годъ сереб.		Въ какихъ классахъ		
	Одному.	Всѣмъ	По должностямъ.	По пенсіямъ	По мундирамъ.
Р. к.	Р. в.				
1		400	IX	IX	IX
1		250	X	IX	X
1		300	X	IX	X
1		100			
30		1080			
36		750			
25		160			
2	80	1000			
		3940			

Полное Собраніе 3. Р. И. Собраніе второе. Томъ XIX. Отдѣленіе второе. 1844 г., стр. 216.

Переписка объ Оренбургской Школѣ.
 I-му Оренбургскому Военному Губернатору. 16 Ап-
 рѣля 1847 года, № 6205¹⁾.

Пограничная Комиссія, почтительнѣйше поднося при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высочайшепроехидительства проектъ устава Школы для киргизскихъ дѣтей, учреждаемой на основаніи указа, даннаго изъ Правительствующаго Сената 14 іюня 1844 года Положеніе объ управленіи Оренбургскими киргизами, а также смѣтное исчисленіе на все потребности для первоначальнаго устройства этого учебнаго заведенія, — имѣетъ честь доложить, что руководясь § 18 Положенія о Школѣ, она проектировала въ прилагаемомъ уставѣ кругъ ученія нѣсколько расширенный — слѣдующими добавочными предметами: 1-ое, общими географическими познаніями съ самымъ близкимъ примѣненіемъ ихъ къ дѣлу образованія киргизскихъ мальчиковъ, 2-ое, начальную геометрію до планиметріи включительно, и 3-е, топографію съ черченіемъ. Пополненіе это Комиссіа соразмѣрила съ тѣми видами, что изъ воспитанниковъ, такимъ образомъ приготовленныхъ, могли-бы быть выпускаемы на службу ордынцы, способные вполнѣ дѣйствіи не только занимать, по Положенію, мѣста писмоводителей при султаняхъ-правителяхъ, или дистанционныхъ начальникахъ*), но и быть съ довѣренностію допускаемы сами къ должностямъ начальниковъ дистанцій въ Стенн, а въ случаѣ на-

¹⁾ Изъ Дѣла Оренбургской Пограничной Комиссіи. Отдѣленіе исполнительное. Столбъ 2-й. Архива № 31418.

²⁾ Мѣста, которыя собою еще не составляютъ особой важности потому, что султановъ-правителей въ Ордѣ только три; притомъ-же въ писмоводители къ нимъ могутъ быть безъ затрудненія, какъ и доселѣ, присылкаемы люди способные изъ русскихъ чиновниковъ, которыхъ не бесполезно было бы удерживать при правителяхъ преимущественно передъ азіатцами, и въ особенности передъ природными киргизами. (Принисла въ представленіи).

добности и помощниковъ правителей. Подобная степень образованія была бы имѣть полезною тѣмъ болѣе, что предстоящій комплектъ дистанционныхъ начальниковъ, въ сравненіи съ числомъ состоящихъ на счету Комиссіи ордынцевъ соответственно почетныхъ, способныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благонадежныхъ, — значительно обнорѣетъ, слѣдовательно въ выборѣ на эти должности людей вполнѣ достойныхъ, при ошутительномъ недостаткѣ кандидатовъ, начальство можетъ встрѣтить затрудненіе гораздо скорѣе, чѣмъ въ назначеніи къ нимъ писмоводителей, такъ какъ отъ послѣднихъ, которые не облекаются никакою распорядительною властію, кромѣ грамотности и точности въ веденіи своихъ дѣлъ по дистанціи, особенныхъ знаній не потребуется.

Таже дѣль побудила Комиссію къ предложенію, что не только не бесполезно, но даже необходимо было бы приготовить воспитанниковъ Киргизской Школы, въ возможной степени, также по части законовѣдѣнія, и что между прочими занятіями ихъ можно бы достигнуть и въ этомъ отношеніи успѣха, посредствомъ указанія имъ хоть на главнѣйшія государственныя постановленія, формы, слѣдственный порядокъ, и тому подобныя, для ежедневнаго руководства необходимыя, знанія, о которыхъ объяснено подробно въ § 27 представляемого проекта. Сверхъ того, Комиссія удержала въ виду, что воспитываемые въ Школѣ киргизскіе мальчики имѣютъ еще и то подразугибаемое назначеніе, чтобы осуществитъ собою благотворныя виды Правительства, черезъ распространеніе (по выпускѣ изъ заведенія) между со-
 племенниками первоначальнаго образованія, плоды котораго очевидно несомнѣны уже въ томъ отношеніи, что произведутъ людей полезныхъ для Орды своею службою. Для этого, принявъ въ соображеніе все обстоятельства Орды, а также положеніе ея съ нравственной стороны, и выключивъ, на основаніи этихъ мѣст-

ных данныхъ, въ образованіе киргизскаго юношества, Комиссія сочла неизлишнимъ также слегка ознакомить ихъ съ нѣкоторыми болѣе прочихъ усовершенствованными ремеслами и мастерствами; побудительныя къ тому причины изложены болѣе подробно въ § 15. Примвляясь также не менѣе заботливо и къ самому образу жизни молодыхъ ордынцевъ, изъ котораго они будутъ поступать къ несроднымъ занятіямъ въ Школу, не имѣющую ни по мѣстности своей, ни по другимъ неотвратимымъ причинамъ никакихъ средствъ къ тому, чтобы удовлетворить ихъ привычки къ тѣмъ самымъ потребностямъ и тѣмъ самымъ грубымъ прихотямъ, называемымъ, въ дикомъ быту киргизъ, выгодами свободной жизни.

Комиссія, по объясненіи съ своимъ штатнымъ медикомъ, для предупрежденія послѣдствій этой внезапной переменъ въ быту воспитанниковъ, которая могла-бы отразиться весьма неблагоприятно на ихъ здоровьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія въ нихъ кочевой природы, могущей не иначе какъ исподволь покориться новому жизненному порядку, — полагаетъ необходимымъ дать свободное развитіе ихъ организму посредствомъ гимнастики, маршировки, фрунтовой выправки, верховой ѣзды и т. п. тѣлесныхъ упражненій, какъ средствъ самыхъ натуральныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ; объ этомъ упомянуто съ приличными поясненіями въ § 18 прилагаемаго проекта.

Относительно представляемаго при семъ на благоумотрѣніе Вашего Высочайшаго Превосходительства смѣтнаго исчисленія, Комиссія долгомъ поставляеть объяснить, что по представившемуся въ прошломъ 1846 году случаю къ пріобрѣтенію изъ столицы прочной и улучшенной привилегированными мастерами работы, металлическихъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ для мебелированія и ежедневнаго въ классахъ и въ спальняхъ камерахъ

употребленія, а также вещей и снарядовъ вообще потребныхъ для внутренняго домашняго обихода, по распоряженію Предсѣдателя хозяйственныя принадлежности учебнаго заведенія, нужныя для Киргизской Школы, уже отчасти выписаны и доставлены изъ Москвы въ Оренбургъ. Предметы тѣ сдѣланы по заказу въ мастерскихъ и на фабрикахъ лицъ, пользующихся въ столицѣ довѣріемъ къ своему издѣлію, а также печатно извѣстныхъ по своимъ дѣламъ сравнительно умѣреннымъ, и расходъ на заготовленіе упомянутыхъ предметовъ отнесенъ на счетъ суммы, ежегодно штатомъ ассигнованной на содержаніе Киргизской Школы со дня приведенія въ дѣйствіе Высочайшимъ утвержденнаго о ней Положенія. Эта дѣйствительная издержка, сдѣланная по распоряженію Предсѣдателя изъ означеннаго источника впредь до полученія окончательнаго соизволенія, имѣла основаніемъ слѣдующіе экономическіе расчеты. Такъ какъ изъ кибиточнаго сбора (на счетъ котораго Высочайше повелѣно отнести единовременную издержку на первоначальное устройство Школы), по поводу возведенія въ Стену укрѣпленной, неожиданно употреблена значительная часть, — а между тѣмъ пенсіонный для киргизовъ капиталъ, въ который должествовала обращаться въ числѣ другихъ остатковъ сумма, ежегодно по штату ассигнуемая на содержаніе Школы еще не открытой, уже составилась въ немаломъ количествѣ (къ 1-му Апрѣля 1847 года его состояло въ билетахъ 40,200 рублей, наличными деньгами 596 рублей 15³/₄ коп. серебромъ), то чтобы не ослабить кибиточнаго сбора значительнымъ расходомъ на Школу, признано за выгоднѣйшее для казны отнести часть его на счетъ штатной суммы самой Школы; и это употребленіе направлено было къ видамъ сбереженія полезнымъ тѣмъ болѣе, что экстренное отчисленіе изъ кибиточнаго сбора (какъ на устройство укрѣпленной уже исполненное, такъ и на устройство

Школы, еще имѣющее быть исполненнымъ) могло бы само собою уравновѣситься посредствомъ этого, повидимому не безыгоднаго, замѣна суммою, которая однажды уже по Высочайшей волѣ для Школы опредѣлена. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ предметовъ школьной мебелировки, приобретенныхъ Коммисією изъ Москвы по распоряженію г. предѣдателя, какъ то: желѣзныя кровати, металлическіе приборы для умывальной (которая, по магометанскому обряду *омовенія*, составляетъ у азіатцевъ одну изъ болѣе цѣнныхъ и уважаемыхъ принадлежностей дома), и т. п., а также нѣкоторая собственно мебель въ азіатскомъ вкусѣ, по достоинству своему, какъ наружному, такъ и внутреннему, не могутъ быть не признаны болѣе чѣмъ за посредственные. При заготовленіи этихъ предметовъ имѣлось въ виду во первыхъ то, что въ Оренбургѣ, гдѣ недостатокъ въ искусныхъ мастеровыхъ людяхъ столь ощутителенъ, не возможно ни приобрести, ни тѣмъ болѣе заказать даже посредственную работу, въ особенности металлическую; во вторыхъ, что необыкновенная прочность, какъ извѣстно, бываетъ сопряжена немалое какъ съ болѣею или меньшею благовидностію, блескомъ, заботливою наружною отдѣлкою и т. п., что незначительный излишекъ, перемалаченный, какъ бы казалось съ перваго раза, за одну эту благовидность, относится самымъ выгоднымъ образомъ къ внутреннему достоинству предмета, — и если прибавилъ на него цѣности, то цѣность эта безошибочно окупается прочностію, легкостію, вѣстимостію, удобствомъ и прочими экономическими достоинствами мебели и утвари (столь необходимыми при ежедневномъ ихъ употребленіи) къ сбереженію вслѣдствіи издержекъ на ремонтъ, который не рѣдко при работѣ посредственной, требующей безпрерывныхъ починокъ и передѣлокъ, превосходить по простотѣ нѣсколькихъ лѣтъ самую цѣность предметовъ.

Вашему Высокопревосходительству извѣстно изъ донесеній Коммисіи (прошлыхъ 1845 и 1846 годовъ), сколькихъ убѣждений и выуженій стоило, чтобы успокоить ордынцевъ, между которыми распространились было слухи о предстоящемъ будто бы семействамъ ихъ насилиі со стороны начальства (Пограничной Коммисіи), предлагавшаго, какъ они толковали, брать ихъ дѣтей подъ видомъ Школы въ безсрочную военную службу и т. п. Ныгѣ, когда киргизскіе умы на этотъ счетъ успокоены и многіе изъ почетнѣйшихъ ордынцевъ съ полною довѣрчивостію рѣшились отдать своихъ собственныхъ дѣтей въ учрежденную здѣсь Школу, казалось-бы, по мнѣнію Коммисіи, разительную новизну этого заведенія и самаго довѣрія киргизъ (по ихъ понятіямъ столь высокаго) слѣдовало бы оправдать и даже нѣкоторымъ образомъ вознаградить посредствомъ приличнаго и заботливаго содержанія ихъ дѣтей, такъ чтобы на дикій взглядъ ордынцевъ заботливостъ эта отразилась выгодно на первый разъ впечатлѣніемъ наружнаго вида Школы. Сверхъ того, Вашему Высокопревосходительству столько извѣстна азіатскій нравъ киргизъ, притылающихся по мѣрѣ перваго впечатлѣнія къ каждой идеѣ и предмету по одному наружному виду, что Пограничная Коммисія надѣется, что Вы не изволите отвергнуть выше изложенныхъ мыслей ея относительно благовидности, доущенной въ первоначальномъ устройствѣ доселѣ единственной въ Имперіи Школы, предназначенной для осуществленія дальнѣйшихъ видовъ Правительства.

Также не благоугодно ли будетъ Вашему Высокопревосходительству снизить благосклоннымъ вниманіемъ еще и къ тому, что въ настоящее время комплектъ кандидатовъ, готовыхъ занять питатное число воспитанниковъ Школы, состоитъ болѣею частью изъ дѣтей почетныхъ ордынцевъ и нѣсколькихъ султановъ знат-

пѣйшаго киргизскаго происхожденія, пользующихся въ народѣ уваженіемъ, что Школа должна будетъ оставаться всегда открытою для принятія посѣтителей изъ ордынцевъ, кромя отцевъ воспитанниковъ, которые не преминутъ сами воспользоваться случаемъ убѣдиться въ признакахъ заботливости и почета начальства о дѣтяхъ главнѣйшихъ ихъ представителей, и наконецъ, что учебное азіатское заведеніе, возникшее въ отдаленной сторонѣ на краю Европы, неминуемо привлечетъ cadaго изъ случайныхъ посѣтителей Оренбургскаго края, въ Киргизскую Школу, составляющую собою статистическую новизну.

Къ этимъ убѣжденіямъ Пограничная Комиссія имѣетъ честь присоединить покорнѣйшую просьбу о томъ, не благоудно-ли будетъ Вашему Высокопревосходительству открытіе Киргизской Школы допустить 31 Августа текущаго года, такъ какъ это время могло бы быть самымъ удобнымъ въ томъ отношеніи, что киргизы отчасти уже прикочевываютъ въ половинѣ того мѣсяца къ линіи и могутъ еще по хорошему пути доставить къ этому сроку своихъ дѣтей, зачисленныхъ первыми кандидатами въ Школу, и сами присутствовать при торжественномъ открытіи, а также не благоволятъ-ли оказать съ своей стороны содѣйствіе и участіе къ приведенію прилагаемаго смѣтнаго исчисленія въ скорѣйшее дѣйствіе, чтобы Комиссія безостановочно могла успѣть къ испрашиваемому сроку окончательно заготовить все потребности хозяйственныя и учебныя для устройства Школы, въ особенности по заказу классной и проч. мебели, постельныхъ матрасовъ, одежды и бѣлья для воспитанниковъ. Въ заключеніе, Пограничная Комиссія вмѣняетъ себѣ въ обязанность присовокупить, что она сочла излишнимъ повторять здѣсь о причинахъ, задержавшихъ до сего времени открытіе Школы, такъ какъ причины тѣ извѣстны

Вашему Высокопревосходительству изъ ея отчета о занятіяхъ по управленію киргизами Малой Орды въ теченіи 1846 года.

ПРОЕКТЪ УСТАВА

Школы для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Комисіи.

§ 1. Цѣль учрежденія Школы, помѣщеніе ея, составъ, подчиненность, права членовъ ея и главныя ихъ обязанности, содержаніе и ремонтъ, образъ воспитанія дѣтей и все отчетность, опредѣлены Положеніемъ объ управленіи Оренбургскими киргизами, изданнымъ и положеніемъ о Школѣ, Высочайше утвержденными въ 14-й день Юлія 1844 года.

§ 2. Остается, согласно съ предназначеніемъ Школы, изобразить устройство ея въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, посредствомъ болѣе подробнаго означенія предѣловъ тому и другому.

Часть учебная.

§ 3. Кругъ преподаваемаго въ Школѣ этой ученія, соотвѣтствуя самой низшей степени учебныхъ заведеній, уравниваетъ ее съ училищами отчасти приходскими и уѣздными.

§ 4. Изъ сего слѣдуетъ, что основныя образъ преподаванія и классическіе авторы, — относительно русскаго языка, Арифметики и Геометріи (до планиметріи включительно) должны быть употребляемы тѣже, какіе обще приняты въ училищахъ уѣздныхъ. Впрочемъ избраніе методовъ также зависитъ отъ соображеній попечителя, который въ выборѣ ихъ прилагается къ способностямъ и понятіямъ молодыхъ киргизовъ.

Примѣчаніе. Хотя извѣстная метода Ланкастера (или способъ взаимнаго обученія) была-бы успѣшна для первоначальнаго приготовленія киргизскихъ мальчиковъ, потому что ученіе

по наглядности, какъ самое заманчивое для дѣтскаго возраста, вполне сообразуется съ дикими привычками малолѣтнихъ ордынцевъ, но такъ какъ метода эта не применима къ татарскому языку, то ограничиться употребленіемъ ея только относительно русскаго языка, для перваго класса, въ теченіи перваго года.

§ 5. Попечитель обязанъ заботиться сколько объ успѣшномъ образованіи дѣтей, соответственно ихъ предназначенію, столько и о полномъ доставленіи имъ привоенныхъ выгодъ содержанія.

§ 6. Отъ обязанъ блюсти за выборомъ въ учительскія должности людей достойныхъ своего назначенія, относится о способностяхъ и занятіяхъ ихъ въ Комисію, которая за опущенія дѣлаетъ имъ замѣчанія, а въ случаѣ надобности замѣняетъ ихъ другими чиновниками, руководствуясь § 25 Положенія объ управленіи Оренбургскими киргизами (14-го Юня 1844 года).

§ 7. Такому же надзору попечителя подчиняется и надзиратель Школы, который собственно въ занятіяхъ киргизскихъ мальчиковъ принимаетъ участіе только въ томъ отношеніи, что наблюдаетъ за исправнымъ и своевременнымъ посѣщеніемъ преподавателями своихъ классовъ, записывая ежедневно, кто изъ нихъ прибылъ и кто не былъ или опоздалъ;—въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, съ отмѣткою по какимъ именно причинамъ. Ежедневные рапорты по этому предмету надзиратель подаетъ Предсѣдателю Комисіи въ теченіи сутокъ.

§ 8. Законоучитель (магометанскаго исповѣданія) избирается, по приглашенію Комисіи, изъ уважаемыхъ магометанскихъ обществомъ муллъ, находящихся въ Оренбургѣ или ближайшихъ окрестностяхъ его.

§ 9. Учитель русскаго языка долженъ быть изъ людей, имѣющихъ на подобнаго рода службу преимуществу, которые могутъ ограничиваться надлежащимъ аттестатомъ объ успѣшномъ окончаніи курса гимназическихъ наукъ.

§ 10. Въ учителя татарскаго языка можетъ быть допущенъ каждый изъ свободнаго сословія, или изъ духовнаго званія магометанъ, имѣющихъ достаточныя удостовѣренія въ познаніяхъ своихъ отъ казенныхъ учебныхъ заведеній или магометанскихъ медресе.

§ 11. Въ должности учителей татарскаго и русскаго языковъ избираются непременно знающіе оба эти языка равно сильно; во первыхъ потому, что учитель русскаго языка безъ знанія татарскаго не можетъ приступить къ обученію дѣтей языку русскому, а во вторыхъ,—что главная цѣль учрежденія Школы есть обученіе киргизскихъ дѣтей совершенному знанію обоихъ этихъ языковъ, неразлучно необходимомъ въ будущей ихъ службѣ.

§ 12. Самый ближайшій и удобнѣйшій выборъ людей въ объ учительскія должности представляется изъ воспитанниковъ, окончившихъ науки въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

§ 13. Обязанности учителей состоятъ въ точномъ исполненіи программъ преподаванія читаемыхъ ими наукъ, старательномъ внушеніи прилежанія ученикамъ своимъ и толковомъ изложеніи лекцій.

Примѣчаніе. Каждому изъ преподавателей въ Школѣ въбидается въ обязанность, въ случаѣ болѣзни, или другихъ законныхъ препятствій къ прибытію въ назначенные часы для занятій въ классы,—предварительно доносить, каждый разъ, объ этомъ особымъ рапортомъ попечителю, который тотчасъ же передаетъ ихъ къ свѣдѣнію и запискѣ надзирателю Школы.

§ 14. Школа разделяется на четыре класса.

§ 15. Учение в каждом из трех первых классов продолжается два года, а в последнем один год.

Примѣчаніе. Сверхъ положеннаго курса наукъ, не бесполезно познакомить киргизскихъ мальчиковъ (въ 2 и 3 классахъ), хотя наглядно, съ нуждѣнными въ степномъ быту мастерствами и ремеслами, какъ-то: слесарнымъ, токарнымъ, переплетнымъ (Знаніе этого мастерства необходимо при назначеніи вынужденныхъ изъ Школы воспитанниковъ въ писмоводители къ дистанционнымъ начальникамъ) и тому подобными легкими и вмѣстѣ опрѣтными занятіями, могущими сколько-нибудь послужить къ возвышенію и упроченію народной ордынской мануфактуры, а также дать понятіе (по крайней мѣрѣ общее) воспитанникамъ 3-го и 4-го классовъ о земледѣліи въ Стенѣ, львоводствѣ и улучшеніи скотоводства, а также о ветеринарномъ искусствѣ и умѣнн дѣйствовать ланцетомъ, во сколько это можетъ быть применимо къ настоящему быту киргизъ въ особенности приливнейныхъ. Денежное вознагражденіе лицъ, которыя по приглашенію Пограничной Комиссіи (и усмотрѣнію Предѣдателя ея) будутъ преподавать и объяснять вышеупомянутыя мастерства, искусства и знанія, можетъ быть отнесено на счетъ суммъ, означенныхъ ниже, въ примѣчаніи къ § 29-му.

§ 16. Въ первомъ классѣ преподается: 1-й годъ. Приступитъ къ ученію русскаго и татарскаго языковъ, то есть, начиная съ азбуки, первоначальное чтеніе и письмо. 2-ой годъ. Чтеніе и письмо по русски и по татарски, и въ особенности разборъ русскихъ и татарскихъ дѣловыхъ рукописей.

Во второмъ классѣ. 1-й годъ. Начала русской и татарской

грамматикъ, четыре коренныя правила ариметики и чистописаніе (скорописное) по русски и по татарски.

2-ой годъ. Продолженіе русской и татарской грамматикъ до фразеологій; первыя четыре правила ариметики на счетахъ, и чистописаніе (скорописъ) по русски и по татарски.

Въ третьемъ классѣ. 1-й годъ. Русская и татарская фразеология, продолженіе ариметики до сложныхъ тройныхъ правилъ съ примѣненіемъ къ счисленію на счетахъ и чистописаніе подъ диктовку по русски и по татарски.

2-й годъ. Переводы съ русскаго языка на татарскій и обратно, окончаніе ариметики и чистописаніе подъ диктовку по русски и по татарски. Сверхъ того, воспитанники 3-го класса въ теченіе 1-го года проходить геометрію (до планиметріи включительно), которой преподаваніе имѣется въ виду собственно для приготовленія ихъ въ теченіе другаго года и послѣдующаго (въ 4 классѣ) къ изученію топографіи, то есть, самой съемки мѣстностей и искуснаго черченія плановъ. Съ этими познаніями отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ, по выпускѣ изъ Школы, могли бы быть посылаемы при караванахъ въ Хиву и Вухару, для пріобрѣтенія топографическихъ о тѣхъ странахъ свѣдѣній съ соотвѣтственными чертежами. О занятіяхъ 4-го класса сказано ниже въ §§ 27, 28 и 29.

Примѣчаніе 1-ое. Распредѣленіе законоученія зависитъ отъ усмотрѣнія мурлы, который, приближаясь къ успѣхамъ учениковъ въ татарскомъ языкѣ, долженъ начать свое ученіе со 2-го класса (съ продолженіемъ въ 3-мъ и 4-мъ классахъ), ограничиваясь для перваго класса только словесными приготовительными бесѣдами.

Примѣчаніе 2-е. Для болѣе энциклопедическаго образованія киргизскихъ дѣтей, необходимо дать имъ (частію во 2 и 3-мъ

классахъ) понятіе о математической, физической и политической географіи, въ особенности сообразно съ ихъ назначеніемъ относительно Россіи, а также содѣйственныхъ съ нею средне-азиатскихъ владѣній. Обязанность эту возложить на того изъ учителей, который будетъ преподавать русскій языкъ, чистописаніе и арифметику.

§ 17. Для перваго и втораго классовъ, время ежедневнаго ученія достаточно ограничить пятью часами въ сутки, то есть, тремя часами лекцій дополуденныхъ и двумя часами пополудни.

§ 18. Для третьяго класса это время назначается по четыре часа до полудня и по три часа пополудни.

Примѣчаніе. Соображаясь съ естественными привычками киргизскихъ мальчиковъ, которые будутъ поступать въ Школу прямо изъ своихъ кибитокъ (юрты) отъ ственнаго приволья, и для того, чтобы переходъ этотъ отъ жизни дикой, всегда физически дѣятельной и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно-праздной, — къ учению не казался имъ столь рѣзкимъ, а книжныя занятія и сидячая жизнь — скучными и обременительными, необходимо назначить имъ сколько можно меньше часовъ для занятій, какъ предполагено въ §§ 17 и 18. — А затѣмъ не столько для обученія, сколько для поддержанія привычной дѣятельности въ организмѣ киргизскихъ дѣтей, слѣдовательно и здоровья, необходимо въ часы свободные отъ уроковъ упражнять ихъ (въ 1, 2 и 3 классахъ) въ гимнастическихъ выправкахъ, верховой ѣздѣ и т. п. Также, если не необходимо, то по крайней мѣрѣ не бесполезно, занимать ихъ (въ зимнее время въ манежѣ или въкзерцизагузѣ, а весной и осенью на дворахъ Комиссіи) фрунтовой выправкою и маршировкой, собственно для того, чтобы исправить въ дѣтяхъ физическіе недостатки, свойственные киргизамъ отъ сидячей

жизни (какъ-то: склонность къ тучности, сонливость и вообще неразвѣзность въ членахъ), которые влекутъ за собою цыготныя начала, сопряженныя съ безнаятливостью и вообще тупостью понятій. Учителѣ гимнастики и берейторы могутъ быть вознаграждаемы денежною платою изъ суммъ Комиссіи, означенныхъ въ примѣчаніи къ § 29. Относительно ученія маршировкѣ и фрунтовой выправкѣ предполагается, что для этого, по назначенію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора, будутъ командированы изъ линейныхъ баталіоновъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса опытные унтер-офицеры по одному или не болѣе какъ въ числѣ двухъ.

§ 19. Сверхъ сего для каждаго изъ первыхъ 3-хъ классовъ опредѣляется по два часа въ сутки занятій для повторенія и приготовленія уроковъ, то есть, одинъ часъ до полудня и одинъ часъ пополудни, — подъ наблюденіемъ надзирателя Школы.

§ 20. Распределеніе ученія по днямъ и по часамъ, а также рекреаціоннаго времени, гимнастики и проч. зависитъ отъ усмотрѣнія попечителя. Составляемыя имъ росписанія вносятся на утвержденіе Предѣлителя Комиссіи; при отгѣнахъ ихъ по какому-либо случаю соблюдается тотъ же порядокъ представленія.

Примѣчаніе. Такъ какъ внутреннее устройство покоевъ въ зданіи, въ которомъ предназначено помѣщеніе Школы, недостаточно и неудобно для назначенія каждому классу особой камеры для учебныхъ занятій, то распределеніе уроковъ по днямъ и по часамъ должно быть составлено такъ, чтобы урочные часы одного изъ классовъ, не совпадали съ урочными часами другихъ классовъ, приходились въ совершенно свободное время отъ прихода прочихъ преподавателей, которые должны читать свои лекціи въ одной и тойже камерѣ каждому классу порознь во избѣжаніе взаимной помѣхи. Что

же касается приготовления и повторения уроков (§ 19), то по вышеупомянутому недостатку в покоях, воспитанники допускаются к этому занятию все в одной общей залѣ, а именно в столовой камерѣ.

§ 21. Сверхъ дней, въ которые все учебныя заведенія освобождаются отъ занятий, главные магометанскіе праздники, а также пятницы исключаются изъ дней, назначенныхъ для учебныхъ занятий.

Примѣчаніе. Такъ какъ извѣстно, что соблюденіе главнаго магометанскаго поста (Уразы), строго воспрещающаго принимать пищу въ теченіи цѣлаго дня до вечерней зары, не требуется отъ киргизскихъ дѣтей до совершеннолѣтія, то въ отношеніи уроковъ и стола не предстоитъ надобности обязывать ихъ обрядами свойственнымъ этому времени.

§ 22. По тому уваженію, что киргизскіе дѣти привычны къ кочевому и болѣе праздному образу жизни, время каникулъ предоставляется имъ продолжительнѣе, чѣмъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, а именно съ 15 Мая по 1 Августа.

Примѣчаніе. Для надзора за безопасностію воспитанниковъ въ Стенѣ, во время кочеванія ихъ, предоставленнаго § 19 Высочайше утвержденнаго положенія о Киргизской Школѣ, назначается всегда одинъ изъ извѣстныхъ Комисіи киргизскихъ старшинъ или султановъ съ своимъ ауломъ, и сверхъ того команда изъ 10 (до 15) рядовыхъ башкиро-мещеряцкаго войска, которые будутъ составлять постоянную стражу при мѣстѣ расположенія лѣтней кочевки воспитанниковъ Школы, подъ безотлучнымъ присмотромъ надзирателя. Продолжительное время каникулъ, воспитанники 2, 3 и 4-го классовъ должны проводить также не праздно, и пользуясь лѣтними мѣсяцами, какъ самыми удобными для топографиче-

ской съемки (смотри § 29), упражняться въ этихъ занятіяхъ на воздухѣ во время кочевки, а также продолжать уроки по части упомянутыхъ въ § 15 ремеслъ и мастерскихъ работъ.

§ 23. Прежде выслушанія двухлѣтняго курса въ одномъ классѣ, воспитанники не могутъ быть переводимы въ слѣдующій высшій классъ.

§ 24. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые, по срочномъ испытаніи, не удостоятся поступить въ высшій классъ, оставляются въ прежнемъ для выслушанія въ немъ снова двухгодичнаго курса.

§ 25. Дѣти, оказывающіея вовсе неспособными къ ученію по тупости понятій или же по дурному поведенію, если не будетъ въ виду мѣръ исправленія (по удостовѣренію попечителя), исключаются Комисією изъ штата Школы, для возвращенія ихъ родителямъ или опекунамъ, черезъ мѣстное ордынское начальство.

§ 26. Оказавшіеся неспособными по слабости здоровья, или по какиммъ-либо хроническимъ болѣзненнымъ припадкамъ, такимъ же порядкомъ возвращаются родителямъ ихъ, которые впрочемъ не лишаются права, по совершенномъ выздоровленіи дѣтей, снова просить о принятіи ихъ въ штатъ Школы, если возрастъ ихъ еще будетъ тому соответствовать, или же въ число вольнослушающихъ.

§ 27. Воспитанники, успѣшно окончившіе 6-ти-лѣтній курсъ ученія въ Школѣ, то есть, пройдя постепенно все три ея класса, седьмой годъ посѣщаютъ канцелярію Комисіи, гдѣ подъ наблюденіемъ переводчиковъ и секретарей упражняются въ первоначальныхъ канцелярскихъ занятіяхъ, соответственно ихъ назначенію по распределенію Предсѣдателя Комисіи.

Примѣчаніе. Гдѣ секретари, употребляя киргизскихъ воспитанниковъ (въ Комисіи подъ наблюденіемъ попечителя и съ его вѣдомомъ) для первоначальныхъ канцелярскихъ занятій (част-

нымъ образомъ), какъ то: перенести служебныхъ бумагъ русскихъ и татарскихъ, болѣе важныхъ, относящихся собственно до частнаго управленія Орды, занимаютъ ихъ сверхъ того чтеніемъ и объясненіемъ Свода Законовъ, разсмотрѣніемъ сложныхъ слѣдственныхныхъ и исковыхъ дѣлъ замѣчательныхъ по важности случаевъ, изъ которыхъ они возникли. Упраженія киргизскихъ воспитанниковъ должно клониться собственно къ тому, чтобы они соответственно своему назначенію приобрѣли въ Комисіи понятія, по крайней мѣрѣ общія, о законахъ Имперіи съ примѣненіемъ ихъ къ управленію Оренбургскими и другими киргизами, а также о формахъ сношенія между собою государственныхъ властей и лицъ. Чтеніе и объясненіе законовъ, а также знаніе слѣдственнаго порядка для воспитанниковъ полезно еще и потому, что они могутъ быть назначаемы депутатами къ слѣдствіямъ по дѣламъ между ордынцами и линейными жителями, а въ Ордѣ могутъ сами, по назначенію правителей, производить слѣдствія. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, не имѣя надобности въ помощи переводчиковъ, которыхъ назначеніе къ чиновникамъ, посылаемымъ въ Орду и на линію, сопряжено съ значительными издержками (на прогоны и суточное содержаніе), они могли-бы быть употребляемы съ удовлетворительною пользою и къ полному довѣрію полудикихъ и мительныхъ киргизъ, безъ возбужденія кляузъ и неосновательныхъ навѣтовъ.

§ 28. Въ этотъ седьмой дополнительный годъ воспитанія практикующіеся ученики состоятъ подъ такимъ же надзоромъ, какъ и первые три класса.

§ 29. Въ теченіе седьмого года воспитанники не освобождаются отъ слушанія лекцій въ Школѣ, и каждый день наравнѣ

съ прочими классами имѣютъ учебныхъ занятій по 2 часа по полудни. Занятія эти состоятъ: 1) въ навыкѣ къ свободному чтенію и переводу важныхъ и сложныхъ бумагъ, встрѣчающихся въ дѣлахъ Орды, какъ то: объявленій отъ правительства по Ордѣ и другихъ циркулярновъ, а также документовъ по торговымъ сношеніямъ Орды съ Среднею Азією и т. п. 2) Ученики этого послѣдняго класса для болѣе успѣшной практики въ топографіи (преподаваемой съ 3-го класса) могли бы быть командированы на время (вмѣсто канicularной кочевки) къ съемочнымъ партіямъ, посылаемымъ изъ генеральнаго штаба въ Орду.

Примѣчаніе. Для преподаванія черченія и съемки мѣстности (топографіи) можетъ быть приглашенъ по назначенію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора одинъ изъ свободныхъ офицеровъ корпуса топографовъ, состоящихъ при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ, а для геометріи изъ офицеровъ генеральнаго штаба, съ вознагражденіемъ за труды ихъ изъ остатковъ штатной суммы на Школу, а въ случаѣ недостатка ея, изъ общихъ остатковъ отъ некомплекта чиновниковъ (доколѣ онъ будетъ) общаго и частнаго управленія Оренбургскими киргизами.

Часть хозяйственная.

§ 30. Какъ за порядкомъ по учебной части Школы, такъ равно и по хозяйственной, попечитель имѣетъ постоянное наблюденіе.

§ 31. Хозяйство Школы ввѣряется ближайшему завѣдыванію надзирателя, на отвѣтственности котораго лежить все вообще казенное ея имущество, а также и прислуга.

§ 32. Непосредственному распоряженію надзирателя подлежатъ также и внутренней полицейскій порядокъ Школы.

§ 33. Надзиратель, распоряжаясь по установленному по-

ряду всѣмъ до хозяйства Школы относящимся, подвергается ревизіи и учету попечителя, или же Предсѣдателя Коммисіи во всякое время.

§ 34. Въ служители для прісмотра за дѣтьми избираются благонадежные и по возможности грамотные унтеръ-офицеры изъ татаръ или отставныхъ урядниковъ башкиро-мещеряцкаго или Оренбургскаго казачьяго войскъ.

§ 35. Они состоятъ въ ближайшемъ распоряженіи надзирателя и должны быть опредѣляемы русскіе изъ навѣвшихъ къ киргизскому нарѣчію, для облегченія безпрерывнаго сношенія своего съ воспитанниками.

§ 36. Распредѣленіе времени для стола воспитанниковъ, а также для ихъ отдохновенія, предоставляется попечителю, съ утвержденія составляемыхъ для этого росписаній Предсѣдателемъ Коммисіи.

§ 37. Всѣ представленія Оренбургскому Военному Губернатору, относительно Школы дѣлаются не иначе, какъ отъ Коммисіи по ея журнальнымъ постановленіямъ.

§ 38. Точно такъ-же и отпускъ суммъ надзирателю на содержаніе и ремонтъ ея производится по журналамъ Коммисіи.

§ 39. Надзиратель Школы и всѣ учителя получаютъ жалованье въ Коммисіи тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочіе ея чиновники.

§ 40. Прислугу, при Школѣ состоящую, ежемѣсячно удовлетворяетъ жалованьемъ надзиратель изъ общей суммы, получаемой имъ на содержаніе Школы.

§ 41. Для соображенія и отчета по заготовленію принадлежностей для Школы, хозяйственному ремонту, а также платѣ вольнонаемнымъ служителямъ и по другимъ расходамъ, надзиратель получаетъ отъ Коммисіи двухнедѣльные сравнительныя дѣны, существующія на рынкахъ города.

§ 42. Надзиратель, обязанный имѣть помѣщеніе и жилище при домѣ Школы, пользуется казеннымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ изъ суммы, на этотъ предметъ Штатомъ опредѣленной.

Сметы, составленныя по приказанію Его Превосходительства, надзирателемъ помянутой Школы, на заготовленіе учебныхъ пособій и хозяйственныхъ принадлежностей при первоначальномъ устройствѣ Школы для киргизскихъ дѣтей, а именно: 1) портретъ Государя Императора поясной, въ бронзовой вызолоченой рамѣ, 88 руб. 70 к. купленъ по распоряженію г. Предсѣдателя адъютантомъ его штабъ-ротмистромъ Бычковымъ и расходъ отнесенъ на сумму, штатомъ на содержаніе Школы ассигнованную, 1 стѣнные часы въ футлярѣ краснаго дерева съ боемъ, двумя гириями и недѣльнымъ заводомъ, 65 руб. 71½ куплены по распоряженію Предсѣдателя и на ту же сумму, 1 кафедра изъ ильмоваго дерева подъ политурую, съ двумя ящиками и замками, длиною 2½ шириною, 2 ари. 42 руб. 85 коп., и т. д.

Предсѣдатель Генераль-Майоръ Ладженскій.

Совѣтникъ Бикмаевъ.

Совѣтникъ Ваневъ.

Въ должности Совѣтника Баталитчъ.

Секретарь К....

Предложеніе*) Оренбургскаго Военнаго Губернатора и Командира Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, Оренбургской Пограничной Коммисіи. 24 Августа 1848 года.

№ 1222.

Разсмотрѣвъ во всей подробности внесенные ко мнѣ Пограничною Коммисіею при донесеніи 13 апрѣля прошлаго 1847 года

*) *Примѣчаніе издателя.* На поляхъ этого предложенія карандашомъ, по всей вѣроятности, рукою Предсѣдателя Пограничной Коммисіи Ладженскаго, написаны слѣдующія замѣтки, выражающія его взглядъ на образованіе киргизъ и на желательную задачу открываемой Школы.

за № 6205 проект устава для Киргизской Школы и смѣту потребнымъ на первоначальное устройство ея расходамъ, я признаю проектъ устава во многихъ отношеніяхъ несообразнымъ съ Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1844 года положеніемъ о Киргизской Школѣ и дѣлю ея учрежденія, ибо дѣль эта, какъ сказано въ § 2 положенія о Школѣ, кромѣ распространенія между киргизами знанія русскаго языка и нѣкоторой грамотности, состоитъ въ приготовленіи способныхъ людей къ занятію по пограничному управленію мѣст: писмоводителей при султанахъ-правителяхъ и дистанционныхъ начальникахъ, а также къ исправленію и другимъ должностямъ, въ которыя исключительно назначаются киргизы, а § 17-мъ того-жъ положенія, согласно съ тою же дѣлю, назначено преподавать въ школѣ: русскій языкъ, чистописаніе, ариметику и способъ счисленія на счетахъ, татарскій языкъ, законъ магометанскій и составленіе дѣловыхъ бумагъ на русскомъ языкѣ; между тѣмъ въ представленномъ Пограничною Коммисіею проектѣ устава о Школѣ предназначается, сверхъ этихъ предметовъ, преподавать еще: геометрію, топографію со съемкою и черченіемъ плановъ и географію математическую, физическую и политическую, чтеніе книгъ въ Киргизской Школѣ болѣе излишне^{а)}, что если пополненіе знаній воспитанниковъ ея сими послѣдними науками признается полезнымъ въ тѣхъ видахъ, какъ объяснено

а) „Что здѣсь признано нужнымъ, тому обучаются мужичьи отроки въ земледѣльческихъ школахъ и о томъ толкуется имъ въ книжечкахъ, издаваемыхъ обществомъ для простонароднаго чтенія. Въ положеніи XIX вѣка какъ-то страшно встрѣчаться съ подобными предубѣжденіями противу просвѣщенія. Легко сказать: русскій языкъ составленіе дѣловыхъ бумагъ! Знаніе того и другихъ свойственно ли необразованному? Не лучше ли бы сказать: научить грамотѣ русскою? Спрашивается: какую бумагу можетъ составить писарь, взявъ свой четко пишущій, безъ образованія? Неужели семь лѣтъ только учить одной грамотѣ? Неужели и крестьянамъ нужно и вредно знать, что такое сѣверъ, югъ и т. д., что есть другія рѣки кромѣ Урала и на нихъ города кромѣ Оренбурга?“

въ представленіи Коммисіи за № 6205, дабы воспитанники могли занимать не только мѣста писмоводителей при султанахъ-правителяхъ, или дистанционныхъ начальникахъ, но и должности самихъ дистанционныхъ начальниковъ, а въ случаѣ надобности и помощниковъ султановъ-правителей; то всѣ эти виды, безъ затрудненія, могутъ быть достигнуты посредствомъ замѣщенія сихъ должностей воспитанниками изъ дѣтей почетныхъ ордынцевъ, выпускаемыми изъ Неплюевского кадетскаго корпуса^{б)}, которымъ преподаются помпучныя науки въ корпусѣ и для которыхъ назначено тамъ 30 вакансій. Хотя-же § 18 Положенія о Киргизской Школѣ и предоставлено усмотрѣнію начальства нѣсколько расширить кругъ ученія, опредѣленнаго § 17, но въ этомъ расширеніи предстояла надобность только при составленіи самаго Положенія о Школѣ, ибо тогда не было еще въ виду постановленія о Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ назначено имѣть большее число воспитанниковъ изъ ордынцевъ противъ числа, какое находилось предъ тѣмъ въ бывшемъ Неплюевскомъ военномъ училищѣ; притомъ расширеніе круга наукъ въ Киргизской Школѣ, согласно § 18 Положенія и по силѣ сего §, должно быть соображено съ главною дѣлю воспитанія въ Школѣ киргизскихъ дѣтей, а для этой дѣли обученіе ихъ геометріи, математикѣ^{б)}, топографической съемкѣ

б) „До сихъ поръ изъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса не вышелъ ни одинъ воспитанникъ изъ киргизъ, кромѣ Таубаева, умершаго холерой, да и врядъ ли кто выйдетъ, потому что они содержатся тамъ точно такъ же, какъ и русскіе, а отъ того точно такъ же растроятся здоровьемъ—получаютъ чахотку и т. п. Не худо притомъ справиться, всѣ ли занятія вакансій. Впрочемъ, чѣмъ болѣе оба заведенія выставили бы образованныхъ киргизъ, тѣмъ лучше. Весьма можетъ случиться, что въ числѣ нашихъ воспитанниковъ окажутся съ отличными способностями; за что же они должны ограничиться только грамотою? Таккихъ, подготовивъ по нашей программѣ, мы могли-бы переводить на вакансіи въ корпусъ. Надобно составить программу корпусную для азіатцевъ.“

в) „Развѣ ариметика не математика? Напротивъ все нужно, что можетъ быть сообщено безъ излишняго затрудненія и что можетъ отвлечь отъ праздности, свойственной азіатцу вообще и киргизу въ особенности. Образованіе только смягчаетъ нравъ, а не острогъ и шпиритены.“

и проч. вовсе не нужно. Затѣмъ изъ прочихъ предметовъ, предположенныхъ проектомъ устава въ числѣ занятій воспитанниковъ Школы, одобряю упражненія въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ; полагаю также, чтобы медикъ и ветеринаръ Пограничной Комисіи обучали, кромѣ того, воспитанниковъ прививанію осы, кровопусканію и ветеринарной наукѣ только въ мѣрѣ необходимой, именно наглядному распознаванію и леченію главнѣйшихъ заразныхъ болѣзней, существующихъ на скотѣ, такъ какъ въ Ордѣ вообще не бесполезно имѣть знающихъ два первыхъ искусства людей сверхъ назначенныхъ § 13 положенія объ управленіи Оренбургскими киргизами фельдшеровъ изъ киргизовъ же, приготавливаемыхъ при Оренбургскомъ военномъ госпиталѣ; но не могу изъявить согласія на обученіе воспитанниковъ Школы маршировкѣ и фронтовой выправкѣ¹⁾ но тѣмъ въ особенности соображеніямъ, что упражненіе киргизскихъ дѣтей въ маршировкѣ и выправкѣ, составляющихъ принадлежность воспитанія малолѣтнихъ, приготавливаемыхъ къ военной службѣ, для кочеваго народа вовсе не нужно, и при томъ это подало бы поводъ легкомысленнымъ киргизамъ думать, что ихъ дѣтей приготавливаютъ въ солдаты, а чрезъ то легко могли бы произойти разныя неблаговидныя недоразумѣнія²⁾ между ордынцами, подобно тому, какъ случилось это при опубликованіи въ 1844 году дополнительныхъ постановленій о Неплюевскомъ корпусѣ. Наконецъ, предположеніе въ примѣчаніи къ § 15 проекта устава ознакомленіе воспитанниковъ Школы съ разнаго рода мастерствами и ремеслами, особенно необходимыми въ Киргизскомъ быту, конечно было бы не бесполезно,

¹⁾ „Здѣсь разумѣлось умѣнье ходить и поворачиваться, не болѣе, да и цѣль объяснена“.

²⁾ „Если дѣтей киргизскихъ въ Неплюевскомъ корпусѣ одѣваютъ такъ же, какъ и русскихъ, и это не возмущаетъ ихъ родителей, то отъ выправки и подавно ничего ожидать нельзя“.

но это ознакомленіе тѣмъ не менѣе есть уклоненіе отъ цѣли воспитанія киргизскихъ дѣтей въ Школѣ, гдѣ предназначено образовывать изъ ордынцевъ писмоводителей. Кромѣ того, обученіе воспитанниковъ мастерствамъ и ремесламъ необходимо потребовало-бы особыхъ немаловажныхъ издержекъ³⁾ какъ-то: на уплату руководителямъ въ мастерствахъ, на приобрѣтеніе матеріаловъ и инструментовъ, на ремонтъ послѣднихъ, для покрытія каковыхъ издержекъ хотя и полагаетъ Комисія обращать остатки отъ штатной суммы на Школу; но будетъ ли ихъ на этотъ предметъ достаточно и станутъ ли еще оставаться таковыя отъ штатныхъ расходовъ, теперь неизвѣстно. Что же касается до преднамѣряемаго Комисіею обращенія на это остатковъ отъ некомплекта чиновниковъ по общему и частному управленію, въ случаѣ недостатка штатной суммы для Школы, то сіи остатки, если въ числѣ ихъ не разумѣются остатки отъ суммы на канцелярскихъ служителей и канцелярскіе расходы собственно по Пограничной Комисіи, по силѣ § 93 положенія объ управленіи Оренбургскими киргизами, должны быть присоединяемы къ паціонному капиталу. Сообразно сему не могу уже утвердить и представленную Пограничною Комисіею смету расходовъ на первоначальное устройство Школы, во-первыхъ потому, что въ смету сію, прибываясь къ вышеприведенному проекту устава о Школѣ, внесены предметы и вещи, которые должны быть исключены, какъ напримѣръ: учебныя книги и пособия: курсъ географіи, ланкарты, атласъ россійской имперіи, глобусъ, математическіе и геодезическіе инструменты, мензула, желѣзная цѣпь, астролябія, бусоль, одометръ, ящикъ красокъ, китайская тушь, курсъ рисованія, курсъ геометріи, курсъ геодезіи; земледѣльческія орудія, столар-

³⁾ „Это-то и есть настоящее препятствіе.“

ныя, слесарныя и токарныя принадлежности, переплетный станок, и излишніе ветеринарные инструменты; во-вторыхъ, потому, что цѣны на многія изъ вещей, требующихся на устройство Школы, сверхъ уже купленныхъ, также на обзаведеніе воспитанниковъ, несоразмѣрно высоки. Если же причина этому заключается въ превосходствѣ самыхъ вещей, назначаемыхъ для Школы, наружнаго ихъ вида и проч., что изъяслось въ виду Коммисіи, какъ объяснено въ ея представленіи за № 6205-мъ, при составленіи сметы; то по мнѣнію моему принадлежности заведенія, назначаемого для киргизовъ простыхъ и, по окончаніи курса ученія, имѣющихъ возвратиться къ прежней неизбыточной степной жизни, не должны превосходить тѣже принадлежности, имѣющіяся въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ воспитываются дѣти султановъ и другихъ почетныхъ ордынцевъ и гдѣ вообще соблюдено въ этомъ одно приличіе съ простотою, какъ и въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ; почему при самомъ заказѣ вещей въ Москвѣ для Киргизской Школы всего было бы лучше принять къ соображенію заготовленіе подобныхъ же вещей въ корпусѣ, почти одновременно исполненное.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, возвращая у сего представленныя Коммисіею проектъ устава о Школѣ, смету расходовъ на первоначальное ея устройство и собранныя свѣдѣнія о цѣнахъ потребныхъ для Школы вещамъ, я предлагаю передѣлать самый проектъ устава вновь, согласно съ объясненными здѣсь замѣчаніями, основанными на главной цѣли учрежденія этого заведенія, исключивъ изъ проекта излишніе предметы ученія, а смету примѣнить къ проекту передѣланному; свѣдѣнія же о цѣнахъ на потребныя въ Школу вещи сообразить съ цѣнностью таковыхъ же вещей въ Неплюевскомъ корпусѣ, имѣя при этомъ въ виду, что тѣхъ изъ помнятухъ вещей, которыя могутъ быть

куплены въ Оренбургѣ, нѣтъ надобности заказывать гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, ибо въ послѣднемъ случаѣ можетъ произойти возвышеніе цѣнности вещей особенно громооздкихъ, при ихъ перевозкѣ; по окончательномъ же выполненіи сего, проектъ со сметою и справочными цѣнами внести мнѣ для дальнѣйшаго распоряженія.

Что касается до признанія безвозвратными сдѣланныхъ Пограничною Коммисіею вообще изъ штатной суммы Киргизской Школы расходовъ, въ количествѣ 2689 руб. 44 $\frac{1}{4}$ коп. серебромъ, то принимая въ соображеніе, что 5-мъ пунктомъ именнаго указа Правительствующему Сенату 14 Юня 1844 г. повелѣно „единовременную издержку, потребную на первоначальное устройство Школы, отнести на счетъ книжочнаго сбора по предварительномъ о семъ сношеніи Военнаго Губернатора съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ,“ и что по смыслу помнятуго указа и сообщенной мнѣ при отношеніи г. Управляющаго Министерствомъ Графа Воронцова-Дашкова копій съ инструкціи, данной г. предѣдателю Коммисіи 31 Юня 1844 года за № 2186-мъ, надлежало такимъ образомъ предварительно составить смету потребныхъ по устройству Школы издержкамъ и представить ее ко мнѣ для внесенія въ Министерство, не дѣлая до утвержденія имъ сметы никакихъ на Школу расходовъ, я вонелъ относительно покрытія помнятухъ издержекъ въ сношеніе съ Министерствомъ.

Генералъ отъ Инфантеріи Обручевъ.
Управляющій канцеляріею Н. Смольяниновъ.

Письмо Председателя Пограничной Коммисіи Генераль-Маіора Михаила Васильевича Ладъженскаго къ Товарищу Министра Иностранныхъ Дѣлъ А. Г. Сеньявину 19 Октября 1848 года № 84.

Милостивый Государь

Левъ Григорьевичъ.

На основаніи указа Правительствующаго Сената, даннаго въ 13 день Юня 1844 года, Пограничная Коммисія 16 Апрѣля 1847 года, за № 6205, представила Г. Оренбургскому Военному Губернатору проектъ устава Школы для киргизскихъ дѣтей и смѣтное исчисленіе вѣхъ потребностей для первоначальнаго ея устройства.

Проектъ и смѣта эти 26 Августа сего года, по истеченіи года и 4-хъ мѣсяцевъ со дня представленія ихъ, возвращены Его Высочайшему Превосходительству для передѣлки согласно сдѣланнымъ имъ замѣчаніямъ. Имѣя честь доложить объ этомъ Вашему Превосходительству, я не могу отказать себѣ въ побужденіи представить проевѣщенному Вашему вниманію, въ краткомъ очеркѣ, какъ положенія, не одобренныя Владиміромъ Аванасъевичемъ, такъ и причины, на которыхъ Коммисія основала полезность тѣхъ положеній.

Согласно съ § 18 Высочайше утвержденного Положенія о Школѣ Пограничная Коммисія проектировала кругъ ученія нѣсколько разширенный: 1-е слѣдующими добавочными предметами: а) общими географическими познаніями съ самымъ близкимъ приименіемъ ихъ къ дѣлу образованія киргизскихъ мальчиковъ,

б) начальную геометрію до планиметріи включительно и с) топографію и черченіемъ.

Проектируя эти пополненія, Коммисія имѣла въ виду, что воспитанники, ознакомленные съ указанными предметами, могли бы въслѣдствіи занимать не только мѣста писмоводителей при султансахъ-правителяхъ или дистанционныхъ начальникахъ, но и мѣста самихъ начальниковъ дистанцій, а болѣе испытанные и способные и—помощниковъ правителей. Основаніемъ къ этому предположенію служило то обстоятельство, что комплектъ дистанционныхъ начальниковъ великъ, а благонадежныхъ и способныхъ ордынцевъ, достойныхъ занять эти должности, на счету Коммисіи очень не много; слѣдовательно начальство чаще встрѣтитъ затрудненіе въ выборѣ ихъ, нежели въ назначеніи годныхъ къ нимъ писмоводителей.

Кромѣ этого, Коммисія имѣла въ виду, что отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ, хорошо приготовленные въ геометріи, топографіи и черченіи, по выпускѣ изъ Школы, могли-бы быть посылаемы при караванахъ въ Хиву и Бухару для пріобрѣтенія топографическихъ о тѣхъ странахъ свѣдѣній съ соответствующими чертежами. Преподаваніе географіи предположено было возложить на того изъ учителей, который будетъ преподавать русскій языкъ, чистописаніе и ариметтику, топографію и черченіе по назначенію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора на офицера корпуса топографовъ, а геометрію—офицера генеральнаго штаба съ вознагражденіемъ за труды ихъ изъ остатковъ отъ штатной суммы на Школу, а въ случаѣ недостатка ея изъ общихъ остатковъ отъ некомплекта чиновниковъ общаго и частнаго управленія Оренбургскими киргизами. 2) Мысль, что воспитанники Школы имѣютъ еще то подразумѣваемое назначеніе, чтобы осуществить благотворныя виды Правительства, чрезъ распространеніе между со-

племенниками первоначального образования, указала Комиссией пользу ознакомления ихъ съ нѣкоторыми, необходимыми въ степномъ быту ремеслами и мастерствами, напримеръ, слѣсарнымъ, токарнымъ, переплетнымъ (последнее необходимо для тѣхъ, которые будутъ заниматься писмоводительствомъ) и т. п.; равно Комиссія считала не бесполезнымъ дать имъ по крайней мѣрѣ общее понятие о земледѣліи, лѣсоводствѣ и улучшеніи скотоводства. Денежное вознагражденіе лицамъ, которыя будутъ обучать помянутымъ ремесламъ и предметамъ, предположено было отнестись также на вышесказанные остатки. И 3) приглябляясь заботливо къ образу жизни молодыхъ ордынцевъ въ самой Школѣ, Комиссией, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій, могущихъ произойти въ здоровьѣ воспитанниковъ отъ внезапной перемены дѣятельной жизни на покойную, признавала, если не необходимымъ, то и не бесполезнымъ занимать ихъ фронтвою выправкою и маршировою, собственно для того, чтобы поддерживать въ дѣтяхъ привычную дѣятельность, исправить въ нихъ свойственные киргизамъ отъ сидячей жизни физическіе недостатки, которые влекутъ за собою цинготныя начала, которыя сопряжены съ безаматливостію и вообще тупостью понятій. Упраженія въ маршировкѣ и фронтвой выправкѣ предположено было дѣлать унтеръ-офицеру одного изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, по назначенію Г. Корпуснаго Командира.

Его Высочайшевсходительство, признавая эти пополненія несообразными съ Высочайше утвержденнымъ въ 14 день Юня 1844 года Положеніемъ о Школѣ и цѣлю ея учрежденія, замѣтилъ, что „сверхъ назначенныхъ тѣмъ Положеніемъ предметовъ преподаваніе геометріи, топографіи со съемкою и черченіемъ плановъ и географіи въ Киргизской Школѣ тѣмъ болѣе излишни, что если пополненіе знаній воспитанниковъ сими послѣдними на-

уками признается полезнымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы воспитанники могли занимать не только мѣста писмоводителей при султанахъ-правителяхъ или дистанчныхъ начальникахъ, но и должности самыхъ дистанчныхъ начальниковъ, и въ случаѣ надобности и помощниковъ султановъ-правителей, то всѣ эти виды безъ затрудненія могутъ быть достигнуты посредствомъ замѣщенія сихъ должностей воспитанниками изъ дѣтей почетныхъ ордынцевъ, выпускаемыхъ изъ Неплюевского кадетскаго корпуса, которымъ преподаются помянутыя науки въ корпусѣ и для которыхъ назначено тамъ 30 ваканцій; хотя же § 18 Положенія о Киргизской Школѣ и предоставлено усмотрѣнію начальства нѣсколько расширить кругъ ученія, опредѣленнаго § 17, но въ этомъ расширеніи предстояла только надобность при составленіи самаго положенія о Школѣ, ибо тогда не было еще въ виду постановленія о Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ назначено большее число воспитанниковъ изъ ордынцевъ противъ числа, какое находилось передъ тѣмъ въ бывшемъ Неплюевскомъ военномъ училищѣ; притомъ расширеніе круга наукъ въ Киргизской Школѣ согласно § 18 Положенія и по силѣ сего § должно быть соображено съ главною цѣлю воспитанія въ Школѣ киргизскихъ дѣтей, а для этой цѣли обученіе ихъ геометріи, математикѣ, топографической съемкѣ и проч. введено не нужно“. Раздѣляя мнѣніе Его Высочайшевсходительства, что виды Комиссией относительно приисканія способныхъ и образованныхъ людей на мѣста дистанчныхъ начальниковъ и помощниковъ правителей могутъ быть достигнуты посредствомъ замѣщенія этихъ должностей воспитанниками Неплюевского корпуса, въ которомъ назначено 30 ваканцій для дѣтей почетныхъ ордынцевъ, я позволяю себѣ усумниться въ томъ, чтобы эти виды Комиссией были достигнуты скоро и безъ затрудненія, потому что а) со времени преобразования Неплюевского военного училища въ

корпусъ изъ него выпущены одинъ только киргизъ Малой Орды хорунжий Таубаевъ (умершій во время эпидеміи), и б) что въ настоящее время изъ 30 вакансій въ корпусъ только 12 замѣщены киргизами Малой Орды, 9 киргизами Внутренней Орды, и 9 вовсе не замѣщено. Предполагая въ корпусъ постоянное число воспитанниковъ Малой Орды не 12, а 18 и допуская, что все они будутъ оканчивать удовлетворительно курсъ ученія, мы будемъ имѣть на каждый годъ только по три выпускаемыхъ киргиза; но предположеніе это явно не должно имѣть мѣста, если принять въ соображеніе, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ отъ нищизны, одежды и образа жизни въ корпусѣ, мало привыкшихъ къ ихъ натурѣ и прежнимъ привычкамъ, прежде окончанія ученія разстраиваютъ здоровье, получаютъ чахотку и уѣзжаютъ къ родителямъ, другіе умираютъ въ корпусѣ, третьи по неспособности и нежеланію продолжать ученіе оставляютъ заведеніе и наконецъ послѣдніе, по малодушевности и другимъ причинамъ, и по окончаніи курса не могутъ быть допускаемы къ занятію должностей и, потому совершенно не опираясь, можно полагать на каждый годъ не болѣе одного воспитанника, способнаго занять должность. Отсюда очевидно затруднительное осуществленіе видовъ Комисіи въ замѣщеніи должностей въ Ордѣ образованными молодыми киргизами. Съ другой стороны, въ Школѣ давно замѣщены все вакансіи и неоспоримо, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ ея будутъ съ отличными способностями, только лучше подготовленные, болѣе развитые, обогащенные болѣе разнородными свѣдѣніями, нѣкоторые изъ нихъ съ честью могли бы осуществить виды на нихъ начальства занятіемъ должностей (согласно 2 и 28 §§ Положенія о Школѣ), засѣдателей въ Комисіи и писмоводителей при султанахъ-правителяхъ; ибо составленіе дѣловыхъ бумагъ, иногда довольно сложныхъ, при частномъ управленіи, исполненіе порученій,

которыя начальство находило бы нужнымъ возлагать на засѣдателей, внимательное и полезное присутствіе ихъ въ Комисіи не подѣ силу будетъ молодымъ киргизамъ, умѣющимъ только писать и читать и слегка ознакомленнымъ въ Школѣ съ дѣломъ; долгіи опыты, усердныя и по выходѣ изъ Школы занятія, частое обращеніе съ знающими дѣло русскими чиновниками, сдѣлали бы со временемъ, что начальство, послѣ извѣстнаго срока, могло бы съ довѣріемъ возлагать на нихъ должности, но воспитанники, по окончаніи заведенія, должны быть посылаемы въ Орду и тамъ часто будутъ предоставлены самимъ себѣ. Для большаго развитія ихъ семилѣтній курсъ ученія очень недостаточенъ, надобно только нѣсколько раздвинуть тѣсный кругъ программы. Я увѣренъ, что изученіе предположенныхъ Комисіею дополнительныхъ предметовъ не было бы обременительнымъ для молодыхъ ордынцевъ, а между тѣмъ значительно обогатило-бы ихъ полезными знаніями и подняло способность мыслительности. Предположеніе преподавать въ Школѣ, для объясненной выше цѣли геометрію (до планиметріи), топографію и черченіе особенно должно имѣть значеніе и для края: знанія наши о соседственныхъ съ киргизскою Степью средне-азиатскихъ владѣніяхъ, конечно, получили бы тогда большую степень опредѣлительности и мы не имѣли бы надобности въ нужныхъ случаяхъ прибѣгать къ показаніямъ полуграмотныхъ прикащиковъ, по невѣдѣству и съ умысломъ, многое переначивающихъ и искажающихъ. Молодые киргизы въ корпусѣ, въ тѣ же 7 лѣтъ сверхъ предметовъ, положенныхъ въ Школѣ, проходятъ реторику, планиметрію, стереометрію, зоологію, минералогію, ботанику, общую и русскую географію, общую и русскую исторію, курсъ земледѣлія и гѣсоводства, арабскій и персидскій языки, хотя (я не могу не прибавить здѣсь своего основаннаго на фактахъ замѣчанія) эта разносторонность и сложность предметовъ

быхъ порученій Лазаревскому, а свѣты—надзирателю Школы Венгрияновскому, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ: примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

*Предложеніе Оренбургскаго Военнаго Губернатора,
Оренбургской Пограничной Коммисіи 16 Октября,
1848 года № 1574.*

Изъ предложенія моего отъ 24-го минувшаго Августа за № 1221 Пограничной Коммисіи извѣстно, я что входилъ въ сношеніе съ Господиномъ Канцлеромъ Иностранныхъ Дѣлъ по предмету учреждаемой при Оренбургской Пограничной Коммисіи Школы для киргизскихъ дѣтей, изъяснивъ при этомъ нѣкоторыя предположенія какъ о самой Школѣ, такъ и объ учиненныхъ Коммисіею расходахъ. Въ отвѣтъ на это Дѣйствиельный Тайный Совѣтникъ Графъ Нессельроде нынѣ увѣдомилъ меня, что онъ совершенно соглашается съ моимъ мнѣніемъ, что нѣкоторые предметы ученія (географію, геометрію и т. п.) имѣть надобности включать въ программу ученія для киргизскихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что главная наша цѣль (выраженная въ самомъ Положеніи о сей Школѣ) состоитъ въ образованіи, изъ воспитанниковъ ея, *письмоводителей для султановъ-правителей и дистанционныхъ начальниковъ*, въ коихъ киргизское начальство нуждается. По этому самому обученіе ихъ маршрутовѣ также совершенно излишне и можетъ сверхъ того подать поводъ къ разнымъ превратнымъ толкамъ со стороны киргизовъ; но гимнастика и верховая ѣзда могутъ быть полезны для поддержанія здоровья воспитанниковъ. Затѣмъ относительно сдѣланныхъ Коммисіею расходовъ, Графъ Карлъ Васильевичъ присовокупилъ, что онъ не находитъ ника-

кого препятствія, чтобы нѣкоторые изъ нихъ (въ количествѣ 184 р. 24¹/₄ коп. серебромъ) отнесены были на счетъ остатковъ отъ суммы, ассигнованной общео свѣтою для исправленія и перестройки всѣхъ зданій, Коммисіи и Школъ принадлежащихъ, такъ какъ предметы, на кои употреблены сіи 184 руб. 24¹/₄ коп., касаются до строеній Школы и присмотра за оными; издержку же на палатки (8 руб. 71¹/₂ коп. серебромъ) пополнить изъ суммы, отпускаемой по штату на содержаніе прѣзжающихъ въ Оренбургъ почетныхъ киргизовъ, а прочіе расходы (за купленные для Школы вещи и за пожарные инструменты) принять на счетъ кибиточнаго сбора, на основаніи *пункт. 5-го Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату 14 Юня 1844 г.* Что же касается до остатковъ отъ суммы на Киргизскую Школу, которые обращены уже въ пенсіонный капиталъ, то Его Сіятельство полагаетъ оставить ихъ въ означенномъ капиталѣ, какъ уже зачисленные въ оный.

О такомъ отзывѣ Господина Государственнаго Канцлера Иностранныхъ Дѣлъ сообщая Пограничной Коммисіи къ надлежащему исполненію, я предлагаю ей посѣщить доставленіемъ ко мнѣ проекта о Киргизской Школѣ, для внесенія онаго въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Генералъ отъ Инфантеріи Обвучевъ.

ПРОЭКТЪ УСТАВА

*Школы для Киргизскихъ дѣтей при Оренбургской
Пограничной Коммисіи.*

§ 1. Цѣль учрежденія Школы, помѣщеніе, содержаніе и ремонтъ ея, условія принятія дѣтей и образъ воспитанія ихъ, под-

чинность, права, обязанности, порядок определения и увольнения лиц, входящих в состав Школы, и вся отчетность, в общих чертах, определены Положением о Школе, Высочайше утвержденным в 14-й день Июня 1844 года.

§ 2. Остается, согласно съ Положениемъ, изобразить устройство ея въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, посредствомъ болѣе подробнаго означенія предѣловъ тому и другому.

Часть учебная.

§ 3. Школа соответствуетъ учебнымъ заведениямъ III разряда; поэтому образъ преподаванія и руководства для изученія положенныхъ въ ней предметовъ могутъ быть тѣже, какіе приняты въ уѣздныхъ училищахъ; методъ преподаванія зависитъ отъ выбора попечителя, который въ этомъ случаѣ примѣняется къ способностямъ и понятіямъ молодыхъ киргизовъ.

§ 4. Попечитель обязанъ заботиться сколько объ успѣшномъ образованіи дѣтей соответственно ихъ предназначенію, столько и о полномъ доставленіи имъ присвоенныхъ выгодъ содержанія.

§ 5. Онъ обязанъ блюсти за выборомъ въ должности надзирателя и учителей людей способныхъ и достойныхъ, о неблагонадежныхъ и нерадивыхъ относиться въ Коммисію, которая за упущенія дѣлаетъ имъ замѣчанія, а въ случаѣ надобности замѣнять ихъ другими чиновниками, руководствуясь § 5 Положенія о Школѣ для киргизскихъ дѣтей (14-го Июня 1844 года).

§ 6. Надзиратель Школы наблюдаетъ за исправнымъ и своевременнымъ посѣщеніемъ преподавателями своихъ классовъ, ведетъ дневной журналъ о томъ, кто изъ нихъ прибылъ въ урочное время, кто не былъ и кто опоздалъ; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ—по какимъ именно причинамъ. Рапорты свои по этому предмету онъ ежедневно подаетъ попечителю Школы.

§ 7. Законоучитель избирается изъ уважаемыхъ магометанскимъ обществомъ муллъ, известныхъ своею ученостію и благороднымъ образомъ мыслей.

§ 8. Учители русскаго и татарскаго языковъ, ариметики и чистописанія опредѣляются изъ людей, имѣющихъ право на подобнаго рода службу; право это можетъ ограничиваться свидѣтельствомъ объ успѣшномъ окончаніи курса въ одномъ изъ заведеній II-го разряда.

§ 9. Учитель русскаго языка долженъ непременно знать и татарскій языкъ, потому что безъ знанія его онъ не можетъ съ должнымъ успѣхомъ преподавать свой предметъ.

§ 10. Самый ближайшій и удобнѣйшій выборъ въ учительскія должности представляется изъ воспитанниковъ, окончившихъ науки во 2-мъ (азиатскомъ) отдѣленіи Неплюевского кадетскаго корпуса.

§ 11. Каждому изъ преподавателей Школы вѣняется въ обязанность, въ случаѣ болѣзни или другихъ законныхъ препятствій къ прибытію въ назначенные часы на урокъ, запискою извѣщать объ этомъ надзирателя, который немедленно доноситъ о семъ попечителю.

§ 12. На случай, если бы мѣсто учителя нѣкоторое время оставалось незамѣщеннымъ, попечитель, съ разрѣшенія предѣдателя Коммисіи, приглашаетъ для преподаванія въ Школѣ кого-либо изъ частныхъ лицъ, имѣющихъ означенныя въ §§ 8 и 9 качества, съ производствомъ ему присвоеннаго учителю содержанія.

§ 13. Въ Высочайше утвержденномъ уставѣ учебныхъ заведеній обязанности наставниковъ выражены въ слѣдующихъ правилахъ: „обязанности всѣхъ вообще учителей опредѣляются ихъ важнымъ назначеніемъ: образовывать умъ и сердце въѣрваемыхъ имъ

юношей. „Учитель долженъ всегда принимать въ соображеніе какъ возрастъ, такъ и степень понятія учащихся, изъясняться простыми и вразумительнымъ языкомъ и, обращая наибольшее вниманіе на малоуспѣвающихъ, не забывать однакоже отличать прилежныхъ въ поощреніе другимъ“. „Учители не должны терять ни въ какомъ случаѣ изъ виду главной нравственной цѣли воспитанія. Они должны стараться, чтобы ввѣренные имъ дѣти не только безъ затрудненія понимали ихъ наставленія, но и привыкли чувствовать всю важность своихъ будущихъ обязанностей къ Богу, къ самимъ себѣ, ближнимъ и поставленнымъ надъ ними властямъ. Надежнѣйшее средство успѣха есть привязанность учащихся къ наставнику; онъ легко можетъ приобрести ее, дѣйствуя на нихъ не одними угрозами и страхомъ, а болѣе кроткими и ласковымъ убѣжденіемъ и поучительнымъ примѣромъ, удерживая ихъ съ отеческою вѣжностію отъ проступковъ и заблужденій, разрѣшая ихъ сомнѣнія, замѣчая въ нихъ и одобряя всѣ похвальныя побужденія, состраданіе къ несчастію, любовь къ справедливости, ревность къ ученію, къ трудамъ своего званія и вообще къ полезной дѣятельности“.

„Въ отношеніи къ нравственной цѣли воспитанія учителя также обращаютъ особенное вниманіе на тѣхъ учениковъ, которыхъ считаютъ менѣе надежными“.

„Они стараются приучать ввѣренныхъ имъ дѣтей къ опрятности, порядку, учтивости“.

§ 14. Просьбы объ опредѣленіи воспитанниковъ въ Школу подаются предсѣдателю Комиссіи на простой бумагѣ.

§ 15. Школа раздѣляется на четыре класса.

§ 16. Въ каждомъ изъ первыхъ трехъ классовъ ученіе продолжается два года, а въ послѣднемъ одинъ.

§ 17. Въ первомъ классѣ преподается: 1-й годъ, русская

и татарская азбуки, послѣднія Хальфина; упражненія въ первоначальномъ чтеніи и письмѣ на обоихъ языкахъ. 2-й годъ, краткій катихизисъ (Имавъ Шарты), чтеніе Афтіяка (7-й части Корана); начало ариметики (нумерація), заучиваніе наизусть басенъ и образцовыхъ отрывковъ въ стихахъ и прозѣ на обоихъ языкахъ, чтеніе и чистописаніе по русски и татарски.

Во второмъ классѣ.

1-й годъ. Начальныя правила магометанской вѣры изъ книги Усть-Увани, окончательное чтеніе 7-й части Корана; русская и татарская грамматикъ до глагола; первыя четыре правила ариметики простыхъ и именованныхъ чиселъ; способъ рѣшенія задачъ, относящихся къ этимъ правиламъ, на счетахъ; чистописаніе по русски и татарски.

2-й годъ. Начальное толкованіе Корана; чистописаніе по русски и татарски; продолженіе русской и татарской грамматикъ до синтаксиса; легкіе переводы, приспособленные къ пройденному въ грамматикѣ съ русскаго языка на татарскій и обратно; простыя и десятичныя дроби, отношенія и пропорціи, способъ рѣшенія задачъ, относящихся къ этимъ правиламъ на счетахъ.

Въ третьемъ классѣ.

1-й годъ. Продолженіе толкованія Корана; окончаніе русской и татарской грамматикъ; окончаніе ариметики; способъ рѣшенія задачъ, относящихся къ пройденному въ ариметикѣ на счетахъ; переводы съ русскаго языка на татарскій и обратно; упражненія въ легкихъ сочиненіяхъ на обоихъ языкахъ; чистописаніе подъ диктовку по русски и татарски.

2-й годъ. Окончаніе толкованія Корана; практическое повтореніе русской и татарской грамматикъ; составленіе несложныхъ

дѣловыхъ бумагъ и разсмотрѣніе таковыхъ же слѣдственныхъ дѣлъ подѣ руководствомъ секретарей Коммисіи; краткій курсъ производства слѣдственныхъ дѣлъ по руководству Казанскаго; ознакомленіе съ коренными постановленіями государства и губернскими учрежденіями; повтореніе всей ариметики.

Въ четвертомъ классѣ.

Составленіе, подѣ руководствомъ секретарей Коммисіи, болѣе сложныхъ дѣловыхъ бумагъ и разсмотрѣніе таковыхъ же слѣдственныхъ дѣлъ съ практическимъ повтореніемъ пройденнаго; кромѣ этого медикъ и ветеринаръ Пограничной Коммисіи обучаютъ воспитанниковъ прививанію оспы, кровопусканію и ветеринарной наукѣ только въ мѣрѣ необходимой, именно наглядному распознаванію и леченію главнѣйшихъ заразительныхъ болѣзней, существующихъ на скотѣ.

Примѣчаніе. Объясненіе законовъ, а также знаніе слѣдственнаго порядка для воспитанниковъ полезно потому, что они могутъ быть назначаемы депутатами къ слѣдствіямъ по дѣламъ между ордынцами и линейными жителями, а въ Ордѣ могутъ сами, по назначенію правителей, производить слѣдствія; въ обоихъ этихъ случаяхъ будетъ избѣгнута необходимость послышки въ Степь переводчиковъ и толмачей, которая вѣдетъ и къ значительнымъ издержкамъ (на прогоны и суточное содержаніе) и отрываетъ чиновниковъ отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей.

§ 18. Курсъ производства слѣдственныхъ дѣлъ, коренныя постановленія государства и губернскія учрежденія преподаетъ секретарь или другой чиновникъ Коммисіи, по выбору председателя, безъ особаго денежнаго вознагражденія.

§ 19. Соображаясь съ привычками киргизскихъ мальчиковъ, которые будутъ поступать въ Школу прямо изъ своихъ кибитокъ отъ стѣннаго приволья, и для того, чтобы переходъ отъ жизни дикой, всегда физически дѣятельной и нравственно-праздной, къ ученію не казался имъ слишкомъ рѣзкимъ и не повлекъ вредныхъ послѣдствій для здоровья дѣтей, воспитанники первыхъ трехъ классовъ, въ часы свободные отъ уроковъ, упражняются въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ.

Примѣчаніе. Учитель гимнастики можетъ быть вознагражденъ денежною платою изъ остатковъ отъ штатной суммы на Школу, а въ случаѣ недостатка ей изъ остатковъ отъ суммы на канцелярскихъ служителей и канцелярскіе расходы собственно по Коммисіи.

§ 20. Воспитанники перваго класса въ первый годъ занимаются три часа въ день, — полтора по утру и столько же послѣ обѣда; во второй годъ, а равно воспитанники втораго и третьяго классовъ, четыре съ половиною, — три по утру и полтора послѣ обѣда. Воспитанники четвертаго класса занимаются утромъ четыре часа въ Коммисіи и полтора часа послѣ обѣда въ Школѣ.

§ 21. Сверхъ сего для каждаго изъ первыхъ трехъ классовъ опредѣляются по два часа въ сутки занятій подѣ наблюденіемъ надзирателя Школы для повторенія и приготовленія уроковъ: часъ до обѣда и часъ послѣ обѣда.

§ 22. Распредѣленіе ученія по днямъ и по часамъ, а также времени для отдыха, для гимнастическихъ упражненій и проч. зависитъ отъ усмотрѣній попечителя. Составляемыя имъ по этому предмету росписанія вносятся на утвержденіе председателя Коммисіи; при перемѣнахъ ихъ соблюдается тотъ же порядокъ.

§ 23. Въ воскресные и табельные дни, также въ пятницы и главные магометанскіе праздники, уроки не преподаются.

§ 24. Каждую пятницу воспитанники посѣщаютъ мечеть для слушанія соборнаго богослуженія.

§ 25. Прежде выслушанія двухъ-лѣтняго курса въ одномъ классѣ воспитанники не могутъ быть переводимы въ слѣдующій классъ.

§ 26. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые по срочномъ испытаніи не удостоятся поступить въ высшій классъ, оставляются въ прежнемъ для выслушанія въ немъ снова двухъ-лѣтняго курса.

§ 27. Дѣти, оказывающіяся вовсе неспособными къ ученію по тупости, или неблагонадежными по дурному поведенію, если не будетъ въ виду мѣръ исправленія (по удостовѣренію попечителя), исключаются Комисіею изъ штата Школы и возвращаются черезъ мѣстное ордынское начальство, къ родителямъ ихъ или опекунамъ.

§ 28. Оказавшіеся неспособными по слабости здоровья или по какимъ либо хроническимъ болѣзненнымъ припадкамъ, такимъ же порядкомъ возвращаются родителямъ ихъ, которые впрочемъ не лишаются права, по выздоровленіи дѣтей, снова просить о принятіи ихъ въ штатъ Школы.

§ 29. Учители должны заботиться, чтобы назначенное имъ къ преподаванію въ каждомъ классѣ было окончено къ 1 Апрѣля; съ 1 Апрѣля по 1 Мая они обязаны повторить вмѣстѣ съ учениками все пройденное въ теченіи академическаго года, а съ 15 Мая производятся частныя испытанія и оканчиваются къ 1 Юня.

Примѣчаніе. Годичные экзамены производятся учителями въ присутствіи надзирателя, а двухъ-годичныя—попечителя и над-

зирателя. На тѣхъ и другихъ могутъ присутствовать отцы дѣтей, воспитывающихся въ Школѣ, почетныя лица въ городѣ и извѣстные своею грамотностію или заслугами киргизы.

§ 30. 30-го Августа ежегодно въ Школѣ бываетъ публичный актъ; на немъ читаются имена воспитанниковъ, назначенныхъ къ выпуску и удостоенныхъ перевода въ высшіе классы; прилежнѣйшіе изъ воспитанниковъ награждаются похвальными листами и книгами.

§ 31. Приоравливаясь къ натурѣ молодыхъ ордынцевъ, привыкшихъ въ своихъ кочевьяхъ къ праздности и постоянному нахожденію на воздухѣ, время вакацій для нихъ назначается продолжительнѣе, нежели для другихъ учебныхъ заведеній, а именно съ 1 Юня по 15 Августа.

§ 32. Для надзора за воспитанниками въ Степи, кромѣ надзирателя, назначается всегда одинъ изъ извѣстныхъ Комисіи киргизскихъ султановъ или старшинъ съ своимъ ауломъ, и сверхъ того, для совершенно безопаснаго ихъ тамъ кочеванія при нихъ постоянно находятся 10—15 рядовыхъ башкиро-меншерякского войска.

Часть хозяйственная.

§ 33. Попечитель имѣетъ постоянное наблюденіе по хозяйственной части Школы.

§ 34. Ближайшее заведываніе по этой части вѣрится надзирателю, на отвѣтственности котораго лежать все вообще казенное ея имущество и внутренній полицейскій порядокъ Школы.

§ 35. Надзиратель, распоряжаясь по установленному порядку въсемъ до хозяйства относящимся, подвергается ревизіи по учету попечителя или же председателя Комисіи во всякое время.

§ 36. Въ служители для присмотра за дѣтми избираются благонадежные и, по возможности, грамотные оставные унтер-офицеры изъ татаръ башкиро-мещерякского или Оренбургскаго казачьяго войска, во всякомъ случаѣ навѣки къ киргизскому нарѣчію.

§ 37. Служители эти состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи надзирателя Школы.

§ 38. Распредѣленіе времени для стола воспитанниковъ, а также для ихъ отдохновенія предоставляется понечителю, который составляемы для этого росписанія предварительно подносить на утвержденіе предсѣдателя.

§ 39. Всѣ представленія Оренбургскому Военному Губернатору относительно Школы дѣлаются не иначе какъ отъ Комисіи, по ея журнальнымъ постановленіямъ.

§ 40. Отпускъ суммъ надзирателю на содержаніе и ремонтъ Школы также производится по журналамъ Комисіи.

§ 41. Въ израсходованіи этихъ суммъ надзиратель своевременно представляетъ Комисіи, на законномъ основаніи, отчетъ.

§ 42. Надзиратель Школы и всѣ учителя получаютъ жалованье въ Комисіи тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочіе ея чиновники.

§ 43. Прислугу, при Школѣ состоящую, ежемѣсячно удовлетворяетъ жалованьемъ надзиратель изъ общей суммы, получаемой имъ на содержаніе Школы.

§ 44. Для соображенія и отчета по заготовленію припасовъ для Школы, хойтвенному ремонту, а также и платѣ вольнонаемнымъ служителямъ и по другимъ расходамъ, надзиратель получаетъ отъ Комисіи двухъ-недѣльные сравнительныя дѣны, существующія на рынкѣ города.

§ 45. Надзиратель, обязанный имѣть помѣщеніе и жилище при домѣ Школы, пользуется казеннымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ изъ суммы, на этотъ предметъ итакомъ определенной.

Предсѣдатель Генераль-Майоръ Ладыженскій.

Совѣтникъ Вигмаевъ.

Совѣтникъ Ваневъ.

Совѣтникъ Баталитъ.

Секретарь

*Предложеніе Оренбургскаго Военнаго Губернатора
Оренбургской Пограничной Комисіи, 6 Юля 1849 г.,
№ 1186.*

Представленные ко мнѣ Пограничною Комисією, при донесеніи отъ 7-го прошлаго Января за № 101-мъ, проектъ устава Школы для киргизскихъ дѣтей и смѣту расходовъ на первоначальное ея устройство я вносилъ на разсмотрѣніе въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Нынѣ управляющій этимъ Министерствомъ, Тайный Совѣтникъ Сенявинъ, отъ 14 минуваго Юня за № 2118, сообщаетъ мнѣ, что такъ какъ о Школѣ для киргизскихъ дѣтей существуетъ уже Положеніе, удостоенное Высочайшаго утвержденія въ 14 день Юня 1844 года, вмѣстѣ съ положеніемъ объ управленіи Оренбургскими киргизами, то Пограничной Комисіи слѣдуетъ въ предстоящихъ теперь дѣйствіяхъ относительно Школы сообразоваться, какъ предполагалъ и я, съ правилами, начертанными въ севъ Положеніи; а потому Тайный Совѣтникъ Сенявинъ проситъ меня приказатъ поспѣшить открытіемъ помянутой Школы, такъ какъ Пограничная Комисія, безъ сомнѣнія, уже имѣла все время для

нужныхъ приготовительныхъ распоряженій, и теперь, по видимому, не можетъ предстоять никакого препятствія къ открытію въ оной ученія. При этомъ Азіатскій Департаментъ предоставляетъ моему усмотрѣнію распредѣленіе классовъ въ Школѣ, часовъ ученія, подробности хозяйственныя и т. п. съ тѣмъ, чтобы оное объяснено было въ особой инструкціи отъ меня начальству Школы.

Предварительно распоряженія къ открытію помянутой Школы для киргизскихъ дѣтей, составивъ инструкцію для руководства къ Высочайше утвержденному въ 14 день Іюня 1844 года Положенію о Школѣ и препровождая оную въ Пограничную Коммисію, я прошу по разсмотрѣніи этой инструкціи увѣдомить меня, не признаетъ ли она нужнымъ что-либо дополнить или измѣнить въ этой инструкціи, съ тѣмъ однакожъ, чтобы измѣненія сіи или дополненія нисколько не противорѣчили помянутому Высочайше утвержденному Положенію о Школѣ, такъ какъ желаніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ состоитъ въ томъ, чтобы во всѣхъ главныхъ распоряженіяхъ относительно киргизской Школы руководствоваться симъ Положеніемъ. При этомъ возвращаю проектъ устава и смѣту расходамъ, потребнымъ на первоначальное устройство Школы, представленные ко мнѣ Пограничною Коммисіею при вышеозначенномъ донесеніи ея за № 101.

Генераль отъ Инфантеріи Обручевъ.

*Оренбургской Пограничной Коммисіи, 16 Августа
1849 г., № 1425.*

Изъ предложенія моего отъ 6 минувшаго Іюля за № 1186 Пограничной Коммисіи извѣстно, что Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ проситъ меня приказать поспѣшить

открытіемъ Школы для киргизскихъ дѣтей, такъ какъ Пограничная Коммисія безъ сомнѣнія избла уже все время для нужныхъ приготовительныхъ распоряженій и теперь, по видимому, не можетъ предстоять никакого препятствія къ открытію въ означенной Школѣ ученія. При чемъ Тайный Совѣтникъ Сенявинъ объяснилъ, что мнѣніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ состоитъ въ томъ, чтобы во всѣхъ главныхъ распоряженіяхъ относительно Киргизской Школы руководствоваться Высочайше утвержденнымъ въ 14 день Іюня 1844 года Положеніемъ. Что же касается до разныхъ подробностей исполненія (распредѣленія классовъ въ Школѣ, часовъ ученія, подробности хозяйственныя и т. п.), то все это Азіатскій Департаментъ предоставилъ моему усмотрѣнію съ тѣмъ, чтобы оное было выражено въ особой инструкціи отъ меня начальству Школы. Въ послѣдствіе сего, препровождая въ Пограничную Коммисію составленную мною инструкцію для руководства начальству Школы для киргизскихъ дѣтей, я предлагаю Коммисіи распорядиться о немедленномъ открытіи Школы этой, представая ко мнѣ именные списки принятымъ въ оную киргизскимъ мальчкамъ, съ объясненіемъ, чьи они дѣти. При семъ возвращаю представленные ко мнѣ, при донесеніи отъ 23-го минувшаго Іюля за № 9256, проектъ устава Школы и смѣту расходамъ на окончательное ея устройство, я прошу Коммисію поручить, кому слѣдуетъ, прилѣпиться къ цѣнамъ на заготовленіе объясненныхъ въ смѣтѣ предметовъ, не возможно ли будетъ пріобрѣсти таковыя въ настоящее время по цѣнамъ выгодѣйшимъ противу тѣхъ, какія означены въ этой смѣтѣ, и объ оказаніи мнѣ донести для окончательнаго съ моей стороны разрѣшенія къ отнесенію потребной по смѣту издержки, на основаніи Высочайшаго указа, даннаго въ 14 день Іюня 1844 г., на кибиточный съ киргизовъ сборъ. Въ заключеніе неизлиплимъ

считаю присвокупить, что согласно вышеприведенному представлению ко мнѣ Пограничной Коммисіи за № 9256, время, назначенное для обученія воспитанниковъ въ Школѣ и ваканціи, мною измѣнено, о чемъ объяснено въ инструкціи; относительно же увольненія на кочевку тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые по какому-либо обстоятельству не могутъ на ваканцію отправиться къ родителямъ или родственникамъ, Коммисія должна руководствоваться § 16 Высочайше утвержденного Положенія; впрочемъ сверхъ сего объ этомъ объясняется въ примѣчаніи къ § 22 инструкціи. А что касается до опредѣленнаго въ инструкціи курса воспитанія въ Школѣ, то оный нисколько не превышаетъ назначеннаго § 16 Высочайше утвержденного Положенія срока, какъ заключаетъ объ этомъ Пограничная Коммисія изъ того, что выпускъ изъ Школы долженъ производиться черезъ каждые два года, и потому нужнымъ нахожу объяснить: въ инструкціи назначается пробыть въ первыхъ трехъ классахъ по два года въ каждомъ, а въ четвертомъ одинъ, и такимъ образомъ курсъ воспитанія опредѣляется въ 7-мъ лѣтъ.

Генералъ отъ Инфантеріи Обручевъ.

ИНСТРУКЦІЯ

Для руководства къ Высочайше утвержденному въ 14 день Іюня 1844 года Положенію о Школѣ для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Коммисіи.

§ 1. Въ состоящую при Пограничной Коммисіи Школу должны быть принимаемы, на точномъ основаніи § 12 Высочайше утвержденного Положенія, дѣти вообще киргизовъ, и преимуще-

ственно оказавшихъ заслуги Правительству и извѣстныхъ по своей преданности.

Примѣчаніе. Подъ симъ должно разумѣть какъ дѣтей киргизскихъ султановъ, биевъ, старшинъ, такъ и дѣтей простыхъ киргизовъ, лишь бы они были преданными Правительству.

§ 2. Общій приемъ воспитанниковъ въ Школу производится черезъ каждые два года, 22-го Августа, но въ случаѣ открытія вакансіи среди учебнаго курса можно замѣстить оную во всякое время.

§ 3. Съ просьбами о помѣщеніи воспитанниковъ въ Школу ордынцы обращаются въ Пограничную Коммисію или къ султану-правителю, который дѣлаетъ о томъ представленіе въ Коммисію съ засвидѣтельствованіемъ о преданности просителя къ Правительству.

§ 4. Законоучитель магометанскаго исповѣданія опредѣляется Оренбургскимъ Военнымъ Губернаторомъ, по представленію Пограничной Коммисіи, изъ муллъ, одобренныхъ Оренбургскимъ духовнымъ магометанскимъ собраніемъ.

§ 5. Учители русскаго и татарскаго языковъ, чистоисанія и арифметики опредѣляются, съ разрѣшенія Оренбургскаго Военнаго Губернатора, изъ учителей Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса и воспитанниковъ, окончившихъ курсъ наукъ въ этомъ заведеніи, или въ Казанскомъ университетѣ; а преподаватель производства слѣдственныхъ дѣлъ и составленія дѣловыхъ бумагъ избирается г. председателемъ изъ чиновниковъ Пограничной Коммисіи, преимущественно изъ секретарей, безъ особаго денежнаго вознагражденія. Учитель-же гимнастики приглашается изъ Неплюевского кадетскаго корпуса.

§ 6. Учитель русскаго языка долженъ знать и татарскій

языкъ, потому что безъ знанія его онъ не можетъ съ должнымъ успѣхомъ правильно преподавать свой предметъ.

Обязанности и отвѣтственность чиновъ.

§ 7. Всѣ распоряженія по Школѣ завѣсть отъ разрѣшенія Пограничной Коммисіи, но въ дѣлахъ, требующихъ особенной важности, она представляетъ Оренбургскому Военному Губернатору, а сей, если найдетъ за нужное, доводитъ о томъ до свѣдѣнія Азіатскаго Департамента.

§ 8. Товарищъ предсѣдателя Пограничной Коммисіи, который есть какъ бы попечитель Киргизской Школы, непосредственно наблюдаетъ за точнымъ и успѣшнымъ исполненіемъ надзирателемъ и учителями своихъ обязанностей, за способомъ и порядкомъ преподаванія воспитанникамъ наукъ и вообще за умственнымъ и физическимъ ихъ образованіемъ, соответственно предназначенію, а также за приличнымъ содержаніемъ воспитанниковъ.

§ 9. Надзиратель Школы, какъ ближайшій начальникъ и исполнитель всѣхъ распоряженій по части хозяйственной и полицейскаго управленія, обязанъ строго наблюдать: 1) за правдивостію, сохраненіемъ здоровья и успѣшнымъ обученіемъ воспитанниковъ; 2) за опрятностію и чистотою въ одеждѣ и помѣщеніи воспитанниковъ; 3) за соблюденіемъ въ Школѣ должнаго во всемъ порядка, тишины и благоустройства; 4) за береженіемъ всѣхъ вообще вещей и принасовъ, Школѣ принадлежащихъ.

§ 10. Надзиратель Школы прямихъ сношеній съ другими жѣстами и лицами не имѣетъ; но въ случаѣ надобности обо всемъ доноситъ и представляетъ товарищу предсѣдателя.

§ 11. О замѣченномъ упущеніи или нерадѣніи со стороны надзирателя или учителей въ исполненіи ими своихъ обязанностей, товарищъ предсѣдателя немедленно доводитъ до свѣдѣнія Пограничной Коммисіи.

§ 12. Надзиратель обязанъ имѣть должное попеченіе о своевременномъ заготовленіи всѣхъ вообще принасовъ, какъ для продовольствія, такъ и для обуздированія воспитанниковъ Школы.

§ 13. О всѣхъ потребныхъ расходахъ по Школѣ надзиратель представляетъ, черезъ товарища предсѣдателя, своевременно Пограничной Коммисіи, которая, смотря по мѣрѣ дѣйствительной надобности, отпускаетъ потребную сумму, за правильнымъ употребленіемъ коей наблюдаетъ товарищъ предсѣдателя.

§ 14. Учители должны заботиться, чтобы назначенные имъ для преподаванія въ каждомъ классѣ предметы были преподаваемы воспитанникамъ со всевозможною ясностію. Они въ особенности отвѣтствуютъ за успѣшное образованіе воспитанниковъ въ наукахъ.

Образованіе воспитанниковъ.

а) ПРЕДМЕТЫ ОБУЧЕНІЯ.

§ 15. Согласно съ самою цѣлію учрежденія сей Школы, предметы ученія въ оной суть слѣдующіе:

- 1) Законъ магометанскій.
- 2) Русскій языкъ, чтеніе, чистописаніе и грамматика.
- 3) Арифметика и способъ счисленія на счетахъ.
- 4) Татарскій языкъ.
- 5) Порядокъ производствъ слѣдствій и составленіе дѣловыхъ бумагъ на рускомъ и татарскомъ языкахъ.
- 6) Гимнастика.

Примѣчаніе. Гимнастикѣ обучать въ тѣхъ только видахъ, чтобы доставить воспитанникамъ родъ упражненія, полезнаго для ихъ здоровья, и чтобы сидячая жизнь не могла имѣть слишкомъ вреднаго вліянія на молодыхъ людей, съ малолѣтства привыкшихъ къ кочевой жизни и движению. Поэтому гимнастическія упражненія отнюдь не должны быть поставлены на ряду съ прочими предметами преподаванія, и по онымъ не слѣдуетъ требовать никакихъ балловъ, удостоверяющихъ въ усіяхъ воспитанниковъ и принимаемыхъ въ соображеніе при переводѣ ихъ изъ низшаго класса въ высшій; сверхъ сего гимнастику, согласно желанію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, выраженному въ отношеніи къ мѣѣ, ввести не вдругъ, а спустя нѣсколько времени и удостовѣрившись напередъ, что киргизы не будутъ слишкомъ ей чуждаться; во всякомъ же случаѣ не припеволивать ихъ къ сего рода занятіямъ, а скорѣе пріохочивать, и чтобы оныя были для нихъ пріятнымъ развлеченіемъ.

§ 16. Преподаваніе наукъ раздѣляется на четыре класса. Въ первомъ классѣ преподается: 1-й годъ, русская и татарская азбука, чтеніе и чистописаніе на обоихъ языкахъ, 2-й годъ краткій катихизисъ (Ималъ шарты), чтеніе Афтіяка (7-й части Корана), начало ариметики (пумерація). Во второмъ классѣ, 1-й годъ, начальныя правила магометанской вѣры, окончательное чтеніе 7-ой части Корана, начальныя основанія русской и татарской грамматикъ и письмо подъ диктовку на обоихъ языкахъ; первыя четыре правила ариметики, способъ рѣшенія задачъ, правила класть на счетахъ, чистописаніе по русски и татарски; 2-й годъ, начальное толкованіе Корана, чистописаніе по русски и по татарски, продолженіе русской и татарской грамматикъ до синтаксиса, легкіе переводы, приспособленные къ пройденному

въ грамматикѣ, съ русскаго языка на татарскій и обратно (подъ руководствомъ переводчика Пограничной Коммисіи), простыя дробы и именованныя числа. Въ третьемъ классѣ: 1-й годъ, продолженіе толкованія Корана, окончаніе русской и татарской грамматикъ, окончаніе ариметики, способъ рѣшенія задачъ, переводы съ русскаго языка на татарскій и обратно, чистописаніе подъ диктовку по русски и татарски. 2-й годъ, окончаніе толкованія Корана; практическое повтореніе русской и татарской грамматикъ, составленіе несложныхъ дѣловыхъ бумагъ; производство слѣдственныхъ дѣлъ и повтореніе ариметикки. Въ четвертомъ классѣ, гдѣ воспитанники находятся только одинъ годъ, упражненіе въ легкихъ сочненіяхъ на обоихъ языкахъ, составленіе болѣе сложныхъ дѣловыхъ бумагъ и рассмотрѣніе таковыхъ же слѣдственныхъ дѣлъ съ практическимъ повтореніемъ пройденнаго, составленіе изъ слѣдственныхъ дѣлъ выписокъ.—Кромѣ этого, врачъ и ветеринарный лекаръ Пограничной Коммисіи обучаютъ воспитанниковъ прививанію оспы, кровопусканію и ветеринарной наукѣ, только въ мѣрѣ необходимой, именно по наглядному распознаванію и лѣченію главнѣйшихъ заразительныхъ болѣзней, существующихъ на ея въ Оренбургскомъ краѣ.

Примѣчаніе. Объясненіе законовъ, а также знаніе слѣдственнаго порядка для воспитанниковъ полезно потому, что они могутъ быть назначаемы депутатами къ слѣдствіямъ по дѣламъ между ордынцами и линейными жителями, а въ Ордѣ могутъ сами, по назначенію правителей, производить слѣдствія.

§ 17. Преподаваніе предметовъ обученія производится ежедневно, исключая табельныхъ дней, пятницы и главныхъ магометанскихъ праздниковъ. Въ табельные дни всѣ вообще воспитанники повторяютъ уроки, а въ пятницы и магометанскіе праздники водятъ ихъ въ мечеть, для слушанія соборнаго богослуженія.

нія, въ воскресные же дни воспитанникамъ преподается магометанскій законъ и татарскій языкъ.

§ 18. Кромѣ означенныхъ дней, воспитанники освобождаются отъ занятій въ четвертокъ послѣ обѣда.

§ 19. Распределение времени для ученія по днямъ и часамъ, т. е. въ какіе дни и часы воспитанники должны обучаться наукамъ, гимнастикѣ, а также для отдыха, зависитъ отъ усмотрѣнія товарища предсѣдателя; составляемые имъ по этому предмету росписанія вносятся на утвержденіе предсѣдателя Комисіи. При переѣздахъ ихъ соблюдается тотъ же порядокъ.

§ 20. Воспитанники въ Школѣ встаютъ въ 7 час. утра, завтракаютъ въ восемь, отъ 9 до 11 часовъ учатся въ классахъ, въ 1-мъ часу обѣдаютъ. Послѣ обѣда вновь учатся отъ 2 до 4-хъ часовъ въ классахъ, ужинаютъ въ 8-мъ, ложатся спать въ 9-ть часовъ вечера.

§ 21. Сверхъ сего, для каждаго изъ трехъ послѣднихъ классовъ опредѣляется по два часа въ сутки занятій, подъ наблюденіемъ надзирателя Школы, для повторенія и приготовленія уроковъ,—часть до обѣда и часть послѣ обѣда.

§ 22. Если кто изъ родителей, родственниковъ или опекуновъ пожелаетъ взять къ себѣ воспитанника на время вакаціи, то съ разрѣшенія Пограничной Комисіи такковыя отпускаются въ Орду, если это не будетъ сопряжено съ дальностію разстоянія, съ тѣмъ, чтобы онъ непременно доставилъ воспитанника въ Школу къ окончанію вакаціи подъ личною своею отвѣтственностію. Наблюденіе за воспитанниками во время нахожденія ихъ у родственниковъ въ Ордѣ, а равно за своевременнымъ доставленіемъ ихъ въ Школу, вмѣняется въ непремѣнную обязанность киргизскимъ султанамъ или старинамъ тѣхъ ауловъ. О случив-

шемся же что-либо съ воспитанникомъ, они немедленно доносятъ Комисіи.

Примѣчаніе. Тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые не могутъ быть взяты по чему-либо на вакацію къ родственникамъ, отправлять на это время, согласно § 19 Высочайше утвержденнаго 14 Іюня 1844 г. Положенія о Школѣ, на кочевку въ одно изъ ближайшихъ и удобныхъ для сего мѣстъ.

Испытаніе и выпускъ воспитанниковъ изъ Школы.

§ 23. Ученіе классовое продолжается до 1 Мая, съ 1 по 20 Мая учителя обязаны повторить вмѣстѣ съ учениками все пройденное въ теченіе учебнаго года; съ 25 Мая производится частныя испытанія и оканчиваются къ 10 Іюня; съ 15 Іюня назначается вакація и продолжается по 15 Августа.

§ 24. Частныя испытанія производятся учителями въ присутствіи товарища предсѣдателя и надзирателя Школы, а также могутъ быть при этомъ отцы дѣтей, воспитывающихся въ Школѣ.

§ 25. Окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ, передъ выпускомъ изъ Школы, что бываетъ черезъ каждые два года, производится 10 Іюня публичныя испытанія. При этомъ присутствуютъ: предсѣдатель Пограничной Комисіи, товарищъ его, онъ же и попочитель Школы, совѣтники Комисіи, надзиратель Школы и учителя, а сверхъ того приглашаются на оныя родственники учащихся и другіе посѣтители и извѣстные киргизы.

§ 26. По окончаніи экзаменовъ дѣлаются переводы воспитанниковъ изъ одного класса въ другой и самый выпускъ изъ Школы.

§ 27. Прежде выслушанія двухъ-лѣтняго курса въ одномъ

классѣ, воспитанники не могутъ быть переводимы въ слѣдующій классъ.

§ 28. Для удостовѣренія успѣховъ въ наукахъ и поведенія воспитанниковъ, назначается слѣдующее число балловъ:

Въ законѣ магометанскомъ	12.
» русскомъ языкѣ	12.
» ариметикѣ	12.
» порядкѣ производства слѣдствій и составленіи дѣловыхъ бумагъ	12.
» татарскомъ языкѣ	12.
Поведеніе	12.

Итого . . . . . 72.

§ 29. По окончаніи экзаменовъ, товарищъ предѣдателя представляетъ экзаменные списки черезъ Пограничную Коммисію, въ двухъ экземплярахъ, къ Оренбургскому Военному Губернатору, который одинъ экземпляръ препровождаетъ въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

§ 30. Списки сіи должны быть за подписомъ предѣдателя Пограничной Коммисіи, товарища его, совѣтниковъ, надзирателя Школы и учителей.

§ 31. Воспитанники, оказавшіеся вовсе неспособными къ умственному образованію по тупости и нерадѣнію, или замѣченные въ дурномъ поведеніи, если не будетъ въ виду мѣръ исправленія (по удостовѣренію товарища предѣдателя), исключаются по распоряженію Пограничной Коммисіи изъ Школы и возвращаются, черезъ мѣстное ордынское начальство, къ родителямъ ихъ или опекунамъ.

§ 32. Воспитанники, оказавшіеся неспособными къ ученію по слабости здоровья, или по какигъ-либо хроническимъ болѣз-

неннымъ припадкамъ, тѣмъ же порядкомъ возвращаются изъ Школы къ родителямъ, которымъ, впрочемъ, предоставляется право, по выздоровленіи дѣтей, снова опредѣлять ихъ въ Школу, если въ оной не будетъ мѣтнаго числа воспитанниковъ.

§ 33. Пища воспитанниковъ должна быть сытная, но простая, болѣе приименная для азіатцевъ.

Отчетность.

§ 34. Сумма на содержаніе воспитанниковъ и всей Школы, а также на жалованье чинамъ при ней служащимъ отпускается по мѣрѣ дѣйствительной надобности въ вѣдѣніе надзирателя Школы, который обязанъ вести приходо-расходныя денежныя шнуровыя книги, а также всѣмъ вообще принасамъ и вещамъ Школы. Для сего выдаются надзирателю ежегодно четыре шнуровыя книги: 1) о денежной суммѣ, 2) о съѣстныхъ принасахъ, 3) учебнымъ вещамъ, и 4) разнымъ хозяйственнымъ принадлежностямъ.

§ 35. Книги сіи выдаются изъ Пограничной Коммисіи за подписомъ и печатью Оренбургскаго Военнаго Губернатора, каковыя и ведутся въ законномъ порядкѣ.

§ 36. Суммы, принадлежащія Школѣ, хранятся въ сундукѣ при Пограничной Коммисіи въ количествѣ опредѣленномъ, а затѣмъ остальные деньги имѣть въ общей кладовой, отпускъ же въ Школу денегъ производится по мѣрѣ надобности, по требованію надзирателя Школы и по журнальнымъ постановленіямъ Коммисіи.

§ 37. По прошествіи каждаго мѣсяца, товарищъ предѣдателя и надзиратель Школы подробно доносятъ Пограничной Коммисіи: первый о состояніи всѣхъ частей Школы, о прибытии и убыти воспитанниковъ, о поведеніи, объ успѣхахъ ихъ, о боль-

ных и о прочемъ, а второй о расходахъ суммъ и принасовъ и о состояніи оныхъ въ наличности; Комисія же доноситъ объ этомъ Военному Губернатору.

Оренбургскій Военный Губернаторъ

Генераль отъ Инфантерій Обручевъ.

Примѣчаніе. На поляхъ предложенія отъ 6 Іюля 1849 г. написаны карандашомъ слѣдующія замѣтки председателя Пограничной Комисіи Генераль-Майора Ладженскаго:

1) Въ инструкціи назначено на канцеляію съ 1 Іюня по 1 Августа несовмѣстно: съ появленіемъ травы киргизъ рвется въ степь и задыкается въ городѣ, а тутъ надобно ему еще учиться.

2) О кочевкѣ вовсе не упоминается.

3) Учебныхъ часовъ слишкомъ много для непривычнаго дикаго мальчика въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ.

А объ остальномъ не стоитъ безполезно толковать.

6 лѣтъ тому назадъ, какъ праздновали 100-лѣтіе Оренбургу, — а много ли мы имѣемъ свѣдѣній о сопредѣльныхъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ — свѣдѣній и то какихъ? Грамотность въ такомъ размѣрѣ, какъ здѣсь обозначено, не много принесетъ пользы, скорѣе эту грамотность можно будетъ назвать безграмотностью. Образцы у насъ предъ глазами — Бекчуринъ, (еще имя, которое трудно разобрать) и т. д. По моему предположенію полагалось *очеловѣчить* немного киргизятъ, не набивая имъ пустымъ головы и не изнуряя ихъ тѣло — не отучая отъ Степи.

Много-ли мы имѣемъ свѣдѣній и о самой Степи? Кто понимаетъ изъ ордынцевъ виды Правительства? Неужели для этого нужна только грамота? Григорьевъ, Бекчуринъ

знають ее, да что же въ этомъ проку? Но довольно! — Пуская гг. совѣтники сами сличать настоящую инструкцію съ моими мыслями, выраженными въ первомъ и второмъ проектахъ устава и выведутъ независимо свои собственные заключенія. Я спорить и прекословить не буду — надобно.

Изъ Журнала Пограничной Комисіи на 21 Іюля 1849 г.

Слушали: предложеніе Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора отъ 6 Іюня 1849 г. за № 1186 (прописано предложеніе; далѣе прописана инструкціи и обширная справка). **Приказали:** Донести Г. Военному Губернатору, вслѣдствіе поступившаго нынѣ предложенія за № 1186, что Пограничная Комисія, разсмотрѣвъ внимательно присланную при этомъ предложеніи инструкцію къ руководству въ дополненіе къ Высочайше утвержденному въ 14 день Іюня 1844 г. Положенію о Школѣ для киргизскихъ дѣтей при Комисіи и находя постановляемыя въ сей инструкціи правила касательно порядка приема воспитанниковъ въ Школу, опредѣленія въ оную преподавателей, обязанностей и отвѣтственности чиновъ, имѣющихъ состоять при Школѣ, предметовъ ученія, испытанія, выпуска и стола воспитанниковъ Школы и наконецъ денежной по ней отчетности, совершенно согласными съ тѣми, какія были изложены самою Комисіею въ представленномъ при донесеніи 7 Января сего года № 101 проектѣ устава Школы, не предвидитъ за этимъ никакой надобности чѣмъ-либо измѣнять или дополнять въ семъ отношеніи инструкцію; но принимая съ своей стороны въ соображеніе, что по 19 и 20 §§ Положенія о Школѣ 14 Іюня 1844 г., коимъ указано теперь отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ по отзыву Его Высочайшаго Председательства руководствоваться во всѣхъ глав-

ных по ней распоряженіяхъ, содержаніе воспитанниковъ въ Школѣ и одежда ихъ должны по возможности быть примѣнены и къ одѣянію киргизовъ, и къ ихъ образу жизни въ Стени, и для того въ лѣтнее время назначено отправлять ихъ на кочевку въ одно изъ ближайшихъ и удобныхъ для сего мѣстъ, гдѣ за воспитанниками слѣдуетъ также имѣть приличный присмотръ, — Комиссія приметъ смѣлость представить ближайшему вниманію Г. Военнаго Губернатора, что предназначаемое 20 и 21 §§ инструкции время на обученіе воспитанниковъ въ Школѣ (по 6 часовъ во всѣхъ классахъ, а въ первыхъ трехъ классахъ съ часами для повтореній по 8 часовъ въ сутки), по мнѣнію Комиссіи, будетъ слишкомъ для нихъ обременительно и неминуемо изуритъ и разстроитъ здоровье большей части мальчиковъ, взятыхъ прямо отъ привольной, свободной и совершенно безпечной степной жизни, особенно изъ малолѣтнихъ первыхъ трехъ курсовъ, чему можетъ нѣкоторымъ образомъ служить доказательствомъ: во-первыхъ смерть воспитывавшагося въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ сына покойнаго султана Баймухамеда отъ чахотки до окончанія курса; во-вторыхъ частовременно встречаемая въ томъ же заведеніи необходимость увольнять воспитанниковъ изъ киргизовъ, по просьбамъ ихъ родителей, въ аулы для поправленія растрываемаго здоровья и особенно груди, чего нельзя отнести ни къ чему другому, какъ къ слѣдствію непривычныхъ постоянныхъ и напряженныхъ умственныхъ занятій и долгому сидѣнію, и въ третьихъ смерть въ фельдшерской школѣ, при Оренбургскомъ госпиталѣ учрежденной, двухъ поступившихъ въ оную киргизскихъ мальчиковъ Джатлавова и Тлявова, которые до передачи ихъ въ концѣ Января сего года въ госпиталь, занимаясь при Комиссіи около двухъ лѣтъ, пользовались, при соразмѣренности сихъ занятій съ обычнымъ образомъ жизни киргиза, пол-

нымъ здоровьемъ, по вступленіи же въ Школу умерли первый черезъ три, а другой черезъ четыре мѣсяца. Руководясь тѣми же убѣжденіями, Комиссія равнымъ образомъ полагала бы необходимымъ время вакацій, назначаемое 23 § инструкции съ 1 Юля по 1 Августа, т. е. въ продолженіи одного только мѣсяца въ году, опредѣлить если не съ 1 Юня по 15 Августа, какъ было въ 31 § устава Школы, составленнаго въ Комиссіи, то по крайней мѣрѣ на два мѣсяца, ибо по прежнему положенію о Неплюевскомъ корпусѣ и тамъ вакаціонное время полагалось полтора мѣсяца, не смотря на то, что большая часть воспитанниковъ поступала въ сіе заведеніе изъ дѣтей офицеровъ, чиновниковъ и дворянъ здѣшняго края, пріобыкшихъ уже съ малолѣтства къ той же жизни, какую должны были вести и въ учебномъ заведеніи; тѣхъ же воспитанниковъ Киргизской Школы, которые въ теченіе лѣта не могутъ по какимъ-либо обстоятельствамъ отправиться въ аулы своихъ родителей или родственниковъ, въ точную согласность 19 § Положенія 14 Юня 1844 г. и выраженнымъ въ настоящемъ предложеніи Его Высочайшаго повелѣнія желаніемъ Министерства сообразоваться въ главныхъ распоряженіяхъ по Школѣ съ тѣмъ же Положеніемъ, отправлять на кочевку въ одно изъ ближайшихъ и удобныхъ для сего мѣстъ; а что касается до времени совершенія всего учебного курса, который по допущенному въ инструкціи раздѣленію на четыре класса, въ каждомъ по два года, долженъ слѣдовательно оканчиваться въ восемь лѣтъ и выпускъ изъ заведенія, на этомъ основаніи по 25 § инструкции, совершаться черезъ каждые два года; то Пограничная Комиссія въ составленномъ ею уставѣ Школы, предназначала раздѣлить этотъ курсъ равномерно на четыре класса, съ тѣмъ, чтобы въ первыхъ трехъ воспитанники находились по два года, а въ послѣднемъ одинъ только годъ, собственно по тому уваже-

пю, что по 16 § Высочайше утвержденного в 14 день Юня 1844 г. Положения срок учению в Школѣ опредѣлительно назначенъ отъ 6 до 7 лѣтъ и ежегодный выпускъ воспитанниковъ изъ Школы вообще ближе достигать бы дѣли ея учрежденія, снабдивъ Орду въ самое короткое время людьми, способными къ занятію писмоводительскихъ должностей, между тѣмъ какъ при выпускѣ воспитанниковъ изъ Школы черезъ два года это могло бы весьма замедлить замѣщеніе таковыхъ должностей. Причемъ препроводить къ Его Высочайшему Утвержденію обратно на дальнѣйшее разсмотрѣніе, проектъ инструкціи, оставивъ съ него по дѣламъ Коммисіи копію, проектъ устава Школы и смѣту, чиновниками Лазаревскимъ и Венгжиневскимъ составленные.

Изъ журнала Пограничной Коммисіи на 20 Сентября 1849 года.

Слушали предложеніе Г. Оренбургскаго Военнаго Генерала-Губернатора отъ 16 Августа за № 1425... **Приказали:** Во исполненіе предложенія Г. Военнаго Губернатора отъ 16 Августа за № 1425 сдѣлать слѣдующія распоряженія: 1) присланную инструкцію для руководства начальству Школы для киргизскихъ дѣтей препроводить къ надзирателю оной коллежскому секретарю Венгжиневскому къ зависящему исполненію и руководству; 2) съ возвращенной смѣты о вещахъ и другихъ предметахъ и принадлежностяхъ, которые нужно заготовить въ Школу, предварительно ея открытія, снять копію и передать ее, при особомъ предписаніи, исправляющему должность казначея Коммисіи Винеру, съ тѣмъ, чтобы онъ, сообразуясь со смѣтой, отобразилъ немедленно дѣны на заготовленіе объясненныхъ въ ней предметовъ отъ здѣшнихъ торговцевъ и мастеровъ и объ оказав-

нема донесъ Коммисіи съ возвращеніемъ смѣты и проставкою въ ней дѣны, какія выписываются за каждый предметъ отдѣльно, также съ представленіемъ самыхъ дѣвъ за подписью торговцевъ и мастеровъ, которые взяли бы по нимъ доставить матеріалы или принять работу, и образцовъ матеріаламъ, подписанныхъ и припечатанныхъ торговцами; подлинную же смѣту препроводить къ надзирателю Венгжиневскому, поручивъ ему сдѣлать тоже, что долженъ исполнить и г. Винеръ, но обязавъ не проставлять дѣны въ смѣтѣ, а вносить ихъ отдѣльно, дабы не испортили подлинной смѣты; 3) такъ какъ на основаніи 16 § Высочайше утвержденного в 14 день Юня 1844 г. Положенія о Школѣ для киргизскихъ дѣтей возрастъ для поступленія въ оную полагается отъ 8 до 12 лѣтъ, между тѣмъ большая часть ордынскихъ мальчиковъ, зачисленныхъ прежде сего кандидатами къ опредѣленію въ Школу, въ промежуткѣ перешли о ея открытіи вышли уже, какъ показываетъ справка, изъ этого возраста и слѣдовательно помѣстить ихъ теперь въ заведеніе сіе не возможно; то сообщивъ объ этомъ, равно и о полученномъ отъ Г. Военнаго Губернатора разрѣшеніи открыть, въсемъ султанамъ-правителямъ, просить ихъ принять дѣятельное стараніе о присканіи новыхъ въ Школу кандидатовъ установленныхъ къ пріему лѣтъ на мѣсто урслыхъ, и по мѣрѣ присканія представлять объ нихъ немедленно надлежащее въ Коммисію свѣдѣніе. О распоряженіяхъ этихъ донести Его Высочайшему Утвержденію со включеніемъ именнаго списка всѣмъ зачисленнымъ въ Школу кандидатамъ, обозначивъ лѣта ихъ и объяснивъ противу тѣхъ, кои вышли изъ установленныхъ годовъ, что они не могутъ поступить туда за урслостію; причемъ присвокупить, что Коммисіи не оставитъ принять всѣ зависяція отъ нея къ безотлагательному открытію Школы мѣры, какъ только дѣны на недостающіе въ оной пред-

меты согласно съ учиненнымъ нынѣ распоряженіемъ будутъ собраны и по представленіи къ нему, Г. Военному Губернатору, имъ утвердятся, а потомъ самые предметы окончательно будутъ приготовлены.

Предложеніе Военнаго Губернатора Оренбургской Пограничной Коммисіи отъ 10 Сентября 1849 года за № 1510.

Предлагаю Пограничной Коммисіи доставить мнѣ, для изъ котораго соображенія, свидѣніе, сколько въ учрежденной при Коммисіи Киргизской Школѣ замѣщено вакансіей дѣтмыи ордынцевъ Средней и Западной частей Орды, объявивъ число мальчѣтнихъ отдѣльно за каждую изъ сихъ частей Орды.

Генераль отъ Инфантеріи Овручевъ.

Архива Оренбургской Пограничной Коммисіи № 31441. Дѣло о принятіи киргизскихъ мальчиковъ въ Школу, основанную при Пограничной Коммисіи.

По поводу представленія султана-правителя Восточной части Орды въ Оренбургскую Пограничную Коммисію отъ Іюля 1 дня 1850 года № 1363, о высылкѣ подорожной на проѣздъ въ Оренбургъ и обратно управляющему Узунскимъ отдѣленіемъ Кыпчакскаго рода войсковому старшинѣ бію Балгуджѣ Ямгурчину, намѣревающемуся отправиться въ Оренбургъ для доставленія въ Школу, учрежденную при Пограничной Коммисіи, внука своего *Ибрагима Алтынсарина*, зачисленнаго въ эту Школу кандидатомъ, — Пограничная Коммисія постановила журналъ 18-го Іюля. Справка: „1) Изъ дѣлъ Пограничной Коммисіи видно, что внукъ управляющаго Узунскимъ отдѣленіемъ Кыпчакскаго

рода бію Балгуджи Ямгурчина *Ибрагимъ Алтынсаринъ* дѣйствительно зачисленъ въ Школу киргизскихъ дѣтей, подлежащую открытію 22 Августа, кандидатомъ 5 Марта 1846 года и тогда онъ имѣлъ отъ роду пять лѣтъ, слѣдовательно теперь имѣетъ установленный по Положенію о Школѣ возрастъ для приема туда (отъ 8 до 12 лѣтъ)..

На рапортъ полковника султана Ахмеда Джантюрпина отъ 1 Іюля за № 1363 Коммисія увѣдомила его для надлежащихъ съ его стороны соображеній, что въ положеніи о Школѣ для киргизскихъ дѣтей нѣтъ прямого назначенія, сколько именно изъ каждой части Орды должно поступить воспитанниковъ въ Школу, слѣдовательно всѣ они могутъ быть и изъ одной части, если въ другихъ желающихъ не найдется, что ни изъ Средней, ни изъ Западной частей пока нѣтъ ни одного кандидата въ Школу, что комплектъ воспитанниковъ въ Школѣ ограниченъ 30 чело-вѣками и что наконецъ самихъ мальчиковъ нужно доставить въ Оренбургъ отсюда уже не позже 1 будущаго Августа, чтобы ко дню открытія Школы, предназначеннаго непременно 22 Августа, можно было обмундировать представленныхъ къ поступленію въ Школу кандидатовъ“.

При рапортѣ султана-правителя Восточной части Орды отъ 17 Іюля 1850 г. № 1437 отправлены въ Оренбургъ при двухъ киргизахъ Карабѣ Джумагуловѣ и Кабанбѣ Кульдеевѣ 10 ордынскихъ мальчиковъ, опредѣляемыхъ кандидатами Школы при Пограничной Коммисіи по слѣдующему списку:

Кыпчакскаго рода:

Отдѣлений:

- 1) Узунскаго Идиге Айткынгъ . . . . . 11 л.
- 2) „ Джумагуль Джанбаевъ . . . . . 11 „
- 3) Танабугинскаго Халіулла Кунановъ . . . . . 10 „

- 4) Утинскаго Нурумъ Мысымбаевъ . . . . . 11 л.
 5) Турайгырскаго Муминъ Яндосовъ . . . . . 11 „
 6) „ „ Досалы Байгоджинъ . . . . . 10 „
 7) Кульденяйскаго Викбулатъ Кунгурбаевъ . . . . . 10 „
 8) „ „ Якубъ Амангельдинъ . . . . . 11 „

Аргынскаго рода

Отдѣлений:

- 9) Агтачинскаго Сегиэбай Аксартовъ . . . . . 10 л.

Кирейскаго рода

- 10) Матагайскаго Джумухаммедъ Вайджановъ . . . . . 11 л.

Журналъ Пограничной Коммисіи на 31 Іюля 1850 года.

Слушали два донесенія султана-правителя Восточной части Орды... При слушаніи сего Его Превосходительство г. предсѣдатель изволилъ отозваться присутствію Пограничной Коммисіи, что такъ какъ въ назначенномъ подъ помѣщеніе Школы для киргизскихъ дѣтей домъ производится побылки и поправки, то онъ и полагаетъ поручить исправляющему должность казначея Вондаревскому принесть для помѣщенія представленныхъ нынѣ мальчиковъ удобную и приличную квартиру преимущественно у татаръ, извѣстныхъ по своей нравственности; а привезшихъ этихъ малолѣтнихъ киргизовъ Джумагулова, Кульдѣва и третьяго Джытыбадъ (который хотя и не значится въ представленіи султана-правителя, но онъ дѣйствительно находится при мальчикахъ) отправить обратно въ ихъ кочевья, выдавъ предварительно за время нахождения ихъ въ Оренбургѣ кормовыхъ по 25 к. серебр. каждому въ сутки... По освидѣтельствованіи же всѣхъ поминутыхъ мальчиковъ докторомъ медицины Майделемъ

онъ оказались здоровыми. **Приказали:** „Помѣстивъ поименованныхъ въ настоящемъ журналѣ одиннадцать киргизскихъ мальчиковъ въ число воспитанниковъ учрежденной при Пограничной Коммисіи Школы, предписать исправляющему должность казначея Вондаревскому нынѣ же принесть для помѣщенія ихъ удобную и приличную квартиру преимущественно у татаръ, извѣстныхъ Коммисіи по своей нравственности и, отобравъ отъ хозяина свидѣніе, сколько именно возьметъ онъ за квартиру въ мѣсяць съ столовымъ содержаніемъ всѣхъ мальчиковъ, донести о послѣдующемъ Коммисіи для дальнѣйшихъ распоряженій, а между тѣмъ киргизамъ, прибывшимъ съ мальчиками, произвести изъ суммы на чрезвычайныя издержки и угощеніе пріѣзжающихъ въ Оренбургъ по дѣламъ службы ордынцевъ порціоны по 25 коп. сер. каждому въ сутки за все время нахождения ихъ въ Оренбургѣ, отправить этихъ киргизовъ, по немнѣшю въ нихъ никакой надобности, обратно въ ставку султана-правителя, котораго о распоряженіи сего и извѣстить, изъявивъ ему благодарности за скорое доставленіе мальчиковъ.

С в и д ѣ т е л ь с т в о .

1-го Августа 1850 года освидѣтельствовалъ я, на основаніи примѣчанія къ § 21 Положенія о Школѣ для киргизскихъ дѣтей, одиннадцать мальчиковъ, присланныхъ въ оную Школу, а именно: Джумагула Джалбаева, Мумина Байбусова (Яндосова), Якупа Амангельдѣва, Идере Айтукаева (Айтукпина), Юль-Мухамета Вайджанова, Нурума Минсиэбаева, Сегиэбай Аксартова, Дусалы Байгуджаева (Байгоджина), Харирулла Кунаева (Халлдулла Кунанова), Бибкулата Кунгурбаева, *Ибрагимъ Алтынсарина*. При освидѣтельствованіи всѣ оказались здоровы, безъ признаковъ такихъ болѣзней, которыя преняются у

принятію въ учебное заведеніе. Оспа пикому изъ нихъ не была привита, а знаки натуральной оспы только замѣтны у Нурума Минсизаева. *Часотка (Scabies), которую страдаетъ Ибрагимъ Алтынсаринъ,* не можетъ служить препятствіемъ принятію въ Школу, но должна быть пользуета немедленно, чтобы она не перешла къ другимъ.

Коллежскій Ассесоръ Докторъ Майдель.

Изъ Журнала на 9 Августа 1850 года, статья 4.

Докладывано: Пограничная Комиссія, по журналу на 31 Июля состоявшемуся, 5 Августа за № 10015, извѣстила султана-правителя Восточной части Орды, что сопроводившіе въ Оренбургъ отпавленныхъ имъ 11 киргизскихъ мальчиковъ въ Школу, при ней учрежденную, киргизы Джумагуловъ, Кульдѣевъ и Утеминовъ, по доставленіи сюда этихъ мальчиковъ благополучно, обращены въ его ставку. Но такъ какъ одинъ изъ означенныхъ мальчиковъ, именно *Ибрагимъ Алтынсаринъ,* при отъѣздѣ поманутыхъ киргизовъ, лично просилъ г. предѣдателя, какъ Его Превосходительство теперь отозвался присутствію, объ оставленіи при немъ Джытыбаа Утеминова впродъ до открытія Школы, то **приказали:** согласно съ мнѣніемъ г. предѣдателя Комиссіи оставивъ на время ордынца этого при поманутыхъ мальчикахъ съ производствомъ ему и порціонныхъ денегъ, извѣстить объ этомъ полковника Ахмедъ Джантурина.

Изъ Журнала на 22 Сентября 1850 года, статья 7.

Докладывано: султанъ-правитель Восточной части Орды полковникъ Ахмедъ Джантуринъ, согласно распоряженію Погра-

ничной Комиссіи, прислать въ концѣ прошлаго Іюля въ учрежденную при ней Школу 11 киргизскихъ мальчиковъ подъ надзоромъ киргиза Джытыбаа Утеминова, который вслѣдствіе просьбы одного изъ означенныхъ мальчиковъ, поступившаго въ число воспитанниковъ Школы, именно *Ибрагима Алтынсарина,* былъ оставленъ при немъ на нѣкоторое время, когда всѣ мальчики помѣщались еще, по случаю неотдѣлки тогда окончательно дома для Школы, на частной квартирѣ; но по совершенномъ устройствѣ означеннаго дома и помѣщеніи въ ономъ всѣхъ мальчиковъ въ Школу поступившихъ, киргиза Утеминова предположено было по журналу, на 25 Августа состоявшемуся, отпустить въ Орду. О чемъ и дано знать полковнику Ахмеду Джантурину того же числа № 10609 съ присовокупленіемъ, что ордынецъ этотъ за все время здѣсь пребыванія за дядьку при мальчикахъ велъ себя отлично и обязанности наблюдателя выполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ. Между тѣмъ Его Превосходительство г. предѣдатель Пограничной Комиссіи, какъ изволил отозваться присутствію ея, имѣя въ виду, что поступившіе въ Школу мальчики къ образу нашей жизни еще вовсе непривычны и могутъ поэтому, не зная русскаго языка, скучать по роднымъ, признать необходимымъ оставить киргиза Утеминова при мальчикахъ, куда послѣдніе не свыкнутся съ настоящимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что ордынецъ этотъ весьма заботится о мальчикахъ и отличной нравственности.

Донесеніе правителя Средней части Орды войскового старшины Араслана Джантурина отъ 11 Августа 1850 г. № 128.

„До выступленія моего въ походъ, не успѣвъ самъ лично прислать нужныхъ въ Школу, учрежденную при Пограничной

Комисіи, 4-хъ киргизскихъ мальчиковъ, я исполненіе этого поручилъ управляющему Джагалбайлинскимъ родомъ, а наблюденіе за симъ возложилъ на временно исправлявшаго должность помощника моего г. хорунжаго Уразаква, который на сдѣланное ему мною 2-го Юля за № 57 подтвержденіе донесъ мнѣ, что г. сотникъ Темировъ увѣдомилъ его, что присланіе означенныхъ мальчиковъ поручено имъ начальникамъ 13, 14, 23 и 56 дистанцій. А такъ какъ на г. Темирова возложено мною было лично заняться этимъ дѣломъ, не поручая никому изъ подвѣдомственныхъ ему дистанционныхъ начальниковъ, то вслѣдствіе сего, 25 Юля за № 101, сдѣлавъ ему строжайшее замѣчаніе за несоблюденіе въ точности моего предписанія, предложилъ ему вновь безъ малѣйшаго замедленія прислать означенныхъ 4-хъ мальчиковъ, но не получивъ отъ г. Темирова исполнительнаго донесенія, я нынѣ вновь строжайше подтвердилъ ему, поручивъ вмѣстѣ съ симъ и г. есаулу Махмуду Алгазыеву принять дѣятельнѣйшее и неусыпное стараніе о присланіи означенныхъ мальчиковъ. О чемъ Пограничной Комисіи имѣю честь донести.

Войсковой старшина Арасланъ Джантюринъ печать приложилъ.

На это султану-правителю Пограничною Комисіею, отъ 24 Августа за № 10556-мъ, дано знать, что въ Школѣ теперь только три вакансіи остаются не замѣщенными, но и на эти вакансіи управляющей Западной частью Орды самъ привезъ въ Оренбургъ кандидатовъ.

*Донесеніе правителя Западной части Орды отъ 7-го
Августа 1850 года № 1495.*

Вѣрненной мнѣ части Табынскаго рода Абызова отдѣленія старшина Чулакъ Айбасовъ и почетные киргизы Кусавъ Кал-

мабаевъ и Аксый Джаңгильдинъ изъявили желаніе отдать дѣтей своихъ: первый—Аймагамбета 11 лѣтъ, второй—Туктамына 12 лѣтъ и послѣдній Сентъ-Алія 11 лѣтъ, для обученія въ Школу, при Пограничной Комисіи учрежденную, почему отправляютъ ихъ нынѣ же въ Оренбургъ... Затѣмъ еще желающихъ ордынцевъ отдать своихъ дѣтей въ означенную Школу въ настоящее время въ виду нѣтъ.

(Подписался) за отсутствіемъ управляющаго Западною частью сотникъ султанъ Баймухамметовъ.

*Управляющаго Западною частью Туккина 20 Августа
1850 года № 795.*

Имѣя въ виду, что послѣ извѣстныхъ уже Пограничной Комисіи изъ донесенія временно управляющаго Западною частью, отъ 7-го сего Августа за № 1495, ордынцевъ, нѣтъ желающихъ отдать дѣтей своихъ для обученія въ Школу, при Комисіи учрежденную, не смотря на принимаемая къ тому писемно мѣры и личныя усвоѣщанія, я озабочиваясь всемирно объ образованіи киргизъ вѣрненной мнѣ части, я, чтобъ возбудить болѣе охоты въ отцахъ учить дѣтей своихъ грамотѣ и искоренить изъ нихъ то прерватное пошатіе объ ученіи мальчиковъ русскому языку, которое многіе изъ нихъ и нынѣ имѣютъ, отдаю въ означенную Школу сына своего Сулеймана, имѣющаго отъ роду 10 лѣтъ (который у меня только одинъ). Примѣръ этотъ убѣдилъ также отдать въ Школу, при Комисіи учрежденную, сына Султана Утияна Сюгалпа Мухаммеда 12 лѣтъ, почетныхъ киргизовъ Табынскаго рода Бахтіра Кіякова, Монргалия 9 лѣтъ и Маскарскаго рода Лекера Куваддыкова Бійсембе 12 лѣтъ.

О чемъ имѣю честь донести Пограничной Коммисіи, при чемъ докладываю, что дѣти хорунжаго Султана Кусянъ-Галия Урманова Адиль-Гирей и Сахибъ-Гирей, зачисленные уже прежде въ означенную Школу кандидатами, посланными султаномъ Урмановымъ людьми въ аулъ свой будутъ доставлены въ Оренбургъ къ 24 числу сего мѣсяца; султанъ Бердалий Саринъ, также изъявившій желаніе на отдачу сына своего, по отдаленности кочевья его, къ настоящему времени не успѣлъ пріѣздомъ своимъ, а по доставленіи ко мнѣ сына, я въ тоже время представлю онаго.

Примѣчаніе. На полѣ карандашемъ написано рукой председателя Ладженскаго: „такъ какъ изъ Восточной части доставлено 23 мальчика, то полагаю изъ нихъ пошлое забирать, а этихъ принять, т. е. тѣхъ, которые будутъ годны.

Изъ Восточной принять 20.

„ Западной „ 7.

„ Средней „ 3.

Поэтому отцовъ этихъ дѣтей и Средней части надобно пригласить къ столу въ 22-е число“.

Въ Оренбургскую Пограничную Коммисію управляющаго Западною частью Орды рапортъ 23 Августа 1850 года № 796.

Послѣ донесенія моего отъ 20 сего Августа за № 795-мъ ввѣренной мнѣ части султанъ Теналий Аблаевъ и почетный бій Байтукъ Айбасовъ также изъявили желаніе на опредѣленіе сыновей своихъ: первый Тасемени 12 лѣтъ, а послѣдній Ханъ-Чувака 10 лѣтъ въ Школу, при Коммисіи учрежденную, пред-

ставляя означенныхъ мальчиковъ, а равно и сына султана Бердалия Сарыева Шангерей-Утлалая (о которомъ уже было допущено въ прежнемъ представленіи за № 795), я всепокорнѣйше прошу сына султана Аблаева зачислить взаимѣ сына, прежде представленнаго киргизомъ Лекеромъ, Війсембе, котораго изъ списковъ исключить.

Управляющій Западною частью войсковой старшина султанъ Мухамедъ Галий Тяткинъ.

Письмо султана Кусянъ-Галия Урманова председателю Пограничной Коммисіи. (Переводъ съ татарскаго).

Ваше Превосходительство

Милостивой Государь.

Представивъ въ учрежденную по Высочайшему повелѣнію при Оренбургской Пограничной Коммисіи Школу сыновей моихъ Сахибъ-Гирей и Адель-Гирей, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство назвать ихъ въ память дѣда нашего Нуралихановичи.

Изъ журнала Пограничной Коммисіи на 23 Юня 1857 года статья 7.

Докладывано: почтителемъ Школы, товарищемъ председателя Коммисіи подполковникомъ барономъ Врангелемъ вѣдомость о поведеніи, способностяхъ, прилежаніи и успѣхахъ въ наукахъ воспитанниковъ Школы, по поводу произведеннаго въ ней частнаго испытанія въ этомъ году отъ 28-го Мая по 5-е Юня... За сямъ, по силѣ 23 § той же инструкціи хотя и

надлежало бы произвести публичное испытание воспитанникам Школы 10 Июня, но общее присутствие Комиссии, желая, чтобы акт сей происходил в личном присутствии вновь назначенного в Оренбургский край главного начальника г. Генерал-Адъютанта Генерал-Лейтенанта Катенина, прибытие коего в Оренбург ожидалось тогда со дня на день и положительно предполагалось, по имъвшимся ввиду частнымъ извѣстиямъ, до 15 сего мѣсяца, назначило публичное испытание в Школѣ 15 числа, и соборазно распорядилось пригласить, по точному смыслу того параграфа инструкціи, къ этому дню изъ Стени нѣкоторыхъ изъ родственниковъ пшотцевъ и почетныхъ ордынцевъ, располагавшихся кочевьями по близости къ Оренбургу, такъ же важнѣйшихъ лицъ, служащихъ здѣсь въ постороннихъ вѣдомствахъ; кромѣ того распорядилось, по примѣру бывшаго учения и праздника при открытіи самой Школы, изготовить и нынѣ по случаю перваго выпуска изъ Школы окончившихъ курсъ наукъ питомцевъ, таковой же для посѣтителей и питомцевъ праздникъ, а такъ какъ Его Высочайшее Превосходительство г. Главнокомандующій краемъ не прибылъ в Оренбургъ до 15-го Июня, а за воспитанниками Школы, какъ окончивавшими курсъ учения въ оной, такъ и остающимися въ III классѣ, прѣехали родственники и посланные отъ нихъ еще 1-го Июня и проживали здѣсь на содержаніе себя и лошадей въ ожиданіи отъезда питомцевъ въ аулы родныхъ и по поводу наступившаго въ Школѣ вакаціоннаго времени, то Комиссія и не приняла на себя смѣлости откладывать публичнаго испытанія, отероченнаго уже и такъ на 15 дней противу положеннаго въ инструкціи срока далѣе 15 Июня и оно произведено въ тотъ самый день въ присутствіи приглашенныхъ лицъ и явившихся изъ Орды почетныхъ киргизовъ, при чемъ воспитанники по всемъ предме-

тамъ, имъ преподававшимися, оказали тѣ же самые успѣхи, какъ и на испытаніи частномъ, и вслѣдъ за тѣмъ питомцы изъ Восточной части, какъ болѣе удаленной отъ Оренбурга, отправлены при дядѣмъ Школы киргизѣ Джигыбаѣ Утемисовѣ въ Орду; но предъ отпускомъ воспитанниковъ изъ нихъ Шахмуратъ Кулубековъ, Шахмуратъ Кучербаевъ и Джумухамметъ Вайджановъ, сыновья киргизовъ Восточной части, и Миргалей Вахтіаровъ, сынъ киргиза Западной части, подали Его Превосходительству г. предсѣдателю Комиссии докладныя записки, въ которыхъ ходатайствуютъ объ оставленіи ихъ при ней для усовершенствованія ихъ въ дѣло-производствѣ. **Приказали:** 1) всѣхъ воспитанниковъ IV класса, какъ окончившихъ положенный въ Школѣ курсъ наукъ удовлетворительно, выпустить въ Орду, именно: Кулубекова... въ Восточную часть,... въ Среднюю,... въ Западную (каждаго въ свою родную часть). 2) Заготовивъ окончившимъ курсъ наукъ воспитанникамъ надлежащія объ томъ свидѣтельства съ показаніемъ въ оныхъ, при какихъ способностяхъ, прилежаніи и поведеніи, съ какими успѣхами и какіе предметы проходили въ Школѣ, отослать свидѣтельства сіи, по отечечаніи въ типографіи штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, къ султанамъ-правителямъ всѣхъ трехъ частей Орды, съ тѣмъ, чтобы они роздали сіи свидѣтельства безотлагательно упомянутымъ молодымъ людямъ и расписки ихъ въ полученіи свидѣтельствъ тотчасъ же прислали сюда... 5) На точномъ основаніи 27 § Положенія о Школѣ киргизскихъ дѣтей, объ окончившихъ курсъ наукъ воспитанникахъ ея съ отличными успѣхами составить особый списокъ въ Комиссіи, включивъ въ него Кулубекова, Косвакова, Мунгсыбаева, *Алтынсарина* и Кучербаева. 6) Дядьку при воспитанникахъ Школы киргизскихъ дѣтей Джигыбаю Утемисова окончательно изъ нея уволить, за выпускомъ нынѣ большей части

воспитанников I-го семилѣтняго курса, и болѣе дядьки изъ киргизовъ въ Школу не назначать, ибо, съ одной стороны, подобный ордынецъ хотя и приносилъ начальству Школы нѣкоторое облегченіе по надзору за нравственностью воспитанниковъ и по заботамъ о ихъ здоровьѣ, но съ другой невольно мѣшалъ успѣхамъ ихъ въ разговорномъ русскомъ языкѣ, такъ какъ питомцы обращались со всѣми своими нуждами къ нему, какъ къ соплеменнику, чѣмъ поставленнымъ для надзора за воспитанниками унтеръ-офицерамъ, знающимъ языкъ русскій; объ увольненіи Утемисова изъ Школы, такъ же какъ и объ обязанности разсылнаго при Комисіи, которая оны вмѣстѣ съ тѣмъ занимать, сообщить султану-правителю Восточной части Орды, а на предметъ прекращенія Утемисову содержанія по мѣсту разсылнаго передать изъ исполнительнаго въ счетное отдѣленіе свѣдѣніе... 8) Г. Оренбургскому и Самарскому Генералъ-Губернатору обо всемъ вышеизложенномъ донести... присовокупивъ, по поводу ходатайства воспитанниковъ Кулубекова, Кучербаева и Бахтіярова о прикомандированіи ихъ къ Комисіи для практическаго изученія дѣлопроизводства, что Комисія полагала бы съ своей стороны удовлетворить этому ходатайству не только по уваженію къ отличнымъ успѣхамъ, съ какими сіи питомцы окончили курсъ ученія въ Школѣ, и особенной любознательности, въ молодыхъ людяхъ подобнымъ ходатайствомъ проявляющейся, но и по вѣтрѣвающейся необходимости имѣть ихъ при Школѣ въ качествѣ репетиторовъ, по крайней мѣрѣ первые два года, при вновь поступающихъ туда воспитанникахъ, которые обыкновенно не знаютъ въ началѣ ни слова по русски, а при такихъ условіяхъ первые два года почти пропадаютъ даромъ для такихъ вновь поступающихъ мальчиковъ; въ случаѣ же согласія на это и со стороны Его Высочайшаго Проводительства производить помянутымъ тремъ

киргизамъ по 120 руб. сереб. каждому въ годъ изъ суммы, ассигнованной штатомъ 14 Юня 1844 года на содержаніе фельдшеровъ и осененныхъ учениковъ, пока при Комисіи состоятъ будутъ, и наконецъ 9) Воспитаннику Вайджанову объявить чрезъ управляющаго Восточной частью Орды, что оны окончили школьный курсъ едва удовлетворительно и послѣднимъ, почему Комисія не можетъ прикомандировать его сюда, ибо это составляло бы для него отличіе, котораго между тѣмъ вовсе оны не заслуживаетъ по малымъ своимъ успѣхамъ.

Предложеніе отъ 21 Августа 1857 г. за № 1192

Генералъ-Адъютантъ Катенинъ разрѣшилъ Комисіи прикомандировать изъ трехъ выпущенныхъ воспитанниковъ изъ Киргизской Школы Кулубекова, Кучербаева и Бахтіярова къ Комисіи для пракческаго изученія дѣлопроизводства и занятій съ имѣющими поступить вновь воспитанниками Школы, произведя каждому изъ этихъ молодыхъ людей, въ видѣ жалованья, по 120 руб. сер. въ годъ изъ суммы, ассигнуемой штатомъ 1844 г. на содержаніе фельдшеровъ и осененныхъ учениковъ.

Предложеніе отъ 29 Августа 1857 года за № 1211.

Генералъ-Губернаторъ Катенинъ просилъ предѣдателя Оренбургской Пограничной Комисіи представить къ нему Кулубекова, Кучербаева и Бахтіярова.

Изъ Дѣла № 40665 присяжные листы при поступленіи на службу воспитанниковъ Школы перваго выпуска.

Листъ 476, по которому присягалъ Бахтіяровъ въ присутствіи Пограничной Комисіи.

Листы 544, 545, 546, 547 и 548, по которым прислали султанъ Сулейманъ Мухаммедъ-Галиевъ (сынъ султана-правителя Тяукина), султанъ Утебай Бердалиевъ, бій Капчувакъ Вайтоковъ, султаны Сахибъ-Гирей и Адиль-Гирей Кусебгалиевы.

Листы 595, 596, 597, по которымъ присягали Тяу-Мухаммедъ Саматовъ, Тухтамышъ Косваковъ и Аймухаммедъ Дербисовъ.

Всѣ присягавшіе подписались по русски, а равно начальственные лица и султаны-правители; но два брата Кусебгалиевы и присутствовавшіе при ихъ присягѣ родственники подписались по татарски.

При свидѣтельствovanіи доктора Майделя, при поступленіи въ Школу, дѣти султана Урманова записаны Нуралихановыми, а Сулейманъ—Тяукинымъ.

ИЗЪ СТАТЪИ

Школа для киргизскихъ дѣтей въ Оренбургѣ.

Художника А. Ф. Чернышева*).

Въ нынѣшнюю побѣдку мою въ Оренбургъ, довелось мнѣ побывать въ Школѣ киргизскихъ дѣтей.

Я самъ Оренбургскій уроженецъ; къ киргизамъ и къ образу жизни ихъ присмотрѣлся съизмала, и потому, естественно, прицоровилъ посѣщеніе свое въ Школу чуть ли не накануне отъѣзда изъ Оренбурга, да и то для того, чтобы не упрекнуть себя послѣ за невнимательность къ замѣчательному на собственной

* „Русскій Художественный Листокъ“, издаваемый В. Тиммомъ, № 17, 10-го Іюня 1853 года.

родинѣ; но, побывавъ тамъ разъ, такъ пріятно изумленъ былъ особенностями этого заведенія, что принялся тотчасъ-же за карандашъ, и набросалъ, для услажденія вашихъ взоровъ, любезнѣйшіе читатели, два, три эскиза, которые видите предъ собою. Примѣрная опрятность и шеголеватая простота бросились мнѣ здѣсь въ глаза съ перваго шага, и вы останетесь довольны, если послѣдуете моему примѣру и завернете въ киргизскую Школу, когда судьба или случай приведутъ васъ на мою родину, а пока позвольте познакомить васъ теперь же со Школою.

Она помѣщается на такъ называемой въ Оренбургѣ Большой улицѣ, въ каменномъ одноэтажномъ домѣ, о двѣнадцати окнахъ по фасаду, съ дверью въ среднѣй для подъѣзда, устроеннаго выступомъ, въ видѣ фронтона, съ пятью колоннами. По ступенямъ каменнаго широкаго крыльца, вы подходите къ двери, и, по удару въ звонокъ, васъ пропускаетъ дежурный служитель въ свѣтлую и чистую переднюю: въ ней по обѣ стороны двери, къ стѣнамъ, приставлено по турецкому дивану, обитому краснымъ драдедамомъ; наспротивъ, во всю ширину передней, съвозная, съ рѣзбою, подъ черной полтурой, ширма, съ изнанки обитая пушковымъ терно, замѣняющая вѣшалку для шубъ и шинелей; въ средину ширмы вставлено прекрасное зеркало, въ которое очень ловко посмотрѣться, если вы немножко самолюбивы, и поправить свой туалетъ, если вы провожаете въ Школу дамъ; съ боку ширмы небольшая дверь, ведущая въ комнату дежурнаго служителя, устроенную какъ разъ за самой ширмой.

Изъ передней, на лѣво, ходъ въ классную залу: тамъ, во всю ея длину, къ стѣнѣ на улицу, приставлены въ два ряда восемь классныхъ столовъ; наспротивъ ихъ, у стѣны же, каюдра для преподавателя; съ обѣихъ сторонъ по большой, черной доскѣ на треножничкѣ. Такое расположеніе очень удобно, потому что

преподаватель видитъ каждого изъ учениковъ, и можетъ какъ нельзя лучше слѣдить за его усердіемъ во время класса. На противуположной отъ входа въ залу стѣнѣ, въ золоченой рамѣ, между луничвою драпировкою, находится изображеніе Августѣйшаго Покровителя просвѣщенія на святой Руси, Государа Императора Николая Павловича; въ простѣвкахъ между окнами, въ черныхъ рамахъ, подъ стеклами, повѣшены двѣ таблицы, изъ которыхъ на одной изображены имена Августѣйшихъ Особъ всего Россійскаго Императорскаго Дома, на другой замѣчательнѣйшія изрѣченія изъ Корана о необходимости молитвы къ Богу и повиновенія Царю и властямъ, пользы ученія и доброй нравственности. На простѣвкѣ къ двери есть росписаніе, въ какіе дни и часы, что и къмъ именно въ Школѣ преподается. Всѣ эти таблицы написаны въ два столбца—одинъ на рускомъ языкѣ, другой на киргизскомъ.—Въ залѣ почти вся мебель изъ ильмоваго дерева и крыта политурой; каедрa особенно заглядѣнье!

Изъ залы вы проходите въ умывальную комнату: въ ней, по срединѣ, огромный, по крайней мѣрѣ, въ сажень вышиною, умывальникъ красной мѣди; форма его очень оригинальна, и онъ приходится какъ разъ напротивъ дверей дортуара, что весьма красиво. Воображаю, какъ сильно бросается этотъ умывальникъ въ глаза не только киргизу, но и всѣмъ посѣщающимъ Школу азіятцамъ, по понятіямъ которыхъ верхъ совершенства подобнаго рода издѣлій заключается въ вычурной ихъ оригинальности и громадномъ количествѣ металла, употребленнаго на самое издѣліе; тутъ же, къ боковой стѣнѣ, представленъ станокъ для гимнастическихкихъ упражненій воспитанниковъ въ зимнюю пору, окрашенный подъ дубъ и покрытый лакомъ. Оттуда вводятъ васъ въ спальную комнату, гдѣ по обѣимъ сторонамъ, у стѣнъ, расположены кровати воспитанниковъ: онѣ

желѣзныя простыя—но красивы и прочны; окрашены черной краской подъ лакомъ; винты прикрыты вездѣ мѣдными гайками; къ изголовью придѣланъ желѣзный пруть, въ видѣ стрѣлы, и на немъ по срединѣ овальная желѣзная дощечка, на которой по русски и по киргизски написаны, по черному полю, четкимъ и изящнымъ шрифтомъ, имена и фамиліи питомцевъ. Пруть оканчивается вѣшалкой конической формы, для киргизской парадной тюбетейки воспитанника. Тюфякъ на кровати набить конскимъ волосомъ и покрытъ тикомъ; на тюфякъ довольно толкая простыня, сверху нея одѣяло изъ верблюжьяго сукна съ холщевымъ пододѣвлянникомъ, для всегдашняго употребленія. По праздникамъ на тюфякъ накидывается бѣлое фланелевое одѣяло безъ пододѣвлянника. Въ изголовьѣ подушка съ двумя наволочками, и все это прикрыто, для предохраненія отъ пыли, чехлами изъ полосатаго тика. У кровати, къ ногамъ приставленъ табуретъ ильмоваго дерева, подъ политурой. Когда смотришь на спальню, во всю ея длину—эти чрезвычайно опрятныя кровати и табуретки, красныя, парадныя тюбетейки воспитанниковъ, симметрически надыты на конусы, которыми оканчивается пруть у изголовья всякой кровати, три ночныя лампы, подвѣшанныя къ потолку спальни, и наконецъ огромный умывальникъ, красующійся въ соедѣнной комнатѣ и приходившійся какъ разъ въ срединѣ двери въ дортуаръ, представляютъ чрезвычайно пріятную и оригинальную перспективу.

Воротимся тѣмъ же путемъ въ переднюю и полюбопытствуемъ взглянуть на другую половину зданія.

Первая комната, на право изъ передней, устроена для занятій надзирателя Школы; въ этой комнатѣ, въ простѣвкѣ между двухъ оконъ на улицу, стоитъ письменный столъ, покрытый черною клеенкою; у стола кресло березоваго дерева, подъ чер-

нямъ лакомъ, съ сафьянною подушкою; у стѣны, къ передней, шкафъ для учебныхъ пособій, ильмовый подъ политурою; на противоположной стѣнѣ висятъ часы. Изъ этой комнаты два хода: одинъ въ дортуаръ, другой въ столовую; въ дортуарѣ мы были—сѣдовательно отправимся туда, гдѣ воспитанники обѣдаютъ и ужинаютъ. Это довольно просторная комната; въ ней поставлены, не много отступя отъ стѣны къ улицѣ, два ильмовые, крытые политурой, стола, глаголемъ, подъ прямымъ угломъ, какъ видно для большого простора въ комнатахъ и для удобства прислуживающимъ за столомъ. Къ стѣнѣ, противоположной ко входу изъ надзирательской комнаты, приставленъ большой березоваго дерева съ рѣзбою шкафъ, гдѣ помѣщается весь гардеробъ воспитанниковъ; самый шкафъ въ два яруса; каждый ярусъ раздѣленъ переплетами, на тридцать отдѣльныхъ ящичковъ и въ нижнемъ помѣщается бѣлье, а въ верхнемъ платье, у всякаго воспитанника въ особомъ ящичкѣ, на переплетѣ котораго приклеенъ ярлычекъ съ номеромъ.

Другой ходъ изъ столовой ведетъ въ буфетъ; тамъ, въ углу, огромный буфетный шкафъ, съ прилавкомъ: въ этомъ шкафу вся столовая посуда и бѣлье Школы. У боковой стѣны два стола: одинъ для перемыванія посуды, другой для прессы, въ который кладутъ послѣ обѣда и ужина столовое бѣлье, находившееся въ употребленіи; самый прессъ накрытъ деревяннымъ колпакомъ, и все окрашено подъ дубъ, и покрыто лакомъ. Всѣ комнаты, кромя буфетной и умывальной, заросто выблѣненныхъ, оклеены не дорожными, но чистыми и хорошихъ узоровъ бумажными обоями; въ каждой есть ночныя лампы, подвѣшанныя къ потолкамъ. Нѣтъ надобности, кажется, говорить, что полы везде крашенны.

Вотъ мы обошли всю Школу. Помѣщеніе, какъ видите, не большое, но, по числу воспитанниковъ, довольно просторное.

Остается сводить васъ въ больницу, куда вы отправляетесь изъ буфета, сначала крытымъ корридормъ, потомъ открытою галерею, выходящею на сосѣдній дворъ, гдѣ расположено зданіе Оренбургской Пограничной Комисіи. Больница состоитъ изъ передней и двухъ отдѣльныхъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной помѣщаются четыре, а въ другой двѣ кровати; всѣ комнаты оклеены бумажными обоями, полы крашены, печи изразцовыя, кровати и мебель того же устройства, какъ и школьныя, только окрашены зеленою краскою, и перья деревяшныя. Постели какъ и въ спальной. Больница эта небольшая, а между тѣмъ чрезвычайно уютная и пегольская, производить еще пріятнѣйшее впечатлѣніе чѣмъ Школа, и, какъ я думаю, оттого именно, что ни воздухъ, ни расположеніе комнатъ, ни общій веселый видъ больницы, ни разу не наведутъ васъ на мысль, что тутъ въ болѣзни могутъ страдать люди, хотя во время моего посѣщенія и былъ тамъ одинъ большой воспитанникъ.

На небольшомъ, но чистомъ дворѣ, устроены: кухня и прачешная, а наспротивъ оконъ дома, гдѣ живутъ воспитанники, врыты окрашенные въ зеленую краску козлы, съ принадлежностями, для гимнастическихъ упражненій воспитанниковъ въ лѣтнюю пору.

Теперь остается сказать о времени учрежденія Школы, положеніи, для нея существующемъ, и образѣ содержанія питомцевъ.

Положеніе о Школѣ утверждено 14-го Іюня 1844 года; по открыта она 22-го Августа 1850 г., въ день коронаціи Государя Императора. Мы тогда же писали въ Петербургъ родные, какимъ образомъ происходило открытіе Школы; въ Оренбургѣ, по этому случаю, съѣхалось изъ Стени все, что тамъ есть лучшаго. Почетнѣйшихъ изъ ордынцевъ и другихъ азіатцевъ, находившихся на ту пору въ Оренбургѣ, угощали 22 Ав-

густа объёмом въ Школѣ, а 23-го дали для нихъ народный праздникъ, какой только можно давать тамъ: борьба, пѣніи бѣгъ, скачки и угощеніе сованныхъ на ширь дикарей продолжались за городомъ, при огромномъ стеченіи зрителей всѣхъ званій, пола и возраста, съ четырехъ часовъ по полудни, до ночи, и праздникъ заключенъ былъ фейерверкомъ, на который стенички наши смотрѣли съ изумленіемъ.

Все это весьма не сложно, но зато хорошо приоровлено къ своей дѣлѣ, которая, судя по нынѣшнимъ успѣхамъ воспитанниковъ, выполняется и на дѣлѣ какъ нельзя лучше. Мнѣ сказали, что, при вступленіи въ Школу обучающихся тамъ нынѣ киргизятъ, ни одинъ изъ нихъ не зналъ по русски ни слова, а теперь тѣ изъ нихъ, къ которымъ я обращался во время посѣщенія Школы, понимали меня совершенно и отвѣчали на мои обыкновенные вопросы удовлетворительно; одинъ показывалъ мнѣ даже свой журналъ, гдѣ весьма отчетливо отбѣчено ежедневное состояніе погоды въ Оренбургѣ, за несколько недѣль сряду, по термометру Реомюра; другой написалъ на классной доскѣ по русски, четкимъ и красивымъ прифтомъ, безъ запинки и безъ ошибки, званіе мое, имя и фамилію. Подобные успѣхи могли бы изумить меня, если бы я не зналъ прежде, какъ вообще способны и перемичвы наши стенички.

И какіе славные мальчики эти воспитанники: опрятные, благообразные, самодовольные, они, по врожденной каждому азѣлту степенности движеній, и теперь кажется уже проглотившими всю человѣческую мудрость; какихъ же успѣховъ можно ожидать отъ нихъ послѣ?

Въ представляемой здѣсь группѣ, снятой мною съ натуры, вы видите предъ собою матерыхъ изъ этихъ мудрецовъ.

Первый одѣтъ въ зимнюю парадную форму, которая со-

стоитъ изъ суконнаго темнозеленаго кафтана черкесскаго покроя, съ красною прошивою по воротнику и шелковымъ чернымъ шнуромъ по бортамъ; изъ нагрудника подъ кафтаномъ, краснаго сукна, съ вышивкою чернымъ шнуромъ, благо коленкороваго на шею ворота, выпущеннаго изъ подъ нагрудника на кафтанъ; суконнаго, по кафтану, кушака съ красными кантами; сѣрыхъ суконныхъ шароваръ; красной суконной же, съ бѣлковой опушкой, тюбетейки, выложенной по швамъ чернымъ шнуромъ, и сапоговъ.

У втораго, что сидитъ на полу, та же форма, но классная, т. е. безъ кушака и, вмѣсто зимней тюбетейки, на головѣ комнатная бухарская феска изъ полунелковой матеріи.

Третій (особенный мастеръ на гимнастическія хитрости) сидитъ въ башлыкѣ изъ краснаго сукна, подбитомъ лисьимъ лапчатымъ мѣхомъ, и въ кафтанѣ изъ верблюжьяго сукна, выложенномъ по борту чернымъ плюсомъ; то и другое надѣваютъ воспитанники, когда выходятъ въ зимнюю пору на открытый воздухъ.

Четвертый въ лѣтнемъ костюмѣ. Онъ такой же, какъ и зимній, только кафтанъ и кушакъ изъ желтой хивиской нанки (мяле); на нихъ, вмѣсто красныхъ кантовъ, обшивка изъ чернаго шнура; нагрудникъ нестрой полунелковой бухарской матеріи; шляпа китайская бѣлая войлочная; шаравары изъ сѣрой нанки.

Пятый въ формѣ кочевой, совершенно тождественной съ лѣтнею, съ тою разницею, что тутъ все шито изъ мяле: и кафтанъ, и кушакъ, и нагрудникъ, и шаравары.

Все это, по Положенію, пригнато на киргизскій ладъ, т. е. очень простоно; но сидитъ на воспитанникахъ хорошо и целесообразно.

Въ верхнемъ ярусь гардероба у каждаго изъ воспитанниковъ есть по двѣ пары всякой одежды, кромѣ той, которая на нихъ и которой тамъ, разубѣтся, одна запасная пара; въ нижней части гардероба достаточный запасъ бѣлья. У каждаго въ кармавѣ красный посовой платокъ. (Въ Школѣ, значить, ничего не забыто, до послѣдней бездѣлицы, потому что красное киргизамъ всегда нравится).

Сверхъ того (т. е. сверхъ положенныхъ по штату лицъ) при воспитанникахъ, въ родѣ дядки, состоитъ одинъ изъ разсыльныхъ при Пограничной Комисси киргизовъ, человекъ почтенный, къ которому питомцы весьма привязаны.

Воспитанники въ Школѣ встаютъ въ семь часовъ утра; въ восемь завтракаютъ; отъ девяти до одиннадцати учатся въ классахъ; въ двѣнадцать часовъ обѣдаютъ; послѣ обѣда опять въ классахъ отъ двухъ до четырехъ часовъ; ужинаютъ въ восемь; ложатся спать въ девять часовъ вечера. Для каждаго изъ трехъ послѣднихъ классовъ, которыхъ пока еще нѣтъ, предназначено по два часа въ сутки для занятій, еще наблюдениемъ надзирателя Школы, повтореніями и приготовленіями уроковъ.

На завтракъ питомцамъ даютъ ширь-чай, или, такъ называемый, калмыцкій чай (кипричный чай, сваренный съ молокомъ, коровьимъ масломъ и частичкою соли); расписание блюдъ за обѣдомъ и ужиномъ воспитанниковъ передъ вами; блюда эти, конечно, немного не сходятся съ нашей обыкновенной кухней; но они, по Положенію, примѣнены къ прежнимъ привычкамъ питомцевъ.

Расписание блюдъ для стола воспитанниковъ Школы:

Дни.	З а о б ѣ д о м ѣ .	За ужиномъ.
Воскресен.	Лапша съ крутомъ. Випбармакъ (кулама). Жаркое изъ баранины съ картофелемъ.	Горячее съ бараниной и крутомъ.
Понедѣльн.	Супъ изъ полбенной крупы съ бараниной и крутомъ. Просяная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	
Вторникъ.	Лапша съ бараниной и крутомъ. Полбеная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	
Среда.	Лапша съ крутомъ. Випбармакъ (кулама). Жаркое изъ баранины.	
Четвергъ.	Просяной супъ съ бараниной, картофелемъ и крутомъ. Полбеная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	
Пятница.	Лапша съ крутомъ. Пловъ съ бараниной. Жаркое изъ баранины.	
Суббота.	Супъ изъ полбенной крупы съ бараниной и крутомъ. Просяная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	

школу, для обученія, киргизскія дѣти и какими средствами Правительство можетъ обеспечитьъ успѣхъ этого предпріятія и привлечь ордынцевъ къ охотной отдачѣ дѣтей своихъ въ училище. Причемъ Коммісія имѣетъ также обсудить: чему именно должны обучаться въ означенной школѣ киргизскія дѣти, какіе потребны для этого учителя, на какомъ основаніи долженъ быть произведенъ допускъ къ такому обученію, на какой срокъ и какими порядкомъ будутъ содержаться дѣти. Хотя же изъ отзыва ордынцевъ видно, что они обязываются давать обучающимся дѣтямъ пищу отъ себя, но не представится ли за лучшее, въ видахъ огражденія дѣтей отъ неисправности родителей и родственниковъ и обезпеченія въ постоянномъ, правильномъ пропитаніи, устроить это дѣло на иныхъ началахъ.

Обсудивъ съ должною внимательностію такой важный предметъ, каково введеніе первоначальнаго обученія въ киргизскую Степь, Коммісія пріемлетъ честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Высочайшества слѣдующія свои по сему соображенія:

1) Стараться особенно, употреблять какія-либо усилія къ тому, чтобъ склонять и привлекать ордынцевъ къ отдачѣ дѣтей своихъ учиться въ школы при степныхъ укрѣпленіяхъ Коммісія признаетъ съ своей стороны не только не нужнымъ, но и вреднымъ для успѣха дѣла при подозрительности магометанъ во всемъ относящемся до ихъ религіи (обученіе же въ глазахъ ихъ не есть дѣло гражданское, а религіозное); чѣмъ болѣе стало бы Правительство выказывать желанія видѣть киргизскихъ дѣтей учащими въ русскихъ школахъ, тѣмъ менѣе обнаружилось бы къ тому расположенія въ киргизахъ; сейчасъ заподозрѣны были бы съ нашей стороны какіе-нибудь коварные замыслы противу исламизма. Поэтому для самаго успѣха дѣла не слѣдуетъ приступать къ нему съ особою горячіюстію. Когда киргизы увидятъ,

Б.

ШКОЛЫ ПРИ СТЕПНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЯХЪ.

*Представленіе Г-ну Оренбургскому и Самарскому
Генераль-Губернатору отъ 9-го Октября 1859 года
№ 9602.*

(Черновыя этого представленія и далѣе проекты правилъ и списка писаны рукой Василья Васильевича Григорьева, бывшаго тогда председателемъ Комміссіи Оренбургской Пограничной Комміссіи¹⁾).

Вслѣдствіе представленія Пограничною Комміссіею отъ 5-го Марта № 2723, г. неправильному должностъ Вашего Высочайшества Генераль-Лейтенанту Балкашину отзыва почетныхъ Аргынцевъ и Бличаковцевъ о желаніи ихъ отдавать дѣтей своихъ въ школу, если таковая будетъ устроена въ Оренбургскомъ укрѣпленіи, г. Генераль-Лейтенантъ Балкашинъ въ предложеніи отъ 25 Апрѣля № 388, передалъ Комміссіи приказаніе Вашего Высочайшества о томъ, чтобъ войти въ соображеніе: на какихъ началахъ должны быть допускаемы въ

¹⁾ Архивъ Областнаго Правленія Оренбургскими киргизами дѣло № 47342. Объ учрежденіи при Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ и фортахъ № 1-мъ и Перовскомъ школѣ для киргизскихъ дѣтей.

что Правительство не придает важности тому, будутъ, или нѣтъ отдавать они дѣтей своихъ въ русскія школы, а между тѣмъ убѣдятся въ выгодахъ, истекающихъ отъ того для дѣтей, можно быть увѣреннымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ число желающихъ обучать дѣтей своихъ въ школахъ при укрѣпленіяхъ будетъ такъ велико, что мѣстное управленіе найдетъ въ необходимости отказывать просьбамъ о томъ за неизвѣнимъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Особенно результатъ этотъ будетъ несомнѣнъ, если помѣщеніе и пища воспитанниковъ приняты будутъ на счетъ казны.

2) Относительно условій пріема киргизскихъ дѣтей въ школы при укрѣпленіяхъ, Коммисія полагаетъ, что должно принимать въ оныя желающихъ безъ различія происхожденія и состоянія родителей. Правительству слѣдуетъ, по мнѣнію Коммисіи, не поддерживать въ Стенѣ вліянія, помимо его образованія и обучающіяся, а создавать свои. При многочисленности желающихъ, изъ пріятія дѣтей въ школы можно будетъ сдѣлать отличіе въ пользу ордынцевъ, состоящихъ на службѣ по стелному управленію; но въ настоящее время, пока не наполнятся предположенные кадры, учителю каждой школы должно быть поставлено въ обязанность принимать и учить всякаго являющагося, даже взрослыхъ, безо всякой о томъ перепіски и требованія отъ кого-либо разрѣшенія.

3) Штатъ каждой школы Коммисія полагаетъ удобнымъ ограничить на первый разъ 25 воспитанниками съ однимъ учителемъ, который будетъ вмѣстѣ и смотрителемъ школы. Для варенія пищи дѣтямъ долженъ быть при школѣ нанятъ работникъ изъ киргизовъ. Больше никого не нужно. Чѣмъ проще будутъ школы, чѣмъ болѣе онѣ будутъ ходить наружностью на азиатскія, тѣмъ лучше. Сообразно съ такимъ штатомъ школьный домъ дол-

женъ заключать въ себя: учебную комнату (которая можетъ служить вмѣстѣ и спальнею для воспитанниковъ), комнату, куда на день складывались бы постели и подушки воспитанниковъ; комнату для учителя; кухню, гдѣ будетъ помѣщаться и работникъ, и чуланъ для съѣстныхъ принасовъ.

4) Ученіе въ стѣнныхъ школахъ для киргизскихъ дѣтей достаточно будетъ ограничить чтеніемъ и письмомъ на русскомъ и киргизскомъ языкахъ, первыми четырьмя правилами ариметики и переводомъ съ киргизскаго на русскій и обратно, при чемъ объяснять и грамматическія формы обоихъ языковъ.

5) Способъ ученія долженъ быть принятъ ланкастерскій, т. е., чтобъ старшіе ученики обучали младшихъ. При такомъ способѣ можно обойтись безъ лишней формальности раздѣленія учениковъ на классы, которое требуетъ и нѣсколькихъ учителей и нѣсколькихъ классныхъ комнатъ, а пользы существенной не приноситъ.

6) Срока пребыванію въ школахъ, по мнѣнію Коммисіи, назначать не слѣдуетъ. Пусть ребенокъ учится, пока выучится всему преподаваемому въ школѣ, одинъ можетъ этого достигнуть въ два года, другой въ три, иной въ четыре. Дальше четырехъ лѣтъ, по курсу ученія въ школѣ, держать воспитанниковъ не слѣдуетъ: это значило бы обратить школы изъ орудія къ образованію въ ирѣю для лѣности и неспособности.

7) Школьные дома можно выстроить при укрѣпленіяхъ изъ дерева, воздушнаго кирпича или битой глины, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. Въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ дома эти должны быть снабжены печами; въ Александровскомъ и на Сыръ-Дарьѣ печи могутъ быть замѣнены камнями. Привыкшіе проводить зиму въ кибиткахъ дѣти не будутъ заблуждены очень въ мазанкахъ съ камнями. Половъ деревянныхъ не нужно

нидѣ. Мебель должна заключаться вся въ нѣсколькихъ низкихъ столахъ, на которыхъ можно было бы писать, сидя на полу. Спать на землѣ—киргизамъ не привыкать; но можно устроить и нары.

8) Кухонная посуда должна заключаться въ одномъ желѣзномъ ведрѣ, двухъ чугунныхъ котлахъ и нѣсколькихъ деревянныхъ чашкахъ и блюдахъ; ножи для рѣзанія мяса воспитанники должны имѣть свои.

9) Одежду, бѣлье, обувь и постель воспитанники должны имѣть съ родителей. Для снабженія этимъ бѣднѣйшихъ можетъ быть ассигнована особая сумма, какъ исключеніе, но общимъ правиломъ должно оставаться, что эти статьи должны быть у воспитанниковъ собственныя.

10) Относительно пици Комиссія полагаетъ напротивъ, что на заботливость родителей о снабженіи ею дѣтей, отданныхъ въ школу, нѣсколько полагаться не слѣдуетъ и что эта статья должна быть принята на счетъ казны. Суммою на пицу, сообразно назначенію, распорядился бы учитель школы, дѣлая своевременно какіе нужно запасы; а кушанье для дѣтей приготовлялось бы наемнымъ для сего работникомъ или работницею. Всякое столовое бѣлье полагается излишнею роскошью, несомвѣстною съ бытомъ киргизовъ.

11) На освѣщеніе и отопленіе школьныхъ домовъ должны быть ассигнованы сообразныя потребности суммы.

12) Обращаясь къ примѣрному перечисленію единовременныхъ и постоянныхъ расходовъ, необходимыхъ на устройство и содержаніе школы на вышеизложенныхъ основаніяхъ, Комиссія полагаетъ, что первоначальное заведеніе каждой школы потребуетъ:

а) На возведеніе школьнаго дома—отъ 250 до 500 р.

б) На мебель (столы, доску, нары) и посуду (котлы, чаш-

ки, желѣзные подвѣшники, умывальники и проч.)—100 р.

в) На учебныя принадлежности (книги, доски аспидныя, бумагу, перья, чернила)—50 р.

Ежегодный расходъ на содержаніе каждой школы будетъ заключаться:

г) въ ремонтъ школьнаго дома—до 25 р.

д) въ ремонтъ мебели, посуды и учебныхъ принадлежностей—до 50 р.

е) въ довольствованіи воспитанниковъ пищею, полагаемъ в сутки по 10 к. на ребенка—900 р.

ж) въ снабженіи бѣднѣйшихъ одеждою и, зимою, обувью—примѣрно до 75 р.

з) въ расходахъ на отопленіе и освѣщеніе въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году—90 р.

и) въ жалованьи учителю—180 р.

й) въ платѣ работнику-повару—36 р.

Итого, устройство каждой школы потребуетъ отъ 400 до 650 р. с., а ежегодное ея содержаніе до 1356 р.

13) Единовременный расходъ на устройство школы можетъ быть отнесенъ на суммы, поступающія въ Комиссію за развѣдку и разработку рудъ въ Стені; для постояннаго же содержанія школы Комиссія не можетъ указать другаго источника, кромѣ кибиточнаго съ киргизовъ сбора.

Представляя изложенныя соображенія, Комиссія долговѣ счи- таетъ присовокупить, что по мнѣнію ея учитель школы долженъ быть вмѣстѣ и переводчикомъ киргизскаго языка при укрѣпленіи, получая за исправленіе этой послѣдней должности особое содержаніе (60 р. с.) изъ суммъ стѣнныхъ укрѣпленій; что въ учителя стѣнныхъ школъ должны назначаться исключительно вос-

питанники, вышедшіе из Оренбургскаго при Пограничной Комисіи училища для киргизскихъ дѣтей, какъ молодые люди къ тому приспособленные; и что введеніе въ степныхъ школахъ преподаванія магометанскаго закона было бы такою со стороны русскаго Правительства мѣрою къ распространенію и утверженію исламизма въ Стенн, вредъ отъ которой далеко бы превзошелъ пользу, ожидающуюся отъ распространенія грамотности между киргизами.

П Р А В И Л А,

относящихся до русскихъ школъ для киргизскихъ дѣтей въ Уральскомъ и Оренбургскомъ укрѣпленіяхъ, основанныя на Высочайше утвержденномъ Положеніи Коллегіи Г.г. Министровъ по этому предмету.

(При представленіи Пограничной Комисіи отъ 17 Ноября 1861 года за № 11021).

А) Общія положенія.

§ 1. Штатъ каждой изъ школъ ограничивается 25 воспитанниками, съ однимъ для нихъ учителемъ, который есть, гдѣтъ, и смотритель школы.

§ 2. Право помѣщенія дѣтей въ школы предоставляется преимущественно ордынцамъ, состоящимъ на службѣ по степному управленію. Пока же школы не наполняются дѣтьми таковыхъ, принимаются въ оныя всѣ желающіе изъ киргизовъ, безъ различія происхожденія и состоянія, а на первое время—даже и взрослые.

§ 3. Приемъ воспитанниковъ на вакансіи производится въ теченіе дѣлаго года, за исключеніемъ вакаціоннаго времени.

§ 4. Для поступленія въ школу не требуется отъ самого желающаго или родителей его и родственниковъ никакой другой формальности, кромѣ явки къ смотрителю, который и заноситъ явившагося въ списокъ воспитанниковъ по особой формѣ, съ обозначеніемъ имени, отчества, возраста, рода, отдѣленія, званія родителей и времени поступленія.

§ 5. При полномъ комплектѣ воспитанниковъ, желающіе поступить въ школу вносятся въ этотъ же списокъ въ качествѣ кандидатовъ, и принимаются на открывающіяся вакансіи по старшинству заявленнаго желанія, но съ соблюденіемъ преимущества, по § 2, въ пользу дѣтей должностныхъ ордынцевъ.

§ 6. Для оставленія школы также не требуется какъ со стороны поступившаго по собственному желанію, такъ и со стороны родителей или родственниковъ отданнаго ими воспитанника, ничего иного кромѣ словеснаго о томъ заявленія смотрителю, который и отмѣчаетъ въ особой графѣ списка, что такой-то воспитанникъ выбылъ тогда-то по такой-то причинѣ.

§ 7. Выбывшіе однажды воспитанники степныхъ школъ вновь въ оныя не принимаются.

§ 8. Кромѣ воспитанниковъ изъ киргизовъ, дозволяется допускать къ обученію въ степныхъ школахъ и дѣтей русскихъ поселенцевъ при укрѣпленіяхъ, но не иначе, какъ въ качествѣ приходящихъ. Обученіе киргизской грамотѣ для дѣтей этихъ не обязательно.

§ 9. Учителями въ степныхъ школахъ опредѣляются преимущественно молодые киргизы, окончившіе курсъ ученія въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ или въ Школѣ для киргизскихъ дѣтей при Областномъ Правленіи Оренбургскими киргизами.

§ 10. Опредѣленіе школьныхъ учителей, увольненіе ихъ и

представленіє къ наградамъ зависить отъ Областнаго Правленія Оренбургскихъ киргизамъ.

Примѣчаніе. Учитель школы можетъ исправлять, оставаясь при этой должности, и обязанность переводчика при начальникѣ укрѣпленія съ полученіемъ жалованья, присвоеннаго этой послѣдней должности; но въ такомъ случаѣ начальникъ укрѣпленія не можетъ командировать его нигуда въ окрестности иначе, какъ въ теченіе лѣтнихъ вакаціонныхъ мѣсяцевъ.

Б) Часть учебная.

§ 11. Курсъ ученія въ стѣнныхъ школахъ полагается слѣдующій:

- а) чтеніе и письмо на киргизскомъ и русскомъ языкахъ.
- б) первыя четыре правила ариметикъ;
- в) переводы съ киргизскаго на русскій и обратно, съ объясненіемъ при этомъ грамматическихъ формъ обоихъ языковъ.

§ 12. Главное вниманіе должно быть обращено на обученіе воспитанниковъ русскому языку; но русской грамотѣ слѣдуетъ учить только мальчиковъ, умѣющихъ уже читать по киргизски. Обученіе ариметикѣ должно начинаться, когда воспитанникъ выучился читать и по-киргизски и по-русски.

§ 13. Въ избѣжаніе необходимости дѣлить воспитанниковъ, по умѣхамъ, на классы, что при одномъ учителѣ не возможно, способъ ученія въ стѣнныхъ школахъ полагается пригнѣнительный къ лапастерскому; то есть, учитель обучаетъ только способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ изъ воспитанниковъ, а эти пріобрѣтенное отъ учителя знаніе передаютъ прочимъ. Такимъ образомъ не теряется времени попусту ни у учителя, ни у учащихся: пока одинъ изъ воспитанниковъ обучаютъ другихъ, напримѣръ,

киргизской грамотѣ, учитель занимается съ третьими русскою; пока одинъ обучаетъ другихъ ариметикѣ, онъ занимается съ третьими переводомъ съ киргизскаго на русскій или съ русскаго на киргизскій.

§ 14. Учебное время раздѣляется на утреннее и послѣобѣденное, каждое по три часа въ сутки. Утреннее, въ теченіе Сентября, Октября, Марта, Апрѣля и Мая, начинается въ 8 часовъ по полудни и продолжается до 11-ти; въ зимніе-же мѣсяцы: Ноябрь, Декабрь, Январь и Февраль—начинается въ 9 и продолжается до 12 часовъ по полудни. Послѣобѣденное время во все мѣсяцы года, когда производится ученіе, начинается въ два и оканчивается въ 5 часовъ по полудни.

§ 15. На лѣтнія вакаціи полагается съ 1 Юня по 1 Сентября. На это время все воспитанники, имѣющіе родителей или родственниковъ, респускаются по кочевьямъ.

§ 16. Воскресные дни замѣняются пятницею, воскресенье же считается будничнымъ днемъ, и никакіе христіанскіе праздники, кромѣ перваго дня Рождества и Воскресенія Христова, не празднуются. Въ замѣнъ, воспитанники могутъ быть увольняемы къ родителямъ или родственникамъ на трое сутокъ въ оба байрама.

§ 17. Срока пребыванія въ школахъ не полагается. Какъ кто изъ воспитанниковъ выучится всему преподаваемому въ школѣ, такъ и выпускается изъ оной съ свидѣтельствомъ отъ учителя объ окончаніи курса.

§ 18. Чтобы стѣнныя школы не могли обратиться изъ орудія къ образованію въ пріютъ лѣни и бездарности, далѣе четырехъ лѣтъ пребываніе въ нихъ воспрещается. Воспитанникъ, въ теченіе этого срока не успѣвшій усвоить себѣ предметовъ преподаванія въ школѣ, исключается изъ оной какъ безнадежный.

§ 19. Исключение из школы допускается также и за дурное поведение.

§ 20. Отлучаясь из школы, учитель обязан передавать надзор за воспитанниками отличившему из них по поведению и способностям.

В) Часть эконоическая.

§ 21. Воспитанники из киргизов, поступившие в стены школы, пользуются в оных от казны помещением с отоплением и освещением, пищею, постелью и учебными принадлежностями; но одежду, белье и обувь должны иметь собственные. Формы для одежды никакой не полагается.

§ 22. Посobie от казны для снабжения совершенно-бедных и сирот: одеждою, бельем и обувью может быть оказываемо лишь в видѣ отступления от общаго правила.

§ 23. Классная и спальная мебель каждой школы должна заключаться в нарахъ (съ матрацами изъ грубого холста, набиваемаго соломою или сѣномъ), столахъ, скамейкахъ и большой учебной доскѣ, все плотничной работы, а кухонная посуда—въ желѣзныхъ ведрахъ и чайникъ, въ двухъ чугунныхъ котлахъ, въ деревянныхъ корытахъ, ушатъ, блюдахъ, чашкахъ и ложкахъ. Ножи, для рѣзанія мяса, воспитанники должны имѣть свои. Для умыванія послѣ приема пищи и утромъ, каждая школа снабжается нѣсколькими кумганами (азіятскими кубинами) и тазами. Подсвѣчники и щипцы для свѣчъ употребляются желѣзные.

§ 24. Для приготовления пищи воспитанникамъ и мытья белья ихъ, находится при каждой школѣ наемный работникъ изъ киргизовъ и киргизка-работница.

§ 25. Издержки по содержанию каждой школы ассигнуются ежегодно, изъ казначнаго сбора, въ количествѣ 1803 р. 50 к. на слѣдующіе предметы:

а) На ремонтъ школьнаго дома—50 р.

б) На ремонтъ мебели, посуды и учебныхъ принадлежностей (аспидныхъ досокъ, чернильницъ, книгъ, бумаги, перьевъ и проч.)—75 р.

в) На отопление и освѣщеніе въ теченіе шести мѣсяцевъ (хворостомъ, соломою, кизкомъ, дрогами, чѣмъ представится возможность, полагая этого топлива, для шести печей или каминовъ, на 18 руб. въ мѣсяцъ, да по 8 свѣчей салныхъ на вечеръ, полагая нудъ оныхъ въ 7 р.)—360 р.

г) На довольствованіе воспитанниковъ изъ киргизовъ пищею (по 10 к. сер. въ сутки на каждаго изъ 25 учениковъ,—въ теченіе девяти учебныхъ мѣсяцевъ)—687 р. 50 к.

д) На снабженіе бѣднѣйшихъ и сиротъ одеждою, бельемъ и обувью—150 р.

е) На мыло для стирки белья и умыванья, на полотенцы кухонныя, метлы и проч.—85 р.

ж) На жалованье работнику-повару и работницѣ-прачкѣ, 8 р. въ мѣсяцъ обомъ—96 р.

з) На жалованье учителю (онъ же и смотритель) школы—300 р.

Примчаніе. Если учитель школы исправляетъ и обязанность переводчика при начальникѣ укрѣпленія, съ получениемъ положеннаго за то жалованіе, то содержаніе ему по должности учителя и смотрителя школы уменьшается до 200 руб.; остальные же 100 выдаются священнику укрѣпленія, за обученіе Закону Божию дѣтей русскихъ поселенцевъ.

§ 26. Остатки отъ нечисленныхъ нѣкоторыхъ суммъ могуціе и должествующіе быть въслѣдствіе неоплаченаго комплекта воспитанниковъ и другихъ обстоятельствъ, обращаются на пріобрѣтеніе лекарствъ для заболѣвающихъ воспитанниковъ, на плату за поль-

зование таковых в госпиталь укрѣпленія, и в гонорарій медику сего послѣдняго.

Г) Отчетность и контроль.

§ 27. Киргизскія школы при стѣнныхъ укрѣпленіяхъ находятся, подъ главнымъ надзоромъ Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ-Губернатора, в непосредственномъ завѣдываніи Областнаго Правленія Оренбургскими киргизами, при чемъ начальникамъ укрѣпленій предоставляется право контроля по хозяйственной и полицейской части сихъ заведеній.

§ 28. Обязанность Областнаго Правленія по завѣдыванію стѣнными школами заключается в слѣдующемъ:

а) Сумму, ассигнованную на содержаніе каждой школы, высылаетъ оно смотрителю оной по третямъ года, черезъ штабъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, передъ началомъ каждой трети.

б) По расходованію этой суммы снабжаетъ ежегодно смотрителей школъ тремя шуровыми книгами на записку издержекъ:

1) по ремонту дома, мебели, посуды и учебныхъ принадлежностей школы; 2) по довольствованію воспитанниковъ пищею, по освѣщенію и отопленію школы, по соблюденію в оной чистоты, и по снабженію бѣднѣйшихъ учениковъ одеждою, бѣльемъ и обувью; 3) по довольствованію жалованьемъ учителя и прислуги школы. — По истеченіи же года ревизуетъ всѣ эти книги.

в) Располагается удовлетвореніемъ, изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ школы (по § 26), расходовъ на леченіе заболѣвающихъ воспитанниковъ, и назначеніемъ медику укрѣпленія, сообразнаго трудамъ его гонорарія.

г) Контролируетъ дѣйствія учителя школы относительно къ успѣхамъ преподаванія и по приѣму и увольненію воспитанниковъ, разсматривая ежегодно отчеты его по симъ предметамъ,

и поручая ревизію школъ чиновникамъ своего вѣдомства, командруемымъ въ Степь по разнымъ порученіямъ.

Примѣчаніе. Управляющій Областію Оренбургскихъ киргизовъ и помощникъ его, находясь в укрѣпленіяхъ по какимъ бы то ни было дѣламъ, обязываются личнымъ осмотромъ школъ и ревизіею ихъ по всѣмъ частямъ.

§ 29. Начальникамъ укрѣпленій, гдѣ находятся киргизскія школы, предоставляется наблюдать:

а) чтобы домъ школы, мебель ея, посуда и проч. содержались смотрителемъ в надлежащей исправности и чистотѣ.

б) чтобы воспитанники довольствуемы были отъ смотрителя пищею, а домъ школы отопляемъ и освѣщаемъ, сообразно съ отпускаемымъ на то суммамъ.

в) чтобы расходъ на довольствованіе воспитанниковъ пищею и прочимъ производился по наличному числу ихъ, если таковое не достигаетъ полнаго комплекта.

г) чтобы воспитанники внутри и вѣхъ школы вели себя прилично и добронравно. За дурное поведеніе воспитанникъ не можетъ быть исключенъ изъ школы, безъ согласія на то начальника укрѣпленія.

д) чтобы одеждою, бѣльемъ и обувью снабжались отъ смотрителя дѣйствительно только такіе воспитанники, которые не имѣютъ къ тому собственныхъ средствъ.

е) чтобы между воспитанниками не было зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями, для чего поручаетъ свидѣтельствовать ихъ еженедѣльно медику при укрѣпленіи; найденные больными препровождаются или в госпиталь укрѣпленія или отпускаются до излеченія къ родителямъ и родственникамъ, или, в случаѣ важной хворости, пользуются медикою не оставляя школы.

§ 30. Обо всѣхъ безпорядкахъ в сказанныхъ отношеніяхъ

начальник укрѣпленія доводитъ до свѣдѣнія Областнаго Правленія, на его распоряженіе; лично-же въ распоряженія по школахъ входить лишь въ случаѣ смерти или тяжелой болѣзни смотрителя, до назначенія ему преемника.

С П И С О КЪ

поступающимъ въ русскую школу для киргизскихъ дѣтей при N укрѣпленіи и выбывающимъ изъ оной воспитанникамъ изъ киргизовъ.

№ ПОСТУПАЮЩАГО	Имя, отчество, возрастъ, родъ и отдѣленіе воспитанника.	Какого происхожденія воспитанникъ.	Когда воспитанникъ принятъ въ школу или записанъ кандидатомъ	Когда воспитанникъ выпущенъ изъ школы и съ какими успѣхами, или если исключенъ, то за что именно.
1	Тангрибергенъ Ильтукъ, 17 л. Джалпасскаго рода, Калкаманова отдѣленія.	Сирота, сынъ простаго киргиза Ильтукъ Джайлыова.	5 Сентября 1862 г.	Выпущенъ, по окончаніи съ отличными успѣхами полнаго курса ученія, 30 Апрѣля 1864 г. За отсутствіемъ учителя исправлялъ частовременно его должность.
2	Джанали Сарымовъ, 10 л., Дюркаринскаго рода, Туманова отдѣленія.	Сынъ мѣстнаго начальника 31 дистанціи Сарыма Альмамбетова.	25 Сентября 1862 г.	Выпущенъ, по окончаніи полнаго курса ученія, 30 Марта 1865 года. Учился довольно прилежно.
3	Султанъ Асфендіяръ Ширалиевъ, 13 лѣтъ.	Сынъ бывшаго начальника 54 дистанціи султана Ширалаи Таукина.	10 Октября 1863 г.	Исключенъ 15 Января 1864 г. за глупость, лѣность и склонность къ воровству и буйству. Что исключенъ основательно, въ томъ свидѣтельствую: Начал. N укрѣпленія Майоръ Баронъ N.
4	Тялумухаммедъ Бахтировъ 8 лѣтъ, Чумезовскаго рода, Вузгулова отдѣленія.	Сынъ бия Бахтиара Угенова.	Записанъ кандидатомъ 10 Ноября 1863 г. Принятъ 20-го Января 1864 г., на мѣсто восп. подъ № 3.	Уволенъ изъ школы, за болѣзненностію по желанію родителей, 5 Февраля 1865 г.

Областному Правленію Оренбургскіи киргизали.
20 Октября 1862 года № 1653.

Разсмотрѣвъ представленный Областнымъ Правленіемъ, отъ 17 Ноября 1861 г. за № 11021, проектъ правилъ о русскихъ школахъ въ укрѣпленіяхъ Оренбургскомъ и Уральскомъ и фортахъ № 1-й и Перовскій и сдѣлавъ необходимыя дополненія для одновременнаго распространенія ихъ на все четыре школы, препровождаю одинъ экземпляръ сказанныхъ правилъ въ Областное Правленіе для руководства и должнаго исполненія, поручая принятыя надлежащія мѣры въ открытіи въ первыхъ двухъ укрѣпленіяхъ самыхъ школъ, по отводѣ для нихъ помѣщеній въ казенныхъ или частныхъ домахъ, гдѣ таковыя имѣются впродъ до устройства, въ будущемъ году, школьныхъ домовъ, о чемъ и сдѣлано распоряженіе.

Генералъ-Адъютантъ Безакъ.

(При этомъ предложеніи приложенъ Списокъ съ тѣми графами и заголовками, какъ у В. В. Григорьева, только графы оставлены совершенно пустыми. Правила буквально переписаны съ проекта В. В. Григорьева, сдѣланы только нѣкоторыя перемѣны, а именно: переименована заголовка).

„Правила о школахъ, учрежденныхъ при Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ и при фортахъ № 1-го и Перовскій, для обученія грамотѣ дѣтей киргизъ и русскихъ поселенцевъ“.

Въ параграфѣ 1-мъ къ слову *воспитанника* прибавлено *«изъ киргизъ»*.

Въ параграфѣ 4 слѣдующее измѣненіе:

... „ни какой другой формальности, кромѣ явки къ смотрителю, который докладываетъ объ этомъ словесно начальнику укрѣпленія или форта и по полученіи отъ него послѣдняго письменнаго предписанія, записать явившагося въ списокъ воспитанника“.

танниковъ по особой формѣ, у сего прилагаемой, съ обозначеніемъ имени, отчества, возраста, рода, отдѣленія, званія родителей и времени поступления. Самыя же предписанія присоединяются къ документамъ о расходахъ денегъ“.

Конецъ § 5 нѣсколько измѣненъ ..., по старшинству заявленнаго желанія и съ соблюденіемъ изложеннаго въ предыдущемъ § порядка. При этомъ предоставляется преимущество, для поступления въ школы, дѣтямъ должностныхъ ордынцевъ, ср. § 2.

Измѣненіе въ § 6. ... докладываетъ о семъ начальнику укрѣпленія или форта, а сей послѣдній даетъ смотрителю предписание объ увольненіи. Смотритель, получивъ это предписание, отыскавъ въ особой графѣ списка, что такой-то воспитанникъ выбылъ тогда -то по такой-то причинѣ; съ самымъ же предписаніемъ поступаетъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 4.

§ 7 значительно измѣненъ. „Выбывшіе изъ стѣнныхъ школъ по болѣзни или другимъ причинамъ, кромѣ объясненныхъ ниже, воспитанники принимаются вновь въ школы, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ правилъ, объясненныхъ въ 4 и 5 § §. Воспитанники же, исключенные за лѣность или дурное поведеніе, вновь въ школы не принимаются.“

Къ концу § 9 прибавлено: „при чемъ они должны хорошо знать разговорный русскій языкъ.“

§ 10 изложенъ такъ: „Определеніе и увольненіе школьныхъ учителей въ Оренбургское и Уральское укрѣпленія зависятъ отъ Областнаго Правленія, а въ форты № 1-го и Перовскій—отъ командующаго Сырѣ-Дарьинскою линіею; отъ нихъ же зависятъ и представленіе означенныхъ лицъ къ наградамъ, во время прохожденія службы въ учительскихъ должностяхъ.“

„Примѣчаніе 2. Въ случаѣ соединенія обязанности учителя школы съ обязанностями переводчика жалованье по первой должно-

сти назначается въ размѣръ 200 р., а остальные 100 р. выдаются фортовому священнику за обученіе русскихъ мальчиковъ Закоу Божію.“

§ 13 сокращенъ, именно оканчивается словами: „передаютъ прочимъ“.

§ 16 измѣненъ: „праздничные дни для киргизскихъ мальчиковъ должны быть опредѣлены по указанію опыта, примѣняясь къ ихъ обычаямъ“.

Къ концу § 18 прибавлено: „съ соблюденіемъ, однако, правилъ, изложенныхъ въ § 4“.

Къ концу § 19 прибавлено; „но также не иначе, какъ съ соблюденіемъ порядка, означеннаго въ томъ же 4 §“.

Примѣчаніе къ § 25 здѣсь опущено, а смыслъ его изложенъ во 2-мъ примѣчаніи къ § 10-му.

§ 26 совершенно измѣненъ: „Пользованіе больныхъ воспитанниковъ возлагается на медиковъ мѣстныхъ укрѣпленій и фортовъ, расходы же по приобретенымъ медикаментамъ относятъ на деньги, ассигнуемыя въ каждое изъ сихъ укрѣпленій для пользованія бѣдныхъ киргизъ“.

§ 27. „Киргизскія школы при укрѣпленіяхъ, находясь подъ главнымъ поначеніемъ Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ-Губернатора, состоятъ въ непосредственномъ заведѣваніи: въ Оренбургскомъ и Уральскомъ—Областнаго Правленія, а въ фортахъ № 1-го и Перовскій командующаго Сырѣ-Дарьинскою линіею; при чемъ начальникамъ означенныхъ укрѣпленій и фортовъ предоставляется право контроля по хозяйственной и полицейской части сихъ заведеній“.

§ 28. „Суммы, ассигнованныя на содержаніе школъ, должны быть доставляемы смотрителямъ: а) въ Оренбургское и Уральское укрѣпленія Областнымъ Правленіемъ, а въ форты Перовскій и № 1

чиновником завѣдывающимъ Сырь-дарьинскими киргизами, удерживая ихъ изъ получаемого съ тамошнихъ киргизъ сбора и донося объ этомъ каждый разъ Областному Правленію; б) для записки расходованія суммы смотрители снабжаются книгами отъ Областнаго Правленія по одной для каждой школы, куда и должны записывать все расходы безъ различія предмета, на который предназначается; в) ремонтъ школьныхъ зданій производится не иначе, какъ по распоряженію начальниковъ укрѣпленій или фортовъ чрезъ мѣстнаго инженера, а буде такового въ которомъ-либо изъ сказанныхъ укрѣпленій и фортовъ не будетъ, то наблюденіе за исполненіемъ работъ возлагается на самихъ начальниковъ сказанныхъ укрѣпленій; и г) остатки отъ итатной суммы, вмѣстѣ съ отчетностью, должны быть представляемы въ Областное Правленіе.

§ 29 проекта сдѣлался 30-мъ и въ немъ на мѣсто пункта в поставлено слѣдующее: „чтобы въ случаѣ ремонтировки школьнаго зданія она производилась, гдѣ инженера нѣтъ, по распоряженію и личнымъ ихъ надзоромъ“. Отъ этой вставки прочіе пункты передвинулись послѣдовательно. Къ концу пункта ж (въ проектѣ в) прибавлены слова: „насчетъ ассигнуемыхъ средствъ для бѣдныхъ киргизъ.“

Въ концѣ правилъ прибавленъ § 32-й: „Областное Правленіе и командующій Сырь-Дарьинскою линіею въ ежегодныхъ отчетахъ своихъ, представляемыхъ Генераль-Губернатору, объявляютъ какъ о состояніи означенныхъ школъ, такъ и объ употребленныхъ на сіе издержкахъ“.

Генераль-Адъютантъ Безакъ.

Областному Правленію Оренбургскимъ киргизами,
отъ 20 Мая 1863 года, № 747.

Согласно ходатайству командующаго Сырь-Дарьинскою линіею и начальника Оренбургскаго укрѣпленія, отъ 9 Марта за № 302, прому Областное Правленіе, по ближайшей извѣстности, распорядиться вышею откуда признается болѣе удобнымъ, или буде возможно, приобрѣтеніемъ здѣсь, въ Оренбургѣ, по прилагаемымъ копиямъ съ вѣдомостей, книгъ и прочихъ предметовъ, потребныхъ для киргизскихъ школъ, итѣющихъ открыться какъ на Сырь-Дарьинской линіи, — такъ и въ означенномъ укрѣпленіи; о деньгахъ же, которыя слѣдовало бы будутъ къ платежу, донести г. Генераль-Губернатору, для высылки ихъ изъ назначенной на сей предметъ суммы, причѣмъ поручаю Правленію войти въ соображеніе: не слѣдуетъ ли принять за правило, чтобы учебныя руководства во всехъ киргизскихъ школахъ были введены одинаковыя. Затѣмъ искупленные книги и материалы отправить по принадлежности при первой возможности.

Исправляющій должность Генераль-Губернатора

Генераль-Лейтенантъ Ладзыженскій.

ВѢДОМОСТЬ

книгамъ и прочимъ учебнымъ припасамъ, нужнымъ для учениковъ киргизской школы.

№ п/п	Названіе принадлежностей	Количество.	Цѣнность каждой единицы по розн.		Цѣнность всѣхъ единиц вмѣстѣ.		Примѣчаніе
			Р.	К.	Р.	К.	
Учебныя книги:							
1	Русской азбуки	25	—	35	8	75	Цѣны не извѣстны.
2	Татарской азбуки вмѣстѣ съ грамматикою соч. Бекчурина	25	1	40	35	—	
3	Русской грамматики	25	—	—	—	—	
4	Арифметики	25	—	—	—	—	
5	Русской христоматіи для чтенія	25	—	—	—	—	
6	Татарская книга для чтенія подъ заглавіемъ Абулгазы	25	—	—	—	—	
7	Татарско-русскій словарь	—	—	—	—	—	
Учебныя припасы:							
1	Пищей строй бумаги на 9-ть учебныхъ мѣсяцевъ	17 топ.	2	50	17	50	
2	Перьевъ	4 г. ш.	—	—	8	—	
3	Чернилицъ оловянныхъ съ песочницами	12	—	80	9	60	
4	Аспидныхъ досокъ	25	—	35	9	75	
5	Карандашей	3 дюж.	1	—	9	50	
6	Ножницъ перочинныхъ	15	—	70	10	50	
7	Резинъ 1	1 фун.	3	—	3	—	
8	Чернильныхъ орѣшковъ	2 фун.	—	70	1	40	
9	Купоросу	1 фун.	—	25	—	25	
10	Камеди	1/4 фун.	—	40	—	40	
11	Линеекъ	15	—	7	1	5	
		—	21	32	112	80	

ВѢДОМОСТЬ

книгамъ и предметамъ, нужнымъ для учрежденнаго при Оренбургскомъ укрѣпленіи приходскаго училища.

Названіе книгъ и предметовъ.	Число экземпляровъ.
Руководство къ изученію русской грамматики и счисленія 2 или 3 изданія (по не 1-го) въ 4 отдѣлахъ, каждаго отдѣла по 10 экземпляровъ	40
Краткихъ катихизисовъ	10
Аспидныхъ досокъ	3 шт.
Счетъ большихъ	2
Доску съ козламп, для арифметическихъ упражненій	1
Бумаги расхожей лучшей	2 ст.
Перьевъ гусиныхъ	500 шт.
Чернилицъ	2
Перочинныхъ ножей	3
Карандашей	1/2 д.
Мѣлу комоваго лучшаго	10 ф.

*Областному Правленію Оренбургскимъ киргизами, отъ
6 Августа 1863 года, № 1071.*

По распоряженію предметника моего, въ 1861 г. куплены у учителя восточныхъ языковъ Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса надворнаго совѣтника Бекчурина, 48 экземпляровъ Руководства къ изученію арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, для учреждаемыхъ въ укрѣпленіяхъ Оренбургскомъ и Уральскомъ и въ фортахъ № 1-го и Перовскій киргизскихъ школъ, по 12 экземпляровъ въ каждую, которые нынѣ, какъ видно изъ отношенія генеральнаго штаба въ генераль-губернаторскую канцелярію за № 2657, и разосланы по принадлежности.

О чемъ увѣдомляю Областное Правленіе для надлежащаго свѣдѣнія и въ дополненіе къ предложенію отъ 20 прошлаго Мая за № 747.

Генераль-Адъютантъ Беззакъ.

*Въ Областное Правленіе Оренбургскимъ киргизами,
отъ 22 Января 1864 года, № 144.*

Р а п о р т ѣ .

Считаю обязанностію довести до свѣдѣнія Областнаго Правленія, что въ слѣдствіе предписанія Оренбургскаго и Самарскаго Генераль-Губернатора отъ 28 Ноября прошлаго 1863 года за № 1628, 8 Января въ присутствіи болѣе 200 ордынцевъ и всѣхъ наличныхъ Гг. офицеровъ, находящихся во ввѣренномъ мнѣ укрѣпленіи, торжественно открыта киргизская школа и послѣ принесенія молитвы о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, а также начальника края, былъ

сдѣланъ туй, состоявшій изъ скачки на лошадяхъ, борьбы и приличнаго азіатскаго угощенія, которымъ ордынцы остались очень довольны. Открытіе киргизской школы ордынцы встрѣтили съ непритворною радостію, чему служитъ доказательствомъ и то, что въ тотъ же день опредѣлили въ училище 12-ть мальчиковъ, которые преимущественно дѣти султановъ, дистанционныхъ начальниковъ и почетныхъ бѣевъ, и о коихъ Областное Правленіе усмотритъ изъ прилагаемаго при семъ списка.

Для покрытія расходовъ по содержанію киргизской школы, на основаніи того же предписанія г. Генераль-Губернатора, отчислено изъ суммъ кибиточнаго сбора *девять сотъ* руб. серебромъ, которые записаны на приходъ въ шнуровую книгу по содержанію киргизской школы; заготовленныя мною вещи, по прилагаемой у сего вѣдомости, сданы смотрителю школы, а слѣдующія за нихъ деньги, въ количествѣ *двухъ сотъ двадцати двухъ* рублей *шестидесяти восьми* копѣекъ серебромъ, съ разрѣшенія Его Высочайшего Превосходительства, изъясненнаго въ предписаніи за № 1628, выписаны въ расходъ по книгѣ о содержаніи школы.

Подробный отчетъ о расходѣ денегъ по содержанію киргизской школы будетъ ежемѣсячно представляться Областному Правленію смотрителемъ этого заведенія заурядъ - хорунжимъ *Алтынсаринимъ*.

При этомъ покорнѣйше прошу распоряженія Областнаго Правленія о высылкѣ учебныхъ книгъ, просимыхъ мною отношеніемъ отъ 27 Декабря за № 1800, и праніи, утвержденныхъ Оренбургскимъ и Самарскимъ Генераль-Губернаторомъ 18-го Декабря 1862 года, о школахъ, учрежденныхъ при Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ и при фортахъ № 1-й и Перовскій.

Маіоръ Яковлевъ.

ВЪ ДОМОСТЬ

мебели, кухонной посудѣ и вещамъ, приготовленнымъ начальникомъ Оренбургскаго укрѣпленія для киргизской школы, и переданнымъ смотрителю этого заведенія зарядъ-хорунжему Алтынсарину, — съ показаніемъ въ ней стоимости каждаго предмета.

4 Января 1864 г., Укрѣпленія Оренбургскаго.

Названіе посуды, мебели и вещей.	Число.	Стоим. одной вещи.		Стоим. всей вещей.		Примѣчаніе.
		Р.	К.	Р.	К.	
Мебель:						
Пары, длиною 3 саж. и шириною 2½ аршина	3(°)	7		21		(°) Въ вѣдом. представителю Областной Правленію 5-го Юля, предполагалось сдѣлать только 2 пары, — но для поименнаго 28 мальчиковъ въ послѣдствіи оказалось недостаточнымъ, по этому сдѣланы три.
Классныхъ столовъ, длиною 2-хъ саж., шириною 1½ аршина, съ 4-мя складными ящиками для книгъ, карандашей и проч. принадлеж. съ 4-мя скамейками.	2	8		16		
Учебная доска длиною 2½ арш., шириною 2 арш., крашенная черною масляною краскою	1	6		6		
Деревянныхъ небольшихъ столовъ для учителя и классной комнаты . .	3	3		9		
Складной столъ для обѣда и ужина воспитанниковъ; длин. 5 арш., шириною 10 вершковъ	1	150		150		
Для учителя и классной комнаты стульевъ	2	1		2		
табуретокъ	4	1		4		
бровать	1	2		2		
Шкафъ для книгъ и классныхъ материаловъ	1	4		4		

Названіе посуды, мебели и вещей.	Число.	Стоим. одной вещи.		Стоим. всей вещей.		Примѣчаніе.
		Р.	К.	Р.	К.	
Для кухни:						
Кухонный столъ съ глухими ящич.	1	4		4		
Ларь для печеного хлѣба и склада другихъ вещей	1	3		3		
Большой шкафъ для кухонной и столовой посуды	1	5		5		
Большая скамейка въ кухню	1	1		1		
Полокъ въ кухню	2	50		1		
„ „ рейнгаузѣ	8	60		480		
Вѣшалокъ	3	30		90		
Деревянныхъ блюде	8	25		2		
„ чашекъ	8	16		128		
„ ложекъ	26	2		52		
Большихъ деревянныхъ чашекъ . .	2	60		120		
Чайникъ мѣдный въ ½ ведра . . .	1	8		8		Выписывается изъ г. Троицка.
Чугун. котловъ въ 8 вед. каждый .	2	50		11		
Желѣзныхъ ведеръ	6	60		360		
Желѣзныхъ подсвѣчник. столовыхъ	8	20		160		
Стѣнныхъ для 2-хъ свѣтъ	2	30		60		
Щипцовъ	4	40		160		
Тазовъ	3	120		360		
Лампы для 4-хъ свѣтъ	1	1		1		
Чугунныхъ азіатскихъ бунгановъ .	5	80		4		
Пересѣнокъ для воды и развода тѣста на хлѣбы	2	150		3		
Ушатовъ деревянныхъ	2	1		2		

Название посуды, мебели и вещей.	Число.	Стоим. одной вещи.		Стоим. всего вещей.		Примечание.
		Р.	К.	Р.	К.	
Корытхъ деревянныхъ	2	—	70	140		(*) По представленію слѣдовало сдѣлать матрасы, — но такъ-какъ хоста, къ назнач. времени не было доставлено изъ г. Троицка, то вмѣсто матрасовъ куплены кошмы, которыя, будучи покрыты коврами, принадлежаними родителямъ мальчикъ, оказались удобнѣе и прочнѣе матрасовъ, — особенно, если посѣбно обуду оставлены на закрытымъ, такъ какъ отдѣлять и по утвержденной Генераль-Губернаторомъ, выписк. о киргизскихъ школахъ не полагается.
Кочерегъ желѣзныхъ	2	1	—	2		
Деревянныхъ лопатъ для очищенія сѣнга и мусора	6	—	10	60		
Желѣзныхъ лопатъ	4	—	30	120		
Рабочая лошадь	1	30	—	30		
Упряжь къ лошади:						
Раб. хомутъ, дуга, возжи, сѣдло и пр.	—	6	—	6		
Телѣга для возки воды	1	6	—	6		
Для зимы сани	1	2	—	2		
Вещи:						
Кошмы, вмѣсто матрасовъ	(*) 18 с.	1	50	27		
Полотенцевъ: личныхъ	12	—	25	3		
„ кухонныхъ	16	—	18	288		
Подушечк., набитыхъ мелкою мачаю, о 2-хъ наволочк. каждая, — пняж. холчев., а верхн. голубой китайки . .	12	—	70	840		
Скатертей, голубой китайки, для обѣденнаго стола, каждая въ 5 арш. .	2	1	—	2		
Итого дѣсти двадцать два рубля шестьдесятъ восемь копѣекъ сереб. .	—	—	—	222 68		

По сей вѣдомости сдать:

Воинскій начальникъ Оренбургскаго укрѣпленія,
маіоръ Яковлевъ.

Его Высокопревосходительству Г. Оренбургскому и Самарскому Генераль-Губернатору, председатели Оренбургской Пограничной Коммисіи рапортъ, 7 Октября 1859 г. № 156.

Опредѣленный переводчикомъ въ Уральское укрѣпленіе и учителемъ киргизскихъ дѣтей въ тамошнюю школу заурядъ-хорунжий Кулубекъ, доводя до свѣдѣнія моего о неимѣніи въ укрѣпленіи никакихъ книгъ, которыя бы могли служить пособіемъ къ обученію русскому и киргизскому языкамъ, проситъ о высылкѣ ему таковыхъ.

Принимая во вниманіе крайнюю потребность въ учебникѣхъ русскаго языка для киргизскихъ дѣтей, потребность чувствуемую издавна, а съ открытіемъ школъ въ стѣнныхъ укрѣпленіяхъ, имѣющую увеличиться еще болѣе, я поручилъ чиновнику Коммисіи для контроля въ Стѣни коллежскому совѣтнику Ильминскому, извѣстному ориенталисту и знатноу татарскихъ нарѣчій, составить такой учебникъ, который, надѣюсь, и будетъ изготовленъ имъ въ непродолжительномъ времени. Но какъ цenzированіе и печатаніе книги продлится нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ киргизскимъ дѣтямъ въ Уральскомъ укрѣпленіи надо же учиться по какой-нибудь книгѣ, то и пріемлю честь испрашивать разрѣшеніе Вашего Высокопревосходительства на пріобрѣтеніе для школы означеннаго укрѣпленія пяти экземпляровъ вышедшей на-дняхъ татарской *христоматіи*, составленной учителемъ въ Неплюевскомъ корпусѣ коллежскимъ совѣтникомъ Кукляшевымъ. По 1 р. 75 к. за экземпляръ, какъ онъ назначилъ цѣну своей книги, покупка 5-ти экземпляровъ будетъ стоить 8 р. 75 к., каковой расходъ можетъ быть отнесенъ на сумму Коммисіи за развѣдку и разработку рудъ въ Стѣни.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. Григорьевъ.

Въ Областное Правленіе Оренбургскіи киргизали
отъ 14 Января 1864 года за № 3.

Р а п о р т ъ .

8-го числа сего Генваря, въ Оренбургскомъ укрѣпленіи, открыта школа, и принято въ нее 13 киргизскихъ мальчиковъ, къ обученію которыхъ русской и татарской грамотѣ и приступилъ 9-го числа. Приготовленные мною примѣрно для 8 мальчиковъ азбуки и Самоучитель русскаго языка для киргизовъ, соч. Ильминскимъ, оказались недостаточными; поэтому въ настоящее время терпится крайняя пуща въ материалахъ; такъ, что два и даже три мальчика учатся по одной азбуцѣ. Эта крайность заставляетъ меня почтительнѣйше просить Областное Правленіе выслать: русскія азбуки числомъ примѣрно 20 экзем., русскія прописи—10, асидныя доски съ гриффлями 25 штукъ, и грамматики русскаго языка—25. А также величшимъ считать просить Областное Правленіе снабдить меня инструкціей по обученію дѣтей и по должности смотрителя школы, слѣдуя которой и могъ-бы продолжать начатое мною благое дѣло.

Согласно правилу, утвержденному Оренбургскимъ и Самарскимъ Генераль-Губернаторомъ, при предписаніи воинскаго начальника Оренбургскаго укрѣпленія отъ 4 сего Генваря за № 31, на содержаніе воспитанниковъ и другія потребности по школѣ, мною вытребовано отъ начальника укрѣпленія примѣрное количество денегъ, о расходѣ которыхъ мною кажда-мѣсячно будетъ представляемъ отчетъ въ Областное Правленіе.

При этомъ честь имѣю представить Областному Правленію именной списокъ поступившимъ въ киргизскую школу киргизскимъ мальчицамъ.

Ваурадь-хорулжій Алтынсаринъ.

С П И С О К ъ

киргизскимъ мальчицамъ, поступающимъ для обученія въ школу, учрежденную при Оренбургскомъ укрѣпленіи.

№	Званіе мальчиковъ.	Лѣт а.	Кто ихъ родители и какаго происхожденія.	Какихъ состояній.	
1	Кургамбекъ Беремжановъ	13	Оба дѣти начальника 37 дист. Аргинскаго рода, Даутбаева отд. — сотника Беримжана Чегенева.	Хорошаго состоянія.	
2	Габдибекъ Беримжановъ	9			
3	Кунгуръ - Кулжа Букеевъ	11	Сынъ султана Букея Вабина.		
4	Нургалъ Абдулфизовъ	12	Сынъ султана Абдулфиза Чутаева.		Состоянія посредств.
5	Нурмухаммедъ Тюкинъ	12	Сынъ мѣстнаго начальника, Аргинскаго рода, Айдеркѣева отдѣленія, бѣ Тюка Сютдибаева.		Хорошаго состоянія.
6	Викабытъ Ташпеевъ	13	Сынъ киргиза Ташпена, Кыпчавакаго рода, Узунова отдѣл., Казова подотдѣленія 49 дистанціи.		Средняго состоянія;
7	Исмагиль Серкеевъ	11	Сынъ мѣстнаго начальника 38 дист., Аргинскаго рода,		Хорошаго состоянія.

			Кыргъ-Мултукова от- дѣленія, Серкебая Бу- тебаева.	
8	Иржанъ Тулта- новъ	12	Сынъ начальника 35 дист., Аргинскаго рода, Утейскаго отд., Тултана Кучукова.	Хорошаго состоянія.
9	Байбухаммедъ Сал- кыбаевъ	11	Сынъ бѣя Салкы- бая Кудабая, Ар- гинскаго рода, Маді- ярова отд., 36 дист.	
10	Ярмухаммедъ Джан- гожинъ	12	Сынъ начальника, 49 дистанц., Янгожи Джабаева Кыпчакаго рода, Узунова отдѣл., Кеделева подотдѣл.	
11	Омаръ Бектемисовъ.	12	Сынъ почетнаго бѣя Бектемиса Чегенева, Аргинскаго рода, Да- утбаева отд.	
12	Ибрагимъ Таше- невъ	13	Сынъ бѣя Ташея Сапакова, Аргинскаго рода, Чапчакова отд.	
13	Кылычбай Суюновъ.	12	Кыпчакаго рода, Кыргъ-Жигитова от- дѣл., сынъ бѣя Сую- на Вуркутбаева.	Хорошаго состоянія.

Вѣрно: Заурядъ-хорунжій Алтынсаринъ.

*Въ Областное Правленіе Оренбургскіи киргизами,
отъ 1-го Іюня, 1864 г. № 191*

Р а п о р т ь.

Командантъ Оренбургскаго укрѣпленія, разбѣшая, согласно правилу о степныхъ школахъ, уволить воспитанниковъ къ своимъ родителямъ на каникулярное время, предложилъ мнѣ предваритель-
но испытать воспитанниковъ въ пройденномъ ими въ теченіи четы-
рехъ съ половиною мѣсяцевъ, что и состоялось 28-го Мая сего
года, въ присутствіи всѣхъ г. офицеровъ, находящихся въ Орен-
бургскомъ укрѣпленіи. Списокъ, съ отмѣткою экзаменатора, въ
успѣхѣ воспитанниковъ въ русскомъ языкѣ, при семъ въ Област-
ное Правленіе представляю.

Воспитанники, въ теченіи четырехъ съ половиною мѣсяцевъ,
т. е. съ 8-го Генваря по 1-е Іюня, выучились правильно и до-
вольно скоро читать по русски и порядочно пишутъ прописью.
Выучили наизусть около тысячи русскихъ словъ и разные нѣсь-
менные русскіе разговоры, съ переводомъ на киргизскій языкъ.
Кромѣ того имѣютъ понятіе о правилѣ соединенія русскихъ словъ.
Всѣ воспитанники выучились читать по татарски, а нѣкоторые
даже пишутъ.

• Мальчики въ настоящее время распущены по домамъ.

Смотритель школы, заурядъ-хорунжій Алтынсаринъ.

Экзаменный листъ воспитанникамъ киргизской школы, учрежденной при Оренбургскомъ укрѣпленіи, съ отмѣткою балловъ въ успѣхъ ихъ въ русскомъ языкѣ. Мая 1864 года.

№	Имена и фамиліи.	Среднее число балловъ за 4 мѣсяца.	Отмѣтка экзаменаторовъ.	Примѣчаніе.
1	Кургамбекъ Беремжановъ . .	10	12	Весьма хорошей способности въ чтеніи и писаніи.
2	Нурмухаммедъ Тюкинъ . . .	9	12	
3	Нургали Анезовъ	10	12	
4	Абдибекъ Беремжановъ 2-й.	8	10	
5	Омаръ Бектемисовъ	9	10	
6	Ибрагимъ Ташеневъ	8	11	Имѣеть хорошія способности къ писанію.
7	Иржалъ Тултановъ	8	11	
8	Жальмухаммедъ Мангошптъ.	8	11	Вообще хорошихъ способностей.
9	Баймухаммедъ Салкынбаевъ.	7	8	Хорошихъ способн. къ русскому языку.
10	Бій-Кабыль Ташпеневъ . . .	7	9	Хорошія способности къ чтенію.
11	Кунгуръ-Кульжа Букбевъ . .	6	6	
12	Исмагиль Сергебаевъ	7	8	
13	Кымычбай Суяновъ	6	6	
14	Качкынбай Бурабаевъ	5	5	

Прапорщикъ Горбуновъ. Подпоручикъ В. Петинъ 2-й. Сотникъ Черновъ. Лекаръ Пальчевскій. Есаулъ Красновъ. Священникъ Василій Вирюковъ. Комендантъ Оренбургскаго укрѣпленія, подполковникъ Яковлевъ.

Въ Областное Правленіе Оренбургскіи киргизали
3-го Юня 1865 года № 13.

Имѣю честь представить при семъ въ Областное Правленіе программу предметовъ, пройденныхъ воспитанниками учрежденной здѣсь школы, съ 8 Января 1864 по 22 число Мая сего года, и именной списокъ съ отмѣтками моими противъ каждаго предмета и экзаменаторовъ на частномъ испытаніи, произведенномъ по приказу коменданта Оренбургскаго укрѣпленія, отъ 18 Мая за № 183, въ 20-й и 21-й дни Мая мѣсяца.

При этомъ доношу Областному Правленію, что воспитанники уволены въ отпускъ, съ разрѣшенія коменданта, послѣдовавшаго по просьбѣ ихъ родителей, съ 22 числа минувшаго Мая.

Хорунжій Алтынсаринъ.

Программа о предметахъ, пройденныхъ воспитанниками киргизской школы, учрежденной при Оренбургскомъ укрѣпленіи, въ теченіи учебныхъ лѣтъ, съ 8 Января 1864 по 22 Мая 1865 г.

- 1) Чтеніе русскихъ книгъ, съ объясненіемъ перевода читаемаго въ ней.
- 2) Изученіе русскаго названія разныхъ предметовъ.
- 3) Русскій разговоръ и изученіе наизусть переводныхъ книгъ: руководство къ изученію русскаго языка сочиненіе Бекчурина и самоучитель русскаго языка для киргизовъ — сочиненіе Ильминскаго.
- 4) Правила соединенію и согласованію отдѣльныхъ фразъ и грамматическій разборъ.
- 5) Числописаніе.
- 6) Исчетленіе до 1,000,000.
- 7) Татарскій языкъ, чтеніе и писаніе по татарски.
- 8) Краткое преподаваніе изъ мусульманскаго закона Вождяго.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ

воспитанникамъ школы киргизскихъ дѣтей, учрежденной при Оренбургскомъ уѣздѣ, съ отмѣткою балловъ учителями по успѣхамъ, оказаннымъ въ теченіи учебныхъ мѣсяцевъ, съ 8 Января 1864 г. по 22 Мая 1865 года, и съ отмѣткою экзаменаторовъ при частномъ испытаніи.

№. № по порядку.	ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Отмѣтка учителя.						Отмѣтка экзаменаторовъ:				Примѣчаніе.
		Чтеніе.	Переводъ русск. разговора и грамат. разборъ.	Числосчисаніе.	Арифметика.	Татарскій языкъ, чтеніе и писаніе по татарск.	Заповѣ Божій.	Чтеніе русскыхъ книгъ.	Переводъ русск. разговора и грамат. разборъ.	Числосчисаніе.	Арифметика.	
1	Кургамбекъ Беримжановъ 1-й	11	11	11	11	11	11	12	12	12	12	{ Мальчики эти имѣютъ очень хорошия способности по всемъ предметамъ. При экзаменѣ не былъ по случаю болѣзни. По недавнему поступленію въ школу, обучался только чтенію. Подполковникъ Яковлевъ.
2	Нургалій Апезовъ	10	10	11	10	9	9	12	12	12	12	
3	Жальмухаммедъ Жангожинъ	10	10	11	10	10	10	12	12	12	12	
4	Ибрагимъ Ташеневъ	10	10	11	10	10	10	12	10	12	12	
5	Омаръ Бектемисовъ	10	9	10	10	10	10	12	8	11	9	
6	Ваймухаммедъ Салкыпбаевъ	10	9	8	9	9	9	12	10	9	11	
7	Бій-Кабыль Ташеневъ	10	9	9	9	9	8	—	—	—	—	
8	Иржанъ Тултановъ	9	9	10	9	9	9	12	8	11	8	
9	Абдибекъ Беримжановъ 2-й	9	8	8	9	9	8	8	6	8	6	
10	Хайрулла Утеглаувъ	9	8	9	9	9	9	8	10	7	6	
11	Нурмухамедъ Тюкинъ	9	8	8	8	10	10	8	8	9	6	
12	Воканъ Жортучинъ	9	8	8	8	9	8	8	8	8	12	
13	Исмагилъ Серкебаевъ	8	8	7	8	7	7	7	8	6	8	
14	Канчишбай Вурибаевъ	9	8	7	8	6	6	8	12	6	7	
15	Кунгуръ-Кульжа Букеевъ	8	7	7	7	7	7	8	8	6	10	
16	Чинъ-Давлетъ Куановъ	6	—	—	—	5	6	—	—	—	—	

Экзаменовали: комендантъ Оренбургскаго Священникъ Медикъ

Уѣзденіи, подполковникъ Яковлевъ. Василій Бирюковъ. Пальчевскій.

✓ Въ Областное Правленіе Оренбургскіи киргизами,
отъ 16 Ноября 1865 года № 1411-й.

Четыре книги: исторія о природѣ и ея явленіяхъ, альбомъ любителей скотоводства, картины изъ быта дикихъ звѣрей и рассказы о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, мною получены и выданы въ награду ученикамъ киргизской школы: *Бережанову, Атезову, Жангожину и Ташеневу.*

О чемъ Областное Правленіе увѣдомляю.

Подполковникъ Яковлевъ.

ПРОГРАММА

Предметамъ, пройденнымъ киргизскими воспитанниками въ школѣ, учрежденной при Оренбургскомъ укрѣпленіи.

- 1) Чтеніе. Числописаніе: прописями и безъ графъ; писаніе подъ диктовку.
- 2) Переводъ словъ съ киргизскаго на русскій и съ русскаго на киргизскій. Чтеніе изъ книгъ и объясненіе прочитаннаго на киргизскомъ языкѣ и обратно. Простой разговоръ по русски.
- 3) Изъ грамматики: обь именахъ существительномъ, прилагательномъ и глаголь. Склоненіе и спряженіе. Грамматическій разборъ прописаннаго подъ диктовку на доскѣ.
- 4) Изъ ариметики: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.
- 5) Нѣкоторыя свѣденія о земномъ шарѣ, частяхъ свѣта и главныхъ городахъ государствъ Европы.
- 6) Изъ татарскаго языка: чтеніе и числописаніе.

Командантъ Оренбургскаго укрѣпл. подполковникъ Яковлевъ.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ

воспитанникамъ школы киргизскихъ дѣтей, учрежденной при Оренбургскомъ укрѣпленіи, съ отмѣткою балловъ учителямъ, по успѣхамъ, съ 1 Сентября 1865 по 1-е Юня 1866 г. и съ отмѣткою экзаменаторовъ при испытаніи.

№ по порядку.	ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Русскій языкъ.		Арметика.		Нѣкоторыя свѣденія о земномъ шарѣ.		ПРИМѢЧАНІЕ.
		Отвѣта учители.	Отвѣта экзаменовъ.	Отвѣта учители.	Отвѣта экзаменовъ.	Отвѣта учители.	Отвѣта экзаменовъ.	
1	Куртамбекъ Беремжановъ 1-й	11		11		10	12	
	Жальмухаммедъ Жапгожинъ	11		11		10	12	
	Султанъ Нургалій Анезовъ	11		11		10	12	
	Ибрагимъ Ташеневъ	10		11		9	12	
	Омаръ Бектеминовъ	10		11		9	10	
	Иржанъ Тулгановъ	9		10		8	9	
	Бійкабыль Ташпеневъ	9		10		7	12	
	Абдибекъ Беремжановъ 2-й	9		10		7	10	
10	Хайрулла Угоглыуъ	9		10		8	12	
	Боканъ Жортучинъ	8		9		7	12	
	Нурмухаммедъ Тюкинъ	8		10		6	6	
	Султанъ Кушгуръ-кульжа Букѣевъ	8		8		6	8	
	Исмагиль Серкебаевъ	8		8		6	10	
	Кашкалбай Бурабаевъ	9		8		8	12	
	Воспитанники, поступившіе въ 1865 и 1866 годахъ:							
	Игилнъ Язевъ (съ 1-го Марта 1865 года)	9		9	—	—	6	
	Альжанъ Кошановъ (съ 1-го Ноября 1865 года.)	9		9	—	—	6	
17	Сарапанъ Кубековъ (съ 1-го Января 1866 года)	6		—	—	—	5	

Экзаменовали: комендантъ Оренбургскаго
Священникъ
Медикъ

укрѣпленія, подполковникъ Яковлевъ.
Василій Бирюковъ.
А. Пальчевскій.

Его Высоконпревосходительству Господину Оренбургскому и Самарскому Генералъ-Губернатору¹⁾.

Существующая въ Оренбургѣ при Областномъ Правленіи Школа для киргизскихъ дѣтей, куда, при основаніи ея, воспитанники набирались чуть не силою, въ настоящее время, съ распространениемъ въ Стени убѣжденія въ пользѣ грамотности, далеко не удовлетворяетъ уже, по ограниченному составу своему, потребности киргизовъ въ первоначальномъ образованіи. Для удовлетворенія этой потребности по отношенію къ ордынцамъ, кочующимъ въ глубинѣ Степи, предположено открыть первоначальныя училища для дѣтей ихъ въ стенныхъ и Сирь-Дарьинскихъ укрѣпленіяхъ. Слѣдуетъ сдѣлать тоже и для киргизовъ прилинейныхъ, между коими расположеніе къ грамотности еще сильнѣе, нежели у стенныхъ, въ особенности между киргизами Восточной части Области, значительно опередившей въ развитіи Среднюю и Западную части. По немнѣю другимъ способамъ къ образованію дѣтей своихъ прилинейные киргизы Восточной части отдадутъ ихъ въ обученіе татарскимъ мулламъ въ Троицкѣ. Въ настоящее время у муллъ этихъ воспитывается до 50 киргизскихъ мальчиковъ. Чему и какъ обучаютъ муллы, и какими вредными послѣдствіями на умственную и нравственную сторону обучающихся сопровождается получаемое у нихъ фанатическое образованіе—слишкомъ извѣстно, для того чтобы распространяться объ этомъ въ настоящемъ случаѣ. Для противодѣйствія сему, необходимо открыть въ Троицкѣ школу для киргизскихъ дѣтей, гдѣ бы учились они не только татарской, но и русской грамотѣ, тѣмъ болѣе, что этого горячо желаютъ и многие изъ киргизовъ, сознаю-

¹⁾ Архива Областнаго Правленія Оренбургскими киргизами. Дѣло № 4720, объ учрежденіи въ г. Троицкѣ школы для киргизскихъ дѣтей.

ще потребность въ знаніи русскаго языка и обращающіеся къ мулламъ лишь по необходимости.

Когда попечитель прилинейныхъ киргизовъ Троицкой дистанціи коллежскій ассесоръ Жуковскій, вполне понимающій пользу и необходимость учрежденія въ Троицкѣ русской школы для киргизовъ, увѣдомилъ меня о готовности нѣкоторыхъ ордынцевъ содержать въ такой школѣ дѣтей своихъ на собственномъ иждивеніи, я предложилъ ему, для вѣщаго удостовѣренія въ дѣйствительности этого желанія, отобрать отъ нихъ подписки въ томъ, и вообще войти въ соображенія, какимъ-бы образомъ русская школа для киргизскихъ дѣтей могла быть учреждена и содержаться въ Троицкѣ возможно-экономически, сообразно съ неприхотливыми требованіямъ азіатцевъ, основательно ищущихъ въ учебномъ заведеніи науки, знанія, а не лощенныхъ половъ и другихъ излишествъ, не только бесполезныхъ, но и вредныхъ для людей, которымъ, по выходѣ изъ заведенія, никогда въ жизни не случится пользоваться подобными удобствами. Въ исполненіе сего г. Жуковскій представилъ мнѣ: 1) подписки отъ 23 ордынцевъ въ томъ, что они готовы отдать дѣтей своихъ въ Троицкую русско-киргизскую школу, обязуются довольствовать ихъ пищею и одеждою на свой счетъ и для завѣдыванія хозяйственною частію заведенія изберутъ изъ среды себя благонадежнаго ордынца, безо всякаго ему со стороны казны жалованья или содержанія. Подписки эти честь имѣю представить при семъ Вашему Высоконпревосходительству въ подлинникъ; 2) соображенія объ издержкахъ, какія потребуются отъ казны на содержаніе школы независимо отъ довольствованія учениковъ пищею и одеждою.

Соображенія эти заключаются въ слѣдующемъ:

- а) На наемъ квартиры подъ школу, съ помѣщеніемъ для учениковъ, въ числѣ 30 человекъ . . . 300 р.

б) на отопление, освещение, наемъ служителей и проч.	400 р.
в) учителю русскаго языка, чистописанія и арифметики.	300 „
г) учителю татарскаго языка и магометанскаго закона.	250 „
д) на обзаведеніе учебными принадлежностями и ремонтъ ихъ	100 „
е) на случай пользованія больныхъ, за медикаменты и врачу.	150 „

Что касается до собственного моего мнѣнія объ устройствѣ киргизской школы въ Троицкѣ, то я полагаю:

1) Что умноженіе для киргизовъ училищъ, въ коихъ получается общее образованіе, не можетъ быть дѣломъ полезнымъ, ибо такіе училища обращаются въ разсадники чиновничества — и только: киргизскій мальчишъ, окончившій курсъ въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ или Оренбургской Киргизской Школѣ, считаетъ себя призваннымъ и имѣющимъ право единственно на служебную дѣятельность. Да не иначе, какъ съ дѣлюю видѣть въ немъ со-временемъ чиновника, отдають его въ корпусъ или школу и самые его родители. Умножать киргизскія заведенія для общаго образованія значитъ, слѣдовательно, повторять относительно Стени ту же ошибку, ради которой Правительство наше не знаетъ теперь куда дѣться съ чиновниками, расплодившимися по всей Имперіи, благодаря уѣзднымъ училищамъ, гимназіямъ и корпусамъ. Для Стени довольно и того киргизскаго чиновничества, которое доставляютъ ей и будутъ доставлять Неплюевскій корпусъ и Оренбургская Киргизская Школа.

2) Поэтому школа, предполагаемая въ Троицкѣ, должна быть чисто и первоначальною школою грамотности—не болѣе.

къ обученію грамотѣ, русской и татарской, можно прибавить только обученіе первымъ четыремъ правиламъ арифметики, да грамматическимъ формамъ русскаго языка сравнительно съ киргизскимъ. Тѣмъ изъ воспитанниковъ Троицкой школы, которые, отличаясь особыми способностями и прилежаніемъ, пожелаю бы получить дальнѣйшее образованіе; можно дозволить перемѣненіе въ Оренбургскую при Областномъ Правленіи Школѣ.

3) Число воспитанниковъ Троицкой школы я, согласно съ г. Жуковскимъ, полагаю достаточнымъ ограничить на первый разъ—тридцатью.

4) Не назначать ни срока пребыванію въ школѣ, ни возраста для пріема—по причинамъ, изложеннымъ Областнымъ Правленіемъ въ донесеніи покойному Генераль-Адъютанту Катенину, отъ 9 Октября 1859 г. за № 9602, вслѣдствіе вопроса объ учрежденіи школъ въ Стени.

5) Единновременныя издержки при открытіи училища ограничить 200 р. сер. на заведеніе мебели (столовъ и переносныхъ нарѣ) и посуды (котловъ, чашекъ, умывальниковъ, подвѣшниковъ и проч.), да 50 р. на учебныя принадлежности (книги, бумагу, аспидныя доски и проч.).

6) Ежегодный расходъ по содержанію школы опредѣлить въ такомъ разствѣ:

а) на наемъ квартиры подъ школу	300 р.
б) на отопленіе и освѣщеніе квартиры	144 „
в) на ремонтъ мебели, посуды, учебныхъ принадлежностей, и проч.	75 „
г) сторожу и повару жалованья	144 „
д) учителю русскаго языка, татарской грамоты и арифметики	360 „
е) мундѣ для обученія магометанскому закону	100 „

ж) на лекарства и медіку за пользованіе боль-	
ныхъ	120 „
з) на экстренные расходы и пополненіе штатныхъ,	
въ случаѣ недостатка опредѣленной суммы.	57 „
Всего	1800 „

7) Завѣдываніе хозяйствомъ школы возложить безмездно на ордынца, котораго изберутъ для сего родители воспитанниковъ.

8) Надзоръ за учебною частью и вообще порядкомъ въ школѣ, а равно денежную и счетную часть, поручить попечителю прилинейныхъ киргизовъ Троицкой дистанціи.

9) Учителемъ русскаго языка, татарской грамоты и арметики опредѣлить одного изъ кончившихъ курсъ воспитанниковъ Оренбургской Киргизской Школы.

Соображенія эти пріемлю честь представить на, благоусмотрѣніе Вашего Высочайшаго Превосходительства и покорнѣйше просить, въ случаѣ одобренія Вами оныхъ, объ исходатайствованіи суммъ потребныхъ на первоначальное устройство и содержаніе школы— изъ кибиточнаго съ киргизовъ сбора.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. Григорьевъ.

16 Января 1861 г.

№ 4-в.

Господину Управляющему Областью Оренбургскихъ киргизовъ, отъ 8 Февраля 1861 года № 154.

Ваше Превосходительство въ представленіи, отъ 16-го Января за № 4, ходатайствуетъ объ учрежденіи въ г. Троицкѣ школы для обученія киргизскихъ дѣтей русской грамотѣ.

Усматривая изъ этого представленія, что киргизы обязываются содержать дѣтей въ школѣ на свой счетъ, прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, не признается-ли болѣе полезнымъ, въ видахъ сокращенія издержекъ казны, обучать киргизскихъ мальчиковъ въ Троицкой приходской школѣ на общемъ основаніи, для чего предоставляю Вашему Превосходительству войти въ сношеніе съ училищнымъ начальствомъ о томъ, могутъ ли быть помѣщены въ семь заведеніи еще до 30-ти мальчиковъ сверхъ нынѣ обучающихся, и объ оказавшемся мнѣ донести.

Генераль-Адъютантъ В. В. Завѣ.

Его Высочайшаго Превосходительства Господину Оренбургскому и Самарскому Генераль-Губернатору.

Вслѣдствіе предложенія Вашего Высочайшаго Превосходительства отъ 8 сего Февраля за № 154, пріемлю честь доложить: 1) что киргизы, обязывающіеся содержать дѣтей своихъ въ особой киргизской школѣ, учрежденія которой желали-бы въ г. Троицкѣ, едва-ли согласятся содержать ихъ въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ, потому между прочимъ, что ни въ одномъ изъ приходскихъ училищъ дѣлой Имперіи нѣтъ помѣщеній для учениковъ на ночь; вслѣдствіе чего родители изъ ордынцевъ сверхъ довольствованія дѣтей своихъ пищею и одеждою, должны будутъ еще нанимать для нихъ особую квартиру, что въ разсчетъ ихъ не входило; 2) что дѣти киргизскія не могутъ обучаться въ приходскомъ училищѣ подобно тому, какъ обучаются русскія, ибо преподаваніе въ приходскихъ училищахъ имѣетъ мѣсто на русскомъ языкѣ, котораго киргизята не понимаютъ.

Довода о таковыхъ обстоятельствахъ до свѣдѣнія Вашего

Высокопревосходительства, честь имѣю испрашивать указанія: слѣдуетъ-ли мнѣ и послѣ сего входить въ сношеніе съ училищнымъ начальствомъ Оренбургской губерніи на счетъ возможности принятія въ Троицкое приходское училище до 30 киргизскихъ мальчиковъ, сверхъ обучающихся нынѣ въ ономъ русскихъ дѣтей?

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. Григорьевъ.

13 Февраля 1861 г.

№ 17.

Господину Управляющему Областью Оренбургскихъ киргизовъ, отъ 29 Іюня 1861 года № 713.

Господинъ Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15 Іюня № 1072, увѣдомляетъ меня, что Государь Императоръ по положенію Комитета г.г. Министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе школы для киргизскихъ мальчиковъ въ г. Троицкѣ, съ отнесеніемъ численной на содержаніе сей школы издержки, по *тысячѣ триста руб.* въ годъ и на первоначальное заведеніе оной *двѣсти пятидесяти руб.*, на кибиточный съ киргизовъ сборъ.

О такомъ Высочайшемъ Повелѣніи увѣдомляя Ваше Превосходительство къ надлежащему исполненію, присовокупляю, что Г. Тайнымъ Совѣтникомъ Валувевымъ сообщено о настоящей Высочайшей волѣ Г. Министру Финансовъ.

Генераль-Адъютантъ Безакъ.

Господину попечителю прилинейныхъ киргизовъ Троицкой дистанціи.

Рапортомъ отъ 8 сего Августа за № 435-мъ, донесли Вы Областному Правленію, что изъ трехъ указныхъ муллъ, состоя-

щихъ при Троицкихъ мечетяхъ, никто не соглашается принять на себя преподаваніе магометанскаго закона въ устроенной здѣсь школѣ для киргизскихъ дѣтей, почему Вы полагали-бы возложить преподаваніе этого предмета на сверхштатнаго муллу Шарифетдина Мулламагадинова, который изъявилъ на то согласіе. Нынѣ и сей послѣдній не намедь занятіе это выгоднымъ для себя, и отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, а принимается оное мулла изъ киргизовъ Казыбай Урумбаевъ. Довода объ этомъ до свѣдѣнія моего, Вы испрашиваете разрѣшенія допустить этого муллу къ преподаванію въ школѣ.

Внослѣдствіе сего, честь имѣю увѣдомить Васъ, что по моему убѣжденію мулла изъ киргизовъ долженъ быть для киргизскихъ дѣтей гораздо полезнѣе, нежели мулла изъ татаръ, почему я съ удовольствіемъ разрѣшаю Вамъ допустить Урумбаева къ преподаванію магометанскаго закона во вѣтренной попеченіямъ вашимъ школѣ.

Въестъ съ тѣмъ нахожу нужнымъ объяснить Вамъ, для руководства какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и на будущее время, что киргизскія дѣти, для коихъ учреждена Троицкая школа, вовсе не имѣютъ назначеніемъ служить распространителями магометанства въ Стени, и быть со-временемъ сами муллами, вслѣдствіе чего объемъ, въ которомъ имѣютъ они ознакомиться съ магометанскимъ вѣроученіемъ, не долженъ превосходить того, въ какомъ знакомятся съ христіанскою религіею православныя дѣти въ нашихъ приходскихъ училищахъ.

Здѣсь курсъ Закона Божія ограничивается краткимъ катихизисомъ и краткою священною исторіею. Сообразно съ симъ, въ Троицкой школѣ курсъ магометанскаго законоученія долженъ заключаться въ преподаваніи дѣтямъ магометанскаго катихизиса (Иманъ-шарты), а взаимныя исторіи ислама, которая не преподается

въ учебныхъ магометанскихъ заведеніяхъ, могутъ они учить назусъ Гефтиекъ (седьмую часть Корана), какъ принято это въ сихъ послѣднихъ. Вы имѣете внимательно слѣдить, чтобы кромѣ двухъ означенныхъ книгъ, мулла не давалъ дѣтямъ ни какихъ другихъ, и въ особенности, увлекался ревностно къ своему дѣлу, какъ понимаютъ его муллы, не знакомить ихъ съ тонкостями шаріата (магометанскаго права).

Что касается наконецъ до количества уроковъ въ недѣлю, какое имѣетъ быть удѣлено на преподаваніе магометанскаго закона, я нахожу, что для сего заглаза достаточно четырехъ уроковъ въ полтора часа каждый. Распределите Вы эти уроки по днямъ недѣли, какъ окажется удобнѣе для муллы.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. Григорьевъ.

31 Августа 1861 г.
№ 85-й.

Областному Правленію Оренбургскихъ киргизамъ, отъ 18 Октября 1861 г. № 95.

По поводу открытія въ г. Троицкѣ ново-основаннаго тамъ училища для киргизскихъ дѣтей и празднованія этого собатія со стороны родителей поступившихъ въ оное мальчиковъ скачкою съ призами, я счелъ дѣломъ необходимаго приличія сдѣлать обѣденный столъ, къ которому приглашены были какъ почетнѣйшіе изъ означенныхъ родителей, такъ и уѣздная власть г. Троицка. Обѣдь этотъ, на 25 персонъ, какъ видно изъ прилагаемыхъ присемъ счетовъ кухмистера и виноторговца, обошелся въ 100 р. 50 к. серебромъ. Уплативъ по этимъ счетамъ изъ собственности, препровождаю оныя въ Областное Правленіе на предметъ возвращенія мнѣ означенныхъ денегъ изъ суммы на экстраординарные расходы.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. Григорьевъ.

*Его Превосходительству Господину Управляющему
Областью Оренбургскихъ киргизовъ, отъ 15 Декабря
1865 года за № 754.*

Воспитанники въѣзренной попенчіемъ моимъ Троицкой киргизской школы, при хорошемъ прилежаніи къ наукамъ и стараніи учителя школы Нурума Мунсызбаева, довольно быстро усвѣваютъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ, въ томъ числѣ и въ русской грамотѣ, но въ разговорномъ русскомъ языкѣ многіе изъ нихъ объясняются слабо. Причину сему я отношу къ тому, что учитель Мунсызбаевъ, какъ природный киргизъ, не совсѣмъ удовлетворительно владѣющій разговорнымъ языкомъ, при объясненіяхъ съ воспитанниками болѣе употребляетъ киргизскій языкъ, и потому, а равно по случаю постоянного пребыванія съ ними завѣдывающаго хозяйственною частію киргиза, они болѣе слышатъ свой природный языкъ чѣмъ русскій, что естественно устраняетъ возможность ознакомиться и совершенствоваться въ послѣднемъ. Недостатки эти видны мнѣ были векорѣ послѣ устройства школы, и хотя я, сколько отъ меня зависѣло, наблюдалъ особенно за тѣмъ, чтобы воспитанники усвѣвали въ разговорномъ языкѣ на столько же, какъ и въ научномъ отношеніи, но въ результатъ такихъ наблюденій всегда проявлялась таже неудовлетворительность. Ходатайствовать въ свое время о введеніи другаго порядка въ преподаваніи русскаго языка не представлялось возможности, потому что въ родителяхъ воспитанниковъ не было замѣтно особеннаго желанія совершенствовать своихъ дѣтей въ разговорномъ русскомъ языкѣ, которые только нынѣ начали болѣе постигать пользу и необходимость свободнаго объясненія на русскомъ языкѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, всматриваясь съ своей стороны въ причины недостаточности усвѣха въ знаніи дѣтymi

ихъ разговорнаго языка, сами пришли наконецъ къ тому заключенію, что для ознакомленія съ нимъ и усовершенствованія необходимъ русскій учитель, о назначеніи котораго въ школу при разговорахъ со мною они и просили моего ходатайства. Сознавал эту необходимость въ той степени, какъ она выяснилась въ продолжительномъ опытѣ, я рассчитывалъ въ предоставленіи воспитанникамъ возможности совершенствованія въ русскомъ языкѣ, на учителей Троицкаго уѣзднаго училища, изъ которыхъ титулярный совѣтникъ Сосфеновъ, по предложенію моему, изъявилъ согласіе преподавать воспитанникамъ школы русскую грамоту, по три урока въ недѣлю, изъ платы по сту двадцати рублей серебромъ въ годъ.

Находя, по высказаннымъ причинамъ, вполне полезнымъ для воспитанниковъ школы преподаваніе русской грамоты учителемъ изъ природныхъ русскихъ, который при участіи учителя Мунсызбаева въ состояніи будетъ хорошо ознакомить ихъ и съ разговорнымъ языкомъ, такъ необходимымъ при повеленіи развитія между киргизами гражданственности, пользу коего сознаютъ уже и сами ордынцы, а предъявленное учителемъ Троицкаго уѣзднаго училища Сосфеновымъ требованіе вознагражденія за исполненіе этой обязанности умѣреннымъ, я считаю священнымъ долгомъ почтительнѣе представить объ этомъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства и покорнѣе просить, во вниманіи къ неудовлетворительному объясненію воспитанниковъ школы на русскомъ языкѣ, для усовершенствованія ихъ въ томъ, дозволить мнѣ пригласить учителя Сосфенова, на предложенныхъ имъ условіяхъ, къ преподаванію въ школѣ уроковъ русской грамоты, съ тѣмъ чтобы нынѣшній учитель Нурумъ Мунсызбаевъ оставался при своей должности, и при другихъ занятіяхъ по оной раздѣлялъ труды г. Сосфенова и въ русскомъ языкѣ. Плату же

г. Сосфенову я признаю возможнымъ производить изъ остатковъ штатной суммы школы, составившихся съ открытія оной, при крайне экономическихъ моихъ расходахъ, въ довольно значительномъ количествѣ, если остатки эти не будутъ зачислены въ казну согласно рапортовъ моихъ отъ 16 Іюня и 30 Іюля сего года за № 395 и 485.

Надворный Совѣтникъ Жуковский.

*Его Превосходительству Господину Управляющему
Областію Оренбургскихъ киргизовъ, отъ 29 Января,
1866 года № 53.*

Проживающій въ г. Троицкѣ оставной унтеръ-офицеръ Васильевъ обратился ко мнѣ съ просьбою о помѣщеніи сына его въ Троицкую киргизскую школу, для обученія татарской грамоты. Имѣя въ виду, что воспитанники киргизской школы слабо успеваютъ въ изученіи разговорнаго русскаго языка по причинамъ, изложеннымъ въ докладной запискѣ моей Вашему Превосходительству отъ 15 минувшаго Декабря за № 754, вызвавшимъ меня къ ходатайству о дозволеніи пригласить въ школу русскаго учителя для преподаванія русской грамоты, я въ видахъ ближайшаго ознакомленія воспитанниковъ съ разговорнымъ русскимъ языкомъ, рѣшился принять сына Васильева въ школу въ качествѣ вольнаго слушателя, безъ предварительнаго испрошенія на это разрѣшенія, въ томъ вниманіи, что поступленіе сего мальчика при достаточности помѣщенія школы не можетъ стѣснить воспитанниковъ и не обременитъ учителя ихъ Нурума Мунсызбаева, потому что методъ обученія въ школѣ принять Ланкастерскій, по которому учитель обучаетъ только способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ

изъ воспитанниковъ, а они прибрѣтенное отъ учителя знаніе передаютъ прочимъ, а между тѣмъ воспитанники, находясь въ сообществѣ съ русскими мальчикомъ, легко могутъ практиковаться въ разговорномъ русскомъ языкѣ съ особенною для себя пользою.

Почтительнѣйше донося объ этомъ Вашему Превосходительству, имѣю честь покорнѣйше испрашивать дозволенія на оставленіе въ киргизской школѣ принятаго мною въ оную сына отставнаго унтеръ-офицера Васильева и на принятіе другихъ русскихъ мальчиковъ, тоже въ качествѣ вольныхъ слушателей (не болѣе, впрочемъ, четырехъ или пяти человѣкъ), родители коихъ будутъ просить о помѣщеніи ихъ въ школу, съ тою единственно цѣлью, чтобы предоставить воспитанникамъ болѣе возможности совершенствоваться въ разговорномъ русскомъ языкѣ, въ чемъ, по мнѣнію моему, для нихъ особенно будетъ полезно сношеніе съ русскими мальчиками, постоянное пребываніе съ которыми безъ усилій и прилежанія незамѣтно будетъ развивать въ нихъ склонность къ русскому языку, и такимъ образомъ, они скорѣе усвоятъ свободно объясняться на немъ, чѣмъ съ затрудненіемъ достигали сего въ продолжительное время.

Надворный совѣтникъ Жукowskiй.

*Его Превосходительству, Господину Управляющему
Областію Оренбургскихъ киргизовъ.*

По Высочайше утвержденному положенію Комитета Гг. Министровъ, при учрежденной въ 1861 году, въ городѣ Троицкѣ, школѣ для обученія киргизскихъ дѣтей, русской грамотѣ, назначено на первый разъ, 30 воспитанниковъ; на содержаніе школы опредѣлены слѣдующія издержки изъ суммъ казначичнаго съ киргизъ сбора, одновременно: 200 руб. на заведеніе мебели

и посуды, 50 руб. на учебныя принадлежности—книги, бумагу и проч.—ежегодно: на наемъ квартиры подъ погѣщеніе школы—300 руб., на отопленіе и освѣщеніе квартиры 144 руб., на ремонтъ мебели, посуды и учебныхъ принадлежностей 75 р., на наемъ сторожа и повара 144 руб., жалованья учителя русскаго языка и татарской грамоты 360 руб., муллѣ для обученія магометанскому закону 100 руб., на лекарства и медуку за излѣченіе большихъ 120 руб., на экстренные расходы и пополненіе штатныхъ, въ случаѣ недостатка опредѣленной суммы, 57 р.—Продовольствіе же воспитанниковъ пищею и одеждою оставлено на обязанности ихъ родителей, согласно изъявленному ими желанію.

Ко дню открытія школы—1-го Сентября 1861 года представлено было въ школу для обученія 26 киргизскихъ мальчиковъ, а вскорѣ затѣмъ составилось ихъ полное комплектное число. Въ 1863 году, явились въ школу для обученія сверхкомплектные мальчики, въ качествѣ вольныхъ слушателей, изъ дѣтей достаточныхъ родителей, которые были въ состояніи содержать ихъ на свой счетъ, но вмѣстѣ съ ними обращались ко мнѣ съ просьбами о помѣщеніи дѣтей въ школу многие изъ бѣдныхъ киргизъ, лишенныхъ возможности содержать ихъ собственными средствами. Положеніе постигшихъ и желаніе ихъ дать дѣтямъ своимъ воспитаніе обязывали меня ходатайствовать у предмѣстника Вашего Превосходительства о дозволеніи мнѣ выдачи изъ остатковъ штатной суммы, отпускаемой на содержаніе школы, для продовольствія дѣтей тѣхъ бѣднѣйшихъ киргизъ, которые будутъ просить о помѣщеніи ихъ въ школу, по три рубля серебромъ на каждаго въ мѣсяць. На что получено разрѣшеніе въ предисловіи отъ 25 Января 1864 года за № 842 и въ настоящее время находится въ школѣ 20 мальчиковъ изъ дѣтей бѣднѣйшихъ киргизъ, продовольствующіеся на счетъ остатковъ штатной

суммы.—Между тѣмъ въ 1864 году, по окончаніи вакантнаго времени, въ школу не поступило комплектнаго числа воспитанниковъ. Причину сему я относилъ, по своимъ соображеніямъ, къ неурожаю въ лѣтъ 1863 года въ киргизской Стени травъ и значительному возвышенію цѣнъ на сѣно, которые, поставивъ киргизъ въ затруднительное положеніе въ отношеніи прокормленія своего скота, обратили всея заботы ихъ на этотъ единственный источникъ благосостоянія и существованія ихъ. Предположеніе это оправдалось въ послѣдствіи отзывами почетныхъ киргизъ при объясненіихъ со мною; при чемъ они, въ томъ числѣ и дистанчные начальники, выразивъ общее желаніе чтобы помѣщеніе въ школу дѣтей киргизъ было доступно для всехъ ордынцевъ—состоятельныхъ и бѣдныхъ, въ чемъ послѣдніе не всегда могутъ участвовать по неизбѣжной необходимости къ содержанію ихъ въ школахъ, полагали продовать въ школахъ дѣтей тѣхъ и другихъ лицъ на счетъ сбора съ каждой кибитки по 10 коп. серебромъ въ годъ со всехъ вообще киргизъ 19, 20, 21, 22, 42-й, а также и новолінейныхъ дистанцій 26 и 27-й, изъ коихъ дѣти нѣкоторыхъ ордынцевъ воспитываются уже въ школахъ; каковой сборъ производить вмѣстѣ съ кибиточнымъ сборомъ и деньги доставлять ко мнѣ для употребленія ихъ на содержаніе мальчиковъ хозяйственнымъ образомъ.—Находя съ своей стороны, что сборъ этотъ, какъ незначительный, не можетъ обременить бѣдныхъ ордынцевъ, а между тѣмъ, составя порядочную сумму, достаточно будетъ удовлетворять требованіямъ содержанія мальчиковъ большаго числа противъ комплектнаго состава, особенно откроетъ путь въ школу для дѣтей бѣдныхъ ордынцевъ, между которыми многіе желаютъ дать дѣтямъ своимъ воспитаніе, но отказываютъ себѣ въ томъ по недостатку средствъ къ содержанію ихъ, я сообщалъ соображенія мои по сему предмету султану-правителю восточной части

области подполковнику Мухамету Джантурину и управляющему Яшаскимъ родомъ есаулу Вермухамету Кулабаеву, требуя, по предварительномъ совѣщаніи съ почетными ордынцами, увѣдомить меня о своемъ мнѣніи,—изъ коихъ послѣдній отъ 6 минувшаго Января за № 1-мъ увѣдомилъ, что онъ, признавая полезнымъ предполагаемый сборъ съ киргизъ на содержаніе въ школахъ мальчиковъ, совѣтовалъ объ этомъ съ почетными ордынцами Яшаскаго рода и начальниками 26 и 27 дистанцій, и что всея прилинейные Яшасцы изъявили полное согласіе на ежегодное пожертвованіе по 10 коп. съ каждой кибитки на содержаніе учениковъ школы, и находить это пожертвованіе нисколько не отяготительнымъ для киргизовъ, а усиленіе средствъ школы необходимымъ. Причемъ дистанчные начальники передали ему, что они войдутъ о семъ ко мнѣ съ представленіемъ чрезъ султана-правителя.—Подполковникъ Джантуринъ, въ отношеніи отъ 26 Февраля за № 244, сообщилъ, что киргизы 19, 20, 27 и 42 дистанцій, какъ видно изъ поступившихъ къ нему донесеній начальниковъ этихъ дистанцій, изъявили желаніе на сборъ съ нихъ по 10 к. серебромъ съ кибитки на содержаніе въ школахъ мальчиковъ. Начальникъ 26-й дистанцій объяснилъ, что состоятельные ордынцы его дистанцій тоже изъявили на это согласіе, но большая половина не имѣющихъ состоянія людей отозвались отъ того, съ тѣмъ что они съ великимъ трудомъ сряду два года едва только платятъ кибиточную подать. Затѣмъ начальники 21 и 22 дистанцій донесли, что какъ сборъ этотъ предполагается не со всехъ киргизовъ Восточной части, а только съ прилинейныхъ, то по этому и нынѣшнимъ обстоятельствамъ подвѣдомственные имъ киргизы не согласны на то, присовокупивъ притомъ, что хотя сборъ этотъ незначителенъ для состоятельныхъ ордынцевъ, но будетъ довольно ощутителенъ для бѣдныхъ, которыхъ не иначе возможно

будет пригласить на это, какъ только мѣроу понужденія. Г. Джантюринъ, по соображеніи этихъ донесеній съ обстоятельствами положенія киргизъ и извѣстностію ему, приходится къ тому заключенію, что на сборъ по 10 коп. съ каждой кибитки для обремененнаго предмета изъявили согласіе только самыя состоятельныя ордынцы и то не всѣхъ прилинейныхъ дистанцій, въ общемъ же составѣ, и тогда какъ будетъ этотъ сборъ, откажутся отъ того и они и будутъ складывать одинъ на другаго; на мысль эту приводитъ то обстоятельство, что если богатые не считаютъ этотъ сборъ для себя обременительнымъ, то для чего они не отдають дѣтей своихъ въ школу, какъ это видно изъ непоступленія комплектнаго числа воспитанниковъ, ибо для богатаго ровно не составить никакого расчета давать содержаніе для сына своего даже и въ настоящее и предбудущее время. Поэтому неудача дѣтей ихъ зависитъ отъ извѣстныхъ имъ самимъ причинъ, а не отъ безкормизы, которая не составитъ для нихъ расчета въ содержаніи своихъ сыновей. По всѣмъ этимъ явленіямъ, при всѣхъ томъ, что благо дѣло это и онъ г. Джантюринъ принимаетъ близко и желалъ бы осуществить, не можетъ согласиться на предполагаемый сборъ съ прилинейныхъ киргизовъ, тѣмъ болѣе, что при сборѣ этомъ могутъ возникнуть жалобы со стороны киргизовъ, преимущественно бѣдныхъ, а со стороны сборщиковъ ордынскихъ злоупотребленія. По мнѣнію его лучше бы было увеличить вообще сборъ съ киргизовъ и, значитъ, облечь его въ законную форму, потому изъ него производить на содержаніе школы и другіе предметы по управленію киргизами.

Убѣдясь при разѣздахъ по линіи, что многіе изъ киргизовъ и даже мѣстныхъ начальниковъ 21 и 22 дистанцій не были извѣстны о предполагаемомъ сборѣ на содержаніе въ школахъ мальчиковъ, и что донесенія начальника 22 дистанцій и исправ-

ляваго временно должность начальника 21 дистанцій, султану правителью о несогласіи ордынцевъ на означенный сборъ, составлены безъ совѣщанія съ киргизами, я поручаю начальникамъ этихъ двухъ дистанцій: есаулу Махмуду Джантюрину и заурядъ-хорунжему Танаткану Самаеву самимъ лично войти въ совѣщаніе по сему предмету съ киргизами и о послѣдующемъ мнѣ донести.—Изъ полученныхъ на это донесеній Гг. Джантюрина и Самаева отъ 24 Юня и 13 Августа за № 317 и 464 видно, что киргизы 21 и 22 дистанцій изъявили полное согласіе на ежегодный сборъ съ нихъ по 10 коп. серебромъ на содержаніе мальчиковъ въ киргизской школѣ.

Соображеніе выше изложенныхъ обстоятельствъ показываетъ, что помѣщеніе въ школу киргизскихъ дѣтей по случаю отнесенія продовольствія ихъ пищею и одеждою къ обязанности родителей, доступно для тѣхъ только ордынцевъ, которые имѣютъ состояніе и могутъ содержать въ школахъ дѣтей на свой счетъ, въ чемъ и они при неблагоприятныхъ урожаяхъ травъ стѣсняются, но для бѣдныхъ киргизъ помѣщеніе туда дѣтей совершенно невозможно, и хотя нѣкоторые дѣти изъ бѣдныхъ ордынцевъ воспитываются нынѣ въ школахъ на счетъ остатковъ штатной суммы, но это средство не можетъ обезпечивать для нихъ открытія доступа въ школу сколько по незначительности остатковъ штатной суммы, столько же и потому, что остатки эти на основаніи смѣнныхъ правилъ 1862 года должны составлять принадлежность казны,—между тѣмъ изъ бѣднаго состоянія многіе киргизы изъявляютъ желаніе воспитывать дѣтей своихъ въ школахъ и обращаются о семъ ко мнѣ съ просьбами, но къ сожалѣнію нѣкоторые лишаются этого по неимѣнію средствъ удовлетворить ихъ желанію.—Такимъ образомъ для нихъ нѣтъ надежды когда-либо достигнуть осуществленія своихъ стремленій, свойственныхныхъ каж-

дому отцу и тѣмъ болѣе похвальныхъ, что они проявляются въ разрядѣ людей близкихъ по понятіямъ къ младенствующимъ. Устранить эти существенныя для бѣдныхъ киргизъ препятствія представляется возможность въ томъ именно, чтобы обратить содержаніе въ школъ мальчиковъ на счетъ ежегоднаго сбора по 10 коп. серебромъ съ каждой кибитки, согласно изъясненному на это киргизами 19, 20, 21, 22, 27 и 42 дистанцій съ согласіемъ, такъ какъ сборъ сей по незначительности своей не можетъ быть обременительнымъ для бѣдныхъ киргизъ, но состава довольно порядочную сумму откроетъ доступъ къ помѣщенію дѣтей ихъ въ школу и въ количествѣ значительно большемъ противъ комплектнаго числа, которое, какъ опредѣленное при учрежденіи школы на первый разъ, по четырехлѣтнему опыту существованія ея необходимо увеличить. Находя въ предположеніи сбора съ киргизъ на содержаніе мальчиковъ въ школахъ пользу для ордынцевъ и особенно бѣдныхъ изъ нихъ, которые въ такомъ случаѣ не будутъ встрѣчать затрудненія въ помѣщеніи дѣтей своихъ въ школу, а не менѣе того и для казны, въ тѣхъ видахъ, что съ увеличеніемъ сего сбора она въ послѣдствіи не можетъ быть обременяема расходомъ на содержаніе школы, при возможности содержать ее на одинъ сборъ, обстоительство это осмѣливаюсь представить на благоумереніе Вашего Превосходительства, и покорнѣйше прошу распоряженія объ осуществленіи сего предположенія. При этомъ обязанности считаю доложить, что причины, по которымъ султанъ-правитель Восточной части области не изъявилъ согласія на производство означеннаго сбора съ киргизъ на содержаніе мальчиковъ въ школахъ, при ослабленіи ихъ отзывами начальниковъ 21 и 22 дистанцій, не могутъ имѣть тѣхъ послѣдствій, на которыя онъ указываетъ, потому что киргизы сами желаютъ дать дѣтямъ своимъ воспитаніе и слѣдовательно не будутъ стѣсняться

ничтожнымъ сборомъ, и что опасенія подполковника Джантюрина основаны едва ли не на желаніи противождать сему предположенію по несочувствію его къ дѣлу воспитанія киргизскихъ дѣтей, вслѣдствіе фанатическихъ убѣжденій, которое провозглашалось въ немъ и при первоначальномъ устройствѣ мною школы. — Что же касается состоятельныхъ ордынцевъ, для которыхъ, по выраженію г. Джантюрина, неурожай травъ не можетъ составить расчета въ содержаніи дѣтей въ школахъ, то по мнѣнію моему заключеніе это несообразно съ тѣми послѣдствіями, которыми сопровождаются неурожайные годы для киргизъ и особенно состоятельныхъ, которые при значительномъ скотоводствѣ всегда болѣе бѣдныхъ встрѣчаютъ нужды въ прокормленіи скота и потому многіе совершенно истощаютъ на это свои средства, ибо между ними весьма мало капиталистовъ, что доказывается тѣмъ, что они и при незначительномъ недостаткѣ травъ обращаются къ займамъ денегъ, если не изъ казны, то у частныхъ лицъ.

Надворный Совѣтникъ Жуковскій.

№ 686.

17 Ноября 1866 года.

*Предложеніе почителю прилинейныхъ киргизовъ
Троицкой дистанціи надворному совѣтнику Жу-
ковскому 13 Іюня 1866 года № 5297.*

Въ представленіи отъ 17-го Ноября минувшаго года за № 686 Ваше Высокоблагородіе хотя и удостовѣрило о желаніи всѣхъ ближайшихъ къ г. Троицкѣ киргизовъ жертвовать на увеличеніе средствъ тамошней школы, но выбѣтъ съ тѣмъ изъ того же представленія усматривается, что желаніе это далеко не столь единодушно, какого слѣдовало бы ожидать въ этомъ важ-

номъ дѣлѣ. Единодушіе, шаткое уже на первыхъ порахъ, можетъ со временемъ поколебаться еще болѣе, если итѣтъ къ настоящему дѣлу искренняго расположенія самыхъ вліятельныхъ и занимающихъ важнѣйшія должности лицъ: при такомъ условіи сборъ или долженъ скоро прекратиться, не принеся существенной пользы школѣ, или будетъ продолжаться безъ сочувствія къ тому обществу, слѣдовательно какъ принудительный.

По числу 9810 кибитокъ, состоящихъ въ указанныхъ Вами дистанціяхъ, можетъ получиться сбора около 900 р. въ годъ. Считая для каждаго воспитанника на пищу, одежду, книги, бумагу и всѣ классныя припасы по 60 рублей, выходитъ, что на означенную сумму можно содержать въ школѣ около 15 мальчиковъ или много 20. Между тѣмъ, при неразвитости киргизовъ, въ нихъ легко можетъ образоваться убѣжденіе, что всякій отецъ, уплатившій въ годъ 10 коп. съ кибитки, имѣетъ право на помѣщеніе сына въ заведеніе; особенно много желающихъ будетъ изъ числа бѣдныхъ, не изъ сознанія пользы просвѣщенія, а изъ видовъ облегчить себя въ содержаніи дѣтей на счетъ общественный. Такимъ образомъ желающихъ отдать въ школу дѣтей можно ожидать гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ можно принять по количеству сбора. Многимъ придется отказываться,—и этого уже одного достаточно, чтобы киргизы охладѣли къ сбору, которому нынѣ, кажется, сочувствуютъ.

По этимъ соображеніямъ, а также въ виду предстоящихъ добровольныхъ пожертвованій на здѣшнюю гимназію, которой устройство гораздо важнѣе, чѣмъ увеличеніе въ Троицкой школѣ числа воспитанниковъ, Областное Правленіе заключило предположенію Вашему о десятикратномъ общественномъ сборѣ на усиленіе средствъ Троицкой школы не давать пока хода, представивъ впрочемъ киргизамъ, каждому отдѣльно, жертвовать на

этотъ предметъ деньги по желанію и возможности каждаго жертвователя, испросивъ на это предварительно разрѣшеніе; о чемъ и сообщается Вамъ въслѣдствіе означеннаго представленія Вашего за № 686.

И. д. управляющаго областію помощникъ его Статскій Совѣтникъ Юрковский.

Примѣчаніе издателя. Преподавателемъ русскаго языка, ариметики и татарскаго языка въ Троицкой школѣ былъ Нурумъ Мунтсыбаевъ, изъ перваго выпуска Оренбургской Киргизской Школы, а магометанскій законъ преподавалъ киргизскій мулла Казыбай Урунбаевъ. Въ Дѣлѣ № 47370 находится 15 вѣдомостей о способностяхъ, прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи учениковъ Троицкой школы, поудочно представившіяся, начиная съ 1-го Сентября 1861 по 15 Мая 1869 года. Каждая вѣдомость состоитъ изъ трехъ списковъ: 1) изъ магометанскаго закона, 2) изъ русскаго языка и ариметики, 3) изъ татарскаго языка. Успѣхи отмѣчены баллами отъ 5. Въ послѣдней графѣ, подъ заглавіемъ „примѣчаніе,“ довольно образно означены предметы занятій: по закону магометанскому изучали наузусть иманъ-шарта и гафтиекъ; по русскому языку изучали азбуку, читали книгу самоучитель русской грамоты для киргизовъ; проходили русскую грамматику; учили легкія басни Крылова съ переводомъ, упражнялись въ разговорѣ по русски. Изъ ариметики проходили четыре дѣйствія на отвлеченныхъ и именованныхъ числахъ. По татарскому языку почти всегда читали киргизскую сказку Ирѣ-Таргынь. По русски и по татарски писали съ прописей.

В.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ УЧЕБНАГО ВѢДОМСТВА ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ КИРГИЗЪ.

Мнѣніе по вопросу о мѣрахъ для образованія киргизъ).

Соображенія, между прочимъ, о школахъ для башкиръ и киргизовъ были представлены Г. Оренбургскимъ Генераль-Губернаторомъ отъ 31 Января 1867 года, а составлялись, следовательно, не позже конца 1866 года. Съ тѣхъ поръ прошло три года, въ теченіе которыхъ, по распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, шла дѣятельная работа по вопросу объ образованіи инородцевъ, и въ томъ числѣ магометанъ, въ Казанскомъ учебномъ округѣ и въ Крыму; само Министерство, кромѣ того, собирало точныя и подробныя свѣдѣнія объ англійскихъ и французскихъ заведеніяхъ для образованія туземцевъ Индіи и Алжира. Въ тѣхъ же годахъ, въ Оренбургскомъ вѣдомствѣ, вводилось новое положеніе объ управленіи киргизами на началахъ русскихъ, возбуждившее въ Стени недоразумѣнія и волненія, улаженные не безъ употребленія военной силы. Само собою понятно, что этихъ работъ и этихъ опытовъ Оренбургское На-

чальство не могло имѣть въ виду въ 1866 году, когда составляло свои соображенія. И однакоже основная мысль ихъ—вѣрна, это именно ясно постановленный русскій элементъ для народнаго образованія. Это уже большой шагъ противу прежняго. Когда въ 1850 годахъ открывалась, при Оренбургской Пограничной Комиссіи, Школа для киргизскихъ дѣтей, тогда старались всѣчески приоровиться къ предполагаемому магометанству киргизовъ: смотрителемъ Школы назначенъ татаринъ, хотя учитель кадетскаго корпуса, прислуга татарская, кумышья татарскія, головы мальчиковъ обрили и надѣли тюбетейки, въ передней комнатѣ всѣ приборы для омовенія, преподаватель закона магометанскаго—ахунъ, преподаваніе татарскаго языка (а не киргизскаго), день отдыха—пятница и т. д. Но что такая усиленная заботливость была излишня, это оказалось на дѣлѣ: чрезъ пять лѣтъ, новый смотритель, русскій, Дыньковъ, долго служившій около Стени и знавшій отлично киргизскій характеръ, безъ особеннаго труда и довольно скоро, самолично вывелъ изъ Школы одинъ за другимъ почти всѣ татарскіе порядки. Потомъ, когда нѣкоторые воспитанники 1-го выпуска были прикомандированы къ Пограничной Комиссіи для канцелярскихъ занятій, они тотчасъ же одѣлись по казачьи, а иные—по русски, въ свюртокъ.—Назадъ тому десять лѣтъ, когда я служилъ въ Оренбургѣ по управленію киргизами, я замѣтилъ относительно магометанства и татарства слѣдующее: магометанско-татарская культура входила въ Стень съ русской линіи, т. е. отъ нашихъ татаръ, и преимущественно въ высшемъ сословіи; русское начальство, по недоразумѣнію, само отчасти содѣйствовало усиленію въ Стени татарскаго языка, тѣмъ что въ кадетскомъ корпусѣ и Киргизской Школѣ учили татарскому языку киргизятъ; вся официальная переписка съ Стенью ведена была да и теперь

¹⁾ Дѣло канцеляршн Попечителя Казанскаго учебнаго округа по 3-му столу № 42. Началось 20 Марта 1870 года.

ведется по татарски, а не по киргизски; даже в настоящее время новое Положение об управлении киргизами, все направленное против татарского влияния, переведено для киргизов не на их родной язык, а на татарский. Таким образом стари установились и доселъ господствуютъ въ Оренбургскомъ краѣ, ненаучный и несправедливый взглядъ на киргизскій (да и на башкирскій тоже) языкъ, какъ какой-нибудь безобразный жаргонъ татарскаго языка. Слѣдуетъ присовокупить, что въ самомъ (русскомъ) Положеніи объ управленіи киргизами можно видѣть лингвистическія воззрѣнія татарскія, а не чисто киргизскія. Сквозь такого увѣковѣчивагося предразсудка въ ущербъ киргизскаго языка и въ поощреніе какъ бы отатаренія киргизовъ стоитъ большаго труда пробиться.

Потому русская мысль, положенная въ основу упомянутыхъ соображеній объ учебной части Оренбургскаго вѣдомства, достойна полнаго сочувствія и признательности. Къ сожалѣнію мѣры къ осуществленію ея (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ представляется) придуманы непрактичныя, неудобноисполнимыя, и даже можетъ быть опасныя и рискованныя, особенно при недостаткѣ лицъ, способныхъ исполнить такія мѣры плавно и ловко и при неважности степныхъ недоразумѣній. Киргизы, какъ и всякій народъ съ своеобразнымъ бытомъ и складомъ понятій, а еще болѣе—степной народъ, особенно чутки къ мѣрамъ Правительства, въ которыхъ они могутъ заподозрить хоть малѣйшее посягательство на свой бытъ и виды на обрусеніе или уравненіе съ русскими мужиками. Школы съ явно русскимъ отбѣнкомъ, по моему убѣжденію, совершенно неудобны. Почетные ордынцы въ званіи попечителей не могутъ дѣлу. Если,—что очень возможно,—прерогативы и отличія соблазнять нѣкоторыхъ султановъ или старшинъ, то на нихъ остальное населеніе будетъ смотрѣть какъ

на предателей изъ-за личныхъ выгодъ, и никакого влиянія на массу народа они имѣть не будутъ. Я, напримѣръ, зналъ въ 1859 году туркменца Кыдыръ-Хана, осыпаннаго отличіями, котораго русское Правительство считало и имѣло своимъ подручнымъ агентомъ для туркменцевъ; но онъ почти не смѣлъ сунуться въ туркменскія кочевья,—его не любили туркменцы. Вообще предположенія Оренбургскаго начальства, кажется, слишкомъ много разсчитываютъ на административныя мѣры; напримѣръ предполагается закрывать школы, гдѣ нѣтъ русскаго, жемалага направленія. Но администрація никогда не въ состояніи услѣдить всѣхъ маленькія, потайныя школы въ аулахъ. Мнѣ сообщали люди лично знакомые съ дѣломъ, что татары-грамотѣи дѣлтомъ торгуютъ между башкирцами, а зимой останавливаются въ какомъ нибудь одномъ аулѣ, и въ башкирской хижинѣ или кибиткѣ обучаютъ башкирскихъ дѣтей магометанской грамотѣ: кто можетъ услѣдить такія малѣйшія импровизированныя школы, которыя, однакоже, при своей малости и уютности если размножатся, могутъ оказать сильное влияние на умы башкирскаго народа? Лучшимъ обезпеченіемъ подлежащихъ школъ было бы внутреннее довѣріе и расположеніе самого народа—въ этомъ-то и задача.

Съ башкирцами я не знакомъ, въ ихъ мѣстностяхъ мнѣ быть не случилось; я знакомъ отчасти съ киргизами и съ Степью, и потому рѣшаюсь сказать нѣсколько о киргизскихъ школахъ, но и то въ самыхъ общихъ чертахъ.

И въ интересѣ человѣчественомъ (гуманномъ)—въ видахъ собственнаго образованія киргизовъ, и въ интересѣ государственномъ—нужно: 1) поставить школы киргизскія такъ, чтобы посредствомъ нихъ вводилось направленіе не татарско-магометанское, а киргизско-русское; 2) дать этому образованію такую постановку и характеръ, чтобы оно способно было широко развиваться

въ массѣ киргизскаго населенія, а для этого 3) обученіе должно быть по языку и изложенію совершенно популярно и понятно для стараго и малаго и для всякаго неграмотнаго киргиза, а по содержанию—занимательно для киргизовъ и завѣдомо полезно.

Поэтому въ киргизскихъ школахъ нужно преподавать свѣдѣнія и идеи русскія и общечеловѣческія, а не магометанскія, и притомъ на языкѣ киргизскомъ, а не на татарскомъ; татарскаго языка вовсе и преподавать не слѣдуетъ киргизамъ. Потому что какъ учебный предметъ татарскій языкъ и татарская письменность не имѣютъ никакого образовательнаго значенія, въ родѣ напримѣръ классическихъ или европейскихъ языковъ и литературы. Если я настаиваю на киргизскомъ языкѣ для киргизскихъ школъ, какъ и вообще я стою за родные языки для обученія инородцевъ, то не какъ за образовательное средство, а какъ за орудіе самое естественное и удобное для сообщенія инородцамъ новыхъ понятій и научныхъ фактовъ. Для наибольшаго отдаленія киргизовъ отъ татарскаго языка, не нужна и татарская грамота, а непременно русская. Какъ лингвистъ, отчасти я могу завѣрить, помимо отечественныхъ соображеній, что татарскій, т. е. арабскій алфавитъ, весьма неудобенъ для киргизскаго языка, скрадывая его существенныя фонетическія черты, рѣзко отличающія его отъ татарскаго языка; чрезъ русскій алфавитъ киргизскій языкъ будетъ совершенно огражденъ отъ татаризаціи.

Первоначальныя школы для киргизовъ должны быть особыя отъ русскихъ, по той простой причинѣ, что киргизята, не знающія русскаго языка, не могутъ и учиться съ русскими вмѣстѣ. Поэтому не только не слѣдуетъ уничтожать киргизскія школы въ стѣнныхъ укрѣпленіяхъ, но желательно даже размножить ихъ и по ауламъ.

Но прежде чѣмъ открывать новыя киргизскія школы или

преобразовывать прежнія, уже существующія, необходимо составить и напечатать въ вышеуказанномъ направленіи учебники. Сколько знаю, по старой памяти, въ Оренбургѣ нѣтъ ни средствъ для составленія учебныхъ книгъ, ни даже, кажется, человѣка, который бы могъ дать должное этому дѣлу направленіе.

Въ Оренбургѣ я былъ знакомъ назадъ тому десять лѣтъ съ нѣсколькими киргизскими юношами 1-го выпуска киргизской школы. Изъ нихъ особенно отличается даровитостью, здравомысліемъ, любознательностью и самымъ живымъ сочувствіемъ къ русскимъ книгамъ и къ русскому образованію, а къ киргизскому языку питалъ уваженіе и предпочиталъ его предъ татарскимъ, — *Ибрагимъ Алтынсаринъ*. Я его могъ хорошо узнать, бывъ коротко съ нимъ друженъ около двухъ лѣтъ. Въ послѣдствіи онъ назначенъ былъ учителемъ и переводчикомъ въ Оренбургское укрѣпленіе, что теперь городъ Тургай. Изъ укрѣпленія онъ писалъ нѣсколько писемъ, порывался въ Казань для образованія, иногда высказывалъ свои педагогическія соображенія, какъ учитель киргизскихъ мальчиковъ. А потомъ наша перенеска прекратилась. Если въ настоящее время Алтынсаринъ живъ и благополученъ, сохранилъ хоть нѣкую долю прежняго одушевленія, если его семейныя и другія обстоятельства не попрятываютъ продолжительной отлучкѣ изъ дома, то его было-бы весьма полезно командировать въ Казань. Здѣсь во имя нашей прежней дружбы, при моемъ посильномъ указаніи, при совѣтахъ другихъ въ Казани педагоговъ, при богатствѣ учебныхъ книгъ и другихъ пособій, Алтынсаринъ занялся-бы составленіемъ учебниковъ, а въ то же время онъ бы много позанимствовался здѣсь по части педагогики и знанія, которое необходимо учителю имѣть въ стѣнныхъ и отдаленныхъ заголустяхъ, гдѣ уже посовѣтоваться не съ кѣмъ будетъ. А главное—здѣсь онъ бы имѣлъ время вду-

маться и убедиться въ пользу для киргизскаго образованія новыхъ началъ. Послѣ такой подготовки онъ же сдѣлался-бы и самымъ ревностнымъ и усѣбнымъ пронагаторомъ этихъ новыхъ началъ въ Стенн.

Его слѣдовало-бы затѣмъ сдѣлать учителемъ въ его ли родной мѣстности, или въ другой, наиболѣе сохранившей своей киргизскій характеръ и наименѣе подвергшейся вліянію татарской магометанской культуры. Такихъ пунктовъ можетъ быть нѣсколько, но тотъ или другой будетъ избранъ для первой школы—это все равно. Отсюда, какъ изъ средоточія, ученики Алтысарина разнесутъ образованіе въ новомъ духѣ постепенно въ разные аулы и мѣстности, и надо стараться, чтобы школъ было какъ можно больше и въ укрьпленіяхъ и въ аулахъ, стараясь разрабатывать мѣстности наименѣе тронутыя чужимъ вліяніемъ. Изъ этихъ уже, первоначальныхъ, школъ даровитые и любознательные ученики по своей охотѣ будутъ поступать въ русскія училища, гдѣ они усмотрятъ возможность дальнѣйшаго образованія.

Быть можетъ, мой убѣжденный и по крайнему разумнѣю практической взглядъ на приемы, постановку и характеръ киргизскихъ школъ, лица власть имущія не найдутъ въ свою очередь доброкачественнымъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнна безотложная надобность въ учебникахъ для киргизскихъ школъ. Если бы мнѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія сдѣлало такое порученіе, я могъ бы войти въ сношеніе съ Алтысаринимъ, или, — въ случаѣ его паче чаянія отказа, съ другимъ кѣмъ-либо изъ моихъ киргизскихъ знакомцевъ, — для командированія его въ Казань съ вышеизложенною цѣлью.

Надѣюсь, что подобное направленіе было бы полезно и для башкирскихъ школъ.

Преподаватель Казанскаго Университета Н. Ильминскій.

Марта 30, 1870 года.

Мнѣніе объ учительской школѣ для инородцевъ Оренбургскаго края.

Планъ, предначертанный Оренбургскою Комисією для образованія киргизскихъ и башкирскихъ учителей (если только я правильно понялъ содержаніе журнала Комисіи, 3 Апрѣля 1870 г.), состоитъ въ слѣдующемъ: устроить пансіонъ съ особыми помѣщеніями для киргизовъ и для башкиръ, но подъ наблюденіемъ одного смотрителя. Мальчиковъ въ этотъ пансіонъ набрать изъ начальныхъ школъ, киргизскихъ и башкирскихъ, которые уже овладѣли русской грамотой и могутъ учиться въ уѣздномъ училищѣ; а если такихъ не достанетъ, то принимать и не обученныхъ еще грамотѣ, и для такихъ устроить при пансіонѣ пріготовительный классъ для обученія ихъ русской грамотѣ и русскому языку. Ознакомившись такъ или иначе съ русской грамотой и языкомъ, воспитанники будутъ далѣе учиться въ уѣздномъ училищѣ; по окончаніи курса въ училищѣ они поступятъ на педагогическіе курсы, которые съ этой цѣлью будутъ открыты при уѣздномъ же училищѣ или гдѣ окажется удобнѣе.

Такая постановка дѣла—чисто формальная. Она быть можетъ достаточна для образованія инородческихъ дѣтей, т. е. для сообщенія имъ научныхъ знаній и педагогическихъ приемовъ, но не обезпечиваетъ воспитательной стороны дѣла, которая, по моему убѣжденію, въ настоящемъ случаѣ имѣетъ существенную важность.

Какая конечная цѣль народнаго образованія киргизовъ и башкиръ Оренбургскаго края? Въ какой роли должны явиться народные учителя между упомянутыми племенами?

Конечная цѣль киргизскихъ и башкирскихъ школъ должна быть общечеловѣческая и отчасти политическая.

Не касаясь башкиръ какъ мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, буду говорить только о киргизахъ, съ которыми я, въ нѣкоторой степени, могъ ознакомиться, состоявъ около трехъ лѣтъ (1859—1861) въ Оренбургской службѣ, именно по киргизскому управленію.

Киргизы, на всемъ огромномъ пространствѣ, занятомъ ихъ кочевьями, представляютъ едвали не исключительный случай единства языка и быта народнаго. Это единство, въ связи съ кочевой подвижностью населенія, представляетъ удобство къ широкому развитію и распространенію новыхъ идей въ киргизскомъ народѣ. Старинныя понятія и бытовые черты киргизскія хранятся во всей своей цѣлости уже въ глубинѣ Степи, а на окраинахъ, гдѣ киргизы соприкасаются съ другими народами, входятъ къ нимъ чужіе элементы и понятія. Въ соприкосновеніи съ Средней Азіей киргизы усваиваютъ понятія среднеазиатскія; но гораздо сильнѣе входятъ къ нимъ чужія понятія съ русской границы, только не русскія, а татарскія, не смотря на то, что русское населеніе здѣсь имѣетъ перевѣсъ надъ татарскимъ. Это быть можетъ условливается этнографическимъ средствомъ киргизъ съ татарами. Одинъ военный, человекъ очень образованный, долго служившій въ Запѣльной краѣ и въ Туркестанской области, передавалъ мнѣ свое наблюденіе, что случаи обрусенія киргизовъ крайне рѣдки и притомъ единичны; какой нибудь байгушъ попадаетъ въ услуженіе къ русскимъ; живя долго между ними, онъ свыкается съ русскимъ языкомъ и русскою жизнью, крестится, усновляется въ русской семьѣ, женится на русской—дѣлается окончательно русскимъ, и совершенно теряется для своего племени въ смыслѣ цивилизующей силы. Такіе случаи весьма рѣдки. Но если киргизъ, сознавши и почувствовавши неудобства кочевого быта, рѣшается усвоить удобства осѣдлой жизни, то онъ всегда

усваиваетъ бытъ не русскій, а татарскій, гораздо рѣже—среднеазиатскій. Кромѣ того, что подобные случаи встрѣчаются гораздо больше, они дѣлаются не отдѣльными лицами, а цѣлыми семьями. Татары пришли въ Среднюю Азію вмѣстѣ съ русскими.

Такимъ образомъ отатареніе киргизскаго народа идетъ съ обѣихъ концовъ—и съ русскаго и съ средне-азиатскаго, но съ перваго гораздо сильнѣе. Татарская культура постепенно, хотя еще довольно медленно, развивается между киргизами. Присоединю къ этому свое наблюденіе. Я замѣтилъ въ Степи, что киргизскіе юнны, получившіе и довольно усвоившіе русское образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, остаются какъ-то одиноко и безпріютно среди киргизскаго народа, ихъ русскимъ идеямъ никто не сочувствуетъ и не подражаетъ; а другіе киргизы, султаны даже состоящіе въ русской службѣ и въ русскихъ чинахъ, болѣе или менѣе переняли татарскія черты; вообще я замѣлъ, что киргизская аристократія, родовая и капитальная, больше отличается татарствомъ, чѣмъ простолюдые и бѣднота. Къ этому татарско-магометанская грамотность, распространяющаяся между киргизами, разлагаетъ народный складъ и стремится обратить ихъ въ татаръ, чего въ концѣ концовъ и достигнетъ, если не будутъ приняты мѣры къ предупрежденію этого.

Представимъ себѣ двѣ картины: одна—населеніе проникнутое гуманными, общечеловѣческими понятіями, благодушно-мирное, сочувственно-дружественное съ русскими; другая картина—населеніе фанатичное, религіозно-враждебное. Какая огромная разница! Первый результатъ нужно создавать почти съ начала, съ корня; между тѣмъ ко второму есть уже замѣтные зачатки.

Намъ желательно достигнуть перваго результата, и такъ какъ въ такомъ дѣлѣ никакія административныя мѣры не сильны, то орудіемъ и средствомъ къ тому должно служить народное об-

разованіе, а дѣятелями—народные учителя. Я просто формулирую задачу образованія киргизовъ такъ: русское образованіе киргизовъ должно состоять въ томъ, чтобы развить въ населеніи степномъ общечеловѣческія понятія и русскія симпатіи.

Теперь уже дѣло должно состоять не въ томъ только, чтобы преодолѣвать косность народа, неподвижно остающагося въ своемъ первобытномъ состояніи и индифферентнаго въ отношеніи къ чужимъ народностямъ; теперь уже предстоитъ бороться съ принятымъ направлениемъ, съ поступательнымъ движениемъ въ извѣстную сторону, которая устѣла уже привлечь къ себѣ нѣкоторое сочувствіе киргизовъ. Присовокупимъ къ этому естественное, во всякомъ народѣ болѣе или менѣе существующее, свойство — питать недовѣріе вообще къ мѣстамъ, инициатива которыхъ исходитъ отъ Правительства. Припомню, напримѣръ, бунты русскихъ крестьянъ изъ-за картофеля, или ближе къ нашему предмету—недавнія волненія въ Степи по случаю новаго положенія. — Такимъ образомъ задача и трудъ русскихъ образователей, будущихъ киргизскихъ народныхъ учителей значительно усложняется.

При выше изъясненномъ единствѣ киргизскаго народа, только административно раздѣленнаго на множество частей и управленій, необходимо нужно, для успѣха народо-образовательныхъ мѣръ, условіе, на практикѣ едва ли осязаемое, — чтобы всѣ управленія, завѣдующія киргизами, дѣйствовали единодушно, безъ недоразумѣній или соперованія, иначе ихъ усилія будутъ взаимно уничтожаться или по меньшей мѣрѣ ослабляться. Съ этой точки зрѣнія нельзя не почтеть страннымъ, какимъ образомъ Оренбургская Комиссія устранила изъ своихъ разсужденій цѣлую Уральскую область. Это вѣдь тѣже киргизы; въ добавокъ, приныкая къ Усть-урту и опираясь на хивинскія владѣнія, они способны

поддерживать неудобное для насъ положеніе, а потому о развитіи между ними гуманнаго образованія слѣдовало бы тѣмъ болѣе позаботиться. Странно также—замѣтное желаніе — для каждой области воспитывать учителей именно изъ ея коренныхъ дѣтей. Мнѣ, напротивъ, кажется полезнымъ дать, въ этомъ дѣлѣ, самое широкое удобство киргизу одной области опредѣляться въ учителя въ другой области, смотря по тому, гдѣ это нужнѣе или цѣлесообразнѣе, по общему плану образованія киргизскаго народа. Если уже нельзя надѣяться на абсолютное единство, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ, которыя соединены подъ одно высшее, генераль-губернаторское управленіе, такого раздѣленія или соперованія не должно быть, нужна полная солидарность мѣръ и интересовъ.

Если какая-нибудь сила дѣйствуетъ на массу, находящуюся въ покоѣ, то эта сила какъ бы ни была мала, а масса какъ бы ни была велика, можетъ во всякомъ случаѣ произвести свое дѣйствіе на послѣднюю, расчесть только во времени. Но представимъ, что на ту массу дѣйствуютъ двѣ силы одна другой противныя—одна сила наона, а другая противная нашимъ видамъ и намѣреніямъ. Въ этомъ случаѣ, чтобы преоблѣдить дѣйствіе противной силы, мы должны дать своей силѣ большее напряженіе и большую дѣйствительность. Сравнимъ теперь русскія образовательныя средства, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, и татарскія, идущія въ разрѣзъ съ первыми. Изъ письма къ г. предсѣдателю Оренбургской Комиссіи Льва Николаевича Плотникова, своею долготѣною службой постоянно по киргизскому управленію приобретаемаго совершенную опытность въ киргизскихъ дѣлахъ, видно, что во Внутренней Ордѣ въ 60-хъ годахъ Правительствомъ было открыто семь участковыхъ школъ, а рядомъ съ ними существовали 93 татарскія школы, которыя начались, ко-

нечно, раньше русских школ; следовательно, на одну русскую школу приходится слишком 13 татарских школ. Как бы ни были хороши первые и дурны послѣднія, но этимъ даетъ преимущество огромный численный перевѣсъ ихъ; да и кромѣ того онѣ очевидно пользуются расположеніемъ народа, который содержитъ ихъ на свои средства. Въ 1863 году, отъ 16 Юля, тотъ же Левъ Николаевичъ, тогда предѣдатель временнаго совѣта во Внутренней Ордѣ, писалъ мнѣ между прочимъ: „здѣшние (т. е. Внутренней Орды) киргизы отатарились далеко больше, чѣмъ зауральскіе. Но все же и въ зауральской степи не мало должно быть татарскихъ школъ, въ противодѣйствіе которымъ было только три школы: на Тургаѣ, на Иргизѣ и въ Троицкѣ, тоже маленькія.

Такъ какъ татарскія школы издавна и непрерывно дѣйствуютъ, то оставлять ихъ однихъ, безъ противодѣйствія русскими школами, нельзя, потому что въ такомъ случаѣ съ каждымъ годомъ татарское вліяніе въ Степи будетъ усиливаться и затруднять все больше и больше дѣло будущихъ учителей русскаго образованія. Поэтому, чтобы не задерживать на долгое время образовательное дѣло, нужно не только поддержать прежнія три школы, о которыхъ я упомянулъ выше, но полезно было бы немедленно открыть еще новыя школы въ укѣвленіяхъ или аулахъ. Изъ прежней киргизской школы при Оренбургскомъ Областномъ Управленіи, изъ кадетскаго корпуса вышло не мало киргизскихъ юношей, которые хорошо знаютъ русскую грамоту, русскій языкъ, ариметикку и т. д. Изъ нихъ, полагаю, можно выбрать довольно учителей, способныхъ съ успѣхомъ заниматься первоначальнымъ обученіемъ.

Такимъ образомъ вновь задуманное Оренбургскою Коммисією заведеніе для образованія киргизскихъ учителей, составить часть

системы, будетъ восполняться степными уже дѣйствующими школами, и потому можетъ исподволь, основательно исполнять свое серьезное назначеніе. Но если пренебречь людьми прежняго воспитанія и скромными школами, и на новую учительскую школу смотрѣть какъ на единственный, исключительный питомникъ, откуда только и должны выходить въ Степь народныя учителя: то во-первыхъ этихъ учителей надобно еще ждать лѣтъ 6—7, а во вторыхъ ихъ будетъ очень мало.

Весьма важнымъ пособіемъ и орудіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія служатъ книги, а въ настоящемъ случаѣ, въ приращеніи къ киргизскому народу, книги даже существенно необходимы. Онѣ должны содержать предметы и понятія, развивающіе умъ и воспитывающіе нравственное чувство. Первое назначеніе этихъ книгъ должно быть, конечно, учебное, но онѣ должны быть изложены не такъ сухо и схоластично, какъ писались учебники по крайней мѣрѣ въ былое время, а общедоступно и интересно для большинства народа. — Первое условіе доступности книгъ—чисто киргизскій языкъ, безъ всякой татарской примѣси; и затѣмъ—изложеніе простое, популярное, т. е. безъ техническихъ опредѣленій, безъ школьныхъ пріемовъ, не сложное, а довольно обстоятельное. Притомъ эти книги должны быть интересны для народа и почетны въ глазахъ его. Интересными эти книги могутъ быть тогда, когда онѣ будутъ соответствовать народному вкусу, народной любознательности, народнымъ понятіямъ о добромъ, честномъ, полезномъ и т. д. При этомъ, кромѣ излагаемаго предмета, большое значеніе имѣетъ манера изложенія, точка зрѣнія, вообще постановка предмета, примѣнительная къ народнымъ понятіямъ и вкусу, но примѣнительная на столько, чтобы не нарушалась научная истина. Какъ исполнить это требованіе—это можетъ опредѣлить только смыслъ или инстинктъ при-

родного киргиза, развитого, но вполне сохранившего народное чутье и понимающего народный духъ. Тѣ немногіе по-русски образованные киргизы, которые уже слишкомъ обрусѣли, слишкомъ привыкли къ городской жизни, къ служебной или чиновничьей обстановкѣ и отстали отъ киргизскаго быта, едвали способны выбрать изъ общеобразовательныхъ предметовъ полезный для киргизовъ матеріалъ и дать ему интересную для народа постановку и освѣщеніе. Образование и цивилизація вообще сглаживаютъ народныя черты и притупляютъ чувство народности, которое нужно возстановить, проживши, послѣ школы, нѣсколько лѣтъ въ родныхъ аулахъ, въ средѣ народной.

На чистомъ киргизскомъ языкѣ для образовательныхъ книгъ я настаиваю (хотя это, кажется, съ перваго раза для всякаго понятно) потому, что знаю, какъ прежде господствовалъ, да и теперь еще, по видимому, господствуетъ въ киргизскихъ управленіяхъ татарскій языкъ, какъ этотъ языкъ усваиваютъ киргизскіе грамотѣи, дорожа имъ какъ чѣмъ-то особенно почтеннымъ, а свой языкъ пренебрегая какъ не грамотный, не книжный, а между тѣмъ киргизскій языкъ во многихъ отношеніяхъ лучше, выразительнѣе татарскаго. Я опасаясь, что въ Оренбургѣ этого дѣла не исполнять или искажутъ, хотя впрочемъ неумышленно. И чтобы киргизскій языкъ оградить отъ татарской примѣси въ формахъ и въ звукахъ, непременно нужно приоровить къ нему русской алфавитъ. Не вдаваясь въ научныя, лингвистическія соображенія, я представляю практическія основанія. Во первыхъ алфавитъ русской весьма удобенъ для первоначальнаго обученія грамотѣ. Въ отчетѣ г. инспектора училищъ Оренбургской губерніи находится интересное въ этомъ отношеніи наблюденіе одного учителя русско-башкирской школы, что башкирскіе дѣти легче учиваются сначала русской грамотѣ и потомъ—татарской, нежели

наоборотъ. Но для башкирскихъ дѣтей русская грамота еще затруднялась непонятностью для нихъ русскаго языка, на которомъ написанъ изучаемый ими букварь; а если русскими буквами написать тексты на родномъ языкѣ, то дѣти овлаждаютъ русской грамотой въ очень короткое время и легко. Выучившись читать русскими буквами, но на своемъ родномъ языкѣ написанныя книги, они безъ всякаго затрудненія перейдутъ къ чтенію русскихъ книгъ. Слѣдовательно сокращается учебный трудъ для инородческихъ дѣтей. Во вторыхъ русской алфавитъ, съ небольшимъ только приспособленіемъ, способенъ вполне выразить отгѣнки и особенности киргизской фонетики и сдѣлать киргизскій языкъ самостоятельнымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ есть и каковымъ долженъ быть въ интересахъ киргизскаго образованія и развитія. Наконецъ, если удастся русскому алфавиту сдѣлаться орудіемъ киргизскаго языка, тогда разомъ устранятся, какъ ненужныя и бесполезныя, эти многочисленные татарскіе писцы и грамотѣи, которые теперь наводняютъ Степь и находятся почти при каждомъ чиновномъ киргизѣ для официальной переписки. Пока татарская грамота принята въ программу даже русскихъ школъ, долотѣ киргизы будутъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе татарскимъ или отатарившимся грамотникамъ, полагая, что они чрезъ это подготовятъ дѣтей къ русской школѣ. Итакъ съ вопросомъ объ образованіи киргизовъ тѣсно связанъ вопросъ о книгахъ на киргизскомъ языкѣ. Присовокуюлю еще относительно книгъ общедоступно изложенныхъ—то, что онѣ могутъ распространять научныя понятія далеко за предѣлы школы, въ среду киргизскаго населенія, и привлекая къ себѣ вниманіе и сочувствіе родителей, располагать ихъ отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, гдѣ обучаютъ ихъ такимъ полезнымъ и интереснымъ предметамъ. Поэтому составленіе и изданіе такихъ книгъ нужно бы по возможности ускорить,

хотя я долженъ сказать, что это дѣло весьма трудное, если его исполнить въ изложенномъ видѣ и направленіи.

Засимъ обращаюсь къ предложенному Оренбургской Комисіи плану приготовления инородческихъ учителей.

Прежде всего нельзя не сочувствовать той основной мысли Комисіи, чтобы учителями въ инородческихъ школахъ были единоплеменные ученикамъ. Я также согласенъ съ Комиссіей и въ томъ, чтобы киргизскихъ и башкирскихъ дѣтей, готовящихся въ народные учителя, воспитывать врозь; но полагаю, что раздѣленіе тѣхъ и другихъ только комнатами или квартирами едва ли вполнѣ достигнетъ цѣли—обособленія. Притомъ, двадцать пансіонеровъ на долю киргизовъ слишкомъ мало по отношенію къ киргизскому населенію, состоящему въ вѣдѣніи Оренбургскаго Генералъ-Губернатора. По моему мнѣнію, этотъ пансіонъ должно ограничить только киргизами, которыхъ назначить 40.

Этотъ пансіонъ слѣдовало бы помѣстить тамъ, гдѣ была прежде киргизская школа при Областномъ Управленіи. Зданіе было приспособлено къ педагогическому назначенію и какъ разъ на 40 воспитанниковъ.

Кстати скажу, что прежніе воспитанники киргизской школы переведены въ гимназію, но не все они, вѣроятно, одинаково способны къ высшему образованію въ гимназіи и потомъ въ университетѣ. Поэтому, отобравши человѣкъ пять-шесть особенно даровитыхъ для гимназическаго образованія, остальныхъ было бы полезнѣе обратить въ народныхъ учителей, для чего имъ, вѣроятно, остается только прослушать спеціальныя педагогическія курсы.

При этомъ пансіонѣ необходима приготовительная школа. Въ журналѣ Комисіи есть заявленіе, что „обученіе русской грамотѣ мальчикамъ Орды киргизской и башкирской дается весьма трудно“. Эта трудность зависитъ не столько отъ недостатка хо-

рошо подготовленныхъ наставниковъ (въ чемъ видятъ единственную причину сейчасъ приведеннаго факта Комисіи), но гораздо болѣе отъ того, что русской грамотѣ съ самаго начала учатъ прямо по русскимъ книгамъ. Будь книги на родномъ языкѣ русскими буквами, инородческие дѣти стали бы усваивать русскую грамоту охотно и легко. Этотъ фактъ на столько оправданъ положительнымъ опытомъ въ крещено-татарскихъ и другихъ инородческихъ школахъ Казанской губерніи, что не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ удобства и дѣйствительности начального обученія по книгамъ на родномъ языкѣ, русскими буквами. Дайте только подобныя буквари по инородческимъ школамъ, и я увѣренъ, что даже при теперешнихъ учителяхъ (положимъ, нехорошо подготовленныхъ—какъ заявляетъ Комисія) грамота пойдетъ легко и трудности исчезнутъ. Для этого одного не стоило бы устроить, при педагогическомъ школѣ, приготовительнаго класса. Гораздо важнѣе воспитательное назначеніе приготовительнаго класса, какъ заведенія, которое должно быть такъ поставлено (не по комфорту, или блеску внѣшнему, а по внутреннему устройству и складу), чтобы для всѣхъ начальныхъ школъ служило примѣромъ и образцомъ. Приготовительная школа (равно какъ и учительскій пансіонъ) должна замечательнѣе особеннымъ нравственнымъ характеромъ, особеннымъ духомъ; напр. въ ней должно господствовать общее убѣжденіе и одушевленіе учениковъ—учиться для умственного и нравственнаго образованія, а не изъ видовъ утилитарныхъ—т. е. торговыхъ или служебныхъ: удовлетворять любознательности своей, а не рассчитывать будущіе барыши и преимущества и т. п.

Школа должна быть такъ поставлена, чтобы дѣти полюбили ее, чтобы они чувствовали себя въ ней какъ дома, уютно, тепло,—тогда разовьются въ нихъ гуманная начала и благород-

ныя чувства. Эти черты я привелъ только для объясненія, что я разумю подъ духомъ и нравственнымъ направлениемъ школы. Такое направленіе обуславливается и воспитывается не ученостью, не педагогическими приемами, а нравственными качествами ближайшаго непосредственнаго воспитателя, его личностью. Если это будетъ, въ родѣ одного изъ смотрителей бывшей киргизской школы, чиновникъ, хотя исполнителный и эконоомъ честный и аккуратный, но именно чиновникъ и формалистъ, то школа не приобрететъ никакого одушевленія. На это мѣсто нужно выбрать киргиза, хотя не особенно образованнаго и ученаго, но здравомыслящаго, даровитаго, симпатичнаго, искренно сочувствующаго русскому образованію, вполне сознающаго пользу и надобность этого образованія, а равно умственнаго и нравственнаго развитія для киргизскаго народа, и въ этомъ смыслѣ патріота. Порядки школы должны быть какъ можно менѣе формальны, напоминать болѣе семейныя отношенія и семейную простоту, короткость и единодушіе. Русскіе ученые наблюдатели, попеченію которыхъ ввѣрена будетъ эта школа, не должны стѣснять упомянутаго воспитателя строгою формальностью, а предоставить ему свободу, и только совѣтами руководить его; они должны внимательно слѣдить за естественнымъ развитіемъ школы, какъ будетъ самодѣтельно складываться ея строй и направленіе. Чѣмъ менѣе этотъ строй опредѣляется будетъ вѣшними порядками и правилами, чѣмъ слѣдовательно онъ будетъ самороднѣе и естественнѣе, тѣмъ будетъ прочнѣе и основательнѣе. И вотъ это же направленіе перейдетъ постепенно и въ мѣстныя начальныя школы и вообще во всю систему киргизскаго образованія.

Считаю нужнымъ присовокупить, что въ начальной пригтовительной школѣ долженъ, въ преподаваніи и даже въ разговорѣ, господствовать языкъ киргизскій, а русскій языкъ будетъ

какъ предметъ изучаемый, даже и изъ высшихъ курсовъ пансіона киргизскій языкъ не долженъ совершенно изгоняться, потому что весьма важно, чтобы будущіе учителя и просвѣтителіи народа умѣли формулировать и свободно излагать на своемъ родномъ языкѣ приобретенныя ими въ школѣ знанія и понятія, а это приобретается практикою. Иначе сказать, учившійся какой-нибудь наукѣ на языкѣ чужомъ и не угражившійся въ изложеніи ея (хотя устно) на своемъ языкѣ, затрудняется разсказать что нибудь изъ этой науки на родномъ даже языкѣ своемъ. Притомъ, я полагаю, вопреки мнѣнію Оренбургской Комиссіи, что главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій, и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣетъ второстепенное, хотя важное же, значеніе.

Дальнѣйшее образованіе пансіонеровъ въ уѣздномъ училищѣ очень удобно и сравнительно дешево, хотя было бы справедливо назначить учителямъ уѣзднаго училища, за особые труды съ киргизскими пансіонерами, нѣкоторую прибавку къ ихъ весьма скромному жалованью. Совмѣстное ученіе киргизскихъ мальчиковъ съ русскими было бы и въ томъ отношеніи полезно, что обыкновенно школьное товарищество крѣпко соединяетъ людей; въ настоящемъ случаѣ оно полезно для сближенія вообще русскихъ съ киргизами въ интересѣ образованія и науки. Только нужно всѣчески предупреждать возникновеніе между киргизскими и русскими мальчиками національныхъ антипатій.

Въ киргизскомъ пансіонѣ долженъ быть особый репетиторъ, который бы помогалъ ученикамъ готовить уроки и вполне усваивать ихъ содержаніе. Полезно было бы имѣть на этомъ мѣстѣ природнаго киргиза, знающаго курсы уѣзднаго училища.

Надобность или ненадобность магометанскаго законоучителя лучше можно опредѣлить на мѣстѣ, особенно если законоучителемъ будетъ опредѣленъ приходскій мулла татаринъ, какъ это было въ прежней киргизской школѣ. Съ своей стороны, по прежнимъ моимъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ, могу заявить, что большинство киргизовъ еще не въ такой степени усовершенствовалось въ магометанствѣ, чтобы слиткомъ огорчаться проблемою по этой части.

Во всякомъ случаѣ днемъ еженедѣльнаго отдыха должно сдѣлать не пятницу, какъ было въ прежней киргизской школѣ, но причинъ излишняго поддѣлыванья подъ мнимо-магометанскій вкусъ киргизовъ, но воскресенье. Впрочемъ обученіе киргизскихъ воспитанниковъ въ уѣздномъ училищѣ естественно заставить отдать предпочтеніе воскресенью предъ пятницей.

По окончаніи курса уѣзнаго училища нужно дать воспитанникамъ—будущимъ учителямъ—спеціальное педагогическое образованіе. Впрочемъ, по моему мнѣнію, оно должно быть не столько научно педагогическое, сколько практическое развитіе учительскаго такта и особенно пропагаторскаго усердія; потому что учителямъ придется не просто преподавать своимъ инородческимъ ученикамъ научныя знанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ бороться съ предрасудками киргизскаго народа и магометанско-татарскимъ направленіемъ, гдѣ таковое уже укоренилось. Приготовительная при пансіонѣ школа дастъ воспитанникамъ учительской школы случай и возможность усвоивать педагогическую практику. И потому, если въ Оренбургѣ полагается открыть педагогическіе курсы при уѣздномъ училищѣ или въ другомъ мѣстѣ, собственно и исключительно для образованія инородческихъ учителей, именно киргизскихъ, то педагогическіе курсы лучше было-бы открыть при пансіонѣ же. Только въ такомъ случаѣ выгоды въ эконо-

мическомъ отношеніи помѣстить киргизскихъ воспитанниковъ въ педагогическіе курсы уѣзнаго училища или гимназіи, если послѣдніе будутъ открыты въ общихъ видахъ для русскихъ и для инородческихъ школъ въ краѣ. Но все-таки педагогія должна имѣть нѣкоторую особенность въ примѣненіи къ киргизскимъ школамъ.

Экономическую постановку пансіона я не берусь опредѣлять, но неизмѣнно опытности и данныхъ этого рода. Могу одно только замѣтить, что содержаніе въ бывшей киргизской школѣ мнѣ представляется слиткомъ комфортабельнымъ и даже роскошнымъ. Въ пансіонѣ это должно быть проще и дешевле. Лучше употребить эти деньги на образовательныя средства и учебныя пособія, чѣмъ на вышній блескъ и удобства жизни. Киргизская жизнь, изъ которой поступають все воспитанники, отличается нѣкоторой суровостью и незатѣйливостью. Но привыкнуть къ удобствамъ, къ извѣженности—не долго; а потомъ трудно будетъ возвратиться въ аулъ, въ простую и скудную обстановку кочеваго быта.

Я знакомъ былъ въ Оренбургѣ съ нѣкоторыми воспитанниками перваго выпуска бывшей киргизской школы, наприѣмъ: съ *Алтынсаринымъ*, Кулубековымъ, Вахтіаровымъ и (по слуху) съ Мунгезьбаевымъ. Они поступили въ учителя: Алтынсаринъ въ Оренбургское укрѣпленіе, Кулубековъ—на Ирғизъ, Мунгезьбаевъ—въ Троицкѣ. Вахтіаровъ долгие оставался въ Оренбургѣ при центральномъ управленіи, съ обязанностью однако-же дежурить въ Оренбургской киргизской школѣ. Изъ всѣхъ нихъ я находилъ бы наиболѣе способнымъ къ вышеочерченной должности Алтынсарина, если его обстоятельства не измѣнились рѣзко противъ того, какъ я зналъ его назадъ тому лѣтъ десять.

Кто бы ни былъ назначенъ на это мѣсто, было-бы не бесполезно командировать такого на нѣсколько мѣсяцевъ въ Казань

для подробнаго ознакомленія съ постановкой Казанской крещено-татарской школы, основанной на инородческихъ началахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для нагляднаго ознакомленія съ педагогическими способами и средствами, которыхъ въ Казани, по всей вѣроятности, больше, нежели въ Оренбургѣ. Казанская крещено-татарская школа, конечно, имѣетъ свои особенности; по сущности инородческой системы одна и таже. Когда эта сущность усвоена, то, при благоразуміи, можно приписать ея къ особенностямъ быта и положенія всякой инородческой мѣстности. По меньшей мѣрѣ, мыслящему и наблюдательному человѣку здѣшняго школа дастъ матеріалъ къ соображенію и наведетъ на практическія мысли, не обязывая, конечно, его къ рабскому и формальному подражанію.

NB. Башкирское начальное образованіе можно также поставить приблизительно на изложенныхъ началахъ.

Чтобы обученіе въ теперешнихъ аудіальныхъ киргизскихъ и башкирскихъ школахъ не прекратилось, но мало по малу совершенствовалось и принимало нормальное направленіе, для этого полезно дѣлать сѣзды учителей для разъясненія имъ началъ и способовъ инородческаго образованія и для собранія съ ихъ стороны наблюденій въ учебномъ и отчасти въ этнографическомъ отношеніи.

Во всемъ вышеназложенномъ прому видѣть только очеркъ главныхъ началъ инородческаго образованія, извлеченный мною изъ опыта, а на подробности смотрѣть какъ только на примѣрную постановку дѣла къ уясненію моей мысли. При тщательномъ обсужденіи дѣла на мѣстѣ, даже по усвоеніи моей точки зрѣнія, подробности могутъ сложиться иначе на основаніи нынѣшнихъ условий, которыя могли измѣниться въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ было извѣстно назадъ тому десять лѣтъ.

Преподаватель Университета Н. Ильминский.

7 Марта,
1871 г.

*Господину Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа
отъ 31 Октября 1870 года за № 10335 ¹⁾.*

По Высочайшему повелѣнію внесены были въ Комитетъ Министровъ всеподданнѣйшіе отчеты за 1869 годъ, между прочимъ, Начальника Самарской губерніи и Тургайскаго Военнаго Губернатора.

Комитетъ, въ засѣданіи 20 сего Октября, выслушавъ означенные отчеты, между прочимъ, призналъ полезнымъ обратить вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія: а) на соображенія Самарскаго Губернатора о народномъ образованіи и б) на статью отчета Начальника Тургайской Области о состояніи учебныхъ заведеній.

Получивъ по сему предмету отношеніе Управляющаго дѣлами Комитета Г.г. Министровъ съ извлеченіями изъ отчетовъ Начальниковъ Самарской губерніи и Тургайской области, я имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству, для свѣдѣнія, копію съ означенныхъ извлеченій, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, по разсмотрѣніи заключающихся въ сихъ извлеченіяхъ свѣдѣній, сообщить мнѣ Ваше заключеніе по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя, по Вашему мнѣнію, заслуживаютъ особеннаго вниманія учебнаго вѣдомства.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Дмитрій Толстой.

¹⁾ Дѣло канцелярн Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа № 1263, о распространеніи образованія между киргизами Тургайской области и составленіи киргизскаго алфавита изъ русской азбуки. Началось въ Ноябрь 1870 года, въ Казани.

Нѣкоторыя мысли по поводу „извлечения изъ всеподданнѣйшаго отчета Г. Военнаго Губернатора Тургайской области, о состояніи учебныхъ заведеній въ 1869 году“.

Отчетъ Г. Военнаго Губернатора Тургайской области о состояніи учебныхъ заведеній въ 1869 году, начинается опытнымъ замѣчаніемъ о любознательности и даровитости киргизъ: они успѣшно учились въ Оренбургской гражданской гимназій и Троицкой школѣ. Въ прежнее время, воспользовавшись этой чертой киргизовъ, фанатики—башикпрекіе и татарскіе муллы распространяли въ Стенѣ татарскую грамотность и вліяніе магометанства. Отсюда слѣдуетъ, что для киргизовъ было все равно, чему бы и какъ бы ни учиться, лишь бы учиться: любознательность ихъ не имѣла опредѣленнаго направленія. Если несомнѣнная даровитость киргизовъ есть даръ природы, независимо отъ условій мѣстности и быта; то ихъ любознательность можетъ, кажется, объясняться киргизскимъ бытомъ, свободнымъ отъ тяжелыхъ трудовъ, отъ вѣчной гнетущей заботы о пропитаніи. Вообще говоря, киргизамъ, по ихъ кочевому образу жизни, пастушескому промыслу и незагнѣнному обиходу, жить почти ничего не стоить и дѣлать имъ почти нечего, а живая и воспріимчивая киргизская натура не можетъ сидѣть спокойно сложа руки. Поэтому новости, толки и волненія быстро распространяются въ Стенѣ; случится баранта, она, какъ сильное ощущеніе, также очень занимаетъ киргизовъ; а когда русское правительство своею властію прекратило и баранту и всякія другія случайныя приключенія, питающія народное любопытство, киргизы способны удариться даже и въ ученье. Все зависитъ отъ того, какія впечатлѣнія въ данное время овладѣваютъ киргизскимъ вниманіемъ.

Съ этой точки зрѣнія, обезлюденіе двухъ школъ при стѣнныхъ укрѣпленіяхъ, въ 1869 году, заслуживаетъ полнаго вниманія и подробнаго анализа. Въ отчетѣ Г. Военнаго Губернатора этому явленію указаны двѣ причины:—ожидаемое преобразование ихъ и реформа въ стѣнномъ управленіи, естественно озабочивавшія умы стѣннаго населенія. Къ сожалѣнію, не вполне разъяснено, какъ дѣйствовали эти причины. Кромѣ того неизлишне было бы показать численность, прилежаніе и успѣхи учениковъ въ упомянутыхъ школахъ въ прежніе годы, а также послѣднія двѣ подробности относительно оставшихся въ нихъ въ 1869 году шести учениковъ,—для опредѣленія силы упомянутыхъ причинъ.

Я полагаю такъ: реформа стѣннаго управленія возбудила между киргизами оживленные толки, умы разгорячились, дѣло доходило до столкновеній. Ничего не значить, что возмущенія не охватили всего пространства киргизскихъ стѣшей: у нихъ тревожныя событія на одномъ концѣ живо волнуютъ всѣхъ до другаго конца Стѣны. Киргизы стали неприязненно смотрѣть на русскихъ и все русское, въ томъ числѣ и на стѣнныя школы, какъ на учрежденіе русское, притомъ эти школы были въ русскихъ укрѣпленіяхъ. Въ отпоръ русскому значенію и вліянію, равномѣрно должно было усиливаться противоположное вліяніе, татарско-магометанское. Такимъ образомъ положеніе учебнаго дѣла, прежде безразличное смотря по обстоятельствамъ, въ 1869 году по видимому приняло опредѣленное направленіе. Конечно теперь бесполезно разсуждать, что-де рѣзкіе переходы отъ одной системы къ другой неудобны вообще, а въ особенности въ примѣненіи къ кочевому, подвижному, живому и воспріимчивому населенію, каковы киргизы. Новое положеніе народнаго образованія въ киргизской Стенѣ должно принять уже какъ существующее данное,

какъ фактъ, и по соображенію съ нимъ установить новую систему народнаго образованія киргизовъ.

Надобно замѣтить, что татарскіе педагоги не отличаются гуманностію въ обращеніи съ учениками и примѣнительностію къ ихъ силамъ и понятіямъ; они дѣйствуютъ методами устарѣлыми, тяжелыми, и часто прѣбываютъ къ побоямъ. Одинъ русскій торговый человекъ, который выросъ, можно сказать, въ киргизскихъ кочевьяхъ, рассказывалъ мнѣ объ одной татарской школѣ, которую онъ самъ видѣлъ въ киргизскомъ аулѣ Сибирскаго вѣдомства: учитель татаринъ обучалъ около десятка киргизскихъ мальчиковъ, въ обыкновенной кибиткѣ (волочной юртѣ), арабской грамотѣ. Кромѣ обычныхъ побоевъ и криковъ, этотъ татаринъ придумалъ оригинальный способъ внушить киргизтамъ арабскій алфавитъ со всѣми тонкостями арабской фонетики, неудобосполнимой для киргизскаго органа: своею рукою, обернутою въ грязный рукавъ его рубахи, онъ забиралъ языкъ несчастнаго ребенка и порывисто мялъ и корчилъ его, чтобы уломать киргизскій языкъ и приспособить къ выполнению арабскихъ звуковъ. Если сравнить подобныя крутые приемы, вообще господствующіе въ магометанскихъ школахъ, со способами во всякомъ случаѣ болѣе гуманными, въ школахъ учрежденныхъ русскимъ правительствомъ, то успѣхъ первыхъ предъ послѣдними по истинѣ замѣчательнъ. Это значитъ положительное уже по мѣстамъ предпочтеніе магометанства, которое составляетъ содержаніе татарской и арабской грамотности,—предъ русскимъ образованіемъ. Слѣдовательно въ Степи стали возникать уже давно магометанскія симпатіи, которыя въ 1869 г. должны были еще болѣе усилиться и развиться въ ущербъ русскому направленію. Такимъ образомъ мы пришли къ усложнившемуся еще болѣе положенію народнаго об-

разованія въ киргизскомъ населеніи, какъ неотразимому факту, который заслуживаетъ серьезнаго вниманія и наблюденія.

Достоинъ полнаго сочувствія заявленіе Г. Военнаго Губернатора, что онъ предполагаетъ обратить особенное вниманіе на образованіе киргизскаго народа въ общей его массѣ. Какъ ни полезно, ниинетъ онъ,—пріобрѣтеніе обширныхъ научныхъ познаній въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ единичными личностями изъ киргизскаго народа; но дѣло распространенія русской грамотности и элементарныхъ познаній, преподаваемыхъ въ народныхъ школахъ, вызываетъ гораздо болѣе заботы и вниманіе, справедливо разсуждаетъ онъ, и съ этою цѣлью находить нужнымъ—учреждать мало по малу народныя школы въ каждой волости,—средства вышѣшней областной администраціи даютъ къ тому надежду. Г. Военный Губернаторъ желаетъ устроить такія школы, которыя бы служили рассадникомъ дѣйствительно полезныхъ дѣятелей среди киргизскаго населенія. Онъ желаетъ поставить въ этихъ школахъ образованіе киргизскихъ дѣтей такъ, чтобы самъ народъ убѣдился въ видимой пользѣ этого образованія; чтобы, кромѣ русской грамотности, школы распространяли полезныя въ быту киргизскомъ научныя познанія; чтобы, по поступленіи болѣе способныхъ воспитанниковъ въ гимназію для высшаго образованія, прочіе, вынося изъ этихъ школъ запасъ полезныхъ свѣдѣній и умственнаго развитія, высшаго сравнительно съ однородцами, не получившими другой умственной обработки кромѣ изученія татарской грамоты, пригодились бы своимъ знаніемъ и дѣятельностію самому обществу, какъ соединяющіе въ себѣ весьма важныя условія для исправленія общественныхъ должностей по выбору въ мѣстномъ управленіи, такъ и потому, что могли бы съ пользою вліять на своихъ однообщественниковъ. Словомъ, въ мысли Г. Военнаго Гу-

бернатора рисуются идеально-совершенныя школы во всѣхъ волостяхъ вѣренной ему Тургайской области, степень и сила образованія въ которыхъ, очевидныя для всего киргизскаго народа, привлекутъ къ нимъ сердечное сочувствіе всѣхъ и каждаго.

Нельзя не сочувствовать благимъ желаніямъ и предположеніямъ Г. Военнаго Губернатора. Идеаль во всемъ долженъ служить путевказательною звѣздою. Но не должно забывать, что идеалы никогда не осуществляются въ дѣйствительности. Приведемъ сравненіе. При учрежденіи русскихъ сельскихъ школъ, имѣется въ виду тоже, но едва ли можно похвалиться, чтобы образованіе въ этихъ школахъ сообщало достаточный запасъ полезныхъ въ крестьянскомъ быту свѣдѣній. Мы русскіе вообще мало знаемъ условія сельской жизни, и не можемъ дать нашимъ школамъ научно-образовательныя средства, которыя бы удовлетворяли сѣмь разностороннимъ нуждамъ народнымъ, и притомъ очевидно для самого народа, и вообще народъ весьма трудно убѣдить въ пользѣ и превосходствѣ научныхъ знаній. Тѣмъ менѣе изучены и извѣстны разныя стороны своеобразнаго кочеваго быта. Предполагая теперь недостатки въ дѣйствительномъ положеніи и бытѣ киргизовъ, какъ мы постановили нормы ихъ лучшей жизни, при особыхъ стѣнныхъ условіяхъ? а наши свѣдѣнія нормы для нихъ, въ большинствѣ случаевъ, непримѣнимы. И потому какъ мы воспитаемъ народныхъ киргизскихъ учителей, чтобы они могли давать киргизскому юношеству такое образованіе? Киргизская жизнь сложилась, такъ какъ есть, испоконъ вѣка; даровитѣйшимъ изъ народа, наблюдательнѣйшимъ личностямъ явленія и нужды жизни этой болѣе извѣстны, у киргизовъ есть замѣчательные бии, которые по опыту знаютъ общественныя условія киргизскія и здраво и для всего народа убѣдительно оцѣ-

пиваютъ и обосуживаютъ разныя юридическія соотношенія, и съ тактомъ рубяютъ довольно сложныя дѣла; есть между ними самородные говоруны, внушительные и интересныя. Предъ такими личностями, обыкновенно пользующимися уваженіемъ народа, воспитанникъ любой народной школы все будетъ не болѣе какъ ребенокъ. И хорошо, если школа внушитъ своимъ питомцамъ скромность и вѣжливость въ отношеніи особенно къ народнымъ авторитетамъ, нѣрѣдко дѣйствительно почетнымъ; напротивъ буда, если паче чаянія воспитанники русскихъ, правительственныхъ школъ явятся въ народъ съ самонадѣяннымъ и несдержаннымъ посягательствомъ на тѣ или другія стороны и черты народной жизни, народныхъ обычаевъ и народныхъ сочувствій. Во всякомъ случаѣ довѣріе и сочувствіе народа къ новымъ школамъ, особенно при выше предположенномъ теперешнемъ направленіи киргизовъ, можетъ быть пріобрѣтено только послѣ долговременнаго и постоянно безукоризненнаго благонаправленія школъ. Припомню, что бывшія школы вѣдомства государственныхъ имуществъ оттолкнули отъ себя народъ тѣмъ между прочимъ, что воспитанники слишкомъ рѣзко отнеслись къ народу, какъ къ невѣжественной толпѣ.

Чтобы меня не заподозрили въ преувеличеніи дѣла, позволю себѣ продолжить параллель. Русскій народъ по природѣ несовратимо благонадеженъ, хотя быть можетъ просто или неразвѣтно плохо поставлены, но могли бы принести положительнаго, существеннаго вреда; онъ остался бы только безъ вліянія на народную жизнь, но государственныя отношенія тѣмъ не менѣе сами собою сохраняются. Совсѣмъ другое должно быть въ чуждомъ и притомъ пограничномъ населеніи, киргизскомъ. Тамъ школа есть именно орудіе, если не единственное, то во всякомъ случаѣ глав-

ное, для воспитанія въ народѣ киргизскомъ прежде быть можетъ небывалыхъ, или подорванныхъ русскихъ симпатій, русскаго направленія. Тамъ потому школы, учреждаемыя правительствомъ, должны имѣть рѣшительный успѣхъ, заслужить полное сочувствіе народа; понятія, преподаваемые въ нихъ киргизскимъ дѣтямъ, должны быть ощутительно интересны и почтенны для народа. Тамъ школы должны приноровиться къ народу, не измѣняя въ тоже время своей задачѣ—пропагандировать въ киргизскомъ населеніи русскія идеи. Безусловішность правительственныхъ школъ въ такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ и съ такими трудными запросами—почти будетъ равняться упадку русскаго вліянія. Словомъ сказать, русскія сельскія школы имѣютъ назначеніе просто образовательное, а киргизскія народныя школы должны имѣть назначеніе пропагандорское.

Въ разсматриваемомъ отчетѣ явѣ чувствуется недостатокъ сознанія всей трудности задачи, какая въ немъ самомъ предначертывается для народныхъ киргизскихъ школъ. Если трудности дѣла не вполне въѣдены, не опредѣлены и не сознана рискованность предпріятія, то естественно не употребятъ всего вниманія и всей осторожности при исполненіи. А извѣстно, что успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ исполненія. Послѣ того не осуществившіяся горячія желанія и предположенія русскаго начальства смѣняются разочарованіемъ и охлажденіемъ, а киргизамъ внуцится мысль о бесполезности для нихъ русскаго образованія вообще.

Какъ бы то ни было, дѣло естественно сводится на приготовленіе для предлагаемыхъ народныхъ киргизскихъ школъ учителей, о чемъ Г. Военный Губернаторъ общаея представляетъ свои соображенія. Эти соображенія существенно важны, и нѣтъ сомнѣнія, что Его Превосходительство составитъ ихъ подробно, ясно, опредѣлительно, практично, въ строгомъ соотвѣ-

ствіи съ постановленной для школъ великой задачей. Въ постоянномъ отчетѣ дѣлаются только краткіе намеки, именно полагаются для этого полезнымъ возможно скорѣйшее учрежденіе педагогическихъ отдѣловъ или классовъ при Оренбургской гимназій. Желательно, чтобы въ народныя киргизскія учителя приготовлялись только природныя киргизы, а не магометане другихъ племенъ, хотя бы и получившіе гимназическое образованіе.

Въ концѣ отчета высказывается желаніе, чтобы эти учителя знали и татарскую грамотность, для передачи (будто бы) познаній ученикамъ, и потому что киргизы-родители, въ дѣлѣ образованія своихъ дѣтей, болѣе всего дорожатъ именно обученіемъ татарской грамотѣ. Этотъ финаль,—признаюсь,—какъ рѣзкій диссонансъ, нарушаетъ впечатлѣніе предшествовавшихъ разсужденій отчета. Это давній предрасудокъ Оренбургской администраціи, и повидимому не Оренбургской одной. Онъ установился съ самаго начала отъ того, что татары были необходимыми посредниками между русскою властію и киргизскимъ народомъ. Татарскіе переводчики и толмачи естественно установили татарскую грамоту и татарскій языкъ для официальной переписки киргизовъ съ ихъ русскими начальствами. И этотъ порядокъ, сначала вошедшій по необходимости, а потомъ оставшійся вѣроятно по недоразумѣнію, постоянно держался и дожилъ, какъ видно, и до настоящей радикальной реформы киргизскаго управленія.

Позволю себѣ высказать, въ доказательство моей мысли слѣдующее: „во Временномъ Положеніи объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской и проч., этотъ изданный унаслѣдованный взглядъ на татарскій языкъ и полагаю видѣть въ томъ, что въ штатѣ областного управленія вѣхъ четырехъ областей, для которыхъ это Положеніе начертано, положены по два пере-

водича персидскаго и *татарскаго* языковъ. Переводчикъ персидскаго языка нуженъ для среднеазиатскихъ дѣлъ, а переводчикъ татарскаго языка очевидно будетъ завѣдывать главнымъ образомъ киргизской перепиской. Далѣе, въ итатѣ уѣзднаго управленія хотя не сказано о переводчикахъ какого они языка, слѣдовательно можетъ разумѣться киргизскій, но такъ какъ они естественно будутъ брать примѣры съ своихъ старшихъ собратій—переводчиковъ областнаго управленія, то можно ожидать, что и они будутъ дѣйствовать татарскимъ языкомъ. Частнымъ образомъ, но вполнѣ достоверно я знаю, что это же Положеніе, столь рѣшительно впрочемъ направленное противъ татарскаго вліянія въ Стени, было переведено въ Оренбургъ для руководства *киргизскаго* народа—на *татарскій* языкъ, а изъ Вѣрнаго я видѣлъ печатные бланки для записи суда биевъ съ заголовками тоже по татарски. Такимъ образомъ, въ глазахъ киргизовъ татарскій языкъ получаетъ теперь авторитетъ высшій. Эта традиція выразилась и въ настоящемъ отчетѣ. И вотъ, совершенно послѣдовательно, такъ сказать, узаконивается въ Стени сила татарскаго языка, а съ нимъ вмѣстѣ и магометанства. Я, напротивъ, сознавая всю трудность бороться съ укоренившимся такъ сильно и такимъ общимъ предразсудкомъ, осмѣливаюсь утверждать, что въ основу народнаго киргизскаго образованія, въ орудіе передачи киргизскимъ ученикамъ познаній долженъ быть поставленъ киргизскій языкъ, въ томъ его точномъ видѣ, какъ говорятъ киргизы, не прилинейные, болѣе или менѣе отатарившіеся, а степные, кровные киргизы. Вообще желательно, чтобы русская школа и русская управа относилась къ киргизамъ и устно и письменно непремѣнно на настоящемъ киргизскомъ языкѣ, и чтобы переводчики, какъ органы сношеній русскихъ властей съ киргизскимъ народомъ, были киргизы, а не иногя племеніи магометане; пусть

такимъ образомъ русскіе люди станутъ въ непосредственное отношеніе къ киргизамъ.

Но я долженъ присовокупить, что если киргизскій языкъ дѣлается также органомъ магометанской вѣры и магометанскаго образованія, то это будетъ весьма неудобно, потому что въ такомъ случаѣ сила народнаго языка обратится къ упороченію магометанскаго въ Стени направленія, во всякомъ случаѣ не совмѣстима съ русскимъ направленіемъ. Г. Радловъ, котораго многотомное и обипрное собраніе „Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ“, издается Императорскою Академіею Наукъ, напечатъ въ Восточной части киргизской Стени (между Семипалатинскомъ и Вѣрнымъ), кромѣ собственно народныхъ произведеній, еще *книжныя пѣсни*. Это суть изложонныя киргизскими стихами магометанскіе сюжеты. Вотъ что пишеть о значеніи и силѣ этихъ пѣсень ученый собиратель: „Какъ народныя изреченія оказываются достоинствомъ и выраженіемъ народнаго духа, а потому очень распространены и въ большомъ почетѣ у народа, такъ книжныя пѣсни являются представителями ислама, не многими, но уже твердо укоренившимися въ этомъ народѣ, расадницами религіи, цѣль которыхъ распространять ученіе ислама и мало по малу вытѣнять духъ народный. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ дѣйствуютъ какъ медленный ядъ и вліяніе ихъ постоянно усиливается. Грамотная часть народа, которая правда очень еще незначительна, благодаря имъ успѣла уже стуждиться отъ народнаго духа и при помощи этихъ пѣсень старается утвердить и распространить въ народѣ ученіе ислама.“ — „Изъ поучительныхъ пѣсень болѣе всѣхъ поется Джумъ-джума. Мнѣ нѣсколько разъ приводилось быть свидѣтелемъ, какъ эту пѣсню читали въ большихъ собраніяхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушатели слѣдили за словами пѣвца и на всѣхъ лицахъ выражался ужасъ

при описаніи мученій, которымъ послѣ смерти подвергнется мусульманинъ, не исполнившій заповѣди религіи. Тогда безмолвная тишина слушателей нарушалась восклицаніями: „о великъ Господь, во имя Бога Премилосердаго“. Мнѣ кажется, прибавляетъ г. Радловъ, что одна пѣсня Джума-джума болѣе содѣйствовала утвержденію ислама между киргизами, чѣмъ сотни муллъ, разбѣгающихся по Стені*). — Сколько помню въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства назадъ тому десять лѣтъ еще не было извѣстно подобныхъ пѣсенъ; мнѣ случилось разъ слышать только краткій отрывокъ о потопѣ магометанскаго содержанія киргизскими стихами. Если школы муллъ могутъ и будутъ продолжаться, пусть лучше уже они учатъ татарской грамотѣ и мучаютъ дѣтей арабской фонетикой; это будетъ по крайней мѣрѣ не такъ рѣшительно, какъ распространять магометанство на родномъ, столь сильномъ языкѣ. Напротивъ, русское образованіе должно распространяться непремѣнно по киргизски, въ началѣ же нужно поддерживать народныя киргизскія сказанія и народный натуральный духъ, отъ котораго всетаки удобнѣе перейти къ русскому образованію, чѣмъ отъ магометанства. Если русскія правительственныя школы будутъ сообщать познанія посредствомъ роднаго киргизскаго языка, а муллы учить татарской грамотѣ и арабской фонетикѣ, то первыя возьмутъ перевѣсъ по меньшей мѣрѣ легкостью и скоростью обученія.

Отсюда видно, что и киргизскій языкъ, въ замѣну татарскаго, есть орудіе ободустройство, при немъ быть можетъ еще зорче нужно будетъ смотрѣть за направленіемъ мыслей и образованія киргизовъ.

Н. Ильминскій.

Ноябрь 1870 г.

*) Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ, Часть III, XIX и XXI.

Г. Директору Казанской Учительской Семинаріи, отъ
15 Февраля 1873 года № 1067.

По предмету составленія алфавита русскими буквами для киргизскаго языка и руководства для обученія киргизскому языку, Вашему Превосходительству не безизвѣстно предположеніе, высказанное мною въ представленіи Господину Министру Народнаго Просвѣщенія и раздѣляемое Г. Оренбургскимъ Генераль-Губернаторомъ, относительно назначенія для этой дѣли особой комисіи въ Казани подъ предсѣдательствомъ лица по назначенію Министерства Народнаго Просвѣщенія и съ командированіемъ въ составъ этой комисіи изъ Оренбурга двухъ-трехъ киргизъ, вполне безкорызненнаго образа мыслей, развитыхъ и далекихъ отъ фанатическихъ стремленій. Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 23 Сентября 1872 года за № 9983, соглашаясь на образованіе таковой комисіи, увѣдомилъ меня, что назначеніе предсѣдателя означенной комисіи Его Высокопревосходительство предоставляетъ взаимному моему соглашенію съ Генераль-Адъютантомъ Крыжановскимъ.

Вслѣдствіе этого я сообщилъ Г. Оренбургскому Генераль-Губернатору, что предсѣдателемъ названной выше комисіи я полагаю назначить Ваше Превосходительство, какъ специалиста, основательно знакомаго съ дѣломъ инородческаго образованія, и въ случаѣ согласія Г. Оренбургскаго Генераль-Губернатора съ такимъ выборомъ, просилъ командировать въ Казань, какъ сказано выше, двухъ-трехъ киргизъ.

Въ настоящее время г. Оренбургскій Генераль-Губернаторъ, соглашаясь съ таковымъ моимъ выборомъ въ предсѣдатели, увѣдомилъ меня, что въ составъ комисіи будутъ командированы: отъ Уральской области волостной управитель Ирджанъ Чулаковъ,

знающій хорошо русской письменный и разговорный языкъ, и отъ Тургайской области — дѣлопроизводитель Тургайскаго уѣзднаго управления, хорунжій Ибрагимъ *Алтынсаринъ*, окончившій курсъ въ бывшей киргизской школѣ при Областномъ Правленіи и бывшій учителемъ школы при бывшемъ Оренбургскомъ укрѣпленіи, который обращаетъ на себя вниманіе не только занятіями по служебной своей дѣятельности, но отчасти и особыми трудами по этнографіи киргизовъ, напечатанными въ Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кроме сихъ лицъ Генераль-Адъютантъ Крыжановскій признаетъ полезнымъ, для успѣха въ семь дѣлъ, командировать отъ генераль-губернаторскаго управленія старшаго помощника Николаевскаго уѣзднаго начальника штабсъ-ротмистра Сейдалина 2-го, а если засѣданія Комиссіи откроются въ ваканціонное лѣтнее время, то и преподавателя татарскаго и персидскаго языковъ Неплюевской военной гимназіи статскаго совѣтника Бекчурина.

Вслѣдствіе этого имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство принять на себя предсѣдательство въ комисіи, которая имѣетъ быть въ городѣ Казани для объясненной выше дѣла, о чемъ мною вмѣстѣ съ симъ увѣдомленъ г. инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ коллежскій ассессоръ Радловъ, котораго я назначилъ членомъ этой же комисіи. По этому необходимо Вамъ съ г. Радловымъ условиться о времени учрежденія комисіи, не упуская изъ вида при этомъ возможную командировку г. Радлова за границу. О времени, когда удобнѣе открыть комисію, покорнѣйше прошу меня увѣдомить, а равно въ свое время увѣдомить меня о результатахъ будущихъ трудовъ комисіи для донесенія Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Полечитель Казанскаго Учебнаго Округа Шестаковъ.

Г.

ЗАПИСКА ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА КОНСТАНТИНОВИЧА ¹⁾.

*О побѣдкѣ въ Степь въ Январѣ мѣсяцѣ 1883 года и
о введеніи русскаго алфавита для текста, писаннаго
на киргизскомъ языкѣ.*

Главная цѣль настоящей зимней побѣдки моей по Илецкому уѣзду, ввѣренной управленію моему области, заключалась въ томъ, чтобъ въ личномъ присутствіи сдѣлать первый опытъ введенія въ употребленіе русскаго алфавита для текста, писаннаго на киргизскомъ языкѣ, при объявленіи киргизамъ касающихся до нихъ распоряженій. Для приведенія въ исполненіе этого дѣла, я воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣднее время стало поступать ко мнѣ много жалобъ на рѣшенія народнаго суда; почему явилась необходимость сдѣлать нѣкоторыя разъясненія судьямъ (біямъ), а также и нѣкоторыя объясненія правъ всѣмъ киргизамъ, обращающимся къ народному суду. Въ этихъ видахъ и были составлены особыя правила на русскомъ языкѣ,

¹⁾ Записка эта была представлена Министру Внутреннихъ Дѣлъ Графу Дмитрію Андреевичу Толстому, а Графомъ въ копіи сообщена Н. И.—скому.

текстъ которыхъ, по переводѣ на киргизскій языкъ, былъ написанъ русскими буквами и затѣмъ при помощи гектографа снятъ въ довольно значительномъ числѣ экземпляровъ, одинъ изъ каковыхъ при семъ представляется. Правила эти, въ моемъ присутствіи, были прочитаны при довольно многочисленномъ собраніи народа, въ трехъ волостяхъ уѣзда (Буртинской, Каратугайской и Акъ-Тюбинской) и гектографированные экземпляры оныхъ вручены были какъ волостнымъ управителямъ, такъ и нѣкоторымъ грамотнымъ по русски почетнымъ ордынцамъ, при чемъ первымъ ввѣнено въ обязанность принять ихъ къ руководству и имѣть постоянно при каждомъ сѣздѣ бievъ. Предварительно врученіи и прочтеніи этихъ правилъ, я въ каждой волости лично старался объяснить собравшемуся народу причину употребленія мною, въ настоящемъ случаѣ, русскаго алфавита, а также и ту пользу, которая неминуемо послѣдуетъ для нихъ отъ этого нововведенія. Основные мотивы моихъ разъясненій по этому поводу заключались въ слѣдующемъ: изложивъ въ общихъ чертахъ характеръ жалобъ, приносимыхъ мнѣ на рѣшенія народнаго суда, и указавъ на отступленія, дѣлаемые бiами, а также на недостаточное толкованіе ими истцамъ и отвѣтчикамъ правъ ихъ и порядка обжалованія рѣшеній суда, я перешелъ къ тому, что жалобы на таковыя приговоры бievъ, вслѣдствіе несоблюденія жалующимися установленныхъ порядковъ, въ большинствѣ случаевъ, къ крайнему моему сожалѣнію, оставляются безъ послѣдствій. Все то, вѣстѣ взятое, и было причиною, побудившею меня издать предлагаемыя правила для непрѣмннаго руководства ими на каждомъ сѣздѣ бievъ, а также и для возможно большаго распространенія ихъ среди народа. Далѣе я высказалъ, что правила эти изложены на киргизскомъ языкѣ съ употребленіемъ русскаго алфавита, на томъ основаніи, что до сего времени, въ подобныхъ

случаяхъ, т. е. для объявленія киргизамъ касающихся до нихъ распоряженій,—я всегда обращался къ нимъ письменно съ изложеніемъ русскаго текста—русскимъ же алфавитомъ, но что такія распоряженія, по видимому, не всегда вполнѣ точно были ими понимаемы, такъ какъ для этого послѣднаго необходимо было имъ найти не только хорошо знающаго русскую грамоту и слѣдовательно могущаго прочесть написанное, но кромѣ того и убѣждающаго еще перевести прочитанное на ихъ родной языкъ къ передачею точнаго смысла. Теперь же, при изложеніи киргизскаго текста русскими буквами, имъ достаточно будетъ найти лицо, знающее русскую грамоту и могущее прочесть написанное, не заботясь затѣмъ болѣе о переводѣ, такъ какъ смыслъ прочитаннаго будетъ ясенъ каждому слушателю.

Для болѣе нагляднаго убѣжденія киргизовъ въ полнѣйшей вѣрности высказаннаго предположенія я поручилъ уѣздному начальнику прочесть во всеуслышаніе нѣсколько пунктовъ изъ упомянутыхъ правилъ. Результатъ оказался весьма удаченъ, все прочитанное уѣзднымъ начальникомъ было совершенно понято слушателями, не смотря на то, что онъ, какъ это извѣстно и киргизамъ, не знакомъ съ ихъ языкомъ. Точно такъ же и съ тѣмъ же успѣхомъ я заставлялъ читать и нѣкоторыхъ даже не вполнѣ грамотныхъ по русски киргизовъ.

Убѣдивъ, такимъ образомъ, въ совершенной пригодности русскаго алфавита для выраженія киргизской рѣчи, я высказалъ, что примѣненіе этой мѣры къ объявленію правительственныхъ распоряженій принесетъ несомнѣнную пользу населенію въ томъ отношеніи, что поставитъ его въ гораздо меньшую зависимость отъ переводчиковъ, которые къ тому же весьма не рѣдко искажаютъ смыслъ написаннаго въ бумагахъ. Вѣстѣ съ тѣмъ мѣра эта заставитъ и самихъ киргизовъ еще болѣе стремиться къ

изученію русской грамоты, для чего въ настоящее время хотя и имѣются пока небольшія средства, но не въ далекомъ будущемъ средства эти значительно расширятся, и что наконецъ не далеко то время, когда почти въ каждой кибиткѣ будетъ хотя одинъ грамотный по русски, а тогда слѣдовательно не будетъ уже ни какихъ затрудненій для того, чтобы писанный русскими буквами киргизскій текстъ правительственныхъ распоряженій былъ понятъ народомъ въ настоящемъ и вполнѣ точномъ его смыслѣ.

Въ заключение я высказалъ, что съ этого времени, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ необходимо нужно будетъ объявить какія либо распоряженія, относящіяся не къ отдѣльнымъ личностямъ, а касающіяся цѣлыхъ обществъ или учреждений, какъ напр.: съѣздовъ бievъ, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я буду обращаться письменно на природномъ киргизскомъ языкѣ, съ употребленіемъ лишь русскаго алфавита.

Изъ всего вышележащаго Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что первый опытъ введенія русскаго алфавита на практикѣ оказался довольно удовлетворительнымъ. Многіе грамотные по русски киргизы, съ большимъ интересомъ, по нѣскольکو часовъ сряду, читали переданныя имъ правила и около такихъ чтеній всегда собиравлись группы весьма внимательныхъ слушателей. Хотя въ сущности мѣра введенія русскаго алфавита получила дѣйствительное примѣненіе только въ трехъ упомянутыхъ выше волостяхъ, тѣмъ не менѣе дальнѣйшее распространеніе ея не замедлится и въ остальныхъ волостяхъ уѣзда, потому что во время проѣзда моего, а особенно въ мѣстахъ остановокъ для бесѣды съ народомъ по поводу русскаго алфавита собиравлось, между прочимъ, много киргизъ изъ другихъ волостей. Эти послѣдніе, по свойствамъ своего характера, поспѣшатъ передать

все слышанное ими своимъ одноульцамъ и, такимъ путемъ, молва о нововведеніи распространится весьма быстро, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчитъ и повсемѣстное введеніе по уѣзду начатаго дѣла. На основаніи этихъ соображеній я поручилъ Илецкому уѣздному начальнику теперь же объѣхать всѣ не посѣщенные мною волости его уѣзда и тамъ, въ личномъ своемъ присутствіи, привести въ исполненіе все сдѣланное уже мною въ трехъ волостяхъ, съ употребленіемъ тѣхъ же примѣровъ; при чемъ ему переданы и гектографированные экземпляры правилъ. То же самое будетъ поручено сдѣлать и Николаевскому уѣздному начальнику, такъ что въ двухъ прилинейныхъ уѣздахъ Области въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ повсемѣстно введенъ „русскій алфавитъ“.

Считаю кстати здѣсь упомянуть, что относительно замѣны оставшихся четырехъ волостныхъ писарей изъ татаръ и башкиръ русскими или киргизами, всѣ распоряженія уже сдѣланы, но только еще не получены донесенія уѣздныхъ начальниковъ, къмъ именно названные писаря замѣнены, такъ что въ настоящее время во всей Области нѣтъ уже ни одного волостнаго писмоводителя изъ татаръ или башкиръ. Переводчикъ же Илецкаго уѣзднаго управленія, объ оставленіи котораго на мѣстѣ ходатайствовалъ уѣздный начальникъ, какъ это было объяснено въ представленіи моемъ отъ 21—25 Ноября 1882 г. за № 4632-мъ, будетъ уволенъ въ Апрѣль мѣсяцъ, т. е. по переводѣ Илецкаго уѣзднаго управленія изъ г. Оренбурга въ Акъ-Тюби, и замѣненъ киргизомъ.

Въ эту же поѣздку я былъ на засѣданіяхъ волостныхъ съѣздовъ бievъ и присутствовалъ при разборѣ трехъ дѣлъ, при чемъ имѣлъ случай лично убѣдиться, что бии вполнѣ поняли смыслъ переданныхъ имъ для руководства правилъ, такъ какъ,

по постановленіи приговора, председатель съезда объявил сторонамъ, окончательно-ли ихъ дѣло или нѣтъ, а также и порядокъ обжалованія постановленій суда. Все приговоры съездовъ въ книги записываются по русски и вообще такія книги ведутся весьма удовлетворительно.

Въ Акъ-Тюби я осматривалъ зданія, построенныя для чинновъ Илецкаго уѣзднаго управленія, а также и каменное зданіе для русско-киргизской школы, готовое уже вчернѣ. Заговоривъ о школѣ, не могу не выразить желанія, чтобы киргизскій учительскій институтъ,*) современемъ, когда представится къ тому возможность, былъ бы переведенъ въ Акъ-Тюби. Теперь этотъ институтъ помѣщенъ въ г. Орскѣ (Оренбургской губерніи) и съ Января мѣсяца открылъ уже свои дѣйствія. О неудобствахъ нахождения института въ г. Орскѣ я уже имѣлъ честь изложить свое мнѣніе въ запискѣ, поданной Вашему Сіятельству въ Октябрѣ прошлаго года.

Въ бесѣдахъ со многими киргизами, между прочими вопросамъ, былъ затронутъ и земельный вопросъ, причемъ выяснилось, что пользованіе землею въ этомъ уѣздѣ производится безъ соблюденія должнаго въ этомъ дѣлѣ порядка, что неминуемо самымъ стѣснительнымъ образомъ отражается съ одной стороны на хлѣбонашцахъ, съ другой на скотоводахъ. Для избѣжанія подобныхъ неудобствъ, я предложилъ въ каждой волости весною нынѣшняго года собрать волостные съезды выборныхъ, на которыхъ, по соображенію съ мѣстными условіями, отдѣлить въ каждомъ аулѣ по нѣскольку земельныхъ участковъ, исключительно для занятій на нихъ хлѣбонашествомъ; такіе участки должны быть предоставлены въ пользованіе отдѣльныхъ группъ кибитковладѣльцевъ,

живущихъ смежно. Мѣра эта, надо полагать, послужитъ къ сохраненію земли отъ безпорядочной распахки, къ прекращенію ссоръ между хлѣбонашцами и скотоводами, а также и къ образованію осѣдлыхъ киргизскихъ пунктовъ. Для соображенія волостныхъ съездовъ выборныхъ, при отдѣленіи ими земельныхъ участковъ, я предполагаю сдѣлать имъ нѣкоторыя наставленія, которыя въ формѣ указаній, писанныхъ на киргизскомъ языкѣ, съ употребленіемъ русскаго алфавита, будутъ разосланы во все упомянутыя съезды. Народное здравіе въ уѣздѣ находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Судя по распросамъ, ни какихъ особенныхъ болѣзней нѣтъ ни на людяхъ, ни на животныхъ. Вообще говоря, зима нынѣшняго года весьма благоприятна для скотоводовъ, такъ какъ снѣгу въ уѣздѣ очень мало, почему тебеневка очень удобна. Запасы сѣна вездѣ имѣются въ достаточномъ количествѣ. Поэтому есть полная вѣроятность, что скотъ прозимуетъ благополучно.

Военный Губернаторъ Тургайской области, Генералъ-Маіоръ
Константиновичъ.

Примчаніе. Г. Константиновичъ очень усердно заботился объ образованіи киргизъ и объ устройствѣ киргизскихъ школъ. Посѣщая новооткрываемыя школы, обыкновенно въ сопровожденіи степныхъ властей и почетныхъ ордынцевъ, онъ обращался къ учителямъ крайне вѣжливо, одобрялъ и хвалилъ ихъ занятія и усѣхи учениковъ, вообще старался поставить новооткрываемыя школы и новыхъ учителей высоко во мнѣніи киргизъ. Переходъ Его Превосходительства изъ Тургайской области послужилъ немалой задержкой и для школъ киргизскихъ и особенно для введенія русскаго алфавита.

*) Киргизская учительская школа.

Д.

ПИСЬМА И БУМАГИ И. А. АЛТЫНСАРИНА.

1) къ Н. Я. Ильминскому¹⁾.*Николай Иванович!*

Изъ подарковъ, присланныхъ къ Вамъ Е. Степановной, я при проѣздѣ черезъ аула Айбасова къ Вамъ, забылъ двѣ ящичка сардинки и еще что-то бѣленькое, въ стеклянной посудѣ, которыхъ я Чулаку поручилъ и просилъ передать къ Вамъ. До сихъ поръ меня въ аулѣ Айбасова удерживало то, что Досъ мой сѣдлался боленъ, съ того времени какъ я его оставилъ здѣсь, и боленъ тяжело; даже наганулъ нашего съ Айбасовичемъ прѣзда, посадили при немъ одного мулла, который долженъ научить ему *иманъ*. По прѣзду моему три дня сряду пошла изъ носу его кровь, которая остановилась только вчера; изъ всего этаго онъ такъ слабъ, что не могъ двинуться съ мѣста, не могъ говорить и я очень боялся за него, но Богъ, надѣюсь, поможетъ, потому онъ сегодня немножко кушалъ мясо и пилъ лимонаду да черносливъ закусывалъ; такъ я сегодня же собираюсь на дорогу, потому Чулакъ уѣзжаетъ, мнѣ скучно, къ

¹⁾ Въ письмахъ 1860 годовъ соблюдены не совсѣмъ правильныи языкъ и не совсѣмъ твердая орфографія подлинниковъ. Въ 1870 годахъ Алтынсаринъ писалъ по-русски уже совершенно правильно.

тому же семейство Чулака большой безпокойтъ то и дѣло. Семейство Айбасова и самъ онъ такъ внимательны моему теперь болному Досу, такъ хлопочутъ объ немъ, что не знаю какъ и благодарить ихъ; для его же спокойствія Чулакъ даетъ мнѣ до Оренбурга повозку свою. У Доса же теперь, я думаю, болѣзнь прошла, но онъ слабъ еще, такъ въ Оренбургѣ все пройдетъ, его слабость лекаръ подкрѣпить чѣмъ нибудь.

Больше писать ничего не имѣю, изъ Оренбурга вѣстей никакихъ нѣтъ. Самъ я потосѣлъ страшно, потому въ день раза три обѣдаешъ, иногда совершенно по неволѣ. Будьте здоровы Николай Ивановичъ, желаю Вамъ счастливаго пути.

Вашъ Алтынсаринъ.

22 Юля 1860 г.

Доброежелательныйиий Николай Иванович!

Когда къ вечеру 15 числа, полна киргизовъ-гостей у себя, я съ султаномъ Сейдалинымъ 2-мъ бесѣдовалъ и слушали ибнѣ однаго киргизскаго молодца, казакъ входитъ съ разносной книгой въ рукахъ; я же, съ мыслию итъ ли какихъ-либо писемъ изъ Оренбурга отъ моихъ товарищей и отъ Васъ, поспѣшно протянулъ руки казаку, который тотчасъ вручилъ мнѣ книгу, въ которомъ вижу, къ негодванію моему, конвертъ казенный. Съ какимъ то сѣщеннымъ и отвлеченнымъ сердцемъ бросилъ пакетъ на столъ и подписавшись въ книгу о полученіи, преравнодушно принялся опять слушать ибнѣ. На другой уже день распечаталъ конвертъ и Боже, какое диво—вижу Вашъ почеркъ и первое бросились въ глаза начальныя слова: „душа моя, Ибрашъ.“ Я былъ тутъ, повѣрьте, внѣ радости и съ такою жадностью началъ читать... Право, я, проводивши нѣсколько почтоприходящихъ дней безъ всякаго извѣстія, совершенно было пересталъ

ожидать письмо от кого-либо из Оренбурга и Ваше письмо было для меня большим сюрпризом.

Благодарю миллионъ, сакселонъ разъ за Ваше расположение и наставленія, чрезъ посредства которыхъ я много приобрѣлъ для себя полезное и которымъ буду дорожить больше всего на свѣтѣ— до могилы. Товарища я для себя не нашелъ, народъ казачій, безтолковый и клязунный; съ самаго пріѣзда моего въ Укрепленіе я зрителемъ однихъ неприяностей, подлостей, клязвовъ; но меня сколько-бы не втерли въ нихъ, Богъ до сихъ поръ спасаетъ. Училища здѣсь нѣтъ, ея не будетъ до слѣдующей весны. Я формально просилъ Барона, чтобы онъ отвелъ квартиру какую нибудь для обучающагося до осуществленія школы, чтобы не осытить (остудить) на первое время горячихъ желаній здѣшнихъ киргизовъ отдавать мнѣ для обученія дѣтей своихъ, но къ сожалѣнію просьба моя не имѣла отъ Барона хорошаго результата: по этому я здѣсь въ своемъ уютномъ комнатѣ долженъ просидѣть безъ дѣла до весны, впрочемъ у меня теперь трое учениковъ, которые живутъ со мною вмѣстѣ. Киргизами я принятъ простертыми руками и желателѣе давать дѣтей въ училище безчисленное множество. Что касается собственно до меня, то я здѣсь мало скучаю; хандра исчезаетъ постепенно, потому я заставляю себя, по вашему совѣту, держаться иначе... чѣмъ поздравляю Васъ и можете поздравить меня въ слѣдующемъ письмѣ.

Теперь ѣду въ Троицкъ съ Тлеумъ; со мною вся молодежь Восточной части и право не скучно, они меня любятъ. У Сей-далина дѣло окончилось вчера. Такъ прощайте, а меня не забывайте, пишите писмо. Вашъ Ибрагъ.

Николай Ивановичъ! пишите писма. Если найду что любопытное въ степи въ настоящемъ моемъ побѣдѣ, то все пришлю къ Вамъ.

Екатерины Степановны мое низжайшее почтение и поклонъ, поклонъ. Товарищамъ моимъ не кланяйтесь, они не люди а скоты.— Это имъ передайте.

Я, или зимою или весною, непременно поѣду опять Васъ хоть разъ видѣть—непрѣменно!

18 Ноября 1860 года.

Что Вы, Николай Ивановичъ, никогда не пишете? Хотя бы для развлеченія что нибудь написали. Вамъ вѣдь, Николай Ивановичъ, известно, что скучака Вашъ, вѣсто предполагаемыхъ удовольствій въ здѣшней странѣ, попался въ берлогу медвѣдью, откуда нельзя бывало даже показать носу къ свѣту Божьему; впрочемъ и за то благодаренъ Богу, что Онъ не передалъ меня еще до сихъ поръ въ когти или бѣлаго или черного медвѣда. Теперь только воздухъ на нашемъ укреплении, становится тише и чище, потому Краманенковъ выезъ съ собой на обратной путь не малое количество вонюхъ клязвъ и нечистотъ изъ нашего укрепления, на представленіе ихъ къ главамъ. Съ киргизами мнѣ здѣсь просто раздолье конечно, но мнѣ теперь чувствуется необходимость Русскаго общества, въ кругу которыхъ я продолжалъ бы практиковаться Русскимъ языкомъ, чтобы не забыть что и зналъ; а общества-то у насъ нѣту, господа другъ на друга смотрятъ какъ волкъ на волка, когда эти послѣдніе между собою поссорились. Киргизы на меня имѣютъ много надежды; въ особенности изъ нихъ почетные, предъявляя мнѣ свои намѣренія отдавать своихъ дѣтей въ заведеніе, покорнѣйше просить меня научать ихъ дѣтей всего прежде государ-

ственнымъ законамъ, вѣрно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ изъ нихъ вывести законниковъ, слѣдовательно кляузниковъ. Вотъ куда у нихъ глаза глядятъ. Я имъ пока ничего на это не говорю. Что мнѣ имъ обѣщать, если бы я и съ ними былъ согласенъ въ томъ, когда ни одной статьи закона никогда не прочиталъ и ничего не смыслю въ законѣхъ? Все это превосходно! но вотъ въ чемъ бѣда-то: мать, бабушка, тетушка и проч. проч. такъ надоѣли разными жалобами и такъ хозяйство у меня разстраивается, что не знаю чего и дѣлать... (Сами знаете, что довѣрять хозяйство работникамъ нельзя: у нихъ одно желаніе дослужить до опредѣленнаго времени и получить платы за службу, а тамъ нѣтъ имъ заботы—хоть трава не расти... Что имъ напрасно обременять себя чужими работами, когда можно и безъ того обойтись и все таки получать платы,—ходить за скотами, заботиться объ нихъ, сѣно положить, цопгъ и?.. Вотъ за работниками-то смотрѣть нужно такого человѣка, который бы все гналъ ихъ по затылку то тамъ, то сямъ;—вотъ эта-то обязанность лежала надо мной.) Я-же отъ своей глупости, или вѣрише предавался своимъ пустымъ фантазіямъ, мечтаніямъ, увлеченіямъ, оставилъ ее, чортъ знаетъ чего ница. Я полагался на родственниковъ, но выходить что своя рубашка къ тѣлу ближе. Между тѣмъ я забылъ о своемъ первомъ долгѣ, что принимая такое семейство въ свое попеченіе, долженъ прежде всего стараться обезпечить ихъ. Начала-же на меня страсть, чтобы научиться Русскому языку и потомъ и т. д.—но и назначиться учителемъ, когда я самъ чуть чуть знаю Русскій языкъ и теперь, какую-же я наконецъ сдѣлаю добро своимъ соотичамъ, когда нѣтъ никакого средства къ ученію, а безъ разныхъ руководителей я самъ не знаю въ какую сторону идти. Пренебрегая всѣми недостатками, самому, своимъ знаніемъ все дѣлать не

по моей головѣ. Положимъ, что и приплюютъ нѣсколько книгъ, да все будетъ не то. Словъ книгъ тѣхъ, сочиненныхъ для русскихъ дѣтей, не скоро положишь въ голову дикарченковъ, которые ничего не знаютъ; тѣмъ болѣе мнѣ, одному человѣку, безъ помощника, безъ руководителя,—трудненько! Для практики дѣтямъ, здѣсь общество вонъ какое, да если-бы прибыло другое, болѣе благовидное общество, и то на практику нельзя надѣяться, потому кругомъ киргизы, съ которыми и будутъ все толковать, а съ Русскими стануть поговорить только тогда, когда ихъ заставишь, изъ сего пользы очень мало будетъ; а все таки какъ не поворотнишь, этаго не избѣгнуй. Спрашивается, какая изъ того польза, если я выучу ихъ переписать что нибудь, самъ не умѣя сочинять; читать не понимая, и выговорить такія однократныя слова, какъ напр. да, нѣтъ, собака, пестъ,—по словарямъ; научу наизусть формальныя фразы, какъ наприм. по предписанію Областнаго Правленія за № такимъ-то, по переводамъ. Знаяши только два три словъ русскихъ, не вынеся съ собой изъ ученія въ школѣ ни порядочнаго образованія, ни хорошаго понятія, они гордо выступаютъ въ стѣну и показывая себя многознающимъ человѣкомъ, больше законниковъ, въ чемъ не будутъ сомнѣваться киргизы,—они употребятъ во зло свое маленькое знаніе—станутъ безжалостными обидчиками киргизовъ-же. Еще вотъ въ чемъ бѣда: по положеніямъ, родители воспитанниковъ возыны на той недѣлѣ отдавать сына въ школу, а на этой недѣлѣ, если ужъ раздумали, обратно къ себѣ взять. Что же изъ этаго выходить? Выходитъ то, что, если случится мнѣ сегодня позадориться—наказать какого нибудь мальчишка за лалость, то завтра, при удобномъ случаѣ, онъ убѣжитъ къ родителямъ; по прибытіи его къ нимъ, родители, сожалья горькую судьбу сына ихъ у меня, оставляютъ милого у себя, меня поряд-

комъ конечно обругавши. Такимъ образомъ въ теченіе этого мѣсяца у меня будетъ 10, положимъ, учениковъ, а на томъ мѣсяцѣ никого нѣтъ. Конечно, я не столько золъ, чтобы быть любителемъ наказывать, но иногда нельзя бываетъ и не унимать дѣтей отъ шалости, допускаяши до которой можно испортить у дѣтей нравственность хорошую; но киргизы поймутъ ли все это?

Наконецъ, если бы начальникъ укрепления болѣе обращалъ вниманія на школу, старался на скорѣйшее устройство ея,—и это много значило бы, но они на эту вещь смотрятъ сквозь пальцы.

По всемъ этимъ причинамъ, болѣе потому, что хозяйство разстраивается у меня, я Льву Николаевичу написалъ письмо, въ которомъ просилъ ихъ уволить меня отъ этой должности и назначить, если можно, на службу въ Стену, гдѣ я, исполняя обязанность службы, привелъ бы въ порядокъ и хозяйство. Вы, Николай Ивановичъ, поговорите, если Вамъ не неловко и не обременительно, со Львомъ Николаевичемъ и скажите Алексѣю Александровичу,—авось не помогутъ-ли люди добрые. Еще, нельзя-ли послѣ того меня увѣдомить объ ихъ мысляхъ на этотъ предметъ.

Ваше письмо, Николай Ивановичъ, вездѣ со мной и въ Стену и въ укрепленіи;—оно единственное чтеніе мое въ такое время. Здѣсь я охотникомъ сталъ: въ теченіе недѣльной охоты на озерѣ Акъ-кулъ я, съ помощію киргизъ, убилъ восемь свиной дикихъ, одного секача, а трехъ поросятъ за-живо поймалъ, которыхъ дарю Барону и господамъ. Однимъ словомъ я имъ *сугумъ, кунджъ - аши* притаскиваю. Здѣсь кабановъ страшно много. Зимы на Тургаѣ, можно сказать, нѣту. Больше не о чемъ; да, Бухарскій Ханъ-Ватгаръ померъ, на мѣсто его на престолѣ

теперь сидитъ сынъ его Музаффаръ. Изъ форта извѣстіе получено.

Примите отъ меня, Е. С., пжайшее почтеніе.

Алексѣю Александровичу и его доброму семейству миллионъ почтеній, тысячу поклоновъ передайте.

Пишетъ преданнѣйшій ученикъ Вашъ Ибрай.

Генваря 19. Укр. Оренбургское.

Добрыйшій Николай Ивановичъ!

Встрѣтившись въ аулѣ Султана Сулеймана съ Г. Бабиннымъ и узнавъ отъ него объ Васѣ, искренно обрадовался. Что Вы Николай Ивановичъ! Вы хотите или ужъ рѣшено Вамъ оставить нашихъ предѣловъ? Поздравляю Васъ съ новою должностію!—больше не сыщу словъ на это Вамъ что-либо говорить.

Я, съ самаго прѣзда въ Укрепленіе, веду жизнь по одному правилу: много ѣмъ, много сплю и мало думаю. Дѣла мнѣ мало, часто развѣзжаю по киргизскимъ ауламъ. Головой нашимъ вѣсто Менгдена Яковлевъ, капитанъ корпуса топографовъ. Укрепленіе все тотъ же, однообразное, беззаботное, тупое. Недавно только воротился я изъ аула своего, гдѣ, по прибытію, много нашелъ непріятнаго для моего и безъ того раздробленнаго мозга; однако все улучилось (улучилось) благодаря помощи нѣкоторыхъ благодушныхъ лицъ. По семейнымъ обстоятельствамъ, отъ 8 Августа прислалъ Генералу докладную записку о переводѣ меня въ Стену,—не знаю что будетъ и когда получу нетерпѣливо-ожидаемую мною резолюцію.

Бабинъ говоритъ, что у него есть посылка, посланная Вами ко мнѣ. За нее благодарю душевно и вскорѣ послѣ полученія ея опять увѣдомлю письмомъ. Давнымъ давно не писалъ Вамъ.

Нечего и говорить, что я виноватъ въ этомъ предъ Вами. Развѣ Богъ, по своей Божеской милости внушить Вамъ снисходительность въ отношеніи ко мнѣ. Глупая лѣнь овладѣваетъ мною. Можете бранить меня, имѣете на то полное право; но только пожалуйста не сердитесь! Я не забылъ Васъ,—помню столько, сколько благодарный сынъ можетъ помнить отца или брата,—даже нахожу утѣшеніе и отраду въ воспоминаніи объ Васъ. Повѣрьте этому.

Что Вамъ больше писать? Прочтите! Пришлите хоть маленький салымикъ на безчисленное почтеніе навѣки преданнаго къ Вамъ И. Алтынсарина.

30 Августа 1861 года.

Ставка Султана Сулеймана.

Дорогой нашъ Николай Ивановичъ!

Писали Вы давнымъ давно, но я Вамъ не отвѣчалъ по той причинѣ, что не нахожу о чемъ и писать. О себѣ писать нечего, потому Вы сами безъ всякихъ объясненій знаете все. Дни мои текутъ покойно, не скучно. Четыре учениковъ пишу у себя—ими и занимаюсь. Самоучитель русскаго языка для киргизовъ—ихъ наставникъ, вполне достигающій той доброй дѣли, которую Вы имѣли при сочиненіи оя. Въ Самоучитель, въ особенности, порядокъ постепеннаго изученія дѣтей Русскому языку—изложенъ превосходно! Мы, понимающіе по крайней мѣрѣ всю выгоду знанія киргизами Русскаго языка, всецѣляемъ къ Вамъ искреннее спасибо. Правда, есть нѣкоторые ошибки въ киргизскомъ переводѣ, но онѣ ничего не значутъ при толковомъ разъясненіи дѣтямъ преподавателя. Присланныхъ Вами ко мнѣ для продажи восемь книгъ я распродалъ давно, но въ послѣдкѣ къ Вамъ этихъ

денегъ я затрудняюсь, потому не знаю еще положительно, гдѣ Вы находитесь.

Давно я просился, уже формально, въ Стень, къ Тоболу, къ родной мнѣ землѣ; но что то не сочувствуютъ моему горю и все еще не выпускаютъ изъ укрепенія, съ которымъ я разстался бы не со слезами на глазахъ, не было-бы мнѣ ни то-скиво, ни тяжело при прощаніи, а просто съ сіяющимъ, радостнымъ лицомъ выхъать готовъ.—Благодарю Васъ не по свѣтски, а душевно за все Ваши добрые братскіе совѣты относительно избиранія мнѣ мѣста для служенія. Что Вы пишете—всегда справедливо и всегда совѣтъ Вашъ мнѣ по душѣ; но я теперь неблагодарно отказываюсь отъ того, что Вы совѣтуете, благодѣтель мой. Не говоря о многомъ, а только скажу Вамъ, что мнѣ не возможно добиваться учености и выбирать себѣ общество по душѣ. Киргизъ народъ простой, безъ искусствъ, но мы и въ простотѣ много находимъ добраго. Печатныя слова нѣкоторыхъ умнѣвшихъ, что киргизъ—золотырикъ, киргизъ—кровожадець, остаются навсегда только безжизненнымъ печатнымъ словомъ; а Вы, три года скитавшіеся по ордынекой Стени, я увѣренъ что скажете: киргизъ народъ смѣтливый, умный, способный, но необразованный. Объ образованіи киргизовъ начальство такъ заботится, что предпочитаютъ лучше красить крыши и безъ того красныя, бѣлить стѣны и безъ того бѣлыя, нежели приступить къ постройкѣ училищъ при укрепеніяхъ. Но Богъ съ ними! Мнѣ-ли критиковать начальства?

Въ жизни челоуѣка главный вопросъ въ томъ: какъ, гдѣ жить? Вопросъ этотъ долго не могъ получить положительнаго отвѣта отъ моего бродячаго ума. Теперь думаю, что дома будетъ мнѣ лучше. Непонятная и самому себѣ нападаетъ на меня хандра, хандра жестокая, потрясающая душу и тѣло, ярко какъ-то пред-

ставляющая—Боже-мой!—все ничтожество нашей бѣдной жизни. Мнѣ думается, что всякое удовольствіе и счастье пріятіе, и наоборотъ,—всякое горе и даже сама матушка-смерть должна быть легче около мѣста жизни и могилъ отцовъ и пращуровъ, около родной семьи. Надѣюсь даже, что родевенная любовь свяжетъ меня и быть можетъ исчезнетъ такъ безжалостно давящая грудь мою мучающая тоска. Наконецъ чего-же я ищу, что хочу сдѣлать послѣ утоления жажды своей къ познаніямъ? Есть-ли какой-либо существенной цѣли, цѣли важной для того, чтобы рѣшиться за нею оставить на волю судьбы даже свое семейство, отказаться отъ исполненія самыхъ главныхъ, самыхъ неотступныхъ долговъ своихъ, по человечеству на меня лежащихъ? Кажется, не имѣю никакого разсчета. Мнѣ становится и горько и смѣшно, когда сравниваю себя съ пожилою, постоянно плачущею женщиной, всегда жалуемой на безжалостіе судьбы, которая для нея ничего еще особеннаго не сдѣлала, и тѣмъ удѣломъ, которымъ ее одарилъ Богъ, другіе живутъ покойно и счастливо. Въ настоящемъ положеніи моемъ, если Богъ мнѣ поможетъ и если достанетъ у меня духа, полезенъ быть могу, болѣе или менѣе, для киргизъ, а для другихъ націй народовъ конечно ничего не значу. Вы пишете, справедливо впрочемъ, что бабушки будутъ ворчать и путать меня на каждомъ шагѣ. Это правда, потому что ворчливость какъ-бы въ натурѣ у большей части старушекъ, въ особенностяхи у тѣхъ изъ нихъ, которыя испытывали горя; но на долго-ли гнѣвъ ихъ къ родному, единственному сыну и внуку можетъ продолжаться? Гнѣвъ, не онъ, Николай Ивановичъ, какъ Вы полагаете, причиной путаницы въ хозяйствѣ моемъ, а я—непостоянство и нерадѣніе мое. Но оставимъ объ этомъ.

Вы упоминаете въ одномъ письмѣ, что письма мои показывали Вы многимъ и что они меня хвалятъ! Добрый Николай Ивановичъ! что мнѣ пользы изъ ихъ хвалы!..

Я набралъ кое-чего и все еще набираю изъ древностей киргизскихъ, которыхъ въ свое время пошлю къ Вамъ. Меня теперь болѣе занимаютъ разные обычаи киргизовъ, недели Уракъ Мамай и проч., не общающія для Васъ ничего занимательнаго. Впрочемъ, если представится случай, то и ихъ напишу и отошлю къ Вамъ.

Яковъ Петровичъ, мой начальникъ, Вамъ кланяется, а также Д. П. Яковлева проситъ меня передать Вамъ и Е. С. ихъ нижайшее почтеніе.

Весь Вашъ, Алтынсаринъ.

26 Января 1862 г.
Оренбургское укрепленіе.

Примите, Екатерина Степановна, мое глубочайшее почтеніе. Благодарю Васъ за нѣсколько строкъ, написанныхъ Вашею рукою въ письмѣ Николая Ивановича и за память и участіе ко мнѣ. Письмо это послала въ Казань, полагая что Вы теперь должны быть въ Казани, но если Васъ нѣтъ еще тамъ, то пропало навѣрно письмо мое! Если дѣйствительно перешли уже въ Казань, то поздравляю Васъ съ новосельемъ и желаю всего лучшаго Вамъ на свѣтѣ. Николай Ивановичъ забывчивъ, Екатерина Степановна. Когда Вамъ придетъ на мысль, то напомните, пожалуйста, имъ обо мнѣ—авось напишутъ тогда мнѣ письмо, которое я жду съ каждой почтой...

○ *Дорогой Николай Ивановичъ!*

Ваше сочиненіе *Матеріаль** мною прочитанъ. По моему мнѣнію и по мнѣнію самыхъ ордынцевъ онъ составленъ отлично. Ошибокъ

*) Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія

разительных не мог найти ни в переводѣ, ни в самых выраженіяхъ словъ. Если и встрѣчались малыя крошечныя опшибочки, то на нихъ укажу Вамъ тогда, когда, дастъ Господь, къ Августу мѣсяцу приѣду въ Казань. Мой товарищъ и ученикъ Даурбекъ съ особенною любовью смотритъ на Таргинскій мѣръ и все проговаривался по-русски: какъ отлично начеатано! На киргизскомъ языкѣ никогда никакая книжка еще не выходила въ свѣтъ печатанною; потому-то и странно и пріятно стало киргизамъ, когда въ первый разъ увидѣли свое нарѣчіе печатаннымъ. Вы только первый человѣкъ, который на киргизовъ смотреть съ вѣрной точки, Вы и хотите ордынцевъ представлять предъ глазами свѣта въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ сущности. Истинно пора ужъ было хоть одному доброму человѣку обратить достойное вниманіе на Орду, всѣми почти брошенную доселѣ, и называемую въ описаніяхъ только колотыршиками, дикарями и проч. и проч. Положимъ, что киргизъ—дикарь, но нужно же было хоть одному изъ ищущихъ умныхъ людей вымолвить доброе словечко о тѣхъ мѣрахъ, которые могли-бы поправлять у нихъ дѣйствительно незавидный бытъ, да и направлять киргизъ къ правильному понятію общечеловѣческой жизни. Вида Ваши, какъ видно изъ письма, хлопоты о киргизахъ, у меня душа радуется. Хлопочите Николай Ивановичъ, хлопочите ради добра, ради бѣлизны сакаловъ нашей старины и жась кокрекъ жась тлеуевъ бозъ-балы. Если не теперь, то лѣтъ чрезъ двадцать, чрезъ пятнадцать найдутся люди, которые поблагодарятъ, помолются за Васъ Богу.

На вѣрность своихъ мнѣній о какомъ-либо предметѣ я никогда не осмѣливался надѣяться, но прочитавши Вамѣ письмо нашель въ немъ нѣсколько сходящихъ съ моими мнѣніями Ваши мысли, и я тѣшу себя этою сходностію. Вы въ большомъ раз-

ладѣ съ татаризмомъ, портиющимъ природный языкъ киргизскій, а я давно претендовалъ на него. Мнѣ кажется однакоже, что не мѣшаетъ принять въ киргизскія писмена нѣкоторыхъ персидскихъ либо арабскихъ словъ, когда въ настоящемъ киргизскомъ языкѣ не находимъ нужнаго слова. Въ этомъ убѣжденіи я употребляю ихъ въ нѣкоторыхъ киргизскихъ писменахъ своихъ. Муллы, кромѣ особеннаго свойства набивать человѣческихъ головъ песками, портятъ и языкъ природный. Въ нашей странѣ муллинская порода распространяется въ большихъ размѣрахъ и ихъ выживать изъ Орды нѣтъ никакой возможности, потому что всякое прикосновеніе муллинской чести тотчасъ-же сдѣлаетъ кафромъ ордынскаго начальства*). Если-бы Богу угодно было такъ, чтобы я побылъ въ Казани, то я, съ Вашимъ содѣйствіемъ, перевелъ бы на чисто киргизскій языкъ что-нибудь изъ естественной исторіи. Дѣтскій Мѣръ мнѣ очень понравился тѣмъ, что въ ней весьма много статей годныхъ именно къ преподаваемому мною переводу. Всѣ татарско-арабско-персидскія книги, преподаваемые муллами, ведутъ человѣка къ отступленію отъ всякаго здраваго разсудка, а для киргизъ, какъ и для всякаго рода людей, надобны такія книги, которые, на понятномъ для нихъ языкѣ, наводили бы именно на умъ и мысли при чтеніи. Собранный съ духомъ, я попробую перевести какую-нибудь статью изъ Дѣтскаго Мира и пошлю къ Вамъ на показъ, если останусь еще живъ.

Послѣ писанія послѣдняго письма къ Вамъ чрезъ нѣсколько дней я сильно заболѣлъ и болѣзнь эта продолжается до сихъ поръ. Хотѣлось было прислать къ Вамъ одну тетрадку и то не уда-

*) Т. е. ордынское начальство стало бы въ глазахъ киргизовъ кафромъ, невѣрнымъ, если бы коснулось чести муллы.

лось. Богъ милостивъ—выздорѣю скоро и буду употреблять всю силу свою для того, чтобы прѣѣхать въ Казань!

Екатерина Степановна! примите отъ меня почтеніе и поклонъ.

Преданный Вашъ И. Алтынсаринъ.

1862 г.

Добрѣйшій Алексѣй Александровичъ!

и Наталія Моисеевна!

Простите моей нерѣшительности, если я ли разу не писалъ Вамъ письма съ самаго прѣѣзденія своего въ Оренбургское Укреплѣніе. Это происходило болѣе отъ того, что я весьма скромнаго понятія о себѣ, чтобы рѣшиться имѣть какъ-будто переписку съ Вами. Простите и той смѣлости, если я теперь рѣшаюсь уведомить Васъ о себѣ и писать, хоть и съ грѣхомъ по поламъ, нѣсколько строкъ.

Нечего Вамъ и говорить, какъ я провелъ прошлую зиму и какъ идетъ здѣсь моя жизнь—это чуть-ли Вамъ не извѣстно. Только скажу, что вмѣсто предполагаемыхъ мною здѣсь удовольствій при оставленіи Оренбурга, я попалъ въ такое мятежное время Укрепленія, что не знаю, какими чудами осталась дѣла отъ неурядицъ моя головушка. Уединеніе, въ полномъ смыслѣ этого слова, предостереженія (осторожность) отъ всѣхъ и каждаго, силнѣе, несносная тоска были составителями жизни моей въ Оренбургскомъ Укрепленіи. Занимался бы чѣмъ нибудь по службѣ, дѣлъ никакихъ нѣтъ; чтеніемъ, книгъ нѣтъ; ученіемъ дѣтей киргизскихъ, школа не выстроена и средствъ къ тому никакихъ нѣтъ; просился наконецъ отъ 6-го Апрѣля въ отпускъ и этотъ что-то медлитъ;—не знаю что и дѣлать!—а жить въ Укрѣпленіи возможно только смышленымъ, мнѣ кажется. Одно

только удовольствіе бываетъ зимою, что постоянно находишь себѣ кругъ порядочныхъ киргизовъ, въ бесѣдахъ съ этими простыми, откровенными, болѣе честными, а иногда и забавными людьми всегда находишь себѣ удовольствіе. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ не то досадно, что веду здѣсь одинокую жизнь, она давнишній мой пріятель, и не то, что не имѣю никакого развлеченія, но то что приходится забывать все, что я успѣлъ себѣ пробрѣсти посредствомъ добрыхъ совѣтовъ умныхъ людей; къ тому же не имѣю никакого полезнаго занятія и бывши постоянно зрителемъ чортъ-знаетъ чего, грубѣютъ чувствованія, тупѣютъ мысли. Вы знаете, что я искалъ познанія, а теперь можете видѣть, что попалъ незнаю.

Все это Вамъ можетъ казаться обыкновенной хандрой моей. Правда я хандрю; но теперь о семействѣ, которое беспокоится о хозяйствѣ, разстраивающемся за отсутствіемъ моимъ. Я самъ сознаюсь, что и теперь не отвыкаю отъ обычныхъ своихъ мечтаній. Передо мной все правы, хорошо знавшіе меня хвалили, горе никакого не имѣя мнѣ все приходитъ пустая фантазія, что мнѣ и тѣсно и тяжело, что вокругъ меня горы несправедливостей. Что же будете дѣлать съ разстроеннымъ такимъ организмомъ?

Оставлю это. Послѣ долгаго ожиданія вчерашняго числа прибылъ къ намъ новый начальникъ Яковлевъ. Укрепленіе зашумѣло, встревожилось и опять обратилось въ обыкновенный свой мертвый сонъ. Яковъ Петровичъ передалъ мнѣ, что Вы обо мнѣ сдѣлали ему рекомендацію съ отличной стороны,—но какимъ бы образомъ выразить Вамъ свою искреннюю за то благодарность; при этомъ я много дорожу тѣмъ болѣе, что рекомендація Ваша доказываетъ Ваше хорошее мнѣніе обо мнѣ, не говоря уже о другихъ расчетахъ.

Николай Ивановичъ что поддѣлываетъ? Въ Оренбургѣ, я

слышать, что их гнѣтъ. Правда-ли то? Ахъ какъ бы я просилъ уведомить меня какъ объ Васъ самихъ, такъ о Николаѣ Ивановичѣ, если-бы былъ надежный какой-либо товарищъ.

Съ какою бы радостью я полетѣлъ теперь на родину—служить! Алексѣй Александровичъ! Если Вы захотите творить добро, то похлопочите о переводѣ меня въ Степь какимъ-либо начальникомъ отдѣленія: тамъ я устрою хозяйство, обезпечу семейство и буду покоенъ. Если мнѣ не поможетъ содѣйствіе какаго либо снисходительнаго человѣка, какъ Вы, то Вы отчасти знаете, что хлопотать много я вовсе не способенъ и быть можетъ, что останусь на произволь.

И такъ Алексѣй Александровичъ, прощайте! Извините мое маранье. Пишите что нибудь, если можно. Остаюсь навсегда преданный Вамъ слугой Алтысаринъ.

При отъѣздѣ прошлаго года изъ Оренбурга я не получалъ подъемныхъ денегъ, которыхъ и теперь не получаю. Зимю два раза писалъ рапортъ, но не знаю что тамъ дѣлается, а желаетъ бы знать.

6 Июня 1861 года.

Оренбургское Укрепленье.

Благодѣтель мой Николай Ивановичъ!

Получивъ письмо Ваше вчерашняго дня, сиюшу отвѣтить Вамъ сегодня же. Дѣйствительно душа моя поколебалась, но вовсе не отъ той причины, отъ которой Вы предполагали, а отъ того, что замѣтилъ изъ письма Вашъ не серьезный, а дружескій гнѣвъ на меня. Я вполнѣ понимаю, что Вы жалете меня душевно и не желаете, чтобы я, подавъ похвальное стремленіе свое къ познаніямъ, переворотилъ себя насильно въ ар-

гандскаго пастуха. Но если было, Николай Ивановичъ, мое глубокое стремленіе къ образованію себя, то безъ причинъ-ли важныхъ я намѣренъ поступить противъ своей воли. Жить съ Вами, какъ Вы писали, познакомиться съ добрыми людьми, расширить свои мысли и познанія—все это есть ежечасная мысль моя, которую представлялъ себѣ фантастически, но никогда не сбужающую на дѣлѣ. Теперь, когда отрывавтъ добродѣтели (вм. благодѣтели) путь къ тому самому воображаемому мною счастью, могу ли я еще быть прочь отъ этого всего.—Не подумайте, Николай Ивановичъ, что если я упомянулъ въ заглавіи этаго писанія о строгости Вашего письма, такъ остался тѣмъ недовольнымъ. Оказываемыя вами вниманія такому ничтожному созданію, каковъ я, вполнѣ приобрѣтають права попочительнѣйшаго брата, если ужъ не отца, и потому не сталъ бы я оставаться недовольнымъ, если бы даже тысячу разъ тукурсен¹⁾ на меня.—Въ настоящее время положеніе мое весьма смѣльное: **блай тартсам ѳгүз бледи, блай тартсам арба сыпады**²⁾ по киргизской пословицѣ, да потому и не мудрено будетъ, хотя бы дошелъ до акылдан адасууга³⁾. Но, пока, силою оставшейся еще во мнѣ способности понять снисходительность и доброту другихъ, благодарю Васъ за письмо и за книги при томъ присланныя. Я здѣсь, правда, лишень всего, одинокъ, лишень даже неразлучныхъ друзей своихъ—книгъ, а Вами посланныя они займутъ меня хоть на нѣсколько дней и пошевелятъ мой отупѣющій не во время умъ. Вы напоминаете обо мнѣ В. В. да Я. П., отъ

1) 2) 3) Эти киргизскія выраженія у Алтысарина написаны арабскими буквами. Въ переводѣ на русскій языкъ значатъ: 1—*хотя бы вы напавали*; 2—*такъ потяну телюгу, быкъ умретъ*; такъ потяну, телюга сломается; 3—*до сумасшествія*.

которых болѣе или менѣе, по роду службы, зависит моя судьба, и я душевно благодарю Васъ за то. Благодарю и Е. С., всегда не оставляющей меня, вовсе недостойнаго, своимъ вниманіемъ. Вы, Н. И., сами отложили прѣзда моего въ Казань до Августа мѣсяца, слѣдовательно торопиться мнѣ положительнымъ отвѣтомъ совершенно нечего. Нечего мнѣ распространяться и о томъ, что я приму всѣ мѣры къ поядкѣ въ Казань хоть на время.

Слѣдующей почтой напишу Вамъ о своихъ занятіяхъ. Пока прощайте.

Тотъ-же преданный Вамъ И. Алтынсаринъ.

27 Марта, 1862 г.

Добрыйшій Николай Ивановичъ!

Письмо Ваше отъ 24-го Октября прошлаго года я получилъ 15-го Марта 1864 года.

Долго мнѣ не вѣрилось, что получаю отъ Васъ письмо, послѣ такого грубаго поступка моего—долгаго молчанія. Я часто, очень часто въ нынѣшнемъ году собирался писать къ Вамъ, но не зналъ какъ начать письмо, какъ оправдываться отъ того, что я такъ долго молчалъ,—будто совсѣмъ Васъ позабылъ. Но я и при этомъ думалъ: вѣдь онъ добръ и доброта его поможетъ мнѣ—такъ и случилось!

Николай Ивановичъ! я по сіе время въ Оренбургскомъ укреплениі. О прошлыхъ двухъ, трехъ годахъ я промолчу, скажу о настоящемъ. 8-го Генваря совершилось давно ожидаемое мною открытіе школы, и поступили въ нее 14 киргизскихъ мальчиковъ, мальчиковъ славныхъ, смыслящихъ. Какъ голодный

волкъ за барана, взялся я горячо за ученіе дѣтей и къ крайнему моему удовольствію мальчики эти въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ выучились читать и даже писать по русски и по татарски. Методу ученія я занялъ у Васъ: учу имъ сперва названія предметовъ, исключительно слова, относящіяся къ имени существительному, потомъ названія качества предметовъ—имени прилагательнаго, потомъ соединеніемъ названія предметовъ съ ихъ качествами такъ: бѣлый человѣкъ и т. д., далѣе глаголы, а потомъ спряженія и склоненія словъ, родъ и число, далѣе примѣрными тому разговорными переводами изъ Самоучителя. Два воспитанника, прежніе еще мои питомцы, почти выучили уже эти правила, занимаются разговорными переводами и читаютъ Дѣтскій Миръ, изъ котораго также дѣлаютъ переводы. Когда воспитанники мои начнутъ невозможно говорить по русски, я смѣшаю съ ними и русскихъ мальчиковъ, дѣтей здѣшнихъ поселятъ, на что имѣю законное уже право. Словомъ надѣюсь, что эти молодцы, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, до окончанія курса, будутъ говорить порядочно и узнаютъ кое-что. Стараясь всѣми силами, чтобы подѣйствовать еще на ихъ нравственность, чтобы они впоследствии не были взяточниками. Посмѣйтесь надо мной, я иногда являюсь дѣтямъ, въ пустое отъ занятія время, официально мулдой и рассказываю что знаю изъ духовной исторіи, прибавляя къ тому и другіе полезные удобопонятные рассказы. Если Васъ не затруднитъ, то просилъ-бы выслать мнѣ пять-шесть Самоучителей и еще другихъ такихъ книгъ, которыя почтете для дѣтей полезными. За нихъ слѣдующая деньга я выслалъ бы по почтѣ не медля. Медленности въ высылкѣ денегъ не можетъ быть тѣмъ болѣе, что я книги эти отнесу на счетъ казны, а израсходованіе денегъ на эти принадлежности возложено на меня.

Служба здѣсь скверная; за разные труды мои нѣсколько разъ былъ представляемъ къ наградѣ, но не получаю ничего и — Богъ съ ними!

Мое постоянное стремленіе душевное клонилось тому, что бы непременно быть полезнымъ человѣкомъ, а теперь мысль, что достигая этого, утѣшеніе мнѣ во всемъ.

Изъ всего прописаннаго видите, что я теперь официально связанъ, и потому не могу пока ѣхать въ Петербургъ или въ Казань. — Я прошу Васъ какъ прежняго добраго Николая Ивановича, не забывайте только меня, а я давно имѣю намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ вырваться отсюда, хоть на время, и ѣхать въ Казань и я, если не попче, то на другой годъ-да непременно приѣду! непременно увижу Васъ, во что-бы то ни стало, при жизни и здоровіи. Мысль эта укоренилась во мнѣ и я думаю объ этомъ день и ночь. Желаніе мое искреннее, ни чѣмъ не марашное, Богъ долженъ его исполнить.

Весь весь весь Вашъ Ибраимъ.

Екатерина Степановна! Милліонъ разъ благодарю Васъ за Вашу память и вниманіе ко мнѣ. Зачѣмъ Вы забываете? Можетъ быть въ Казани, въ такомъ большомъ городѣ погода дрянная. Богъ Вамъ помочь, а насъ бѣдненькихъ все-таки не забывайте съ Николаемъ Ивановичемъ. Я вижу какъ теперь квартиру Вашу въ Оренбургѣ большую залу, гостиную и Николая Ивановича въ маленькомъ халатикѣ, около стола, толкующаго часовъ до 11-ти ночи съ Ибраимъ, а потомъ еще Николая Ивановича въ Западной части, въ кабинетѣ Айбасовича и верхомъ на знаменитомъ кобы. И такъ прочайте. Желаю Вамъ здоровья, души преданныхъ Вамъ И. Алтынсаринъ.

16 Марта 1864 г.

Укрѣпленіе О сибургское.

Добрѣйшій Николай Иванович!

Не прошло и одной недѣли съ того времени, какъ я написалъ къ Вамъ послѣднее письмо, а мнѣ что-то не терпится, хочется писать, и далъ себѣ слово чрезъ каждую почту писать — такъ меня толкнуло Ваше послѣднее письмо. Но на первыхъ-же строчкахъ я останавливаюсь и думаю, о чемъ бы писать? Жизнь наша здѣшняя такъ однообразна и такъ пуста, что не приберешь ни одного слова, чтобы объяснить о ней, кромѣ: „ничего-съ, живемъ-съ себѣ по маленьку“. Во главѣ здѣшняго маленькаго общества господъ, стоитъ простой и добрый Яковъ Петровичъ, въ чинѣ майора и кавалеръ. Онъ часто вспоминаетъ о томъ, что онъ майоръ, и дѣлаетъ сообразно своему достоинству капризы, но мы безропотно склоняемъ предъ нимъ голову, и тогда онъ спокоенъ. Вотъ четверугольное зданіе съ открытою передней, заваленной разными инструментами: съносными, пахотными и разными другими вещами. Далѣе зала, длиною въ три съ половиною сажени, уставленная столомъ, стульями и скамейками, которыя кое-какъ выкрашены черною, желтою и красною — какая пошла — краской. Стѣны тщательно выблены бѣлою глиною. По угламъ образа великихъ размѣровъ, а противъ двери залы стоитъ портретъ Государя. Посреди всей этой роскоши рисуется молодой лекаръ „высокихъ познаній“, и вхожу почтительнѣйше, кланяюсь майору и его собесѣднику и первый подаетъ снисходительно мнѣ руку майоръ. Входитъ въ залу казачій офицеръ, съ шанкой чрезъ плечо и рапортуетъ майору о благополучіи укрѣпленія. Почтительнѣйше или съ гордымъ хладнокровіемъ, принимаетъ майоръ отъ него рапортъ и приглашаетъ его сѣсть. Онъ усѣлся и я, вставъ съ мѣста, смиренно подхожу къ нему и сяду около него. Молча мы смотримъ

на двух аристократов и слушаем их внимательно, если что-нибудь говорят. Ну, а что, мирза, в карты что-ли играть? Я молчу. Ну, что? и меня тащутъ къ столу, поданы карты, игра идетъ. Послѣ двухъ или даже одного роберта мнѣ игра безъ желанія надоѣсть, и я наконецъ начинаю досадовать, что пришелъ къ маіору, далѣе начинаю ошибаться. Если партнеръ мой Яковъ Петровичъ, онъ обѣится, выходитъ изъ себя. Наконецъ вырвется у меня слово: зачѣмъ-же меня заставлять играть, когда положительно знаете, что я не хорошо играю. Маіоръ разсердился, игра кое-какъ оканчивается, и мы разошлись. Черезъ два дня опять увидимся и опять заставляють... Вывають у насъ т. е. у маіора обѣды и грустьѣ, какъ при нихъ, я никогда не провожу времени. Тутъ и дамы, одна изъ которыхъ толкуеть о покойникѣ Церовекомъ, какъ она съ нимъ разъ сидѣла и проч., другая, кажется, о свойствахъ грудной болѣзни, третья—писарша или коновальна, масляно улыбаются и слушаютъ другихъ. Наконецъ: господа, прошу закусить! чинно, по порядку, одинъ за другимъ типемя къ столу, выпили—такъ по мѣстамъ. Наѣвшись по неволѣ и досыта, я вздохну свободнѣе, когда выхожу на дворъ и отправляюсь домой, гдѣ ждетъ меня бѣдная кроватька и отрадный халатъ. Вечеромъ выходимъ на свѣтъ Божій и смотришь и туда и сюда—одна степь и степь безконечная представляется глазамъ. Ни гдѣ ни тросточки, ни травы, кромѣ черной полыни. Невольно останавливаешься, присядешь куда попало, и смотря на ровное теченіе Тургай, невольно скажешь: что за жизнь, и не ужели вся она такъ пройдетъ! Начинаешь или усиливаешься представлять себѣ все отрадное изъ прошлаго, и въ моемъ безцвѣтномъ, тѣсненкомъ прошедшемъ, является образъ Николая Ивановича и его добраго семейства, улыбающимся и радужнымъ видомъ. Тихій вѣтерокъ пробирается въ тѣло и въ душу, ожив-

ляетъ и развиваетъ ихъ. Я долго думаю, долго сижу тамъ, наконецъ поздно прихожу домой. Вотъ мое житіе, если Вы, по прежнему, желали-бы посмотрѣть и видѣть меня вблизи.

По долгу службы я имѣю частое столкновеніе съ киргизами, изъ числа коихъ есть здѣсь и родные мои. Знаю объ нихъ очень много и очень многихъ отъ души ненавижу. Въ тайной немилости моей находятся должностныя лица въ Ордѣ. Они безчеловѣчно, безсовѣстно грабятъ и обирають киргизъ—бѣдныхъ, беззащитныхъ (барановъ,) безъ сопротивленія отдающихся въ жертву волкамъ; не мое дѣло, но горько и очень горько мнѣ дѣлается, когда я посмотрю на нихъ. Одинъ изъ сильнѣйшихъ мошенниковъ въ Ордѣ, въ десять лѣтъ достигшій до богатства миллионера, не имѣя до этого времени рѣшительно ничего,—защитилъ мое несочувствіе къ ихъ дѣламъ, а такого рода человѣкъ имъ нестерпимъ; поэтому всячески старается выжить меня отсюда, но пока этого не достигъ, но можетъ быть, кто знаетъ, и достигнетъ такого желанія, но я, не смотря на все это, остаюсь все-таки спокойнымъ въ душѣ. Изъ среды киргизъ я выбралъ нѣсколько молодчиковъ, съ которыми я очень друженъ и иногда провожу время свободно съ ними—въ беззаботной болтовнѣ. Да! имѣю я еще одного пріятеля изъ русскихъ, молодой сотникъ, окончившій курсъ въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ очень добрый и хороній человѣкъ, но такой-же скукача, каковъ и я.

О поѣздѣ въ Казань я пока ничего не думаю, въ ожиданіи въ укрѣпленіе помощника управляющаго Областію, который долженъ быть въ Іюль здѣсь, и съ которымъ намѣренъ я переговорить о поѣздѣ въ Казань. Придумываю уважительныя причины, чтобы представлять помощнику, но что-то въ душѣ увѣрять, что мнѣ откажутъ. Я если поѣду, такъ поѣду на время, на три мѣсяца, пользуясь отпускнымъ временемъ воспитанниковъ.

Ранѣе двухъ лѣтъ просить совершеннаго увольненія отъ должности не смѣю, если не будетъ особенно важныхъ перемѣнъ въ моемъ положеніи. Приѣду-ли или нѣтъ въ этомъ году, Вы не забывайте насъ, Николай Ивановичъ, и не наказывайте безотвѣтностію. Мои письма не могутъ быть интересными Вамъ, какъ Ваши мнѣ, потому что мое предъ Вами изъ тысячи разныхъ писемъ одно, а Ваше ко мнѣ единственное, занимающее и утѣшающее меня. Затѣмъ будьте здоровы. Прощайте.

Екатеришъ Степановиъ желаю быть здоровымъ и дожить до старческихъ, горбатыхъ вѣковъ, вмѣстѣ и неразлучно съ Николаемъ Ивановичемъ.

Похлопочите ради Бога, Николай Ивановичъ, о высылкѣ Самоучителей сколько можете, и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, хоть Дѣтскій Миръ, кромѣ того нѣтъ-ли какихъ краткихъ Исторій— Всеобщей.

Вашъ на вѣки и душой тѣломъ преданный
Алтынсаринъ.

14 Апрѣля 1864 года.

Милостивый Государь, Николай Ивановичъ!

Последнее письмо Ваше я получилъ недавно, по случаю нахожденія моего въ двухмѣсячномъ отпуску. Въ письмѣ Вашемъ между прочимъ выражена мысль относительно введенія въ Орду русскаго алфавита. Мысль безспорно полезная, но приведеніе ея въ исполненіе, мнѣ кажется, встрѣтитъ большія затрудненія. Я не думаю, чтобы употребленіе русскаго алфавита въ русскіхъ школахъ, учрежденныхъ для киргизскихъ дѣтей (куда киргизы съ тѣмъ и отдають дѣтей, чтобы обучать русскому языку и грамотѣ) произвело какой-либо шумъ и сомнѣнія въ Ордѣ, какъ

нѣкоторые полагають; но дѣло въ томъ, что книги, писанныя русскими буквами, не привьются къ киргизамъ такъ легко и скоро, какъ можно бы предположить. Отчасти фанатизмъ, отчасти непривычка и незнакомость (русской) грамоты, да живое еще вліяніе татарской грамотности, все эти отчасти, взятія въ совокупности, сдѣлають то, что книги, издаваемые для общаго чтенія, такъ и останутся въ одиѣхъ школахъ, не выходя изъ ея предѣловъ. Надежды на учениковъ или кончившихъ курсъ вообще въ училищахъ, что они постараются растолковать ордынцамъ о содержаніи учебниковъ, мало, потому что извѣстно, что большая часть окончившихъ курсъ (можетъ быть и все) какъ только избавятся отъ школы, бросають учебники какъ тяготившую ихъ ношу и болѣе объ нихъ не воспоминають. Между тѣмъ, для книгъ же, писанныхъ арабскими буквами, если только онѣ полезнаго, а главное занимательнаго содержанія, сразу найдется много читателей въ школѣ и могутъ послужить проводникомъ къ приобщенію киргизскаго юношества къ дальнѣйшему знанію. Хотя, дѣйствительно, русскими буквами гораздо вѣрнѣе выражаются киргизскія слова, хотя внимательство татарской грамоты можетъ повредить чистотѣ и дѣлности киргизскаго языка, но надо имѣть въ виду, что разрывъ татарской грамоты съ киргизами не возможенъ, до далекаго по крайней мѣрѣ будущаго, потому что по ней написана религія киргизовъ, по арабски и татарски киргизъ молится; они теперь встали гораздо ближе съ татарами и сартами, нежели прежде; связи умножаются; учениковъ изъ киргизъ въ татарскихъ медресахъ не уменьшается и не уменьшится, тѣмъ болѣе, что мullaмъ представляется болѣе шансовъ къ приобрѣтенію себѣ матеріальнаго средства нежели кончившимъ курсъ въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые не отличены, пока, никакими преимуще-

ствами противъ такихъ, быстро-оближающихъ татарскую грамоту съ киргизами, элементаръ; наши учебники, написанные притомъ незнакомыми буквами, сила, по моему мнѣнію, очень слабая. Тутъ намъ остается дѣйствовать тѣмъ же орудіемъ, но другого качества, качества затрагивающаго разумъ и направляющаго къ дѣйствительности т. е. грамотой, которая уже знакома киргизамъ и которую никто не оттолкнетъ не прочитавши, и чтобы въ грамотѣ этой заключались означенныя выше качества. Въдѣ существеннѣе всего то, чтобы не повліялъ на киргизовъ татарскій фанатизмъ и не преграждалъ путь къ образованію; отбить отъ такого вліянія возможно, хотя медленно, но вѣрно, издаваніемъ книгъ же полезнаго, развивающаго и занимательнаго содержанія, на киргизскомъ народномъ языкѣ и знакомой уже грамотѣ, для того чтобы читались онѣ съ перваго же разу и могли быть сильнымъ подспорьемъ татарскимъ книгамъ. Тутъ буквы, арабскія онѣ или русскія, помѣшаютъ дѣлу мало и хотя есть доля вреда, но избѣгнуть его возможно. Вотъ мое искреннее мнѣніе.

Другая просьба Ваша состояла въ томъ, чтобы найти Вамъ способнаго помощника при составленіи учебниковъ. Къ сожалѣнію, я ни на кого не могу указать. Изъ моихъ учениковъ способнѣйшіе—дѣти богатыхъ киргизовъ, они не захотятъ бросить семью и поѣхать въ Казань; товарищей моихъ всѣхъ Вы знаете сами. Но мнѣ приходитъ въ голову одна мысль, которую и представляю на Ваше усмотрѣніе. Предпріятіе Ваше не мало-важное, труднѣе всего планъ учебника, избраніе къ нему матеріаловъ; вотъ объ этихъ-то предметахъ и нужно-бы, мнѣ кажется, обсудить всесторонно; при этомъ не мѣшало-бы Вамъ имѣть подъ рукою такого человѣка, который ближе можетъ знать мѣстныя обстоятельства въ Ордѣ; къ тому же выборъ матеріа-

ловъ возможенъ только у Васъ въ Казани, а въ Степѣ объ этомъ и думать нечего. Вы столько похвалили меня въ Вашихъ письмахъ, что начинаю о себѣ думать на самомъ дѣлѣ, что могъ бы быть Вамъ въ означенномъ дѣлѣ полезнымъ. Такъ, не отнимая меня отъ мѣста, не можете-ли Вы выписать меня чрезъ начальство, мѣсяца на два. Посовѣтовавшись съ Вами и ознакомившись съ направлениемъ изданія, я могъ бы увезти отъ Васъ часть отобранныхъ матеріаловъ и перевести здѣсь (мнѣ найдутся здѣсь и помощники), а переведенную часть отправлять къ Вамъ. Дѣло это мнѣ кажется довольно трудное; его трудно осилить одному человеку; нужна бы дружная помощь многихъ, но надѣяться пока не на кого; я съ своей стороны, какъ видите, и предлагаю возможную помощь, но можетъ ли быть отъ этого польза—рѣшите Вы.

Подумалъ было я проситься въ отпускъ, но мнѣ его нельзя дать по закону, такъ какъ разъ уже въ этомъ году былъ въ двухмѣсячномъ отпускѣ. Во всякомъ случаѣ не откажитесь написать мнѣ о Вашемъ мнѣніи, потому что тутъ и не безъ задней мысли съ моей стороны: съ удовольствіемъ увидаль-бы я, пользуясь случаемъ, и Вашу Казань и Васъ Николай Ивановичъ, и добрыйшю Екатерину Степановну.

Интересно-бы узнать, на какихъ основаніяхъ предполагаются новыя школы: предполагается-ли учить киргизскихъ мальчиковъ съ русскими, увеличить содержаніе школы, чтобы онѣ были похожи на школы; дать хорошихъ учителей, дать какія-либо преимущества кончившимъ курсъ и учителямъ. Безъ этихъ условій и школы, конечно, ни къ чему не поведутъ. Школы—это главныя пружины образованія киргизовъ, а онѣ, брошенные въ Степь какъ попало, не могутъ приносить пользы; между тѣмъ на нихъ и въ особенности на нихъ надежда; въ нихъ же и

будущность киргизскаго народа. Пусть дадут хорошее образование въ школахъ (т. е. относительно хорошее), пусть отличать кончившихъ курсъ какими либо преимуществами, чтобы заманить въ школы перазвитый народъ, тогда несомнѣнно увеличится, и весьма быстро, число учащихся; а эти послѣдніе, умножившись въ Орды и пропитанные духомъ науки и здраваго взгляда на вещи, повліяютъ и на весь народъ; тогда и татарскій фанатизмъ разобьется въ прахъ. Если осталось у Васъ, нельзя ли будетъ прислать ко мнѣ экземпляръ Вашего киргизскаго словаря или матеріала къ словарю.

Прощайте. И. Алтынсаринъ.

31 Августа-1871 г.
Г. Тургай.

Милостивый Государь,

Добрыйиій Николай Иванович!

Хотя имѣю много оснований предполагать, что Вы недовольны моими отзывами къ Вамъ въ письмахъ, но все-таки считъ необходимымъ напомнить Вамъ обо мнѣ, въ преданности и глубокой признательности къ Вамъ не измѣнившемся еще нисколько. Къ рѣшимости беспокоить Васъ этимъ посланіемъ побудило недавно полученное свѣдѣніе, что по предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія я командировываюсь нашимъ Военнымъ Губернаторомъ быть участникомъ при составленіи въ Казани русскаго алфавита и учебника для киргизовъ. Зная изъ писемъ Вашихъ, что объ этомъ хлопотали Вы, я полагаю, что и означенное предложеніе Министра о назначеніи меня Вамъ не безызвѣстно. Такимъ образомъ, если это состоится, то я былъ-бы очень счастливъ и могъ бы надѣяться на то, что давнишнее желаніе мое побывать

въ Казани, увидать добрыхъ людей, послушать ихъ и поучиться—наконецъ-то осуществится; равно пользуюсь этимъ временемъ, привести въ порядокъ и издать свои киргизскія пѣсни съ переводомъ и примѣчаніями, что у меня уже наготовѣ, только нужно кое о чемъ еще посоветоваться объ немъ съ добрыми людьми. Теперь остается мнѣ попросить Васъ, не будете ли такъ великодушны, чтобы простить мнѣ всѣ мои поступки, послужившіе мнѣ же во вредъ и погубившіе почти задаромъ десятковъ лучшихъ годовъ моей жизни, а въ знакъ помилванія сообщить мнѣ письмомъ, могу ли я надѣяться на упомянутое выше назначеніе и въ утвердительномъ случаѣ, когда оно состоится.

Я нахожусь все еще въ Тургаѣ дѣлопроизводителемъ уѣзднаго управленія, но по измѣняющимся обстоятельствамъ, почти не занимаюсь по этой должности, занимая должности то старшаго помощника начальника уѣзда, то уѣзднаго судьи и только пере-скакиваю съ одной должности на другую, но все это временно, прочнаго и болѣе лучшаго положенія себѣ не приобретаю. Службой моей начальство весьма довольно, но мнѣ же обязательная служба начинаетъ сильноенько надобѣдать и во мнѣ во всей силѣ возбуждается старая любовь моя къ наукамъ и обществу внѣ круга офціальностей; поэтому если бы командировка меня въ Казань состоялась, то это было бы для меня св. Пасхой послѣ Великаго поста, или душистымъ жаренымъ изъ мяса послѣ долгой постной пищи. Попавши же въ Казань, я далѣе поступилъ бы согласно обстоятельствамъ и совѣту добрыхъ людей.

Не откажитесь передать мое искреннее почтеніе Екаториинъ Степановнѣ.

Душею преданный и покорнѣйшій слуга Вашъ

И. Алтынсаринъ.

Адресъ мнѣ: черезъ Оренбургъ въ г. Тургай. Знакомый Вамъ старикъ, нашъ добрыйшій уѣздный начальникъ полковникъ Яковлевъ, узнавъ что я пишу къ Вамъ письмо, просилъ написать Вамъ отъ него искреннѣйшій и кобъ салымъ.

20 Марта 1873 года.

г. Тургай.

Добрѣйшіе благодѣтели мои,

Николай Ивановичъ и Екатерина Степановна!

Не нахожу словъ достойно благодарить Васъ за ту память, которую самъ не знаю чѣмъ заслужилъ, я думаю, что ничѣмъ, а всѣмъ обязаиъ безпредѣльной Вашей добротѣ. Письмо Ваше я получилъ за официалнымъ обѣдомъ у коменданта укрѣпленія, по случаю прїѣзда инспектора графа Борха и гостей изъ Иргиза: коменданта, уѣзднаго судьи и старшаго помощника начальника Иргизскаго уѣзда. Моя радость была вѣроятно такъ сильна, что ее прочли на моемъ лицѣ всѣ присутствовавшіе, которые, узнавъ въ чемъ дѣло, и поздравили меня отъ души; здѣшнее же общество сразу и пожалѣло, что я уѣду отъ него быть можетъ на долго, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляю мою радость—и то и другое, смѣю думать, что искренно, а что до ордынцевъ, то они сильно сбтуютъ на меня, не одни акасакалы поговариваютъ, нахмурившисъ: „что тебѣ искать счастья внѣ предѣловъ твоихъ родчей“. Не могу скрывать предъ Вами, что все это для меня прїятно и, по многимъ причинамъ, мнѣ было бы крайне горько и тяжело, если бы окружающіе не отнесисъ ко мнѣ такъ сочувственно. И такъ послѣ Вашего письма, будучи въ полной надеждѣ увидать тотъ обѣтованный міръ, гдѣ живутъ друзья человѣчества,

я не просилъ уже у добраго Якова Петровича разрѣшенія на отъездъ въ ауль до Августа для устройства домашнихъ своихъ дѣлъ; по возвращеніи оттуда съ петербургіемъ буду ожидать Вашихъ приказаній. Для болѣе точнаго опредѣленія и приготоленія къ поѣздкѣ мнѣ бы необходимо, знать на сколько, по мнѣнію Вашему, продолжата дѣйствія коммисіи, и если будетъ милость и время, не откажитесь увѣдомить объ этомъ. Письмо можно бы до послѣднихъ чиселъ Іюля адресовать въ Троицкъ на имя хотя Тлау Сейдалина, старшаго помощника Николаевскаго уѣзднаго начальника, съ передачею мнѣ, а позже въ Тургай. Объ этомъ прошу въ особенности потому, что если могу рассчитывать жить тамъ долго, то прїѣхалъ бы съ семействомъ, а если не надолго, то на первое время нужно будетъ поѣхать одному, а потомъ постоуплю по обстоятельствамъ. Если не будетъ для Васъ обременительно, я просилъ бы даже дать знать объ этомъ на мой счетъ, въ Троицкъ по телеграммѣ, такъ какъ почта ходитъ у насъ какъ верблюжій караванъ.

Не смотря на то, что все кажется обстоитъ благополучно, я нахожусь въ трепетномъ положеніи человѣка, который, держа въ рукахъ дорогую вещь, ежесекундно боязливо озирается кругомъ, чтобы не отняли ее. Натура и обстоятельства сдѣлали изъ меня то, что я вообще на все будущее какъ-то смотрю недостовѣрчиво, а между тѣмъ день со дня чувствую, что болѣе здѣсь нельзя мнѣ оставаться; вполноци я уже сгилъ, добирается порча до другой половины и мой голосъ къ Вамъ долженъ быть принятъ какъ за голосъ утопающаго въ болотѣ. Десять лѣтъ прошли въ полезныхъ и бесполезныхъ заботахъ и иногда въ чрезвычайныхъ трудахъ, развѣздахъ и т. д. и наконецъ въ той средѣ, гдѣ живу, и умъ мой начинаетъ тупнѣть. О, Николай Ивановичъ, отепь-директоръ учительской семинаріи, похлопочите, чтобы какъ нибудь

эта надежда моя не лопнула, дайте мнѣ, насколько это можетъ отъ Васъ зависѣть, освѣжиться вокругъ Васъ и подышать здоровымъ воздухомъ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ людьми, чуткое ко всему человѣческому сердцу которыхъ черезъ десятки лѣтъ отыскиваетъ бѣднаго странника, забившагося въ тущобу, — тогда я надѣюсь вылечить сгнившую мою часть и вновь стать человѣкомъ и вновь запастись разумомъ на дальнѣйшія десять лѣтъ. Но простите великодушно, заговорился, нужно оставить мѣсто для приписки Якова Петровича. До свиданія, добрѣйшіе Николай Ивановичъ и Екатерина Степановна.

Вашъ вѣчный слуга И. Алтынарицъ.

7 Июня 1873 года.

г. Тургай.

Добрѣйшій Николай Ивановичъ!

Искренне благодарю Васъ за память къ 60-ти лѣтнему сѣдому старцу, который также помнить о Васъ и часто въ часы досуга вспоминаемъ о добротѣ Вашей съ добрымъ и многоуважаемымъ моимъ 12-ти лѣтнимъ сорудникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Алтынаринымъ. Душевно радуюсь, что этотъ достойный человѣкъ наконецъ упадетъ на свою дорогу и откроетъ себѣ широкій путь при такомъ добромъ руководителѣ какъ Вы. — Откровенно долженъ сказать Вамъ, Николай Ивановичъ, что какъ ни жаль мнѣ любимца моего Ибрая, но все-таки онъ, по своимъ даровитымъ способностямъ, не долженъ оставаться въ этой глуши, а потому еще разъ повторю, что душевно радъ за его командировку.

Вамъ и супругѣ Вашей бѣю челомя до сырой земли, желая добраго здоровья и долголѣтней жизни для пользы и просвѣщенія народа.

Извините за писаніе 63-лѣтняго старца, принявъ при этомъ во вниманіе отсталого человѣка и почти отжившаго свой вѣкъ.

Вашъ душевно преданный и благодарный сѣдой старецъ
Яковлевъ.

Добрѣйшій Николай Ивановичъ!

Я въ Тургай уже съ 11 Ноября. Путь изъ Оренбурга былъ для меня не совсѣмъ пріятный, выпалъ тамъ снѣгъ, дни были холодные, и я, отправившись сначала въ тарантасъ, съ трудомъ добралъ по снѣгу до Орска, гдѣ и оставилъ свой многострадальный тарантасъ. Отсюда поѣхалъ уже на саняхъ, около Верхнеуральска не стало снѣга, а съ Троицка опять началось снѣгъ, приближаясь же къ Тургаю вновь пришлось ѣхать по тельжанному пути. Такимъ образомъ, то на саняхъ, то на тельжахъ, едва, едва добрался до своего Тургая. Быстрые переходы отъ тепла къ холоду и обратно подѣйствовали-таки на мое здоровье, не смотря на мою киргизскую натуру, незнакомую до сихъ поръ съ простудными болѣзнями. Только теперь поправляюсь и, чувствуя себя лучше, первымъ своимъ долгомъ счелъ дать Вамъ вѣсть о себѣ.

Тургай нашъ, съ семидесяти-лѣтнимъ старцемъ своимъ во главѣ, обстоитъ благополучно. Уже нѣсколько дней какъ открылась земля снѣгомъ и зашевелилась орда кургизская, посѣбно перекочевывая на свои зимовки. Нѣсколько уже дней какъ тянутся вереницей кочующіе аулы, въ лиманахъ устраиваются кумы*), бабы накапываютъ камыши, даже ребятишки не безъ

*) Кума родъ хлѣба для овецъ.

дѣла—крошечки шести семи лѣтъ, кажущіеся издали однимъ малахаемъ,—и тѣ бодрствуютъ на жеребеночкахъ, голя на зимовку телятъ... Но нашъ городъ, городъ-то Тургай, безматечно спитъ, не занятый ровно ничѣмъ; лишь изрѣдка старый дѣдъ нарушаетъ общее безмолвіе своими криками и бранью. Посторонній человѣкъ, вида старика, встающаго на зорь одновременно съ жаворонками, обходящаго свой дворъ, выслушивающаго тутъ же жалобы киргизъ и кричащаго на нихъ ни съ того, ни съ сего,—пожалуй подумалъ бы, что онъ рехнулся съ ума; но за этою шумною спереди натурою лежитъ доброе сердце, здравый умъ и шестидесяти-лѣтняя опытность.

Вчера только началъ свою книжку для первоначальнаго чтенія на киргизскомъ языкѣ въ видахъ избѣжанія татарскихъ книгъ, и началъ слѣдующими стихами:

Бр Кудайга сыйнуб,
Кель балалар оклыкъ,
Окыганды кунгульге
Иглас бен токлыкъ.

Истинг болар кайры

Бастасангиз алдалаб,

Окымаган журеди

Карангыны кармалабъ.

Кель балалар оклыкъ,

Окыганды кунгульге

Иглас бен токлыкъ!

Окысангиз балалар

Шамнан шрак жагиларъ,

Тлагенинг адынгнан

Издемеж табларъ.

Кель балалар оклыкъ

Окыганды кунгульге

Иглас бен токлыкъ!

Малъ даулеттинг байлыгы,

Бер жутасанг жок боларъ,

Окымыстынг байлыгы

Коннеъ кунге коб болар

Иш жутамаж жок болар.

Кель балалар оклыкъ и т. д.

Альпштегенъ ата-эне

Картайтын кун боларъ,

Бар даулетгенъ айрылыб

Мал тайатын кун боларъ;

Ата-эненг картайса

Треу болар бул оку,

Картайганда мал тайса

Сусу болар бул оку.

Кель балалар оклыкъ и т. д.

Для первой книжки думаю придерживаться того порядка, по которому составлена книга Паульсона, конечно съ приспособленіями для киргизскихъ мальчиковъ. Басень не желаю вносить, такъ какъ киргизская натура, развивающаяся посреди суровой жизни, требуетъ вообще предметовъ посерьознѣе. Я по опыту знаю, съ какою насмѣшкою и неохотно читаютъ киргизскіе мальчики басни, а родители ихъ бывали даже недовольны тѣмъ, что дѣтей ихъ учатъ, напримѣръ, такимъ нелѣпностямъ, что будто бы сорока говоритъ съ вороною и т. д. Для киргизскихъ мальчиковъ, по мнѣнію моему, болѣе идутъ остроумные анекдоты, загадки, рассказы наставительнаго характера или о чемъ нибудь

такое, которое возбудило бы любопытство, напр. в родъ превращеній шелковичныхъ червей, бабочекъ, устройства себѣ жилищъ бобрамъ и т. п. Пѣсни я буду брать, если можно будетъ, изъ киргизскихъ. Во второй же книжкѣ я бы желалъ помѣстить рассказы о явленіяхъ и силѣ природы, историческіе, географическіе, однимъ словомъ научные, но вмѣстѣ занимательные. Не знаю, хватитъ ли умѣнія и знанія, во всякомъ случаѣ попытаюсь, потому не оставлю извѣщеніемъ на первый разъ, какой Вамъ взглядъ на мою объясненную программу.

По прїѣздѣ сюда я не получалъ отъ Васъ никакихъ извѣстій, а какъ недавнее свиданіе еще свѣжо въ моей памяти, то горячо желается получить отъ Васъ вѣсточку. Свидѣтельствуя глубокое почтеніе Екатеринбургскому, Николаю Алексѣевичу и всему вашему доброму семейству.

Вамъ преданный всею душой И. Алтынаринъ.

3 Декабря 1876 года.
г. Тургай.

Добрыйишій Николай Ивановичъ.

Давно не извѣщала Васъ о себѣ, вслѣдствіе нахождения въ продолжительной командировкѣ по всему уѣзду, для прекращенія разныхъ споровъ и междоусобій, принимавшихъ въ послѣднее время широкіе размѣры. Успѣшно окончивъ возложенныя порученія, я вернулся изъ Стени только недавно и спѣшу рапортовать Вамъ, что я и семейство мое, слава Богу, проживаемъ благополучно въ томъ же родномомъ нашемъ Тургаѣ. Учительская Семинарія, какъ вѣроятно уже извѣстно Вамъ, отложена на неопредѣленное время. Въ Мартѣ мѣсяцѣ я получилъ предложеніе черезъ Катаринскаго на должность помощника

инспектора киргизскихъ школъ, мѣстопробываніемъ котораго будетъ Гурьевъ или Ханская станца. Я согласился принять эту должность, хотя она не совсѣмъ для меня удобна, изъ желанія переимѣнить родъ службы. Причина та, что впервые удаляюсь отъ родственнаго и знакомаго народа, у которыхъ я пользуюсь большимъ довѣріемъ и гдѣ всякая новая дѣятельность моя имѣла бы большій успѣхъ; уральскихъ же киргизовъ я вовсе не знаю; во 2-хъ удаляюсь и отъ своего хозяйства, начинавшаго приобретать славу одного изъ лучшихъ въ Стени, и въ 3-хъ не скрою отъ Васъ, что предпочитаю всегда служить гдѣ-нибудь въ залустьи, нежели посреди начальства, сойтись съ которымъ я вѣроятно не сумѣю, а сдѣлать что нибудь по своему убѣжденію, какъ подначальному, мнѣ не придется. Другое дѣло было Семинарія, заведеніе совершенно новое, въ которое нужно еще вводить новые порядки, согласно съ мѣстными условіями, и гдѣ на первыхъ порахъ необходимо посредничество именно такого киргиза, какъ я, не богатаго знаніями, но богатаго любовью къ народу, о которомъ хлопочетъ Правительство. При Семинаріи какую бы должность ни занималъ, я былъ бы на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что она предположена въ Восточной части Орды, гдѣ я—свой человѣкъ. Не теряю впрочемъ надежды на устройство этого истинно благаго заведенія, сравнительно съ которымъ всѣ народныя киргизскія школы ничто. Моя учебная книжка не подвинулась впередъ въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, по случаю нахождения моего въ Стени, и теперь не въ состояніи взяться за нее. Работы въ уѣздномъ управленіи столько, что нельзя отрываться отъ нея ни днемъ, ни вечеромъ, придется вѣрно докапчивать книжку въ Уральской области, если только состоится это назначеніе.

Самоучитель Вашъ роздастъ киргизамъ; есть отъ нѣкоторыхъ

недоимка, почему Яковъ Петровичъ хочетъ послать деньги по полученіи таковыхъ ото всѣхъ. Естественная исторія также получена, какъ говорилъ мнѣ Яковъ же Петровичъ; не знаю только, послалъ онъ за нее деньги или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ непродолжительное время все будетъ исполнено.

Милліоны адіировъ Екатерины Стенановичъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ и глубочайшею преданностію къ Вамъ И. Алтысаринъ.

18 Іюня 1877 года.

Тургай.

Добрыйнйй Николай Ивановичъ!

Примите глубокую мою признательность за письмо, посланное съ нашими юными учителями. Ваши письма и Ваши слова дороги для меня, и то усердіе, которое я прилагалъ къ новой своей обязанности, удвоилось съ того времени, какъ получилъ это Ваше письмо. На безрыбьи и ракъ рыба, писали Вы въ одномъ письмѣ, такъ и мое дѣло: знаю хотя очень мало, чо и это маленькое знаніе постараюсь приложить къ дѣлу, имѣя въ виду, что если никому ни за что не приниматься, то ничего и не получится. Впрочемъ, настоящее положеніе дѣлъ въ Степи такое, что надобно теперь установить и направить школьное дѣло на должный путь; а на это требуется не столько большихъ знаній, сколько практичности. Легко, конечно, написать только эти два глагола: *установить* и *направить*, но исполненіе ихъ будетъ стоить мнѣ большихъ хлопотъ, трудовъ и огорченій, какъ Вы и предугадываете. Но попытаюсь, авось Милосердный Богъ поможетъ довести дѣло до чего нибудь основательнаго. Описывать всѣ мои предпріятія будетъ долго; но первое что я

предложилъ то, чтобы пока не торопились отырывать волостныя школы, для которыхъ нѣтъ и гдѣ достать подходящихъ учителей; а чтобы на первый разъ, въ каждомъ уѣздѣ посреди киргизскаго населенія открыли по одному двухклассному или трехклассному училищу съ хорошими приспособленіями, доказывая, что на степныя школы не слѣдуетъ въ настоящее время смотрѣть какъ на заведеніе, обучающее только русскому языку и грамотности, а нужно, чтобы въ нихъ ученики приобрѣтали еще привычки къ осѣдлости, опрятности и здоровому взгляду на вещи; что, словомъ, нужно обратить большее вниманіе на воспитательную сторону учениковъ, имѣя въ виду ту цѣль, чтобы эти ученики (предполагается не менѣе 40 учениковъ въ каждомъ училищѣ), получивъ болѣе или менѣе основательное знаніе и проникнутые извѣстнымъ направленіемъ, могли повліять на окружающій народъ своими свѣжими и здоровыми мыслями. Волостныя же школы не могутъ теперь соответствовать этой цѣли, такъ какъ вопервыхъ на 200—300 руб. не побѣдетъ болѣе или менѣе способный человѣкъ въ глубину Степи, чтобы жить совершенно по киргизски т. е. зимовать и кочевать съ своею школою; вовторыхъ нѣтъ средствъ поставить волостныя школы на хорошую ногу. А если посылать въ эти школы учителями или клязаниковъ казаковъ или сившихся чиновниковъ, которымъ нѣтъ мѣста во всей Россіи, да вести еще хозяйство какъ попало, то этимъ путемъ, на первыхъ же порахъ, возможно привести народъ къ совершенному охлажденію къ русскимъ школамъ. Со временемъ же, когда у насъ изъ самихъ киргизовъ будетъ побольше грамотнаго люда, соответствующаго всѣмъ мѣстнымъ условіямъ, можно и несомнѣнно полезно будетъ заводить и волостныя школы; и этаго придется не долго ждать, если предполагаемыя школы и учителя еще скоро осуществлятся. Всѣ эти предположенія мои

какъ въ общемъ, такъ и въ частности приняты начальствомъ благосклонно и уже предприняты нѣкоторыя дѣйствительныя къ тому приготовленія. На дняхъ окончателно будетъ рѣшено, какъ и на чей счетъ строить проектируемыя училища. Раннее же весной мнѣ придется разѣзжаться по всей Области, заглядывать во все закоулки и трупобы, поближе познакомиться съ незнакомыи еще киргизскими родоначальниками и приглашать ихъ къ начатію образованія своихъ дѣтей и проч. А пока, проживая здѣсь вотъ уже два мѣсяца, верчусь около начальства, чтобы заручиться нѣкоторыми общаніями, содѣйствіями и т. п., словомъ я, неуклюжий, неподатливый киргизъ, начинаю по необходимости разыгрывать нѣкоторымъ образомъ роль ловкаго человека. Посылая съ симъ мою киргизскую христоматию, почти тѣльнѣйше прошу, добрыйшій, безцѣнный Николай Ивановичъ, принять ее отъ меня, какъ знакъ чистой и неизмѣримо-глубокой къ Вамъ преданности и какъ знакъ того, что незамѣтно брошенное Вами въ мою голову доброе сѣмя для добрыхъ дѣлъ не совсѣмъ пропало даромъ.

Свидѣтельствую глубочайшее почтеніе Екатеринѣ Стенановнѣ.

Преданный Вамъ И. Алтынсаринъ.

25 Ноября 1879 года.

Оренбургъ.

Неизменно добрыйшій Николай Ивановичъ!

Я получилъ письмо и бумаги Ваши относительно учителей, посланныхъ въ нашу Область, только очень поздно, въ концѣ Сентября. Да и же, впрочемъ, былъ во все прошлое лѣто неловкимъ, переѣзжая изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ волости въ волость,

да по такимъ иногда трупобамъ, что самому Азизлю трудно было меня отыскать. Много утѣнили, успокоили меня своевременнымъ командированіемъ учителей; безъ Вашего содѣйствія хотъ волкомъ вой, Оренбургскій округъ не нашелъ бы подходящихъ людей. Изъ этихъ новыхъ просвѣтителей я видѣлъ пока только Спиридонова, а Мозохина и Данилова еще не видалъ. Заранѣе увѣренъ только, что они добрые люди, и сочту своимъ долгомъ всегда и во всемъ поддерживать ихъ. На своихъ учителей я вообще смотрю какъ на братьевъ, съ которыми все у насъ должно быть общее: и мысли и желанія и матеріальныя силы. Иначе и не должно быть. На нашу долю теперь вышло самое тяжелое отвѣтственное время, когда все надо еще создавать, вводить эти нововведенія въ темную среду и освѣщать ее насколько хватитъ у насъ силъ и умѣнія. Отъ хорошей постановки дѣла въ началѣ будутъ зависеть и послѣдствія. Всего тяжелѣе оказывается создавать школы, не имѣя никакихъ готовыхъ матеріальныхъ силъ. Вотъ и таскаюсь я по степямъ, выпрашиваю деньги у общества и разныхъ общественныхъ, уѣздныхъ и областныхъ властей. Дѣло въ томъ, что я крѣпко задался мыслью учредить, какъ можно скорѣе, по центральному двухклассному училищу въ средѣ самого киргизскаго уѣзда, поставить его на прочное основаніе, обстановить его прилично и опрятно, такъ чтобы задуманное воспитаніе киргизскихъ дѣтей не встрѣчало въ немъ такихъ препятствій, какъ грязь, сырость, тѣснота, угаръ, голодь, холодъ, недостатокъ учебниковъ и неграмотные еще учителя, какъ это бываетъ въ большинствѣ народныхъ школъ. Личнымъ опытомъ убѣдился я, что при дурныхъ хозяйственныхъ условіяхъ школьное дѣло никогда не принимаетъ хорошаго, полезнаго оборота, является апатія ко всему какъ у учащихся, такъ и у учащихся; притомъ же думаю, что обученіе киргизскихъ мальчиковъ къ

опратности, чистотѣ и преимуществамъ осѣдлой жизни, въ родѣ сухихъ, теплыхъ комнатъ и т. п., имѣеть само по себѣ воспитательное значеніе въ киргизской Степи.

Но какъ ни трудно было, добиваемся-таки мы своего. Въ Тургаѣ и Иргизѣ школьныя знанія готовы, въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ суммы уже имѣются, ждуть только весны, чтобы приступить къ постройкамъ, а школы устроены здѣсь временныя школы. А школьныя знанія у насъ довольно богаты; онѣ каменные и стоятъ 15—30 тысячъ каждое; въ каждомъ училищѣ обучаются по 50 учениковъ киргизскихъ и 20—30 русскихъ изъ дѣтей мѣстныхъ русскихъ поселянъ. Внутренняя обстановка почти такая же, какъ было, вѣроятно помните, въ Школѣ при Областномъ Правленіи. Теперь устраиваемъ библиотеки ученическія и учительскія, ремесленныя отдѣленія, а въ скоромъ будущемъ между прочимъ примемъ и за садоводство и огородничество. Кромѣ этого въ Тургаѣ задумали-мы устроить особенную ремесленную школу и наименовать ее, въ честь обожаемаго дѣдушки нашего, Яковлевской. На эту школу охотно жертвуютъ деньги богатые киргизы и начальство соглашается на устройство ея. Въ Мартѣ будущаго года будетъ пятидесятилѣтніе службы Якова Петровича, и вотъ я намѣренъ припроднести къ этому дню ремесленную-то Яковлевскую школу.

Итакъ матеріальная часть нашего дѣла, такъ или иначе, обеспечивается; остается теперь другая, важная сторона дѣла—учебная. Она также идетъ,—кажется,—у насъ недурно. Есть, впрочемъ, кое-что неустановившееся, но вѣдь опять же начало всѣмъ наукамъ, будемъ по немногу и учиться и учить, авось и достигнемъ цѣли. Ваши питомцы Семенъ Меркурьевичъ и Иванъ Григорьевъ—ребята, дѣйствительно, очень добрые, съ хорошими направленіями и нравственностью. Одинокъ недостатокъ у Семена—

не хватаетъ умѣнья ясно объяснять ученикамъ свой предметъ; но теперь, впрочемъ, направляется какъ слѣдуетъ. Горячность, проявлявшаяся въ немъ въ первое время, уже исчезаетъ. Не даромъ говорятъ: женился—остепенился, а жена у него первый сортъ. Григорьевъ оказался способнѣе его по учебной части, дѣти любятъ его и онъ любитъ дѣтей, а главное проявляетъ большое умѣнье объяснять дѣтямъ преподаваемые уроки тольково и вразумительно, но въ послѣднее время Иванъ началъ немного лѣниться, началъ засматриваться въ сторону, поэтому я желалъ было женить и его, да нѣтъ подходящей-то. Словомъ я доволенъ и Семеномъ и Иваномъ; обставлены они недурно, бываютъ въ хорошихъ кружкахъ и не одна мѣстная барышня засматривается на нихъ.... Вотъ какъ мы!...

Мои домашнія дѣла тоже поправляются по немногу; онѣ и поправились бы или по крайней мѣрѣ пришли бы въ сносный видъ, если бы не постоянные разъѣзды мои по Степи, требующіе не малыхъ издержекъ. Вѣдственный годъ, какъ вѣроятно слышали, отнял у меня весь скотъ, а у меня вѣдь были до 300 породистыхъ лошадей, на улучшение которыхъ я тратилъ все свои средства. Но мое банкротство ничто въ сравненіи съ тѣмъ бѣдствіемъ, которое потерпѣли несчастные Тургайцы. Голодъ, нищета и тифъ на глазахъ нашихъ уносили столько жертвъ, что сравнительно сытые казеннымъ содержаніемъ, мы совершенно позабыли о себѣ. Но благодареніе Богу, нынѣшній годъ былъ урожайный для Тургайцевъ, много посеяно было хлѣба и много наловлено рыбы, такъ что считаютъ Тургайцевъ обеспеченными уже отъ голода и его ужасныхъ послѣдствій.

Кажется, написалъ вкратцѣ все, что желалъ Вамъ сообщить. Остается просить еще Васъ не оставлять насъ своими добрыми совѣтами да дѣльными учителями, словомъ удѣлить въ

своемъ добромъ сердцѣ мѣстечко и на киргизское образованіе. Народъ киргизскій самъ по себѣ представляетъ благодарную почву для образованія, но грустно иногда бываетъ, какъ подумаешь о несочувственномъ отношеніи къ дѣлу образованныхъ-то людей. Мы въ этомъ случаѣ представляемся иногда скротовъ, нуждающихся въ тепломъ словѣ. Это замѣчаніе не относится до нашего Губернатора Константиновича, человека высоко-благороднаго и сочувствующаго киргизскому образованію. Ему и киргизскимъ знакомымъ я и обязанъ главнымъ образомъ сравнительно успѣшнымъ и быстрымъ ходомъ дѣла.

Не имѣется-ли у Васъ какихъ либо практическихъ, популярныхъ руководствъ къ обученію ремесламъ, садоводству, огородничеству, скотоводству и земледѣлю? Хотя и у насъ есть кое-что для руководства учителямъ, но ужасно тяжелыя для пониманія и объясненія ученикамъ. Не подумайте, Николай Ивановичъ, что, выписывая всѣ эти руководства, мы имѣемъ въ виду наводнить учениковъ самостоятельнымъ преподаваніемъ каждаго предмета, но онѣ нужны для самихъ насъ, чтобы имѣть намъ возможность наглядно объяснять объ этихъ предметахъ, гдѣ представится случай и возможность.

Передайте глубочайшее почтеніе и сердечный салемъ Екатеринбургскій Степановѣ.

Выданныя Вами въ ссуду деньги учителямъ будутъ въ скоромъ времени высланы.

Преданный душой и тѣломъ Вашъ И. Алтынсаринъ.

4 Октября 1881 года.
г. Оренбургъ.

Добрѣйшій Николай Ивановичъ!

Недавно получилъ Ваше письмо, въ которомъ сообщили о дошедшихъ до Васъ отзывкахъ относительно Мозохина. Онъ дѣйствительно прекрасно ведетъ свои дѣла, какъ никто во всей Области, что, не говоря уже о самомъ благоприятномъ мнѣніи объ немъ начальствующихъ, видно изъ того, что окрестные старики-киргизы полюбили его какъ роднаго сына. Я же съ своей стороны считаю за великое счастье, что Богъ наградилъ меня черезъ Васъ однимъ такимъ учителемъ, каковаго я могъ только желать. Дѣло народнаго образованія здѣсь только что начнется, и какъ отъ прочности и основательности кладки фундамента зависить все достоинство новостроющагося зданія, такъ и въ нашемъ дѣлѣ вся дальнѣйшая будущность киргизскихъ школъ во многихъ отношеніяхъ зависить отъ теперь положеннаго начала, въ виду чего я и цѣню теперь хорошаго учителя дороже всего на свѣтѣ. Не бросайте насъ, добрейшій изъ людей, снабжайте насъ по возможности способными и благородными людьми и—благословите Васъ Господь, за такое добродѣтельное участіе въ дѣлѣ просвѣщенія киргизскаго народа! Для народныхъ школъ учителя составляютъ все; съ ними не могутъ сравниться ни прекраснѣйшія педагогическія руководства, ни благороднѣйшія правительственныя распоряженія, ни тщательный инспекторскій надзоръ; но мое положеніе таково, что въ дѣлѣ пріисканія учителей я не имѣю къ кому обратиться, кромѣ только Васъ, дорогой Николай Ивановичъ.

Не такъ какъ Мозохинъ, но очень старательно ведутъ учебное дѣло и другіе Ваши питомцы. Всѣ они ребята очень хорошіе, но, конечно, умѣлость обращаться съ дѣтьми и способность вразумительно и послѣдовательно сообщать дѣтямъ грамоту,

языкъ и научныя познанія не у всѣхъ въ одинаковой степени, наприм. въ Меркурьевѣ и Спиридоновѣ маловато дара или умѣнья объясняться съ дѣтьми, а Григорьевъ способенъ на этотъ счетъ, но нѣтъ въ немъ устойчивости въ выборахъ способовъ и предметовъ преподаванія. Про Данилова не могу еще сказать что либо положительное, потому что недостаточно еще познакомился съ нимъ. Но говоря вообще, наши учителя во всякомъ случаѣ ведутъ учебное дѣло гораздо, а по крайней мѣрѣ полагаю, — лучше нежели во многихъ русскихъ народныхъ школахъ.

Теперь позвольте жаловаться на Васъ, добрыйишій Николай Ивановичъ. Последнее письмо Вамъ началось непривычнымъ мнѣ со стороны Вашей словомъ „Милостивый Государь,“ и затѣмъ какъ бы извиняетесь за то, что обращаетесь ко мнѣ словомъ „ты“. Не сердитесь-ли за что? Чѣмъ я заслужилъ такой кары и неужели гнѣвъ Вашъ такъ силенъ, что рѣшается лишить меня дорогаго для меня обращенія Вашего со мною какъ бы съ близкимъ человѣкомъ? Въ минуты печали, безъ которой едва ли кто изъ людей обходится, Ваше сердечное отношеніе ко мнѣ всегда было моимъ главнымъ утѣшеніемъ; оно поддерживало мой духъ и увѣренность во мнѣ, что истинно-хорошіе люди считаютъ меня добрымъ и какъ будто даже способнымъ человѣкомъ; поэтому мнѣ было очень тяжело, если на самомъ дѣлѣ заслужилъ Ваше перасположеніе... Большие не смѣю писать.

Приношу глубокое почтеніе Екатеринѣ Степановнѣ и Вамъ, истинный другъ человѣческаго рода.

Преданный Вашъ весь И. Алтысаринъ.

29-Юля 1882 года.
г. Новоиколаевскъ.

Ваше Превосходительство*)

Милостивый Государь, Николай Ивановичъ!

Не безызвѣстно Вамъ, что съ прекращеніемъ въ киргизскихъ степяхъ междоусобій, по водвореніи въ нихъ полного спокойствія черезъ организовавшія въслѣдствіи особыя русско-киргизскія управленія и укрѣпленія киргизовъ на извѣстныхъ поземельныхъ участкахъ, — естественнымъ послѣдствіемъ всего этого вышло то, что они стали чувствовать потребность въ знаніи между прочимъ грамоты и своей религіи, полное незнакомство съ которыми они не могли не видѣть на каждомъ почти шагѣ, познакомившись съ ближайшими осѣдлыми народами. Не безызвѣстно также, что изъ числа сихъ послѣднихъ, какъ по условіямъ мѣстностей, занимаемыхъ киргизами, такъ и по единству религіи и сходству языка, прежде всего стали вліять на киргизовъ татарскія, бакирскія и бухарскія племена. И такимъ путемъ въ настоящее время сильно уже распространилось и распространяется между киргизами магометанское вѣрученіе, которое, за малыми исключеніями, и ведется татарскими и бухарскими муллами, или же и киргизами, но обучавшимися въ татарскихъ и бухарскихъ медресахъ. Руководствами же для этихъ занятій служатъ преимущественно татарскія книги, какъ болѣе для киргизъ понятныя, въ которыхъ не существуетъ однакожь ни какой-либо системы, ни даже, во многихъ случаяхъ, смысла, такъ что ученики татарскихъ медресъ, учившись по существующимъ руководствамъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, всетаки остаются полнѣйшими невѣждами по отношенію къ своей религіи, но только съ громаднымъ

*) Официальное письмо, при которомъ было прислано сочиненіе Алтысарина *Шариты исламъ*.

запасомъ духа нетерпимости ко всему немусульманскому. Духъ нравственнаго ученія бухарскихъ и татарскихъ муллъ—вообще извѣстенъ. Они, побуждаемые отчасти личными интересами, а отчасти вслѣдствіе того, что сами воспитаны односторонно, въ извѣстномъ только направленіи, ставятъ единственнымъ источникомъ всякой мудрости только магометанское вѣроученіе, и все, что не относится къ этому, считается недостойнымъ обученія и измыслили невѣрныхъ, клонящихся къ ослабленію религиозныхъ ихъ ученій. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы этотъ духъ и направленіе муллъ вполнѣ согласовались съ основнымъ духомъ мусульманскаго закона или шаригата, который нигдѣ, напримѣръ, не отрицаетъ надобности обучаться вообще свѣтскимъ наукамъ и искусствамъ, отъ какихъ бы народовъ онѣ ни исходили, доказательствомъ чему служитъ даже обязательность для желающихъ получить званіе ученаго муллы (хатибъ) изученіе между прочими „финами“ т. е. науками, арифметики, медицины и астрономіи (гильму-хисабъ, гильму тыгъ, гильму-хайатъ ва афлякъ). Такимъ образомъ, имѣя въ виду съ одной стороны проявившуюся въ народѣ и неострашимую уже никакими мѣрами, потребность въ знаніи исповѣдуемой имъ религіи, съ другой необходимость въ такомъ случаѣ снабженія киргизскаго юношества такого рода руководствомъ, которое, будучи писано на родномъ его языкѣ и вполнѣ согласно съ основнымъ духомъ мусульманства, послужило бы предметомъ основнаго обученія ихъ религіи; кромѣ того въ видахъ устраненія по возможности во 1-хъ того, чтобы религиозныя понятія киргизской молодежи не получали ложнаго направленія, и во 2-хъ, чтобы татарскій языкъ незаслуженнымъ образомъ не продолжалъ быть исключительно употребительнымъ языкомъ письменности между киргизами, что несомнѣнно и есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ къ отатариванію киргизъ,—

я и принялся въ последнее время за изученіе магометанскаго шаригата и составленіе прилагаемаго къ сему учебника. Къ этому побуждало меня и то еще обстоятельство, что сами киргизскіе муллы признавали несоответственность имѣющихся у нихъ руководствъ, а большинство неграмотныхъ киргизъ заявляло, что татарскія начальныя книги для дѣтей ихъ непонятны, что не существуетъ ни одной такой и татарской книги, въ которой были-бы собраны все необходимыя, обязательныя къ исполненію правила вѣры, и что для ихъ дѣтей вовсе нѣтъ надобности добиваться званія ученаго муллы, а нужно бы обучить ихъ лишь арабской грамотѣ, какъ вошедшей уже въ употребленіе въ обиходномъ ихъ быту и знаніе ими только обязательныхъ частей религиозныхъ ученій. На дѣлѣ же происходитъ именно такъ, что обученіе арабской грамотѣ и Закону Вожьему производится преимущественно малограмотными киргизами или другими инородцами, въ семействахъ состоятельныхъ киргизъ, около которыхъ группируются, кромѣ хозяйскихъ, и дѣти одноаульцевъ ихъ, и такого рода обученіе идетъ въ настоящее время почти во всѣхъ порядочныхъ киргизскихъ семействахъ. Слѣдовательно по самому размѣру знаній этихъ муллъ, обязанность ихъ заключается только въ томъ, чтобы знакомить киргизскихъ дѣтей съ арабскою грамотою и въ ознакомленіи ихъ съ основными требованіями Закона Вожьего. Но вотъ это-то ознакомленіе, будучи въ рукахъ невѣжественнѣйшихъ людей, перенявшихъ отъ своихъ учителей не только внутренній смыслъ самаго вѣроученія, сколько внѣшнія направленія и взгляды самихъ учителей, людей, не имѣющихъ при этомъ и никакихъ соответственныхъ къ данному предмету учебниковъ,—вліяетъ пагубнымъ образомъ отчасти и теперь и можетъ еще болѣе вліять въ будущее время на киргизское молодое поколѣніе. Въ виду всего этого, настоящій мой послынный

трудъ, какъ руководство для киргизскихъ семействъ, желающихъ обучать своихъ дѣтей Закону Вожему на столько, на сколько это обязательно для каждаго мусульманина, а также для русско-киргизскихъ школъ, въ которыхъ преподается этотъ предметъ,—будеть, смѣю надѣяться, соответствовать своей цѣли, и какъ одобренный не только простыми киргизами, но и многими ихъ авторитетными мѣлами, получить, какъ кажется, примѣненіе въ киргизской Стенѣ. Здѣсь считаю не лишнимъ упомянуть и о томъ, что писать подобнаго рода учебникъ русскими буквами, какъ я полагалъ сначала, представляется совершенно невозможнымъ, такъ какъ книга религіознаго содержанія, хотя бы составленная вполне согласно съ постановленіями шаригата, но имѣющая внѣшнюю немусульманскую форму, не могла бы имѣть между киргизами никакого довѣрія, возбудила бы лишь неблагоприятныя толки и осталась бы въ школьныхъ бібліотекахъ, будучи непримѣнимою къ дѣлу.

Учебникъ этотъ раздѣленъ на четыре отдѣла: въ 1-мъ Иманъ, т. е. Вѣра, въ чемъ она заключается по мусульманскому ученію, какъ нужно признавать единство Бога и Магомета Его посланникомъ; во 2-мъ Агмал-захир—видимое служеніе Богу, выражающееся въ молитвахъ, постѣ, милостыняхъ бѣднымъ (закатъ) и вообще въ добрыхъ дѣлахъ, въ поклоненіи Каабѣ (хаж) и т. п. со включеніемъ сюда же и молитвъ, общепотребительныхъ въ намазахъ и при другихъ религіозныхъ случаяхъ; 3) нравственность (ахлак) т. е. какихъ направленій и нравственностей долженъ быть по повелѣніямъ Алкорана, человекъ, и 4) переводы на киргизскій языкъ арабскихъ молитвъ, читаемыхъ въ намазахъ, при постѣ и другихъ религіозныхъ случаяхъ.

Представляя теперь настоящій учебникъ къ Вамъ, добрый-

пій Николай Ивановичъ, по совѣту между прочимъ и г. Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, осмѣливаюсь почтительнѣйше просить не отказать своимъ посредничествомъ въ начатаніи его, такъ какъ мнѣ не извѣстны пути, по которымъ печатаются подобныя татарскія книги (кажется, цензоромъ нѣкто—Готвальдъ) и не знаю также, сколько можетъ требоваться денегъ на напечатаніе одной и двухъ тысячъ экземпляровъ подобной книги, что я и намѣренъ принять на свой счетъ. Корректорами я прошу вмѣстѣ съ спмъ быть моихъ собратьевъ студентовъ Алярова и Карабаева.

О послѣдующемъ не оставьте увѣдомленіемъ черезъ В. В. Катаринскаго, если возможно, въ непродолжительномъ времени. Съ глубокимъ уваженіемъ и искреннею преданностію извѣщю честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

И. АЛТЫНСАРИНЪ.

12 Сентября 1882 года
г. Оренбургъ.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

На телеграмму Вашу, переданную мнѣ сейчасъ, я, въ величайшему сожалѣнію моему, долженъ отвѣтить, что собственно теперь у меня полный комплектъ учителей русскихъ классовъ и хотя не безъ того, чтобы не было изъ слабыхъ по способностямъ, но жалъ ихъ обидѣть; а не принимать ихъ ранѣе я не могъ за неизмѣнимъ въ виду болѣе лучшихъ. Къ началу же слѣдующаго учебнаго года на вѣрное потребуются новые учителя, но дожидаться до того времени тому, даровитому молодому человѣку, котораго Вы рекомендовали мнѣ, конечно не будетъ возможности. Изъ телеграммы моей Вы видѣли, что устраиваемъ

въ Тургай особое ремесленное училище на 25 человекъ, гдѣ преимущественнымъ ремесленнымъ занятіемъ будутъ плотнично-столярныя работы и руководѣнія для дѣвицъ, если заманимъ послѣднихъ; при этомъ Тургайскіе киргизы ходатайствуютъ, что бы училище это было наименовано „Яковлевскимъ“, въ честь достойнѣшаго нашего Якова Петровича. Содержаться же оно будетъ на общественный счетъ. Конечно, было бы очень желательно, чтобы это полезное учрежденіе получило успѣшный ходъ, но повидимому, не легко будетъ найти подходящаго учителя, могущаго, какъ я бы желалъ, обучать и ремеслу и грамотѣ. Что же дѣлать, слѣдуя Вашему совѣту вникать и продолжать дѣла не торопясь и умѣя быть довольнымъ хотя небольшимъ успѣхомъ, начну дѣло хотя съ простымъ столяромъ, передавъ обученіе грамотѣ другому грамотному человѣку или же, быть можетъ, учительницѣ руководѣнія, имѣющейся уже въ виду изъ мѣстныхъ барынь.

Вчера только я осмѣлился послать къ Вамъ составленный мною, преимущественно для домашняго обученія магометанскаго вѣрученія киргизовъ, небольшой учебникъ, прося указать мнѣ пути на напечатаніе подобной книги, напр. татарской, и для указанія сколько требуется денегъ на напечатаніе 1000—2000 экземпляровъ такой книги. При этомъ просилъ Васъ отвѣтъ послать чрезъ В. В. Катаринскаго, но Василій Владимировичъ скоро думаетъ, кажется, ѣхать въ Уральскую область и далѣе; а потому будетъ вѣрнѣе, если отвѣтъ соблаговолите послать чрезъ А. Г. Безсонова.

Завтра ѣду въ свой родной край. Не откажитесь передать мое искреннѣйшее почтеніе Екаторинѣ Степановнѣ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью Вамъ преданнѣйшій И. Алтынсаринъ.

Еще побезпокою Васъ одною просьбой. При училищахъ Тургайской области я намѣреваюсь учредить библіотеки учительскія и ученнческія, на что я и собралъ уже до 700 р. Цѣль этихъ библіотекъ заключается не въ томъ только, чтобы книгами изъ нихъ пользовались одни учащіеся и учителя, но чтобы и окончившіе курсъ грамотные вообще люди имѣли въ степи мѣста, откуда есть возможность брать полезныя книги и руководства къ дальнѣйшему ихъ самообразованію. Затрудненія и теперь встрѣчаю въ выборѣ книгъ и руководствъ по всемъ вообще отраслямъ знаній, доступныхъ для пониманія окончившихъ вообще курсъ ученія въ народныхъ двухъ-трехклассныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если бы имѣли время и возможность, то оказалъ бы намъ громадное благодѣяніе, указавъ тѣ книги и руководства, которыя Вы признаете соответствующими высказанной выше цѣли.

15 Сентября 1883 г.

г. Оренбургъ.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Простите великодушно, что надѣбалъ я Вамъ хлопотъ съ своимъ учебникомъ по магометанскому вѣрученію, о чемъ я только что узналъ изъ письма ко мнѣ Карабаева. Занятый одною только мыслию, что то направленіе, котораго держутся законоучители въ начальныхъ медресахъ и въ нашихъ школахъ, не должно быть продолжаемо, а необходимо преподавать имъ программу и руководство, которое ни въ чемъ, однакожь, не противорѣчило бы основнымъ законамъ религіи и по содержанію своему согласовалось бы съ духомъ и мыслями мусульманъ (иначе, подобныя руководства не могли бы имѣть примѣненія въ мусульманскихъ школахъ),—я и не подумалъ о томъ, что могу поставить Васъ

въ какое либо затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что и бывшій Попечитель округа совѣтовалъ обращаться къ Вамъ. Я думалъ, что какъ всѣ вообще татарскія книжки, издаваемыя частными лицами (между которыми, кетати сказать, много такихъ, которыхъ, вовсе не слѣдовало бы пропускать цензурѣ), такъ и моя книжка будетъ печататься въ типографіи, по предворительному посмотрѣ мѣстной цензуры. Но видно мое дѣло не такое. А потому и въ виду того, что по моей книгѣ въ Казани некому держать и корректуру, такъ какъ Карабаевъ отказался отъ этаго,—я покорнѣе прошу Васъ, добрыйшій Николай Ивановичъ, выслать рукопись ко мнѣ, въ г. Тургай (черезъ Орскъ) на тотъ предметъ, что я, вновь его просмотрѣвши, представлю г. Попечителю или же поступлю согласно его совѣта.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Нашъ старецъ Яковлевъ до сихъ поръ сидитъ во главѣ Тургайскаго уѣзда, какъ сѣдалъ вершина Кавказа, отражающая мирное сіяніе на окружающія мѣстности. Старѣеть уже добрый человѣкъ, но все же не оставляетъ свой постъ, не желая бросить возлюбленный имъ уѣздъ въ тяжкія днины его, послѣ Куяновскаго погрома*).

Давно что-то не слышу ничего о добрыйшей Екатеринѣ Степановнѣ. Здорова-ли она и помнитъ-ли дурачка-мальчишку Ибрая, такъ много обазаннаго ей за хлѣбъ-соль и добрыя пожеланія! Примите увѣреніе въ неизмѣнной преданности низаишаго слуги Вашего И. Алтысарина.

13 Января 1883 г.
г. Тургай.

* Куяи (заяць)—название четвертаго года въ киргизскомъ двенадцатилѣтнемъ циклѣ. Этотъ годъ памятенъ киргизамъ надеждами скота отъ гололеда или бураловъ, и у киргизовъ считается такъ же тяжелымъ, какъ у насъ въ народѣ высокосныи годъ.

Добрыйшій Николай Ивановичъ!

Простите, что не писалъ къ Вамъ такъ долго. Это простите мнѣ развѣ только такое непереносимое великодупіе, какъ Ваше. Не потому я не писалъ къ Вамъ, что плоха стала память, а потому что въ послѣднее время, болѣею частью, находился въ самомъ грустномъ настроеніи. Съ весны 1883 года, почти до конца этого года, я былъ боленъ и чуть не отправился туда, откуда болѣе не возвращаются; а съ начала этого года, невольнымъ образомъ, затѣялась у меня борьба съ многолѣтнимъ зломъ, посѣяннымъ между моими ближайшими родными. Дѣло въ томъ, что еще въ концѣ прошлаго года, вълѣдствіе чувствемаго тогда тяжелаго нездоровія и въ виду обидннѣя дорогаго для меня Тургайскаго уѣзда, не могущаго уже дать новыя средства къ какимъ либо новымъ начинаніямъ,—я перешелъ въ болѣе богатый и благополучный отъ голодовокъ Николаевскій уѣздъ, въ среду своихъ родичей. Здѣсь, лѣтъ десять находились въ ссорѣ двое двоюродныхъ моихъ братьевъ изъ-за должности волостнаго управителя, и ссора эта, раздѣлившая волость на двѣ партіи, дошла до такой ожесточенной войны, что почти раззорила эту несчастную волость. Мой прѣздъ всеялль въ простомъ народѣ надежду, что помирю родныхъ, о чемъ неотступно и стали просить меня. На мой совѣтъ помириться эти глупцы не согласились; а потому пришлось совѣтывать народу оставить ссорящихся просто въ сторонѣ и избрать волостнымъ управителемъ третьяго лица. Согласно этого, большинство и избрало одного почетнаго старика. И вотъ, одинъ изъ означенныхъ братьевъ, подстрекаемый разными доброжелателями, сталъ осаждать и Попечителя и Губернатора и даже Министра Внутреннихъ дѣлъ прошеніями о внимательствѣ моемъ въ выборѣ должностныхъ

лиць. Дѣло дошло до заявленія даже, выдуманнаго, конечно не киргизами, что я, должно полагать, *соціалистъ*, замышляющій что либо противу Правительства, такъ какъ иной причины къ моему вѣншательству они не видятъ. Приходилось давать неприятныя объясненія... Начальство вызвало меня въ Оренбургъ, какъ оказалось, для благовидной ссылки куда либо на время производства въ Николаевскомъ уѣздѣ выборовъ. Казалося бы, что давать совѣты родичамъ и совѣты клонящіеся къ благосостоянію волости, даже въ ущербъ интересамъ своихъ же братьевъ, — имѣеть нравственное право каждый человѣкъ; да при томъ же я такой же домохозяинъ, какъ и всѣ другіе киргизы, платящіе подать и отправляющіе всѣ земскія и натуральныя повинности, а потому имѣющій и право голоса на выборахъ извѣстной волости, но Начальство на первыхъ порахъ, повидимому, очень встревожилось и вызвало меня изъ-за тысячи верстъ. Впрочемъ, все, наконецъ, объяснилось и меня (только вчерашняго дня), объявивъ виновнымъ, увольняютъ въ свои края...

И кромѣ этихъ неприятностей, я приобрѣлъ уже не мало тайныхъ враговъ изъ татаръ и татарофиловъ, — все это вмѣстѣ взятое, и какъ совершенно незаслуженное, крайне дурно вліяетъ на мой отзывчивый и въ этомъ отношеніи слабый духъ... Что же подѣлаешь, дорогой Николай Ивановичъ, время такое, что надо какъ-нибудь и гдѣ предостоять возможность, противодействовать злу, развѣдающему общественное благосостояніе киргизъ и портищему ихъ будущность; вѣдь не подавать руку помощи тамъ, гдѣ видишь, что люди утопаютъ, было бы безчестно, а дѣйствовать въ этомъ смыслѣ тоже, оказывается, не безопасно. Я надѣялся только ранѣе, что въ случаѣ надобности, меня поддержитъ само Начальство, такъ какъ мои личныя убѣжденія и дѣйствія совершенно согласуются съ видами и Правительства;

но, кажется, не всегда возможно и на это рассчитывать. Но пусть творится воля Божія, я не отступлюсь отъ коренныхъ своихъ убѣжденій и стремленія быть полезнымъ своимъ родичамъ насколько хватитъ моихъ силъ. Дай только Богъ силъ устоять противу человѣческихъ интригъ и не умереть съ тоски отъ незаслуженныхъ напастей.

Учебныя дѣла мои идутъ, слава Богу, недурно. Во всѣхъ уѣздахъ, въ уѣздныхъ стѣнныхъ городахъ устроены уже двухклассныя училища, которыя я ходатайствую обратить теперь въ городскія трехклассныя. Въ Тургай, кромѣ того, учреждена ремесленная школа, наименованная, согласно слезнаго моего ходатайства Яковлевскою, въ честь дорогаго и честнѣйшаго Якова Петровича. Съ начала этого года я возбудилъ вопросъ и уже успѣлъ походатайствовать у Начальства и киргизскихъ обществъ рублевый сборъ съ каждой кибитки, исключая бѣдняковъ, для учрежденія волостныхъ школъ, имѣя въ виду, что черезъ два года у насъ появятся свои молодые педагоги изъ Орской учительской школы и необходимо, чтобы они были примѣнены къ тому дѣлу, для котораго готовятся. Поднимается вопросъ объ образованіи одного на дѣльную область технического училища, гдѣ кромѣ ремесла, преподавались бы такія знанія, по которымъ киргизы могли бы примѣнять къ дѣлу свои сырыя производства, напр. выдѣлка кожи, валенокъ, пуховыхъ платковъ, приготовленіе свѣчей и т. п. Не развѣлю только мнѣніе Губернатора, чтобы въ двухклассныхъ школахъ устраивать ремесленныя отдѣленія. Чѣмъ кончится этотъ послѣдній вопросъ — не знаю. Ваши бывшіе питомцы, а мои нынѣшніе сотоварищи всѣ здравствуютъ, занимаются своимъ дѣломъ и я ими очень доволенъ. Предполагаю въ скоромъ времени переигнуть изъ Троицкаго приходскаго училища и Соколова, который почему-то недоволенъ своею жизнью

въ Троицкѣ. Вотъ и весь краткій отчетъ по учебной части въ Тургайской области.

Дня черезъ два ѣду въ Троицкъ наконецъ. Вспоминайте иногда Вашего преданнѣйшаго И. Алтысарина.

Здравствуйте, добрыйшаа Екатерина Степановна. Каково Ваше здоровье? Слышу все, что не здоровится Вамъ. Правда-ли?

Я чуть чуть не попалъ весною этого года въ Казань, такъ мнѣ хотѣлось повидать Васъ и Николая Ивановича, но обстоятельства не позволили. Но не перестаю и теперь думать объ этомъ; думаю даже взять съ собою все свое семейство, дѣтей, которыхъ теперь трое; одинъ изъ нихъ джигитъ—удалый молодецъ, только страшный разбойникъ, вѣроятно будетъ воиномъ.

14 Сентября 1884 г.

Многоуважаемый Николай Иванович!

Я все еще сижу въ Оренбургѣ, накликавъ на себя гнѣвъ Губернатора по поводу введенія ремесленныхъ занятій въ начальныя киргизскія училища. Я осмѣлился подать заявленіе, что введеніе ремеслъ въ томъ обширномъ размѣрѣ, каковаго желаетъ Губернаторъ, будетъ мѣшать достиженію главной цѣли въ киргизскихъ училищахъ — обученію киргизскихъ дѣтей русскому языку и правописанію, такъ какъ опытъ уже показываетъ, что при употребленіи даже всего учебнаго времени и курса на общеобразовательные вообще предметы, — киргизскіе дѣти съ трудомъ усваиваютъ русскій языкъ и грамоту и т. д. Это вызвало такую бурю со стороны Губернатора, что меня чуть-чуть не сослали въ отдаленныя мѣста. Но все, кажется, опять улаживается, благодаря только посредничеству В. В. Катаринскаго. Говора

же вообще, много за это послѣднее время порастрысли меня и за что, ни про что. Что же дѣлать?!

Но не жалобою хотѣлъ безпокоить Васъ, добрыйшій Николай Ивановичъ. Теперь я составляю вторую часть Киргизской Христоматіи (между прочимъ и за эту несчастную книжку трясли меня всячески, зачѣмъ же выдумать я русскій алфавитъ и т. п.) и въ историческомъ отдѣлѣ этой части необходимо бы помѣстить что либо собственно по исторіи Киргизъ, матеріаловъ для которой я не могу нигдѣ отыскать; даже сочиненій Левшина, Вельяминова-Зернова нигдѣ не нашелъ. А потому и рѣшился безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою, не найдется-ли возможнымъ гдѣ либо въ Казани отыскать историческіе матеріалы о Киргизахъ или не сдѣлаете-ли для меня милость, указавъ къ кому обратиться и выслать деньги, если гдѣ либо продаются подобные книги.

Сослужу, добрыйшій Николай Ивановичъ, еще одну службу за своихъ родичей, составивъ на киргизскомъ языкѣ книгу съ общеобразовательными научными вообще свѣдѣніями, а потомъ придется вѣроятно сложить оружіе и обратиться въ пастуха, которыхъ я и былъ рожденъ. Трудна борьба со зломъ, наступившимъ уже глубокіе корни въ киргизскомъ народѣ татарскими нашими профессорами, но еще труднѣе и опасно имѣть дѣло съ административными властями, готовыми изъ-за простаго даже каприза погубить честнаго человѣка...

Теперь, кажется, на самомъ уже дѣлѣ поѣду домой. Не откажитесь передать искреннѣйшее мое почтеніе Екатеринѣ Степановнѣ.

Преданнѣйшій и покорный слуга Вашъ И. Алтысаринъ.

30 Сентября 1884 года

г. Оренбургъ.

Ваше Превосходительство Николай Иванович!

Находя полезным назначать въ старшіе классы двухклассныхъ киргизскихъ школъ учителей чисто русскаго происхожденія, хотя и незнащихъ татарскій языкъ, я имѣю честь покорнѣе просить Ваше Превосходительство не отказать сообщеніемъ мнѣ, не окажется-ли желающихъ или не представится-ли возможность назначить въ Тургайскую область двухъ учителей изъ природно-русскихъ, кончившихъ курсъ во вѣрненной Вамъ Семинаріи и при томъ изъ числа воспитанниковъ извѣстныхъ Вамъ по даровитости и способностямъ, такъ какъ на нихъ, какъ на учителей старшихъ классовъ, будетъ возлагаться вся серьезная часть ученія киргизскихъ дѣтей.

Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что распоряженіе съ моей стороны о назначеніи избранныхъ лицъ на должности учителей, именно въ Костанаевскомъ и Тургайскомъ училищахъ, будетъ сдѣлано по полученіи отвѣта на настоящее письмо и не ранѣе половины Октября сего года.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Превосходительства покорный слуга И. Алтынсаринъ.

8 Сентября 1886 г.

Многоуважаемый Николай Иванович!

Посылаю къ Вамъ и на Ваше благоусмотрѣніе записку о волостныхъ школахъ. Желаю конечно очень, чтобы что нибудь было сдѣлано по этому дѣлу; но противящаяся сторона слишкомъ сильна, чтобы вести съ нею видимую борьбу. Я же и испыталъ уже кое-что за послѣднее время... Вамъ, впрочемъ, лучше знать обращенія съ большими людьми; поступите, добрый Николай Ивановичъ, какъ заблагоразсудите.

Не стану благодарить Васъ письмомъ за оказанную и оказываемую вообще любовь ко мнѣ, которой въ томъ количествѣ, какую оказываете Вы ко мнѣ, едва ли и заслуживаю; отплатить же я могу за все вниманіе развѣ только глубокимъ, до и, если можно, за—даже—могильнымъ, чистымъ, сердечнымъ уваженіемъ Васъ и Ваше доброе семейство.

Сегодня уѣзжаю изъ Оренбурга, въ которомъ, по правдѣ сказать, надобно мнѣ и жить, особенно безъ Василія Владиміровича.

Нижайшій алдіаръ Александрѣ Павловичу, Николаю Алексѣевичу, гг. и господамъ Смоленскимъ.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

18 Сентября 1886 г.
г. Оренбургъ.

ЗАПИСКА АЛТЫНСАРИНА

О КИРГИЗСКИХЪ ВОЛОСТНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Въ 1876 году, во время пріѣзда въ г. Оренбургъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Толстаго для реввіи учебныхъ заведеній Оренбургскаго учебнаго округа, происходило между прочимъ, подъ предѣтельствомъ Его же Сіятельства, обсужденіе вопроса объ образованіи киргизовъ Оренбургскаго края. Предметомъ обсужденія служилъ главнымъ образомъ вопросъ о способахъ распространенія между киргизами русской грамотности и о примѣнительности, въ этихъ видахъ, русскаго алфавита къ киргизскому языку. Совѣщанія эти, въ которыхъ участвовали бывшій Гепераль-Губернаторъ Оренбург-

скаго "края" Генераль-Адъютантъ Крѣжановскій, Попечитель Оренбургскаго учебнаго Округа Лавровскій, Директоръ Казанской учительской Семинаріи Ильминскій и Губернаторы Тургайской и Уральской областей, было установлено, что русскій алфавитъ вполне примѣнимъ къ киргизскому языку; но для веденія учебной части въ русско-киргизскихъ школахъ, предполагавшихся тогда въ стѣнныхъ волостяхъ, не имѣется на лицо учителей, знающихъ киргизскій языкъ, безъ чего невозможно вообще обученіе русскому языку киргизскихъ дѣтей, не знающихъ, при поступленіи въ школу, ни одного русскаго слова. Въ виду этого и было постановлено учредить въ одномъ изъ городовъ, ближайшихъ къ областямъ Тургайской и Уральской, киргизскую учительскую школу. Засимъ, въ 1879 году, была учреждена должность особаго инспектора школъ въ Тургайской области, на занятіе которой былъ приглашенъ одинъ изъ киргизъ же этой области Алтынсаринъ; въ 1881 году учреждена въ г. Орскѣ (Оренбургской губерніи) и киргизская учительская школа.

Названный сейчасъ Алтынсаринъ, еще при принятіи должности инспектора школъ, представилъ г. Попечителю Оренбургскаго учебнаго округа свое мнѣніе, что 1) учрежденіе волостныхъ школъ, какъ желалъ тогда г. Генераль-Губернаторъ Оренбургскаго края, установившій для устройства ихъ даже покибиточный сборъ съ киргизъ, представляется преждевременнымъ, такъ какъ для веденія въ нихъ учебной части не имѣется еще учителей, знающихъ и русскій и киргизскій языки, а приглашеніе на занятіе учительскихъ должностей грамотныхъ казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска или другихъ подобныхъ имъ, хотя и знающихъ киргизскій языкъ, но не получившихъ спеціальную подготовку, не можетъ, по мнѣнію его, привести къ успѣшному результату, 2) что поэтому, устройство волостныхъ

школъ полезнѣе было бы отложить до учрежденія учительской школы для киргизъ, тѣмъ болѣе, что, въ то время послано было объ этой школѣ и представленіе со стороны окружно-учебнаго управленія. Въмѣсто же волостныхъ школъ, Алтынсаринъ предлагалъ учредить, на первыхъ порахъ, по одному центральному училищу на уѣздъ въ городахъ и укрѣпленіяхъ, находящихся въ средѣ же киргизъ, съ интернатомъ на 50 киргизскихъ мальчиковъ въ каждомъ и на неопредѣленное число приходившихъ учениковъ изъ дѣтей мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ; для занятія же въ этихъ училищахъ учительскихъ должностей онъ предлагалъ приглашать воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ Казанской учительской семинаріи, гдѣ обучаются между прочими и дѣти крещеныхъ татаръ, знающихъ если не киргизскій, то татарскій языкъ, - родственныи съ киргизскимъ, и 3) что было бы желательно поставить эти центральныя училища во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми, какъ по внѣшней обстановкѣ, такъ и по учебной части, для того, чтобы будущія начальныя киргизскія школы, какъ предполагаемыя въ глубинѣ стѣней и должествующія по этому далеко отстоять отъ всѣхъ осѣдлыхъ частей Имперіи, имѣли возможность пользоваться живыми въ нихъ примѣрами лучшихъ учебныхъ приемовъ, школьной дисциплины и хозяйственнаго порядка; а потому деньги, собранныя и собиравшіяся тогда на устройство волостныхъ школъ, Алтынсаринъ полагалъ обратить на постройку прочныхъ, если можно, каменныхъ домовъ для означеннаго вида училищъ и на приличную въ нихъ обстановку, могущую давать возможность къ соблюденію чистоты, опрятности и порядка, въ виду того, что независимо пользы вообще соблюденія этихъ условий во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, для такого начинающаго народа, какъ киргизы, не маловажное образовательное значеніе имѣетъ и обученіе дѣтей ихъ къ при-

выскаль освѣдой жизни, чистотѣ, опрятности, порядку и дисциплинѣ. Кромѣ этого, отъ ея же, въ виду всѣхъ мѣръ, въ мѣсяцъ Мѣнѣе это, какъ Его Превосходительство, г. Помещаль Округа Лавровскій и окружный инспекторъ инородческихъ школъ Катаринскій, такъ и бывший тогда Военнымъ Губернаторомъ Генералъ-Маюръ Константиновичъ одобрилъ и предоставилъ дѣйствовать Алтынсарину по своему, изложенному выше, представлению. Согласно такому разрѣшенію, въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, стараніями вообще учебнаго управленія и при содѣйствіи бывшихъ областныхъ начальниковъ, уже устроены во всѣхъ уѣздныхъ городахъ по одному двухклассному училищу, построены для нихъ каменные дома, стоившіе каждый отъ 20 до 40 тысячъ, кромѣ одного Ирگزскаго уѣзда, гдѣ приобрѣтенъ готовый уже домъ за 4 тысячи рублей; устроена приличная въ нихъ обстановка, и приобрѣтены разныя учебныя пособия на общественный счетъ или частныя пожертвованія киргизъ, исходатайствованныя или лично собранныя Алтынсаринимъ; учителями въ этихъ школахъ служатъ преимущественно окончившіе курсъ Казанской учительской семинаріи и, по отзывамъ всѣхъ ревизовавшихъ, ведутъ свои дѣла очень добросовѣстно и съ успѣхомъ. Съ другой стороны, по ходатайству оружно-учебнаго управленія, учреждена въ г. Орскѣ, какъ выше замѣчено, и учительская школа для киргизъ, куда въ теченіи трехъ лѣтъ поступили изъ означенныхъ центральныхъ училищъ до 30 слишкомъ учениковъ; въ настоящемъ же году произведенъ даже первый выпускъ киргизскихъ учителей, изъ коихъ 10 изъ киргизъ Тургайской области, а два—Уральскіе.

Такимъ образомъ, изъ числа проектированныхъ школъ въ киргизскихъ областяхъ оставался не учрежденными только волостныя школы. Имѣя это въ виду, г. Алтынсаринъ еще въ

1883 году подавъ докладную записку г. Военному Губернатору Тургайской области о необходимости подготовленія средствъ къ устройству волостныхъ школъ, ссылаясь на изложенное выше одобренное Начальствомъ мнѣніе свое, а равно и на то, что во первыхъ для трехсотъ-тысячнаго населенія Тургайской области четырехъ двухклассныхъ училищъ съ 120, тогда, учащимися крайне недостаточно, а во 2-хъ что было бы крайне неослѣдовательно оставлять молодыхъ учителей изъ киргизъ безъ примѣненія къ тому дѣлу, для котораго они предназначались и для котораго Правительство потратило уже и тратить до 30 тысячъ руб. ежегодно; при этомъ были указаны какъ способы къ приобрѣтенію необходимыхъ средствъ, такъ и типъ школъ, желательныхъ въ средѣ киргизъ, заключающійся главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сообразно съ бытовыми условіями киргизъ, школы эти зимовали съ киргизами, когда они зимуютъ, и кочевали, когда кочуютъ. Къ представленію этому, п. д. г. Губернатора области Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ильинъ отнесся сочувственно и тогда же сдѣлалъ энергическія распоряженія къ приведенію его (представленія) въ исполненіе, а Алтынсаринъ, разбѣжжая засилью по области, убѣждалъ вліятельныхъ киргизъ области къ установленію на народное вообще образованіе киргизъ сбора съ каждой кибитки, въ богатыхъ частяхъ населенія по 1 руб. и съ небогатыхъ по 30-40 коп. Старанія эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ и всѣ волостныя общества Тургайской области представили приговора объ установленіи предложеннаго сбора, который тогда же и былъ утвержденъ губернаторскою властью. Такимъ образомъ, на всѣ нужды по устройству въ области, а именно на первоначальныя постройки въ волостяхъ школьныхъ зданій, обзаведеніе кибитокъ для лѣтнихъ передвиженій школъ, приобрѣтеніе хозяйственныхъ и учебныхъ принадлежностей, а за-

тѣмъ на постоянное содержаніе ихъ, установилось ежегоднаго книжочнаго сбора всего, въ общей сложности, около 35-40 тысячъ руб. въ годъ. Оставалось теперь приступить только къ устройству волостныхъ школъ, хотя не во всѣхъ волостяхъ сразу, а по одной по крайней мѣрѣ на 3-4 волости. Но въ настоящемъ году, неизвестно почему, а вѣроятно по какимъ либо административнымъ соображеніямъ, г. Военный Губернаторъ Тургайской области, Генералъ-Маіоръ Проценко предложилъ уѣзднымъ начальникамъ во 1-хъ значительно уменьшить означенный выше сборъ, каковая мѣра, въ виду немалыхъ затратъ, потребныхъ на упомянутые сейчасъ предметы, т. е. на постройку школьныхъ зданій и проч., равносильна разрушенію всего вышеизложеннаго плана образованія киргизъ; а во 2-хъ, что суммы, состоящія на лицо теперь и накопившіяся со сборовъ за предыдущіе года, предполагается собрать со всей области и употребить на постройку одного зданія центрального училища въ Иргизскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ выше упомянуто, приобрѣтенъ былъ покупкою домъ за 4 тысячи руб., но оказался дѣйствительно негоднымъ. Хотя и представляется надобность постройки зданія для Иргизскаго училища, но торопиться этимъ дѣломъ въ настоящее время едва ли необходимо, такъ какъ для него нанятъ уже подходящій домъ и черезъ два-три года можно будетъ построить и особое зданіе на собственные же средства Иргизскаго уѣзда, долженствующія образоваться изъ денежныхъ сборовъ въ теченіи этихъ 2-хъ 3-хъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, и въ настоящее время школьнаго фонда въ Иргизскомъ уѣздѣ состоитъ на лицо около 10, кажется, тысячъ руб. Во всякомъ случаѣ, казалось бы непрактичнымъ отнимать средства другихъ уѣздовъ, именно Тургайскаго, Николаевскаго и Илецкаго, средства, составившіяся изъ собственныхъ ихъ

же вкладовъ, на постройку школы въ чужомъ для нихъ уѣздѣ, не имѣющемъ съ ними никакихъ матеріальныхъ связей, и изъ-за одной Иргизской школы останавливать учрежденіе нѣсколькихъ волостныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что киргизскія волости, составляя приговора объ установленіи книжочнаго сбора на школы, имѣли въ виду устройство именно волостныхъ школъ и только для своихъ дѣтей, а не для дѣтей чужаго для нихъ уѣзда.

Такимъ образомъ, волостныя школы, готовыя уже къ осуществленію, остаются не устроенными, и, въ виду означеннаго выше распоряженія Губернатора области, едва ли осуществятся и въ будущее время, такъ какъ на тотъ же установленный у киргизъ денежный сборъ отнесена часть расходовъ по содержанію и ремонту центральныхъ училищъ, содержанію 4-хъ стипендіатовъ въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ и другіе, а за исключеніемъ денегъ, потребныхъ на эти расходы, излишка отъ уменьшеннаго по новому распоряженію сбора едва ли останется на столько, чтобы учреждать и содержать новыя волостныя школы*). Между тѣмъ, какъ выше, замѣчено, въ настоящемъ году окончили уже курсъ 12-ть киргизскихъ учителей и, по причинѣ неустройства волостныхъ школъ, должны были оставаться безъ мѣстъ, а далѣе ежегодно вновь будутъ выпускаться киргизскіе учителя и не пригнѣнные къ тому дѣлу, для котораго подготовлялись, черезъ годъ или два позабудутъ пройден-

(*) Впрочемъ, въ случаѣ, если останется наличныхъ денегъ отъ постройки школьнаго зданія въ Иргизѣ, Областное Начальство разрѣшаетъ устройство двухъ только волостныхъ школъ, одну въ Иаенкомъ, другую въ Николаевскомъ уѣздахъ, а между рѣмъ волостей въ Тургайской области насчитывается около 40, поэтому если открыть по одной только школѣ на 4 волости, и то потребуются открытіе еще 10-ти школъ.

ные специальные предметы и, таким образом, самая учительская школа не принесет той великой пользы, которая предполагалась и ожидалась от нея и Правительством и населением области. Нужно впрочем оговорить здесь, что на этот раз предприятия уже учебным начальством мѣры къ отвращенію образования безъ мѣсты киргизскихъ учителей—первенцовъ. Изъ нихъ четырехъ нашли учительскія мѣста въ Уральской области, четырехъ прикомандировали въ Красно-уфимское реальное училище для изученія нѣкоторыхъ техническихъ знаній, наиболѣе применимыхъ къ быту киргизъ, напримѣръ кожевеннаго производства и т. п., а остальныхъ четырехъ инспекторъ школъ Тургайской области намѣренъ прикомандировать къ центральнымъ училищамъ, въ качествѣ учительскихъ помощниковъ, для того только, чтобы они не позабыли свою специальность и продолжали изучать ее на практикѣ. Но подобное разиѣщеніе было возможно только на этотъ разъ; да и въ этотъ разъ нельзя сказать, что всѣ кончившіе курсъ учителя получили прочное назначеніе; изъ нихъ положеніе четырехъ, принятыхъ нынѣ въ качествѣ помощниковъ учителей, должно признать временнымъ; черезъ два года окончать курсъ ученія и тѣ четверо, которые прикомандированы теперь въ реальное училище; въ слѣдующихъ годахъ вновь будутъ прибывать учителя,—чтоже съ ними дѣлать, если не будетъ далѣе, предположенныхъ ранѣе, волостныхъ школъ? Дѣй, три школы, если и устроить ихъ на остатки отъ построекъ и содержанія существующихъ уже центральныхъ училищъ, въ состояніи ли будутъ удовлетворять потребности трехсотъ-тысячнаго населенія?...
 Къ вышеизложенному считаю нужнымъ присовокупить, что населеніе Тургайской области, состоящее исключительно почти изъ киргизъ, считается приблизительно около трехсотъ тысячъ

душъ; и на такое населеніе въ настоящее время имѣется 5-ть училищъ, изъ коихъ 4 двухклассныхъ и одно ремесленное на 10 только мальчиковъ, а учащихся въ нихъ не болѣе 200. Между тѣмъ въ киргизскомъ народѣ, какъ поставленномъ въ близкое уже соприкосновеніе къ осѣдлымъ народамъ, проявляется, между прочимъ, и стремленіе къ знанію языка сосѣднихъ народовъ и ихъ грамоты, тѣмъ болѣе, что во 1-хъ обстановка ихъ теперь, въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, такая, что на каждомъ почти шагѣ встрѣчаютъ нужду въ знаніи напр. русскаго языка и грамоты; а во 2-хъ народъ этотъ и отъ природы очень любознателенъ и воспримчивъ. Этимъ стремленіемъ киргизовъ начали и значительно уже пользуются сосѣднія націи, какъ татары, сарты, башкиры и прочіе. И будетъ очень прискорбно, если этотъ неспорченный, практической и способный народъ окончательно подвергнется вліянію татаръ, которые, вслѣдствіе глубоко укоренившагося въ нихъ фанатизма, живя три уже столѣтія въ средѣ русскихъ, за малымъ исключеніемъ, до сихъ поръ косяются въ невѣжествѣ. Въ виду этого, а равно и въ общихъ интересахъ Правительства правственно и экономически развивать подвластныхъ ему народовъ, и было бы желательно безотлагательное распространеніе въ киргизской Стени русско-киргизскихъ школъ, которыя если и не вытѣснятъ вполне татарское ученіе, но все же будутъ служить противовѣсомъ ему, разсудкомъ, такъ сказать, практическихъ взглядовъ на вещи, отражающихъ предрасудки, вредящія народному развитію; а это, въ связи съ неумереннымъ еще и вполне бодрствующимъ киргизскимъ народнымъ обычаемъ, основаннымъ на практическихъ началахъ, и притомъ въгъ всякихъ религіозныхъ вліяній, не допуститъ народъ къ правственному разложенію; желательно же безотлагательное устройство русско-киргизскихъ школъ въ средѣ

киргизъ тѣмъ болѣе, что и средства на лицо, которыя, не обременяя никого, даются самими же киргизскими обществами, а со стороны начальствующих лицъ просится только утверждение приговоровъ объ этомъ и принятіе на себя труда устраивать и вести школьное дѣло.

Въ заключеніе, позволяю себѣ еще высказать нѣсколько словъ по поводу мнѣнія нѣкоторыхъ господъ о болшей, въ настоящее же время, полезности для киргизъ устройства техническихъ, сельскохозяйственныхъ и женскихъ школъ. Не говоря здѣсь о непримѣнимости въ данное, по крайней мѣрѣ время, всѣхъ этихъ заведеній, въ одномъ случаѣ по дороговизнѣ содержанія ихъ, непосильнаго киргизскому населенію, а въ другомъ по положительному непризнанію еще пользы, напр. женскаго образованія,—здѣсь скажу только, что во 1-хъ киргизскій народъ только что начинаетъ учиться, а потому и ученые его должны начать прежде всего съ азбуки, и эту азбуку для него должны служить начальныя русско-киргизскія училища; во 2-хъ что въ видахъ устройства будущности киргизъ, а равно и въ видахъ самого Правительства сближать другъ къ другу отдѣльныя части Имперіи, необходимо прежде всего озаботиться, по мнѣнію нашему, введеніемъ въ киргизскую Степь обще-отечественнаго языка русскаго и русской же грамоты, проводникомъ которыхъ вѣрнѣе всѣхъ другихъ могутъ служить только народныя русско-киргизскія училища, учрежденныя въ средѣ же самихъ киргизъ, такъ какъ безспорно, полагаемъ, вообще, что живыя непосредственныя связи съ народомъ имѣютъ только тѣ училища, которыя устроены въ средѣ же народа и устроены на несложныхъ, простыхъ, общепонятныхъ началахъ; такія народныя училища имѣютъ вообще то еще преимущество, что учившіеся въ нихъ остаются въ своей родной же средѣ и, какъ ни мало получаемое образованіе, но

полезное вліяніе ихъ на экономическій и нравственный бытъ окружающаго населенія все же будетъ существовать, оградить народъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше, отъ безчеленныхъ эксплуатацій неблагонадежныхъ грамотѣевъ, и молодое поколѣніе киргизъ будетъ смотрѣть на языкъ и грамоту русскую какъ на единственный языкъ культуры и знаній, пристрастится къ нимъ и будетъ развиваться въ русскомъ, болѣе или менѣе, духѣ; и въ 3-хъ, что для дальнѣйшаго, болѣе высшаго образованія, для киргизъ уже открыты пути, такъ какъ существуютъ, кромѣ общихъ правъ на поступленіе во всѣ высшія и среднія учебныя заведенія, и особыя стипендіи для киргизъ въ Оренбургской, Троицкой гимназіяхъ и даже въ Казанскомъ университетѣ; въ случаѣ же недостатка ихъ, возможно открывать еще стипендіи для киргизъ, но только въ устройствѣ для нихъ отдѣльныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, стоящихъ дорого и непонятныхъ для народа, едва-ли предстоить неотложная надобность.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Примите душевный мой алдіаръ за письмо и память обо мнѣ, а равно за неоставленіе вообще киргизовъ своимъ сочувствіемъ. И что мы киргизы Вамъ? Ради чего неизмѣнно радуете за нихъ? Что я, наконецъ, Вамъ, котораго—вогъ уже 27 лѣтъ—ни на одинъ день не забывали и которому становитесь покровителемъ на всю его жизнь? За какія-такія его достоинства? Въ тѣ часы, когда спокойно вспоминаю объ Васѣ и добрѣйшей Екатеринѣ Степановнѣ, на вопросахъ этихъ не одинъ разъ останавливалась моя мысль, и отвѣчалъ болѣе или менѣе утвердительно на первые изъ этихъ вопросовъ, касающихся во-

обще киргизъ, я, признаюсь, становлюсь въ тупикъ передъ вторымъ изъ нихъ... Но какъ бы ни было, Вы и Ваша семья всегда, почему-то, относились ко мнѣ рѣзительно какъ къ близкому родному, и это обстоятельство глубоко трогаетъ меня; трогаетъ иногда, не скрою, даже до слезъ, особенно когда вспомнишь при этомъ несходство съ Вами другихъ тысячи людей, вѣрнѣе тысячи мною на жизненномъ пути, который представляется на дѣлѣ далеко вообще не торнымъ и не гладкимъ.

И по всему этому напрасно, дорогой Николай Ивановичъ, пишете, что Вы недостаточно обласкали меня и уѣхалъ я будто бы изъ Казани съ какою-то печалью. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ; на этотъ разъ смѣлился сказать, что ошибаюсь и Вы; я не въ состояніи только достаточно выразить Вамъ и Екатеринѣ Степановнѣ свою душевную благодарность за оказанныя и оказываемыя вообще Вами вниманія ко мнѣ. Какъ нѣкій французъ-флегматикъ, интересующійся Россіей, подплылъ къ Петербургу, и ставъ на палубу парохода, только посмотрѣлъ на столицу и, сказавъ: „а, городъ хорошъ“, отправился назадъ, такъ и я, послѣ долголѣтняго несвиданія, захотѣлъ только видѣть Васъ—дорогихъ мнѣ людей и, утѣшившись тѣмъ, уѣхалъ назадъ. И это я исполнилъ въ точности. Неразвязность и, часто, неразговорчивость,—какъ Вамъ извѣстно,—въ моей натурѣ, и это, вѣроятно, и есть главная причина того, что Екатерина Степановна предположила во мнѣ печальное настроеніе. А за что я дѣйствительно подлежу строгому высканію, такъ это за лѣность вообще мою къ писанію писемъ; да, по правдѣ сказать, о чемъ и писать-то? Жизнь у насъ такъ однообразна, съ пригнѣсью развѣ нерѣдкихъ неприятностей со стороны сильныхъ міра, что право ни для кого не интересно; а жаловаться постоянно и плакаться—можно этимъ и надоться.

И такъ нижайшій кулдукъ, Николай Ивановичъ и Екатерина Степановна! А если я какимъ-либо образомъ поступилъ не такъ, какъ предполагали, что со мною, по природной беспечности, можетъ случиться,—то простите великодушно.

Мои нѣкоторые дѣла въ центральныхъ училищахъ идутъ, слава Богу, хорошо; но крайней мѣрѣ такъ находятъ все бывавшіе въ нихъ и начальства тѣхъ учебныхъ заведеній, куда переходятъ наши ученики по окончаніи курса въ двухклассныхъ училищахъ. Недавно получилъ радостное извѣстіе, что директоръ Красноуфимскаго реального училища, гдѣ учатся теперь четверо изъ нашихъ, положительно восхищается ихъ способностью, и въ доказательство этого представилъ къ Попечителю округа образцы ихъ собственныхъ издѣлій: выдѣланной кожи и мыла, каковыя предметы я и настоялъ вмѣстѣ съ Василіемъ Владиміровичемъ, чтобы преподавали киргизитамъ; а Попечитель съ своей стороны представилъ эти образцы Министру. Между тѣмъ киргизята эти учатся въ реальномъ училищѣ всего только мѣсяцевъ шесть. Мы съ Василіемъ Владиміровичемъ постоянно и неуклонно настаивали и настаиваемъ на учрежденіи начальныхъ русскихъ школъ въ средѣ же киргизъ, и лучшихъ изъ окончившихъ здѣсь курсъ направлять въ такія практическія заведенія, гдѣ 1) учать учить другихъ русскому языку и грамотѣ и 2) такимъ практическимъ занятіямъ, какъ выдѣлка кожи, мыла, свѣчъ, тканье изъ шерсти простыхъ матерій изъ мѣстныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ скотоводствомъ; а въ видахъ содѣйствія къ переходу въ осѣдлую жизнь, къ которой киргизы идутъ уже быстрыми шагами, предполагали учрежденіе двухъ, трехъ особыхъ, и только особыхъ, ремесленныхъ школъ, гдѣ бы обучали плотнично-столярному дѣлу. И вотъ первые опыты, къ великой нашей радости, принесли хорошіе плоды: въ учрежденномъ въ

Тургай Яковлевскомъ ремесленномъ училищѣ плотнично-столярное и портняжное (съ шитьемъ на машинахъ) дѣла идутъ также весьма успѣшно. Но грѣхи наши далѣе положеннаго начала не пускають. О волостныхъ школахъ ничего официальнаго еще нѣтъ, другіе проекты также застряли не по винѣ только темнаго люда, а по винѣ совершенно свѣтлага... Таковы наши дѣла!...

Здѣсь ктати уруждаю Васъ и просьбой! Не найдется-ли изъ известныхъ Вамъ молодыхъ людей одного кончившаго курсъ въ специальномъ ремесленномъ училищѣ мастера плотнично-столярнаго или хотя столярно-токарнаго дѣла? Теперешній учитель по этимъ предметамъ собирается въ Маѣ уйти отъ насъ, и было бы великимъ для насъ благодѣишемъ, если бы указали на подходящаго учителя, а въ случаѣ согласія его предложили подать мнѣ теперь же прошеніе. Въ данномъ случаѣ не будетъ поступлено такъ, какъ невольно пришлось не сдержать слова относительно двухъ учителей, указанныхъ Вами въ Казани; здѣсь дѣло было въ другомъ видѣ: я, согласно словесныхъ обѣщаній, надѣялся на скорое устройство въ Костанай другаго двухкласснаго училища собственно для русскихъ поселенъ, но это до сихъ поръ не состоялось вследствие тормазовъ администраціи, неуказно практикуемыхъ неизвѣстно изъ какихъ видовъ, но говорить только потому, что вопросъ затѣянъ не ею, а учебнымъ начальствомъ. Одинъ изъ этихъ двухъ во всякомъ случаѣ будетъ нуженъ въ Маѣ и я вѣстакі расчитываю на Ваше великодушіе, что пришлете его, хотя невольно и не довелъ до исполненія первой своей просьбы. Было бы хорошо, если бы нашлся въ ремесленное училище учитель, знающій татарскій языкъ, но вѣроятно такого не найдется; а потому можемъ довольствоваться и русскимъ учителемъ, хотя и не знающимъ киргизскаго или татарскаго языка.

Жалованье учителю ремесленнаго училища положено 400 р. съ готовою квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Много саломовъ Александру Павловичу, г.г. и господамъ Смоленскимъ, Николаю Алексѣевичу, передъ которымъ я виноватъ, что не собрался еще отвѣтить на письмо. Пусть бранитъ пока сколько угодно; но не смотря на то, прошу и его отыскать мнѣ учителя для ремесленной школы, если только Вы не имѣете ничего въ виду.

Волтовней своей я, вѣроятно, надобѣ уже Вамъ и потому прекращаю писаніе, заканчивая его искреннимъ кулдукомъ Вамъ и Екатериинѣ Степановнѣ.

Глубоко преданный Вамъ Алтысаринъ.

19 Марта 1887 г.

г. Костанай.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Вы, вѣроятно, уже знаете, что представленная черезъ Васъ записка помогла нашему учебному вопросу; тотъ же Губернаторъ, который ранѣе упорно признавалъ бесполезнымъ открытіе для киргизъ школъ, сталъ тропить меня къ устройству, сразу, шести волостныхъ школъ въ Области, и я не замедлилъ исполненіемъ: до начала настоящаго года, въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ я устроилъ и открылъ предполагаемыя шесть школъ. Засимъ обстоятельства измѣнились, Губернатора Пронченко уволили отъ должности и на мѣсто его поступилъ Генералъ Барабашъ, человекъ умный, ученый и сочувствующій вообще киргизамъ и ихъ жизненнымъ вопросамъ. Я оживилъ, дорогой Николай Ивановичъ, и продолжаю дѣйствовать: нынѣ открываю женскій пансіонъ при Иргизскомъ женскомъ училищѣ

для киргизских дѣвочекъ, открылъ уже русскую школу для Кустанаевскихъ поселенцевъ, женское училище въ Актюбѣ и еще двѣ волостныя школы въ Тургайскомъ и Илецкомъ уѣздахъ; въ реальномъ Красноуфимскомъ училищѣ открыты четыре стипендіи для обученія киргизъ техническимъ наукамъ и въ сельско-хозяйственной школѣ пять стипендіи для обученія сельскому хозяйству подъ руководствомъ славнаго, дѣльного и глубоко любящаго свое дѣло Соковнина. Въ этой сельско-хозяйственной школѣ, поставленной совершенно на практическихъ началахъ, обучаются кожевенному, мыловаренному, маслодѣльному, гончарному дѣламъ, столярно-токарному, кузнечно-слесарному ремесламъ и изъ сельскаго хозяйства огородничеству, садоводству, скотоводству, земледѣлію, съ ознакомленіемъ съ новѣйшими машинами и ихъ устройствомъ, со способами леченія скота и борьбы съ вредными насекомыми для хлѣбовъ. Внесъ я нынѣ проектъ объ устройствѣ особой сельско-хозяйственной школы для киргизъ въ самой Области на тѣхъ же началахъ, на какихъ основана Красноуфимская. Приходите поспѣшить устройствомъ всѣхъ этихъ новыхъ учрежденій, которыя были желательны давно, но не пускали до нихъ, должно быть, грѣхи наши, поспѣшите тѣмъ болѣе, что упорно ходятъ слухи объ упраздненіи нашей Области, съ исполненіемъ чего средства общественныя будутъ разбиты на двѣ или три части, и тогда устройство такого капитальнаго дѣла, какъ сельско-хозяйственнаго, сопряженнаго съ устройствомъ заводовъ и фермъ, можетъ и не состояться.

Теперь, простите великодушно, что побезпокою Васъ просьбою какъ можно скорѣе выслать Клячкова, котораго нѣтъ до сихъ поръ, а школа уже открыта (21 Августа), и за невіею Клячкова я просилъ вѣтнаго благочиннаго о. Малдышева назначить временно учителемъ діакона его; но этотъ послѣдній

занятъ другими дѣлами, а потому не ожидаю успѣшнаго занятія съ его стороны. Въ Оренбургъ я прїѣхалъ нарочно для свиданія съ Губернаторомъ и переговоровъ съ нимъ относительно всѣхъ вышеозначенныхъ вопросовъ. Онъ поручилъ мнѣ самому исполнить всѣ бумаги, касающіяся народнаго образованія въ Области и я охотно сию здѣсь въ качествѣ дѣлопроизводителя Губернатора по школьнымъ дѣламъ.

Ночью 11 числа, прїѣхалъ Попечитель округа и собирается къ намъ, въ Кустанай;—придется и мнѣ ѣхать съ нимъ, оставивъ открытіе нѣкоторыхъ школъ близъ Оренбурга до Октября. А вѣдь я собирался ѣхать отсюда въ Казань на салымъ къ Вамъ, но обстоятельства измѣнились и приходится отложить это горячее свое желаніе; слышалъ, что не совсѣмъ Вы здоровы, но мы—вся киргизландія—молимъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ Ваше здоровье, и надѣемся, что Онъ, по неисчерпаемому милосердію своему, услышитъ наши молитвы. Здравствуйте, дорогая Екатерина Степановна! Желать я непременно побывать у Васъ, но не пришлось, буду живъ—непрѣменно прїѣду въ будущемъ году.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубокою преданностью Вашъ слуга И. Алтыпаринъ.

Сентября 1888 г.

Многоуважаемый, дорогой Николай Ивановичъ!

Съ великою радостью принимаемъ въ намъ скромный край Александра Васильевича Смоленскаго и не сомнѣваюсь, что огло намъ понравится; да поправимся-ли мы ему и наша не для всѣхъ милая Степь, тѣмъ болѣе, что Александра Васильевича

приходится назначить не въ Актюбѣ, куда Вы желали, а въ Иргизѣ. Дѣло въ томъ, что по смерти бѣдняжки Данилова, не имѣя еще никого въ виду, я тотчасъ же назначилъ завѣдующимъ Актюбинскимъ училищемъ Лапшина, котораго ранѣе обходился отъ такого назначенія, считая не достаточно опытнымъ; но уже, во первыхъ, увѣрился въ достаточной его опытности, а во вторыхъ онъ женится на дочери мѣстнаго Актюбинскаго же купца Самуркуова, а потому считая справедливымъ дать ему болѣе солидное положеніе. Теперь же перевести этихъ молодыхъ людей изъ Актюбѣ въ Иргизъ, вопреки всѣмъ ихъ надеждамъ и ожиданіямъ и ожиданіямъ ихъ новыхъ родныхъ, считаю неудобнымъ. Но какаѣ же особенная разница для Александра Васильевича между Актюбѣ и Иргизомъ? Правда, природа Иргизская похуже Илецкой и нѣтъ въ Иргизѣ никого изъ Семинаріи, такъ какъ и Царегородцевъ уходитъ отъ насъ въ уѣздное управленіе (кстати сказать, я донесъ объ этомъ Попечителю, доложивъ при этомъ, что онъ казеннокомштный воспитанникъ Семинаріи, обзаванный прослужить на учительской должности шесть лѣтъ и получившій казенные прогоны; а же его уволилъ, такъ какъ отбилса совсѣмъ отъ рукъ); но въ Иргизскомъ двухклассномъ училищѣ служатъ двое киргизъ, одинъ кончившій курсъ Красноуфимскаго реальнаго училища, а другой учительской школы—оба очень хорошіе люди, и Александръ Васильевичъ навѣрное сойдется съ ними; засимъ тамъ же живетъ Альмухаммедъ Сейдалиевъ въ должности мирового судьи и слѣдователя, очень ратующій за киргизское образованіе и нынѣ помогшій мнѣ открыть въ Иргизѣ первое еще въ Степи женское училище для 20 киргизскихъ дѣвочекъ; уѣздный же начальникъ, служившій ранѣе въ Казани, правителемъ канцеляріи командующаго войсками—Гайдарскій также дѣльный человекъ. Плоховата тамъ учени-

ческаѣ только квартира, но съ весны предполагается постройка особаго дома.

Считаю нужнымъ ко всему этому прибавить, что я ходатайствую теперь объ обращеніи четырехъ двухклассныхъ училищъ въ трехклассныя городскія или уѣздныя, при коихъ полагаются по одному учителю-инспектору съ окладомъ около 900, кажется, рублей, казенною квартирой и общими правами на государственную службу. Какъ кажется, мнѣніе это должно осуществиться на дѣлѣ, такъ какъ Попечитель округа согласенъ со мною и притомъ къ прежнему содержанію двухклассныхъ училищъ прибавляется самый незначительный расходъ, для котораго я указываю и готовые источники. И если предположеніе это осуществится, то и для Александра Васильевича готова будетъ должность инспектора-учителя, болѣе подходящая его образованію. А далѣе, если онъ полюбитъ нашу Степь и киргизляндію, въ нашихъ областяхъ могутъ открываться должности еще и повыше...

Вотъ и все, что ожидаетъ Александра Васильевича. Рѣшите теперь, дорогіе Николай Ивановичъ и Екатерина Степановна, ѣхать ему къ намъ или нѣтъ.

Вмѣстѣ съ сими я посылалъ къ Вамъ и телеграмму, просилъ отвѣтить на Орскѣ, такъ какъ я ѣду въ Актюбу и дорогой заѣду въ Орскѣ, гдѣ, заручившись Вашимъ согласіемъ, я и намѣренъ сдѣлать формальныя уже распоряженія на счетъ назначенія Александра Васильевича. Не знаю еще, возможно-ли ходатайствовать о выдачѣ прогонныхъ Смоленскому, такъ какъ онъ не казенно-комштный, какъ Вы пишете, и не изъ семинаріи. Случай этотъ еще первый, поэтому посвѣтуюсь объ этомъ съ дѣловыми людьми.

Да, еще одна просьба. По предложенію окружнаго управленія, я долженъ запросить мѣстнаго Губернатора о политической

благонадежности вновь назначеннаго учителя; но, мнѣ кажется, на Вашъ запросъ и ходатайство скорѣе бы отвѣтили, а потому не примете-ли на себя трудъ исходитьствовать на мѣстѣ требуемое удостовѣреніе.

Новаго ничего еще у насъ нѣтъ. Дѣла наши двигаются, слава Богу, впередъ; да вотъ въ послѣднее время нездоровится мнѣ что-то. Довольно частыя побѣдки по отдаленнымъ ауламъ и притомъ всегда въ холодное время или позднюю осенью да раннюю весною, отзываются немного на моемъ здоровьи; ну да Богъ милостивъ—послужимъ еще до выполнения нѣкоторыхъ задачъ, а тамъ можно и на покой...

Сердечное и глубокое спасибо, дорогая Екатерина Степановна, что не забываетъ меня. Да воздастъ Богъ за Васю всегдѣе, неизмѣнное вниманіе и расположеніе ко мнѣ.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ преданный и покорный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

Въ Февралѣ 1889 г.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Послѣднюю телеграмму Ваму отъ 2 Марта я получилъ 5 числа т. е. вчера. Дѣлать нечего, если измѣнилъ своему намѣренію Александръ Васильевичъ, то согласенъ, также съ большимъ удовольствіемъ, принять завѣдующимъ училищемъ въ Иргизѣ г. Тимофѣева. Но теперь наступаютъ уже распутица, которая продолжится до первыхъ чиселъ Мая, а потому нечего ему и торопиться побѣдкой, тѣмъ болѣе, что не въ дальнемъ будущемъ наступятъ и канікулы (15 Мая). Онъ, мнѣ кажется, можетъ прѣхать къ намъ т. е. въ Иргизъ въ половинѣ или даже

концѣ Юля, а такъ какъ ученіе начнется между 15 и 20-мъ Августа, то до началія еще учебнаго дѣла успѣть, на свободѣ, познакомиться съ хозяйствомъ и вообще порядками училища. А между тѣмъ, по прѣѣздѣ домой, я напишу къ Вамъ и официальное согласіе на принятіе учителемъ Тимофѣева.

Побывавъ въ Актюбѣ и Буртинской волости, я на пути уже восвоисл. Всюду въ Николаевскомъ и Илецкомъ уѣздахъ зима стоитъ довольно суровая, сѣна вздорожали и, если не скоро откроется весна, какъ предвѣщаютъ киргизскіе астрономы, то плохо будетъ киргизамъ, такъ какъ сѣна у нихъ почти уже нѣтъ, а тебеневать скотъ не можетъ по случаю гололодицы.

Искреннѣйшій и глубокий мой адляръ Екатерина Степановнѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ преданныйшій Вашъ слуга
И. Алтынсаринъ.

Ст. Наслѣдничка
6 Марта 1889 г.

Ваше Превосходительство Николай Ивановичъ!

Извѣщаю Васъ о смерти Инспектора киргизскихъ школъ Тургайской области г. Алтынсарина, что онъ умеръ 17 Юля (1889 года). Онъ нынче все лѣто былъ боленъ, болѣзнь его была порокъ сердца. Передъ смертью три дня онъ лежалъ безъ слуха и безъ разговора. Семейство у него осталось два сына и двѣ дочери. Старшему сыну 9 лѣтъ а младшему 2 года. Старшей дочери 12 лѣтъ а младшей 1 годъ. Я, племянникъ его, учусь въ третьемъ классѣ Троицкой гимназіи. Отданъ я въ гимназію дядей Алтынсариннымъ. Про Васъ мнѣ онъ говорилъ и

уважалъ Васъ. Передъ смертью онъ хотѣлъ Вамъ въ письмѣ меня рекомендовать, но не успѣлъ.

Мнѣ передъ смертью сказали, чтобы я слушался Вашего совѣта. Старшій сынъ его учится въ Кустанаевской школѣ, я хочу его на будущій годъ отдать въ гимназію; объ этомъ прошу Васъ Вашего совѣта.

Остаюсь Вашъ покорный слуга Ахмедбекъ Валугджигъ.

2) къ Вас. Влад. Катаринскому).

Многоуважаемый Василій Владимировичъ!

Письмо Ваше отъ 7 Юля (здѣсь получено сего числа) я получилъ и приношу искреннюю благодарность за всѣ участія, которыя вообще принимаете Вы по всѣмъ моимъ дѣламъ.

Къ великому прискорбію моему, въ настоящее время я никакъ не могу ѣхать въ Казань, такъ какъ вернувшись только что изъ Оренбурга послѣ продолжительныхъ разъѣздовъ по Области и принявшись за постройку себѣ жилища, я истратился такъ, что не съ чѣмъ пока и ѣхать. Трехкратная побѣда въ этомъ году въ Оренбургъ довольно такъ растрясла мой негольшой карманъ; но главная бѣда не въ томъ; въ этомъ горѣ вѣроятно пособили бы мнѣ добрыя здѣшніе знакомые, а вообще всѣ домашнія и служебныя обстоятельства сложились такъ скверно, что остаюсь въ безвыходномъ положеніи.

Итакъ, не смотря на всеобщее желаніе друзей скорѣе видѣть въ печати мою книжонку придется ей вѣроятно погостить

*) Инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго округа.

еще у Васъ до полученія мною назначенія на новую должность, приблизительно до Сентября или Октября мѣсяцевъ, когда я надѣюсь устроить свои дѣла. Дѣлать видно нечего, не суждено ей войти въ учебное обращеніе въ нынѣшнемъ году, а побѣхавши попозже и пользуясь нѣкоторою свободою при новой должности, я одновременно соберу и материалы для 2-й части Хрестоматіи.

Мнѣ пришло въ голову еще одно обстоятельство: въ Казанскомъ университетѣ учатся двое, кажется, нашихъ молодцовъ: Сувнучгаліевъ и Чуваковъ. Если они тамъ, то надѣюсь, Чуваковъ въ особенности не откажется бы держать корректуру. Въ въ данномъ случаѣ важнѣе всего, чтобы не было ошибокъ въ текстѣ, а Чувакову—природному киргизу легко видѣть такія ошибки. Впрочемъ, быть можетъ ему не возможно принять на себя этотъ трудъ по своимъ учебнымъ дѣламъ, или же по чему либо вообще это неудобно, я не знаю мѣстныхъ условий; а казалось бы, при руководствѣ его еще Николаемъ Ивановичемъ, дѣло бы пошло ладно.

Вообще не откажитесь, Василій Владимировичъ, извѣщеніемъ, какъ полагаете о моемъ рѣшеніи ѣхать осенью и мысли о Чуваковѣ, если онъ въ Казани.

Засвидѣтельствуйте отъ меня почтеніе супругѣ Вашей.

Глубоко-преданный и уважающій Васъ И. Алтынсаринъ.
25 Юля 1879 года
Тургай.

Многоуважаемый Василій Владимировичъ!

Я все еще проживаю здѣсь, связанный, какъ говоритъ киргизская пословица, безъ веревки. Печатаніе Хрестоматіи подходит къ концу. Пользуясь свободнымъ временемъ, я успѣлъ

составить здѣсь и руководство къ изученію русскаго языка киргизами, только не переписано, что исполню вѣроятно въ Тургаѣ.

Въ Иргизѣ учитель посланъ, но не знаю, сдѣлаютъ-ли тамъ что-нибудь безъ меня, тѣмъ болѣе, что не куплены до сихъ поръ для тамошней школы мебель и другія хозяйственныя принадлежности. Только съ недѣлю тому назадъ, я хлопоталъ на эти вещи деньги изъ Оренбургскаго правленія; но деньги оказались въ Иргизѣ, а часть вещей необходимо заказать здѣсь, напримѣръ кровати, столовыя, кухонныя и постельныя принадлежности. Написано въ Иргизѣ о высылкѣ 700 руб. въ Оренбургъ. Въ виду этого, я уже заказалъ 25 желѣзныхъ кроватей и купилъ у общества Краснаго Креста разныя холщевыя и полотняныя вещи.

Когда будетъ предполагаемое совѣщаніе, я не имѣю свѣдѣній, не ждутъ-ли, кажется, Вася. Проектъ о нашихъ школахъ оставленъ безъ движенія до этого именно совѣщанія.

А мнѣ приходится только пѣть: „И свучно и грустно“ и т. д., да къ несчастію, раскрылась на ногахъ рана и вотъ уже цѣлая недѣля, какъ сижу въ заключеніи по предписанію доктора; при этомъ, отъ усиленныхъ чтенія и писанія отъ нечего дѣлать нѣсколько уже дней страдаю головою болью и вдобавокъ заложило объ уши, такъ что слѣдую примѣру секретари Попечителя (вѣдь такъ и слѣдуетъ впрочемъ рыаному послѣдователю учебнаго міра), подставляющаго которое нибудь изъ ушей каждому говорящему.

И такъ, до свиданія, Василій Владиміровичъ; если предполагаете пріѣхать, то пріѣхали бы поскорѣе, чтобы и дѣла покончить, и меня освободить изъ заключенія.

Глубоко-преданный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

Если не полагаете пріѣхать, то напишите по крайней мѣрѣ объ этомъ.

Супругѣ Вашей не откажитесь передать менинг салымъ.

9 Ноября 1879 г.

г. Оренбургъ.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Хрестоматію мою уже напечатали и осталось лишь переплетаніе. Дней черезъ пять, какъ окончатъ переплетаніе первыхъ 20 книжекъ, предназначенныхъ для разсылки начальствующимъ и близкимъ мнѣ особамъ, я предлагаю отпраться восвоимъ.

Теперь, помогите, Василій Владиміровичъ, разрѣшить вопросъ, сколько экземпляровъ оставить въ Оренбургѣ для (вообще) Оренбургскаго учебнаго округа; какъ бы сообщить объ изданіи Киргизской Хрестоматіи директору народныхъ школъ Туркестанскаго округа и учебному начальству Сибирскихъ округовъ. Впрочемъ, о послѣднихъ вѣроятно нужно переговорить съ Попечителемъ, что я и сдѣлаю; но относительно количества экземпляровъ Хрестоматіи, нужныхъ для Оренбургскаго учебнаго округа, Попечитель ждетъ, повидимому, Вашего заключенія.

Недавно состоялось то пресловутое засѣданіе, о которомъ говорилъ Попечитель, но чѣмъ, пока не знаю, потому что совѣщаніе это состоялось только между двумя военными, однимъ Генералъ-Губернаторомъ и Попечителемъ; я же участвовалъ наканунѣ въ контръ-совѣщаніи у Попечителя.

Не откажитесь сообщить, по возможности, поскорѣе о числѣ книгъ, предназначенныхъ для школъ вообще Вашего вѣдомства, и если по расчету письмомъ Вамъ получится здѣсь датѣ недѣли,

считая съ сегодняшняго числа, то напишите письмо на имя Федора Дмитриевича, которому я сообщу какъ и что сдѣлать.

Передайте отъ меня глубочайшее почтеніе супругѣ Вашей.

Наипреданнѣйшій слуга Вашъ И. Алтысаринъ.

17 Ноября 1879 г.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ?

Выѣхавъ изъ Оренбурга 29 Ноября, я добрался до Тургай только 19 Декабря и перетерпѣлъ столько бѣдствій на пути, по случаю непрерывныхъ и безпощадныхъ бурановъ, что впрочемъ даже объ нихъ съ трепетомъ. При этихъ обстоятельствахъ не разъ вспоминалъ и о Вашемъ подобномъ же путешествіи по нашему уѣзду; но по Стени знакомой и осенью а конечно не испытывалъ бы того, что Вы тогда испытали, а тутъ вѣдь насъ постигла грозная и никакою опытностію не отвергаемая сила Природы. Но, слава Богу, все теперь забывается, тѣмъ болѣе, что по приѣздѣ домой, я не нашелъ у себя ни клочка сѣна для скота и ни топлива, которыя запасенъ глубокими и высокими сибѣжскими горами, какихъ рѣдко когда видывалъ Тургай; почему забота о прибрѣтеніи ихъ и призрѣніи какъ нибудь своего скота, по несчастію пригнаннаго нынѣ на Тургай, поглощала все мое время и теперь продолжается.

Еще начало зимы, а положеніе нашихъ скотоводовъ и теперь ужасное; не знаю, чѣмъ ознаменуетъ себя настоящая зима, но хорошаго ожидать, кажется, нечего.

Посреди домашнихъ заботъ своихъ, я очень часто и долго тревожусь относительно послѣдствій нашего проекта о новыхъ школахъ. По началу дѣло казалось успѣшнымъ, но дѣлается ли

у насъ въ Областномъ-го Правленіи что-либо къ устройству этихъ школъ, не тормозятъ-ли еще разными воображаемыми обстоятельствами? А вѣдь, дорогой Василій Владиміровичъ, весь успѣхъ просвѣщенія киргизовъ зависитъ отъ скорого по возможности исполненія нашего проекта. Мы все думаемъ, соображаемъ, ищемъ, находимъ тѣ или другія препятствія (подъ словомъ „мы“ я подразумеваю конечно большихъ людей, отъ которыхъ зависитъ устройство школъ), истекающія иногда не изъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, а изъ личнаго самолюбія; но народъ, находясь теперь въ переходящемъ состояніи, требуетъ себѣ какую нибудь нравственную пищу, и эту пищу, по необходимости, получаетъ изъ невѣжественныхъ ругъ, довольно жадно напихивается ею и портитъ свой здоровый организмъ.

Вы ближе, Василій Владиміровичъ, къ звѣздамъ, повліяете на нихъ сколько можете и поторопите устройствомъ предложенныхъ училищъ. Богъ милосердъ и справедливъ, говорится во всѣхъ божескихъ законахъ, и навѣрно благословитъ Васъ! Наши молодые учителя въ Иргизѣ и Тургаѣ ведутъ дѣло недурно; я ими доволенъ. Учитель въ Троицкѣ Воскобойниковъ, повидимому, желалъ уходить изъ Троицка; но я, увидавъ изъ его бумаги ко мнѣ, что онъ долженъ быть весьма дѣльнымъ человѣкомъ, просилъ письмомъ, чтобы онъ не торопился оставлять мѣсто, обнадѣживъ на 450 руб. проектированныя Вами. Не знаю, что онъ на это скажетъ. Двѣ бумаги его я посылаю къ Вамъ вслѣдствіе того, что я не знаю что съ ними сдѣлать. Здѣшнимъ учителямъ я предложилъ географію преподавать по „Учебной книгѣ географіи. Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ К. Смирновъ. XX изданіе, исправленное. С.-Петербургъ. Тип. Э. Аригольда. Лист. № 59“. Эта книжка мнѣ

весьма понравилась по краткости и ясности изложений. Поэтому не найдете-ли возможным предложить в книжный магазин выслать эти книги по 20 экз. в каждую школу, а деньги могут быть высланы из каждой школы в счет сумм, определенных на учебные принадлежности. Историю придется заказать, приобщать по Руководству Иловайского, но мне лично не совсем нравится это Руководство; а делать нечего, других подходящих не знаю. Мне весьма понравился Элементарный курс всеобщей и русской истории Велляринова; книга эта составлена также кратко, а все необходимые сведения тут есть. Не преподавать ли просто по этому руководству? Видь в одной русской истории больших разнообразий и сведений, развивающих детей, очень мало; а объем означенного руководства не больше одной Русской Истории, и дети по моему мнению, получать, по прохождении его, больше обширные понятия. Если Вы со мною согласны, то сообщите ради Бога и также не откажитесь сообщить Оренбургскому книжному магазину о высылке их в каждую школу, а я постараюсь, в случае надобности, изыскивать способы к открытию этих расходов, или же не найдете-ли возможным остаток из каждой школы употребить на покупку этих книг, из коих руководство Смирнова 40 коп., а Велляринова 1 р.

Мой план обучения киргизских мальчиков следующий:

1-й классъ.

- 1) начать послѣ того, какъ выучатся читать, съ моего руководства;
- 2) въ то же время занимать чистописаніемъ и чтеніемъ легкихъ русскихъ хрестоматій (Толстого), предоставляя имѣть тетради для записыванія и заучиванія незнакомыхъ русскихъ словъ;

3) по прохожденіи руководства заставить читать киргизскую хрестоматию и одновременно русскую Водовозова съ объясненіемъ прочитаннаго и письменнымъ переводомъ съ киргизскаго на русскій языкъ изъ киргизской хрестоматіи;

4) арифметическое печисленіе по кубикамъ и счетамъ.

2-й классъ.

1) Переводы съ русскаго на киргизскій и обратно съ объясненіемъ прочитаннаго и грамматическимъ разборомъ;

2) историю;

3) географию и явленія природы;

4) арифметику до дробей.

Въ послѣдній годъ заставить писать и читать „письменное дѣлопроизводство“.

Не откажитесь сообщить мне Ваше мнѣніе обо всемъ этомъ.

Извините, Василій Владиміровичъ, вообще за безпорядочность письма. Я привыкъ относиться къ Вамъ не какъ официальному лицу, а какъ къ добрѣйшему и благосклонному приятелю и письма мои по этому слишкомъ безцеремонны—я это чувствую, но писать къ добрымъ людямъ иначе не могу.

Передайте мое глубокое почтеніе Вашей супругѣ.

Напереданнѣйшій слуга Вашъ И. Аттысаринъ.

27 Декабря 1879 г.

г. Тургай.

Добрѣйшій Василій Владиміровичъ!

Давно, очень давно не писалъ никому изъ Тургай; а въ особенности неприятеленъ этотъ поступокъ въ отношеніи къ Вамъ. Долгому молчанію была весьма важная и причина, узнавъ кого-

рую, быть может простите меня великодушно. Вся зима прошла для меня еще в болѣе тяжеломъ видѣ, нежели это было въ предшлѣднюю. Тамъ я лишился только скота, приобретеннаго неуспѣшнымъ трудомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, а теперь чуть не пришлось лишиться всего семейства и ближнихъ. Тифъ, непрошенный гость, одолевалъ постоянно всѣхъ насъ, продолжаясь у каждаго заболѣвшаго не менѣе мѣсяца. Постоянно слѣдя за ходомъ болѣзни моихъ семейныхъ и ближнихъ и вѣчно разстро-енный нравственно, я съ умысломъ не писалъ никому, боясь быть слезливымъ, чего въ письмахъ не люблю самъ и думаю, что не любятъ и другіе. Наконецъ все семейство мое поправилось, изъ ближнихъ нѣкоторые умерли, а нѣкоторые едва живы и теперь; а тифъ кругомъ все еще свирѣпствуетъ. Не бойтесь впрочемъ моего письма, какъ посланнаго изъ больнаго дома. Теперь достаточно уже времени прошло тому, что больныхъ не стало, и мы же живемъ теперь въ кибиткѣ, боясь комнатнаго воздуха. Голодь и тифъ высоко подняли вновь цѣны на продукты; не знаю, когда поправится этотъ несчастный уѣздъ. По этому думаю уже по добру по здорову бѣжать отсюда и перебраться въ Троицкъ или въ новый городъ Урдабай.

Теперь о школахъ. Опѣ здравствуютъ. Въ Иргизѣ и Тургаѣ зданія выстроены и обставлены недурно. Только не понятно, что содержаніе оставляютъ въ Тургаѣ тоже, какое было прежде. Вѣдь домъ-то теперь вдвое противу прежняго и содержанія стало быть т. е. отопленія, освѣщенія и прислуги нужно вдвое же. Цѣны на продукты стоятъ такъ высоко, что на 4 р. не купишь одного хлѣба по 30 ф. въ мѣсяцъ на ученика, на чай и сахаръ, а вѣдь нужно же мяса и прочаго. Я все считывалъ на положенные Вами 4,500 руб. на новыя училища; но этихъ денегъ, какъ пишутъ, скоро не дадутъ, а что-же мы

то должны сдѣлать? Не кормя учениковъ и не отопляя, не освѣщая, да безъ прислуги оставить училище нельзя. Я писалъ уже два раза Попечителю, да и Яковъ Петровичъ разъ Губернатору; не откажитесь и Вы принять участіе въ нашемъ безвыходномъ положеніи. Если нѣтъ источниковъ въ обществѣ, то пусть же по крайней мѣрѣ отступятъ на Тургайское училище изъ 4535 р., ассигнованныхъ въ этомъ году въ видѣ прибавки къ прежнимъ содержаніямъ училищъ Тургайской области. Иргизское и Тургайское еще можетъ кое-какъ пробиваться; тамъ, въ крайнемъ случаѣ, есть еще другіе источники, а здѣсь у бѣдствующаго уѣзда нѣтъ никакихъ способовъ обойтись.

Не откажитесь передать мое почтеніе Ѳедору Дмитріевичу и Варварѣ Дмитріевнѣ да Александру Григорьевичу; супругъ Вашей миліонъ двѣсти тысячъ разъ поклонѣтъ. Пусть же не сердятся на меня за страшное невѣжество, неблагодарность и прочее. Въ Тургаѣ какъ заѣду, самъ чувствую, что тупѣю. Пусть же тупоголоваго не выпяты за молчаніе. Вѣдь въ сущности самъ же теряю удовольствіе имѣть отъ добрыхъ знакомыхъ письма, но что подѣлаешь? Тургаѣ сталъ уже такимъ мѣстомъ, что пропадаетъ всякій духъ и энергія.

Преданный навсегда слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Давно не пилѣю отъ Васъ ни строчки извѣстій, почему она-самая, что не доходятъ къ Вамъ мои письма. Цѣль настоящаго письма заключается въ томъ, чтобы просить у Васъ прощенія по одному касающемуся Васъ моему проступку. Завѣдующій Троицкимъ училищемъ Воскобойниковъ съ каждою почтой осаждалъ меня жало-

бамп на неудобство школьнаго помѣщенія, дѣйствительно и неудобнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Развѣ возможно помѣстить двухклассное училище въ одну маленькую комнатку съ переднею, между тѣмъ какъ на отпускаемые на наемъ квартиры деньги 300 руб., можно нанять лучшей въ Троицкѣ домъ, со всеми удобствами? Держать учениковъ въ конурѣ, а учителя въ прихожей въ то время, когда есть простая возможность перебраться дурную квартиру на хорошую? Проклятый интересъ вмѣшался и въ это общественное, дѣло и такой порядокъ дѣлъ считался возможнымъ потому, что означенная конура принадлежитъ уѣздному начальнику и школа даетъ за нее квартирные деньги наравнѣ съ лучшими Троицкими домами. Я, признаюсь, не знаю что и дѣлать, потому что съ одной стороны выше всякой несправедливости поставить школу, изъ-за интереса частныхъ лицъ, въ такое безвыходное положеніе, которое по неудобству своему не только препятствуетъ сколько нибудь сноному жителству, но и вредитъ учебной части и правильному воспитанію дѣтей; съ другой стороны, отъ уѣзднаго начальника зависитъ многое улучшение школьнаго дѣла въ будущемъ и опасно было его разозлить. Какъ однако-жъ ни затруднялся, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить справедливому наставніанію Воскобойникова и написалъ С—ву бумагу, что «де „ и окружный инспекторъ нашель Троицкое школьное помѣщеніе неудобнымъ». Вотъ въ этомъ-то выраженіи я и прошу извиненія, такъ какъ оно ставитъ Васъ въ неловкое отношеніе къ С—ву. При этомъ я по своему разсудилъ, что указать на учителя значитъ дать поводъ къ постоянной съ уѣзднымъ начальникомъ ссорѣ, могущей отразиться непріятно и на школьномъ дѣлѣ; а мнѣ также необходимо вести съ нимъ миролюбивое отношеніе для успѣха же школьнаго дѣла, почему и нашель нужнымъ придать означенному распоряженію

моему характеръ общаго заключенія учебнаго начальства о неудобствѣ училищнаго помѣщенія въ Троицкѣ. Видѣ это отчасти и правда, хотя не вовсе исключаетъ нѣкоторой моей уловки въ данномъ случаѣ. У киргизовъ есть пословица: туенингъ улькени кундрѣ талк жейди т. е. великій ростомъ верблюду переносить болѣе палокъ на переправахъ, не чувствуя особой боли—вотъ и я поступилъ по этой пословицѣ. Моя бумага встревожила по видимому С—ва, и его ближніе просить уже обратно перевести школу въ его конуру, отъ чего я деликатнымъ образомъ отказался, сказавъ, что учебное начальство требуетъ прежде всего заботиться объ удобствахъ школьнаго помѣщенія, такъ какъ безъ этого не возможно ни правильное ученіе, ни порядочное воспитаніе.

Въ Иргизѣ поступили пожалуй еще хуже. Р. въ школьномъ помѣщеніи не только остался самъ квартировать, но поставилъ уѣздное управленіе; мало того пустилъ еще торговца подъ постой, помѣстивъ учениковъ положительно въ чуланѣ. Это меня на первыхъ порахъ ужасно взбѣсило, я тотчасъ же прогналъ прежде всего, конечно, торговца, пущеннаго Р—мъ, но сдѣлать тоже съ уѣзднымъ начальникомъ не могъ, ограничился только предложеніемъ перейти на другую квартиру раннее же весною. Тутъ есть, впрочемъ, хотя интересъ школьный, т. е. безъ Р—на нынче Иргизское училище сидѣло бы безъ отопленія, а онъ отопляетъ школьное зданіе, и я во всякомъ случаѣ за это ничего ему не заплачу; а все ученики стѣснены, хотя послѣ освобожденія отъ квартирентовъ двухъ комнатъ, жизнь тамъ стала

Вотъ, дорогой Василій Владиміровичъ, заботы стѣнныхъ администраторовъ о народномъ образованіи, администраторовъ, на которыхъ полагалось столько надежды Правительствомъ, замѣ-

щая ими власть прежних киргизских властей. Грустно даже говорить кому-либо о подобных мелких интересах людей, которые соблюдаются въ ущерб великому общественному дѣлу, точка почти въ грязь это послѣднее. Не знаю, что еще будетъ дальше, а кажется нельзя ожидать ничего хорошаго со стороны мѣстныхъ администраторовъ; много вѣроятно придется переносить и неприятели, а что всего хуже, вести борьбу не съ народнымъ невѣжествомъ, а съ людьми же образованными, поставленными Правительствомъ для содѣйствія нашему благосостоянію. А не знаете ли что-либо о судьбѣ нашего проекта объ училищахъ.

Я собирался было ѣхать въ Троицкъ, но это сдѣлалось положительно невозможнымъ. Вы не можете представить себѣ здѣшнее бѣдствіе. Съ начала Декабря до настоящихъ дней продолжаются непрерывныя бураны съ морозомъ; скотина гибнетъ табунами, объ ней и говорить перестали, но главная бѣда—мрутъ люди отъ голода и служб. Нуждающіеся положительно не даютъ прохода, рвутъ платье, хватаются за подолю и просятъ помощи. Дѣлаемъ что можемъ, но что значить наша помощь въ отношеніи къ населенію въ 14,000 жилищахъ!

Я много благодарилъ Васъ за указаніе на „Систематическій Обзоръ народной учебной литературы“. Это дорогая книга и я уже выписываю на свой счетъ три экземпляра для отсылки къ учителямъ въ видѣ настольныхъ для нихъ книгъ. Пока до слѣдующаго письма. Передайте почтеніе Вашей супругѣ.

Искренно преданный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

Я официально представилъ Вамъ вопросъ: откуда приобрѣтать деньги, необходимыя на выписку школьныхъ книгъ и руководствъ, въ тѣхъ видахъ, что и Вы можете быть найдете

нужнымъ сдѣлать тоже по моей бумагѣ. Кромѣ того, просилъ Попечителя о учрежденіи должности почетныхъ блюстителей при училищахъ. Не откажите своимъ участіемъ въ осуществленіи этихъ представлений.

14 Февраля 1880 года

г. Тургай.

Дорогой Василій Владиміровичъ!

Давно не имѣю отъ Васъ свѣдѣній, вѣроятно находитесь въ разъѣздахъ по Округу. Нашъ любимый Тургай постигло такое бѣдствіе, какого никто и представить себѣ не могъ. Изъ богатаго, цвѣтущаго уѣзда, послѣдній сдѣлался теперь нищимъ; люди, имѣвшіе полторы тысячи головъ лошадей, имѣютъ теперь одну или двухъ; но не о скотѣ теперь забота—наступилъ голодъ на людяхъ. Пудъ ржаной муки 7—8 руб.; пудъ сѣна 1 руб., пудъ овса—5, 6 руб., но теперь ничего цѣть ни за какія деньги. Никогда еще въ жизни не видывалъ я голодныхъ людей, это оказывается ужасное положеніе. Все, что было у меня и чѣмъ я считалъ себя обезпеченнымъ, пропало все въ одну несчастную зиму, на бѣду случилось такъ, что въ началѣ зимы, когда все надо было заготовить, я находился въ Оренбургѣ, а братъ не исполнилъ даже того, что я ему писалъ и говорилъ. Но наше положеніе сравнительно вѣдь счастливое—мы пишемъ еще службу, голову, хотя малое—да знаніе и руки, но что будетъ дѣлать этотъ обнищавшій народъ? Тургай положительно всю зиму пробывалъ подъ снѣгомъ, сообщенія между домами производятся по крышамъ, съ которыхъ спускаются по снѣжнымъ лѣстницамъ къ двери, ведущей вовнутрь избы.

Всю зиму собирался я въ Троицкъ, но не нашлось въ

цѣломъ уѣздѣ подвождь, чтобы довести меня только до предѣловъ Николаевскаго уѣзда; а тамъ затѣялась какаѣ-то вражда между Воскобойниковымъ и уѣздными властями. Относительно квартиры безъ сомнѣнія не правъ С—въ, но мнѣ сообщаютъ, съ другой стороны, объ ужасныхъ злоупотребленіяхъ будто бы Воскобойникова—въ родѣ, напримеръ, продержанія почти на хлѣбѣ и водѣ киргизскихъ учениковъ иза-за своихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ этой распрѣ необходимо, по мнѣнію моему, положить конецъ; иначе уѣздныя власти могутъ много повредить успѣшному ходу учебной части въ уѣздѣ. Поѣхалъ бы сейчасъ же, но нѣтъ возможности пока. Въ Иргизѣ дѣла получше—школьныя хозяйственныя принадлежности доставлены, остается съ лѣта или весны же приспособить нѣкоторыя комнаты и флигеля къ школьнымъ потребностямъ. Это мы сдѣлаемъ до учебнаго времени. Въ Тургаѣ по неотступному, непосредственному сношенію моему съ Губернаторомъ (частными письмами), уже получено разрѣшеніе начать постройку новаго зданія согласно нашего общаго проекта; я уже, получивъ 1000 руб., роздалъ подѣ кирпичъ и мастерамъ на задатки. Ожидаютъ только дождливаго лѣта, что неблагоприятно для зданія изъ сырцоваго кирпича, но приложу всѣ возможные старанія къ окончанію этой постройки до осени. Планъ мы составили для себя, конечно очень удобный; но какъ зданіе строится не на казенную сумму, то сочли возможнымъ не представлять его по начальству, а то будутъ разсматривать тамъ еще архитекторы, прикажутъ еще что нибудь измѣнить и будутъ тормозить успѣшному ходу дѣла. Такъ какъ послѣ постройки новаго зданія, будетъ къ нему пригильентъ, я полагаю, новый нашъ проектъ содержанія, то прилагаемое представленіе о перемѣнѣ смѣты Тургайскаго училища будетъ имѣть значеніе, конечно, до постройки зданія. Представ-

ленія эти и другія, если что неладно, оставьте безъ послѣдствій, а меня увѣдомьте только; по просимымъ перемѣнамъ очень нужны на дѣлѣ, такъ какъ уѣздныя и казенныя управленія придираются иногда; перемѣните Иргизскую смѣту во всякомъ случаѣ нужно потому, что обстоятельства теперь измѣнились: тамъ положено на квартиру школы—240, да на квартиру учителю—120, а теперь плѣтется уже казенная квартира.

Почта давно не получается, уже цѣлый почти мѣсяцъ.

Мой искренній салемъ супругѣ Вашей и Вамъ. Вашъ неизмѣнный слуга И. Алтынсаринъ.

4 Апрѣля 1880 года
г. Тургай.

Многоуважаемый Василій Владимировичъ!

Письмо Ваше отъ 27 Февраля я получилъ только сейчасъ 7 Апрѣля. Смѣшу отвѣтить, пользуясь случаемъ, что сегодня отправляется почта, которая, по предстоящей распутицѣ и разливамъ рѣкъ, вѣроятно дойдетъ до Оренбурга не раньше опять десятыхъ чиселъ Мая; а пока у насъ все еще зима—снѣгъ и не думаетъ тронуться, даже буранъ сегодня на дворѣ.

Въ прошломъ письмѣ я сообщалъ Вамъ, что относительно остройки зданія для Тургайскаго училища сдѣлано уже распоряженіе. Тутъ хлопотъ мнѣ безъ конца. На кирпичъ въ количествѣ 240 тысячъ розданы уже деньги, теперь главное затрудненіе въ лѣсѣ, нужно привезти его изъ Наурузма или Амана, а подвождь у нашихъ киргизовъ нѣтъ. Рѣшились ходатайствовать предъ Губернаторомъ предложить Николаевскому уѣздному начальнику подрядить его киргизовъ на доставку лѣса; но по бумагамъ толка, конечно, не добьетесь; поэтому нужно съѣздить

мнѣ самому — обратиться непосредственно къ тамошнему обществу, и кромѣ того вывезти изъ Троицка разные материалы, пушки для постройки и дома, потомъ сшибить назадь, чтобы осмотрѣть и торопить кирпичниковъ, для того, чтобы по крайней мѣрѣ съ Юня начать самую стройку. Въ Иргизѣ также необходимо побывать, чтобы заготовить тамъ школьную мебель и припеносить самое зданіе для учебныхъ потребностей — на это имѣемъ уже и сумму. Довѣрить или поручить что-либо кому другому, не возможно, всѣ будутъ смотрѣть какъ бы себѣ сшибить копѣйку, а денегъ у насъ и такъ мало. Яковъ же Петровичъ, общая все свое содѣйствіе, лично отказывается отъ участія въ работѣ, да ему, по правдѣ говоря, не мало заботъ и по случаю бѣдствія киргизовъ. Въ Маѣ онъ будетъ въ Оренбургѣ хлопотать за своихъ киргизовъ; не оставьте познакомить его съ Попечителемъ; онъ желаетъ этаго, да какъ нибудь направьте Его Превосходительство, чтобы онъ принялъ его поласковѣе — а это, ничего не составляя для Попечителя, произведетъ вѣроятно на него хорошее впечатлѣніе относительно нашего Учебнаго Начальства, а при этомъ во многихъ случаяхъ можно даже обойти Областное Начальство, дѣйствительно тормозящее всякому дѣлу.

Простите великодушно, что я безпокоивалъ Васъ представленіями о томъ и о другомъ. Этому причиной желаніе мое дѣйствовать на будущее время болѣе безошибочно, а съ другой стороны обезпечить и оградить права и положеніе нашихъ училищъ. Съ прошлою почтой я сдѣлалъ къ Вамъ представленіе о смѣтахъ для Тургайскаго и Иргизскаго училищъ; все, что я указалъ въ этихъ представленіяхъ, вызывается сущою необходимостью; просилъ Попечителя объ учрежденіи почетныхъ блюстителей при нашихъ училищахъ въ видахъ пріобрѣтенія себѣ помощниковъ изъ среды общества, да это требуется и закономъ.

Хозяйственную часть школы, по строгомъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, я намѣренъ поставить также на другихъ основаніяхъ, чтобы не было произвола ни съ какой стороны, школа была бы удовлетворена возможно полнѣе и имѣла экономію на нужды училищъ. Все это устроить легко, но главное теперь — устройство зданій, это основаніе всему; если прочно, удобно и хорошо будутъ выстроены школьныя помѣщенія, соответственно всѣмъ учебно-воспитательнымъ цѣлямъ, такъ остальное я считаю въ пландѣ.

Проведши большую часть зимы большимъ владѣтіе ревматической рапы, образовавшейся на ногахъ послѣ труднаго Декабрскаго пути, я, пользуясь свободнымъ отъ болѣзни временемъ, приступилъ къ составленію 2-й части Хрестоматіи; года въ два быть можетъ и кончимъ. Въ этой части я намѣренъ дать возможно полное, основательное понятіе о естественной исторіи, географіи, исторіи, немного изъ химіи, физики, техническихъ производствъ; дай Богъ только жизни и силъ успѣшно исполнить этотъ важный въ настоящемъ положеніи киргизъ трудъ — онъ много измѣнитъ въ Стенѣ, если дастся хорошее примѣненіе.

Недавно я послалъ статейку въ Оренбургскій Листокъ о бѣдствіи Тургайскихъ киргизовъ и тутъ же придрался къ случаю возразить противъ предполагаемыхъ въ Стенѣ русскихъ поселеній. Это предположеніе по моему верхъ всякой несообразности ни съ чѣмъ. Если будутъ вести дѣло такъ неумѣло, то предрекаю, что киргизы — этотъ многообѣщающій хорошій народъ быстро пойдетъ къ погибели, такъ что послѣ ничѣмъ уже не поправимъ. Читая и слыша такіе дикіе проклеты, просто руки опускаются. Поэтому зная напередъ, что поступаю неловко, рѣшился сдѣлать возраженіе, и какое оно произведетъ впечатлѣніе на Попечителя и наше Областное Начальство — не откажитесь,

если можно, меня увѣдомить откровенно. Я написал только разъ, а больше не буду—такъ и нельзя-ли будетъ сказать Попечителю, если произойдетъ объ этомъ разговоръ.

Передайте мое искреннее почтеніе супругѣ Вашей, Феодору Дмитриевичу и Александру Григорьевичу. Я писалъ два раза Феодору Дмитриевичу (впрочемъ давно) и нѣсколько разъ къ Александру Григорьевичу—не знаю попадаютъ-ли къ Вамъ мои письма; а жалуются здѣсь всё, что пропадаютъ письма да и казенные конверты.

Изъ учебниковъ географіи и исторіи не откажитесь выслать для Тургайскаго и Иртыскаго училищъ такіе, какіе находите сами удобными, только нельзя ли выбрать такіе, гдѣ говорится короче и обстоятельно.

А Народно-учебная литература Вольнаго Экономическаго Общества дорогая книга, я выпишываю по одному экземпляру для каждаго училища для руководства учителямъ.

Преданный Вамъ навсегда И. Алтынараинъ.

7 Апрѣля 1880 г.
г. Тургай.

Многоуважаемый Василій Владимирович!

Простите великодушно, что долго не отвѣчалъ на Ваше послѣднее письмо. Причиной тому была пропаша моихъ пакетовъ, въ числѣ коихъ были и денежные на сумму 221 р., изъ уѣзднаго управленія, куда были сданы для отправления по почтѣ. Деньги такъ и не нашлись, а бумаги найдены и производятся по сему уже слѣдствіе: подозрѣваются въ кражѣ писаря уѣзднаго управленія.

Сейчасъ получилъ другое письмо Ваше съ донесеніемъ моимъ о школьныхъ деньгахъ. Свѣдѣнія объ нихъ мною взяты лично и письменно изъ уѣздныхъ управленій, въ удостовѣреніе чего я со слѣдующею же почтой представляю къ Вамъ подлинныя отношенія уѣздныхъ начальниковъ, а что касается до свѣдѣній, доставленныхъ Губернаторомъ, то они несомнѣнно ошибочны или же недостаточны, такъ какъ могло случиться, что Губернаторъ сообщалъ только о настоящихъ доходахъ, имѣющихся въ виду къ ежегодному поступленію со сборовъ отъ киргизъ, а я, по требованію Попечителя, сообщая о всѣхъ суммахъ, имѣющихся на лицо до Ноября прошлаго года отъ прошлыхъ и настоящихъ сборовъ. Во всякомъ случаѣ Областное Правленіе не можетъ узнать подробности о суммахъ по уѣздамъ, нежели сами уѣздныя управленія и несогласіе свѣдѣній по такого рода дѣламъ я замѣчалъ и самъ, забывая въ прошломъ году свѣдѣнія эти и въ областномъ и уѣздномъ управленіяхъ. Съ этою почтой не успѣлъ списать копій съ отношеній уѣздныхъ начальниковъ, такъ какъ почта идетъ сейчасъ же, представляю ихъ со слѣдующею.

Душевно скорблю, что Вы заболѣли, но не думайте заблѣвать серьезно, полегчите поскорѣе, а если на кумысъ, то я съ большимъ удовольствіемъ и всенижайшимъ поклономъ просилъ бы Васъ просто прѣхать ко мнѣ на Тоболь или въ Аракарагайскаго боръ, что почти въ нѣсколькихъ верстахъ отъ новаго города Новониколаевска. Вотъ бы зашли славно вмѣстѣ да и поѣхали бы вмѣстѣ въ Оренбургъ въ Августѣ мѣсяцѣ; а что до кумыса и воздуха, то въ этомъ отношеніи, конечно, лучше киргизскія, нежели бакирскія. Подумайте-ка въ самомъ дѣлѣ и прикатите-ка за моимъ ручательствомъ, что возвратимъ Васъ въ Оренбургъ совершенно здоровымъ.

Не известно ли что о ремесленном училищѣ, проектируемомъ въ Тургай съ наименованіемъ его *Яковлевскимъ*. Нѣтъ что-то ни слуха, ни духа, и это меня безпокоитъ, боясь что не состоится, главное, народная честь, предложенная магистрой Тургайской главѣ.

Не откажитесь передать мое искреннее почтеніе супругѣ Вашей, Александру Григорьевичу, Федору Дмитриевичу.

Если соблаговолите написать что-либо, адресуйте пока въ Тургай, откуда перешлютъ мнѣ.

20 Мая 1882 г.
г. Тургай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Письмо Вамъ и официальное предложеніе объ отпускѣ въ мое распоряженіе 180 руб. на выписку книгъ я получилъ и, получивъ самыя деньги, я уже отправилъ большую часть въ книжный магазинъ Глазунова. Изъ того же письма Валего я впервые узналъ о полученномъ Александромъ Григорьевичемъ назначеніи, чему я и обрадовался несказанно. Дай ему Богъ успѣха, а дѣло его очень и очень серьезное, въ томъ смыслѣ, что киргизская молодежь начнетъ образованіе у насъ и кончить у Александра Григорьевича. Вообще я того мнѣнія, что мѣстами и учрежденіями, могущими распространить народное образованіе въ киргизскихъ стѣнахъ, могутъ служить одніи народные училища и учительскія школы, а не какія-либо другія, высшія. Опытъ показываетъ еще, что вслѣдствіе разныхъ матеріальныхъ и другихъ причинъ, кончившіе курсъ въ нашихъ народныхъ училищахъ, за малымъ исключеніемъ, не могутъ вполне считаться

настолько грамотными и образованными людьми, кои бы могли самостоятельно работать и приносить дѣйствительную пользу на практической жизни; а потому для пополненія этого недостатка въ ученикахъ народныхъ училищъ, необходимо было какое-либо учрежденіе повыше народныхъ училищъ, но преслѣдующее одну съ народными училищами цѣль, и вотъ оно есть уже въ видѣ учительской школы. Дай же ей Богъ успѣха! Я полагаю, что на первыхъ порахъ Александръ Григорьевичъ можетъ принять въ школу учениковъ изъ 2-го класса нашихъ училищъ, хотя бы и не кончившихъ еще курсъ ученія. И въ этихъ видахъ я уже приготовилъ около 10 учениковъ изъ 3-хъ школъ Троицкой, Иргизской и Тургайской. Жду на все это какихъ-либо указаній и извѣщеній отъ Александра Григорьевича и отъ Вася.

Отъ Николая Ивановича я до сихъ поръ не получаю ни отвѣта, ни привѣта на счетъ моего учебника по Закону Божьему. Теряюсь въ догадкахъ, что бы могло задерживать его. Выть можетъ некогда и разсматривать его?! Не получаю отвѣта и отъ студентовъ Алдірова и Карабаева, которыхъ я просилъ держать по учебнику корректуру. Не знаете ли Вы что-либо, добрыйшій Василій Владиміровичъ? И какой Вашъ мнѣ совѣтъ относительно того, какъ поступить дальѣ? Хотъ бы написали, что учебникъ мой полученъ, а то и этого не знаю. Недавно получилъ бумагу относительно опредѣленія къ намъ новаго владыки. Представились, конечно, Вы, и какъ Вамъ понравился? Конечно, начальство не правиться не можетъ, но какъ относится къ образованію инородцевъ-то?

Новаго ничего у насъ нѣтъ. Наши училищныя дѣла идутъ, кажется, ничего—неудно; я недавно только вернулся послѣ объѣздовъ по школамъ.

А вѣдъ контроль танецъ съ меня штрафъ за расписки, къ которымъ не приложены были марки. Такъ и случилось, какъ Вы говорили. Это урокъ, впередъ зато буду умнѣе.

Глубоко преданный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

2 Декабря 1882 г.
г. Тургай.

Многоуважаемый

Василій Владимировичъ!

Вотъ, на дняхъ, я отправилъ изъ Тургайскаго училища, шесть, изъ Иргизскаго пять учениковъ въ Орскую учительскую школу, а изъ Троицка еще свѣднѣй не имѣю; полагаю, что и оттуда уже отправлены. Всѣ посланные ученики—ребята очень благоправные и прилежные, почему надѣюсь, что выйдутъ изъ нихъ прокъ, если будутъ живы и здоровы. Изъ Тургайскаго и Троицкаго училищъ просившихся въ учительскую школу и теперь очень много; но не могу удовлетворить желаніе ихъ потому, что Александръ Григорьевичъ сообщалъ, что изъ Тургайской области болѣе 15 нельзя посылать; на чемъ же основано опредѣленіе числа 15 на Тургайскую область—не знаю, а казалось бы, что изъ числа положенныхъ 60 хотя 30 вакансій слѣдовало бы на эту область. Впрочемъ, быть можетъ, пока не принимаются всѣ 60 за недостаткомъ или неоткрытіемъ еще 2-хъ классовъ.

Немного страшнымъ со стороны Александра Григорьевича кажется, что онъ, только что приступая къ дѣлу, непосредственно налагалъ руку на только что установленный строй училищъ, состоящихъ въ моемъ вѣдомствѣ. Онъ началъ съ того, что сталъ непосредственно требовать учениковъ и учителей отъ самихъ

учителей, какъ будто меня и не существуетъ въ семь міръ; сталъ ходатайствовать и часто писать письма къ учителямъ (Спиридонову и Мозохину), чтобы они перешли къ нему, чѣмъ избудоразжилъ и Тургайскаго Григорьева, которому тоже хочется жить въ городѣ. Не странно-ли думать, что если для учительской школы нужны порядочные учителя, то не менѣе они нужны и для нашихъ школъ. Еще, въ учительскую школу, находящуюся въ городѣ, всегда найдется желающихъ и способныхъ людей, а наткнуться на способныхъ въ нашихъ школахъ гораздо труднѣе. Конечно подобныя дѣйствія Александра Григорьевича нельзя относить ни къ чему другому, какъ неопытности и неполному пониманію, быть можетъ, положенія степныхъ школъ. Всюю только, чтобы неопытными вообще приступая къ дѣлу онъ не испортилъ и свое положеніе и значеніе учительской школы, отъ которой ожидается многое. Напримѣръ, уже доходить до меня слухи, что въ Илецкомъ уѣздѣ вообще не смотрятъ на Александра Григорьевича какъ на благонадежнаго въ смыслѣ уѣзднаго управителя киргизскою школою (это я сообщаю Вамъ по секрету, для соображенія и совѣтовъ въ случаѣ надобности).

Не знаю, что сдѣлалось съ наименованіемъ учреждаемаго здѣсь училища (ремесл.) Яковлевскимъ. Мнѣ Губернаторъ сообщилъ, что Министръ Народнаго Просвѣщенія согласился на это наименованіе и спросилъ мнѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который, также согласившись, запросилъ только Губернатора, состоитъ-ли Яковлевъ на должности уѣзднаго начальника или уже въ отставкѣ. Оувѣтъ на это былъ посланъ, кажется, въ Ноябрь съ аттестациею еще Яковлева, но за симъ ничего болѣе неизвѣстно. Домъ на ремесленную школу уже купленъ (мой домъ) и столярно-плотничные инструменты, а равно и бревна приобрѣтены; на первое время имѣется въ виду мѣстный сто-

лярь-плотникъ. Открыть же школу придется во всякомъ случаѣ весной.

Давно не имѣю отъ Васъ никакой вѣсточки, вѣроятно некогда и писать. Но очень, конечно, интересно, какъ смотритъ на наши дѣла новый Попечитель, успѣли-ли Вы постоять за свое породческое образование т. е. обратить его внимание на этотъ предметъ. Недавно я послалъ представленіе на счетъ награжденія почетныхъ блюстителей; сдѣлать это я былъ обязанъ, зная что въ дѣлѣ жертвованія денегъ—жертвователю киргизъ ожидаетъ поощренія Начальства, да оно т. е. награжденіе-то вліятельныхъ вообще ординаровъ имѣетъ весьма существенное значеніе для будущности степныхъ киргизскихъ школъ. Какъ думаетъ на этотъ счетъ Попечитель-то, и что сдѣлано по моему ходатайству—если можно не откажитесь сообщить.

Нынѣ я обстоятельно осматрѣлъ училища; кое что поправилъ сообща, и лично думаю, что они получили дѣйствительное—практическое направленіе.

Засимъ будьте здоровы; передайте мое искреннее почтеніе супругѣ Вашей.

Напередандѣйшій Вамъ И. Алтынсаринъ.

4 Февраля 1883 г.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Недавно мы получили официальное увѣдомленіе о наименованіи ремесленного училища Яковлевскимъ. Старикъ былъ, конечно, несказанно радъ, и мы уже славно отпраздновали счастливый день, привезшій намъ не сомнѣемъ яданную великую милость Вожію. Итакъ, при помощи добрыхъ людей, совершилось

то, что имя патріарха Тургайскаго Яковлева на вѣки уже будетъ красоваться въ Тургаѣ, служа вѣнцомъ и знаменемъ народнаго просвѣщенія киргизъ въ Тургаѣ!

Ремесленную школу мы откроемъ въ Октябрѣ, а пока приспособимъ мастерскую, да нужно прислать способнаго и хорошаго учителя по плотнично-столярному ремеслу. Если только найдемъ бы такой учитель, который, кромѣ означенныхъ ремеселъ, знаетъ бы еще учить грамотѣ, то я напелъ бы способъ дать ему содержаніе 400—500 руб. при готовой квартирѣ, а ужъ 450 руб. всегда бы далъ. Не можете ли Вы, добрыйшій Василій Владиміровичъ, пособить этому горю?

2-я часть Хрестоматіи у меня двигается впередъ; отдѣлъ по естественной исторіи уже кончился, приступилъ къ географическимъ описаніямъ. Только опять-таки останавливаюсь на мысли, что нужно-бы печатать ее арабскими буквами. Прошлый разъ насчетъ алфавита я писалъ Вамъ официальное письмо, на случай показанія его Попечителю; не откажите мнѣ сообщить о семъ мнѣніе Ваше.

Прошло-ли, Василій Владиміровичъ, представленіе о почетныхъ блюстителяхъ? Это, конечно, меня занимаетъ очень. Попробовались-ли отъ ушиба? Вотъ сколько вопросовъ я Вамъ наздалъ.

Николай Ивановичъ до сихъ поръ ничего не отвѣчаетъ на счетъ учебника моего по Закону Вожьему. Просто удивительно и досадно наконецъ. Въ послѣднемъ письмѣ я просилъ возвратитъ учебникъ и на это отвѣта нѣтъ. Что мнѣ дальѣ дѣлать—и не придумаю.

Весна у насъ началась въ первыхъ же числахъ Марта; но хотя сошелъ снѣгъ, стоятъ очень холодные и вѣтрные дни.

Около 20 Апрелья поѣду въ Николаевскій уѣздъ, чтобы положить начало къ постройкѣ школьнаго зданія въ Новоиколаевскѣ, а то самъ по себѣ С—въ все медлитъ начатиемъ этого дѣла.

Глубоко преданный слуга Вашъ И. Алтысаринъ.

1 Апрелья 1883 года.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Болѣе трехъ мѣсяцевъ пролежавъ на постели отъ горячки и воспаленія легкихъ, я только что сталъ выходить, но все еще не поправился, кашляю сильно. Наскучила очень проклятая болѣзнь, но что подѣлаешь? По видимому дальнѣйшѣ поѣздки, какъ Ваши съ моими, даромъ не проходятъ для здоровія, меня—слышите-ли меня—пугаютъ теперь чахоткой!! Скоро ли понаду нынче въ Оренбургъ не знаю, а очень, между тѣмъ, любопытно-бы знать тамъ, вѣрны-ли вѣсти объ уничтоженіи Тургайской области съ присоединеніемъ Тургайскаго и Иртыскаго уѣздовъ къ Сырдарьинской, а Николаевскаго и Илецкаго—къ Оренбургской губерніи. Какъ тогда поступить съ моею должностію, подчинять-ли Туркестанскому или Оренбургскому учебному округамъ, или же вовсе ее уничтожать? Ищю для себя я нисколько не трепещу за должность; если пожелаю далѣе служить—найду и по администраціи, но если дѣйствительно произойдутъ упомянутыя перемѣны, всѣ мои помыслы по учебной части на будущее время и всѣ затѣяныя уже дѣла должны будутъ разбиться въ прахъ; жаль будетъ только этого; вотъ почему меня занимаетъ судьба Тургайской области, не говоря уже о томъ, что положеніе вообще здѣшнихъ киргизъ, при настоящихъ экономическихъ ихъ условіяхъ, также ухудшится.

Любопытно, конечно, знать, что дѣлается въ учебномъ мірѣ у Начальства. Г. инспекторъ... при содѣйствіи В., хлопочеть оттянуть Троицкую киргизскую школу въ свое вѣдомство. Троицкая школа теперь окончательно встала на ноги, дѣла идутъ отлично, и Р. хочется по видимому вновь ея испортить, а между тѣмъ для нея строится въ Новоиколаевскѣ новое зданіе, куда къ началу будущаго учебнаго года она и будетъ переведена. Ему Р. очень, говорятъ, хочется имѣть одно широкое училище, такъ какъ создавать и поставить на ноги такого сама въ своемъ районѣ не можетъ и не способенъ.

Давно не писалъ Вамъ и, не получая отъ Васъ никакой вѣсточки, я пишу теперь это безпорядочное письмо. Простите за это. Болѣе писать не въ силахъ—устала рука.

Вашъ неизмѣнно преданный и покорный слуга

И. Алтысаринъ.

2 Августя 1883 г.

Ур. Костанай.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Письмо Ваше отъ 13 Декабря я получилъ только на-дняхъ, не понимаю гдѣ оно путешествовало такъ долго. Въ немъ меня поразило, даже не знаю съ чего взятое, мнѣніе Николая Ивановича, что я къ нему измѣнился; можетъ-ли быть этому какой нибудь маломальскій хоть поводъ? Не писалъ ему я дѣйствительно давно, именно послѣ письма, при которомъ, какъ Вамъ не безызвѣстно, посылалъ на его разсмотрѣніе учебникъ по магметанскому вѣроученію. И о чемъ мнѣ писать часто, да такому человѣку, который, я знаю, занятъ день и ночь, да, между нами говори, будучи зараженъ увѣренъ, что отвѣта не дождусь. Мнѣ извѣстно, что

Вы, хотя также быть можетъ изрядна, но имѣете перешеску съ Николаемъ Ивановичемъ и отъ Васъ, а равно отъ Александра Григорьевича узнаю о его здоровіи, а этого мнѣ довольно. Вскорѣ же я и самъ напишу ему, но если случится Вамъ писать, не откажитесь, ради Бога, увѣрить дорогаго и благороднѣйшаго Николая Ивановича въ моей неизмѣнной ему преданности, чему доказательствомъ можетъ служить то, что когда-то полученная отъ него фотографическая карточка въ золотой рамкѣ неизмѣнно сидитъ на моемъ письменномъ столѣ и ежечасно предо мной, напоминая тѣ хорошіе въ моей жизни дни, которые я проводилъ когда-то съ нимъ и учился у него быть честнымъ и добрымъ человѣкомъ.

Наши учебныя дѣла идутъ, кажется, сносно. Предложеніе Губернатора объ увеличеніи сбора съ 15 коп. до 1 руб. на кибитку въ нѣкоторыхъ волостяхъ исполнено уже въ точности, такъ что къ 1885 году, если дѣло пойдетъ такъ же успѣшно, какъ идетъ теперь, мы будемъ имѣть порядочныя деньги, въ особенности въ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ находится около 20 тысячъ кибитокъ. Вотъ и кажется мнѣ, что часть означенныхъ денегъ было бы полезно употребить на устройство болѣе или менѣе основательнаго техническаго и селско-хозяйственнаго училища на Костанай; но объ этомъ есть еще время посоветоваться съ Вами, каково только мнѣніе на этотъ счетъ г. Попечителя? Очень меня занимаютъ еще вопросы объ обращеніи существующихъ училищъ въ уѣздныя и о награжденіи почетныхъ блюстителей; когда будете имѣть досугъ, не откажитесь что-либо сообщить мнѣ объ нихъ.

Недавно представилъ я годовой отчетъ, въ которомъ между прочимъ указалъ и на руководства, которыми пользуются училища; но, по свойственной мнѣ птогда безпечности, я не сооб-

разилъ, одобрены-ли всѣ указанныя мною руководства Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Какъ бы не пугнули меня, теперь и побавляюсь, хотя всѣ указанныя руководства дѣйствительно хороши и полезны, о чемъ я только и подумалъ, не сообразивъ формальную сторону дѣла.

Послѣ завтра отправляюсь опять въ Тургай и предполагаю жить тамъ до конца этаго мѣсяца, чтобы послѣдить за ходомъ дѣлъ въ новомъ ремесленномъ училищѣ и окончательно устроить его хозяйство. Только все мнѣ нездоровится, то то болитъ, то другое: вѣрно разъ стоить испортить свое здоровіе и человѣкъ обращается въ жрыкъ-тонъ, какъ говорятъ киргизы, т. е. въ изношенную, разорванную шубу. Желалъ бы послужить для дѣла еще хоть лѣтъ пять, но какъ расудить Бога.

Желаю здравствовать Вамъ и доброй семьѣ Вашей.

Вашъ Васъ И. Алтынсаринъ.

4 Февраля 1884 г.

Многоуважаемый Василій Владимировичъ!

Поздравляю Васъ съ наступившимъ Новымъ годомъ и отъ души желаю счастья и благополучія Вамъ и добрѣйшей Евпраксіи Васильевнѣ. Прождавъ Васъ до 1-хъ чиселъ Декабря, я 7 числа этаго мѣсяца поѣхалъ въ Тургай, съѣздивъ въ Иргизъ, а теперь живу въ Тургай, чтобы отправить отсюда же годовой отчетъ. Я очень досадовалъ на старика нашего—Якова Петровича, что онъ задержалъ Васъ и отсвѣтовалъ ѣхать на Костанай, тѣмъ болѣе, что въ то время Вы свободно бы доѣхали до Костаная и далѣе до Оренбурга. Видѣть Васъ лично послѣ объѣзда Области было мнѣ пріятно, необходимо вдвойнѣ, съ одной стороны исканіе непритворнаго удовольствія видѣть Васъ у себя,

а съ другой лично узнать мнѣнія Ваши о школахъ Тургайской области, узнать недостатки, встрѣтившіеся въ нихъ, и получить совѣты на счетъ устранения этихъ недостатковъ. Но что же подѣлаешь съ несноснымъ иногда старикомъ?... Буду надѣяться на посѣщеніе Ваше Костаная въ слѣдующій разъ, а на счетъ школы поговорить весной, такъ какъ въ это время думаю ѣхать въ Актюбу.

При этомъ письмѣ я посылаю къ Вамъ двѣ расписки объ учебныхъ пособіяхъ, приобретенныхъ на 168 руб., высланныхъ Вами еще весной. Какъ я Вамъ говорилъ и ранѣе, книжный магазинъ Фену, такъ и не выслалъ особый счетъ на высланные имъ три электрическіе телеграфа и одного волшебнаго фонаря; общій же счетъ ранѣе представленъ уже въ Областное Правленіе, вслѣдствіе чего я вынужденъ былъ взять расписку отъ Бабина, что онъ получилъ эти пособія; не знаю, примется-ли она за документъ, здѣсь же говорятъ, что примется, если же нѣтъ, то не знаю уже какъ и поступить; вѣроятно придется внести уже деньги изъ своего кармана.

Предложеніе отъ Попечителя на счетъ выписки разныхъ книгъ, по указанію Вашему, я получилъ въ Тургаѣ, послѣ отъѣзда изъ Костаная, поэтому деньги не получены еще изъ Троицкаго казначейства. Боюсь, чтобы пока получу деньги изъ казначейства да выпишу книги, не миновалъ смѣтный періодъ. Завтра же ѣду отсюда въ Костанай. Не оставляйте, добрый шій Василій Владиміровичъ, своими письмами въ досужее время.

Глубоко преданный Вашъ слуга И. Алтынсаринъ.

При этомъ я послалъ къ Вамъ представленіе о Курганбекѣ, который былъ достоинъ всѣхъ, но остался безъ награды.

Представить или докупать новыми представленіями я побоялся Попечителя, а Вы быть можетъ найдете возможность исподволь переговорить съ Попечителемъ.

15 Января 1884 года.

г. Тургай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Выѣхавъ изъ Костаная прямо на Актюбу по киргизскимъ ауламъ, я пріѣхалъ сюда 25-го Февраля и, пробывъ здѣсь нѣсколько дней, возвращаюсь вновь въ Костанай, чтобы болѣе не выѣзжать отсюда до начала учебнаго года. Новостей въ нашихъ краяхъ не существуетъ, живутъ все по старому, изрѣдка тревожные только невѣрными вѣстями о пріѣздѣ грознаго владыки Области. Въ школахъ вездѣ благополучно. Для Тургайской ремесленной школы необходимо бы имѣть какое-либо популярное руководство къ рисованію и выкройкѣ мужскаго вообще платья (русскаго), такъ какъ азіатскія, какъ увидѣли, сами ученики уже умѣютъ шить. Положительно не знаю, откуда можно выписать въ особенности выкройки, руководства же начальныя для обученія рисованію, которое находитъ нужнымъ Чирковскій, мнѣ также не извѣстны. Кроме того очень бы хотѣлось имѣть при всѣхъ двухклассныхъ школахъ перелетные станки и инструменты, такъ какъ безъ нихъ, какъ показывается уже опытъ, и обійтись нельзя при несуществованіи въ стѣнныхъ укрьвленіяхъ перелетчиковъ. Такъ не найдете-ли, Василій Владиміровичъ, возможнымъ сообщить мнѣ, откуда и какъ приобрести означенныя пособія. Засимъ, такъ какъ у насъ, во всѣхъ школахъ, имѣется уже Отечественная Исторія въ картинахъ, то приблизительно къ этимъ картинамъ я считаю нужнымъ выписать „Отечественную Исторію,“

Рождественскаго, а если есть и Общую его же для учителей. Быть может найдете возможным включить эти руководства въ списокъ книгъ, которыя Вы ежегодно выписываете для народныхъ школъ на суммы Окружнаго управленія. Не знаю, что дѣлается съ разными проектами на счетъ преобразованія нашихъ двухклассныхъ школъ; грустно какъ подумаешь, что планъ образованія киргизъ, неуклонно и постепенно приводимый уже въ исполненіе, приостановился теперь вслѣдствіе новыхъ проектовъ и желаній Начальства учредить что-либо новое, по своему. Мы полагали сначала учредить въ каждомъ уѣздномъ городѣ по одному центральному училищу и одновременно основать учительскую школу. Все это исполнилось. Засимъ, имѣя въ виду, что скоро появятся учителя изъ киргизъ, возбудили вопросъ объ установленіи усиленныхъ кибиточныхъ сборовъ для основанія волостныхъ школъ—это также исполнилось. Оставалось приступить въ этомъ году къ постройкѣ зданій для волостныхъ школъ, чтобы онѣ или нѣкоторыя по крайней мѣрѣ изъ нихъ были готовы къ веснѣ 1886 года, когда кончатъ курсъ наши молодые учителя. Но тутъ поставили запятую, даже и точку, и не знаемъ, когда и въ какомъ видѣ начнется новое предложеніе. Было бы хорошо, если выйдеть это предложеніе простое, а выйдеть навѣрное сложное, исполнить которое вполне и поставить дѣло въ нормальное, основательное положеніе будетъ, я полагаю, очень трудненько и затянется оно надолго. Но твори волю пославшаго, что же подѣлаешь? Да, чуть было не забылъ сообщить еще объ одномъ моемъ горѣ. Извѣстно, конечно, Вамъ, что я прошу экономовъ для двухклассныхъ школъ, въ видахъ избѣжанія незаслуженныхъ часто придирокъ со стороны уѣздныхъ начальниковъ, напримеръ въ Иргизскомъ уѣздѣ. Но меня дернуло написать въ представленіи, что въ число содержанія этихъ эко-

номамъ можно причислить и 60 руб., выдаваемые нынѣ завѣдующимъ училищами; сообразилъ же послѣ, что видѣ завѣдующій изъ учителей все же нуженъ, а потому не слѣдовало бы отнимать лишняго куска хлѣба отъ этихъ завѣдующихъ. Дѣло, какъ мнѣ извѣстно, еще въ перепискѣ; не найдете-ли возможнымъ какъ нибудь оставить завѣдующимъ получаемыя ими донынѣ 60 р. за завѣдываніе училищами? Въ случаѣ надобности о моей этой просьбѣ Вы могли бы, какъ кажется, доложить и Попечителю.

Больше, кажется, не о чемъ пока и писать. Не забываете насъ грѣшныхъ.

Сердечный поклонъ отъ меня Евпраксіи Васильевнѣ.

Вамъ преданнѣйшій И. Алтынсаринъ.

Актюба.

5 Марта 1885 года.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Попечителя я встрѣтилъ въ Троицкѣ и такъ какъ онъ оставался при намѣреніи быть въ Костанай, я поѣхалъ впередъ предупредить киргизскія станціи и приготовить ему квартиру въ Костанай. Это оказалось очень кстати, такъ какъ на многихъ станціяхъ лошадей не оказывалось, между нѣкоторыми станціями везуть по бездорожницѣ, вслѣдствіе чего я и пропуталъ на обратномъ пути изъ Троицка часа четыре; ночь впрочемъ была очень темная. Въ Костанай онъ пріѣхалъ въ 2½ часа ночи и на другой день съ 9 до 1 часа лично экзаменовалъ учениковъ, осматривалъ зданіе, учебныя пособія и все прочее. Какъ кажется, онъ остался доволенъ по всѣмъ частямъ, т. е. и хозяйственною и учебною, хотя ученики только что собрались изъ каникулъ,

откуда явились поздно по случаю ремонта школьнаго здания; сужу это потому, конечно, что кромѣ удовольствія ничего другаго не высказалъ. Обо всемъ, въ чемъ находить надобность, я переговорилъ съ Попечителемъ; при этомъ, относительно эконома спрашивалъ, личное ли мое желаніе имѣть особаго эконома, и я ему сказалъ, что отчасти и личное, возникшее изъ придрокъ мѣстныхъ властей, и что поэтому мнѣ хотѣлось избавиться отъ хозяйственной части, освободить тѣмъ навсегда и учителей отъ незаслуженныхъ придрокъ. При этомъ онъ передалъ мнѣ, что Губернаторъ дѣйствительно придирается, говоря, что на школы производится излишнія траты денегъ, жалуется, главное, не выдавъ еще ни одной школы и не зная даже сколько расходуется на каждую школу; въ виду чего просилъ представить ему подробную вѣдомость о расходахъ по школамъ, выполнѣ при этомъ находя, что никакихъ излишнихъ трать не существуетъ. Официальныхъ начальственныхъ отношеній уѣздныхъ начальниковъ къ школамъ онъ не допускаетъ, хотя я высказывалъ ему, что нѣкоторое официальное участіе уѣздныхъ начальниковъ въ управленіи училищами было бы полезно, чтобы они не чуждались школъ и не отказывались имъ помогать материально. О женскихъ и сельско-хозяйственныхъ школахъ Попечитель также повидимому согласенъ съ мнѣніемъ, что учрежденіе ихъ преждевременно; но впрочемъ просилъ составить о нуждахъ и порядкѣ образованія киргизъ особую записку и прислать къ нему; относительно волостныхъ школъ я говорилъ ему, что Вы намѣрены возбудить официально вопросъ. Пока я не успѣлъ составить предложенную записку и представленіе, 10 разъ и прежде представленныя и потому могуція быть только повтореніемъ прежде писанныхъ, не успѣлъ потому, что послѣ отъѣзда Попечителя появилась ревизія дѣлъ по постройкѣ школьнаго здания въ Кос-

танаѣ и потребовалось мое личное тутъ присутствіе какъ члена по постройкѣ этого здания и такъ какъ покойный Синайловъ, какъ оказалось, очень запуталъ дѣло. Если объ этомъ что скажутъ (а мнѣ велѣли представить къ 20 Октябрю), то не оставьте передачу Николаю Парфентьевичу, что я постараюсь исполнить если не къ 20, то къ 25 числу. Болѣе по попечительской ревизіи нечего, кажется, и писать.

Погода стоитъ, пока, теплая; впрочемъ, въ теченіи послѣднихъ дней, идутъ то дожди, то снѣгъ; быть можетъ эта перемена погоды содѣйствуетъ дѣтскимъ болѣзнямъ, у меня хвораетъ маленькая дѣвочка пяти мѣсяцевъ, докторъ здѣсь не совсѣмъ исправный, средствъ къ леченію, т. е. аптеки нѣтъ, бѣда просто.

Мой искренній алдиръ Евпраксій Васильевъ.

Преданный слуга Ваня И. Алтынсаринъ.

12 Октября 1885 г.

г. Костанай.

Многоуважаемый Василій Владимировичъ!

Письмо Ваше отъ 18 Марта я получилъ только вчера и снѣгу отвѣтить на него. Собственно я рассчитывалъ поѣхать въ Иргизъ и Тургай послѣ 20 чиселъ Апрѣля, чтобы быть на выпускныхъ экзаменахъ. Ранѣе же этихъ чиселъ ни Ваня ни мнѣ ѣхать куда-либо, конечно, не возможно, тѣмъ болѣе, что только со вчерашняго дня началъ таять снѣгъ и, судя по началу, можно думать, что таять будетъ медленно; поэтому нельзя и опредѣлить теперь, когда начнутся разливы рѣкъ и когда возможно будетъ проѣздъ.

Отъ Попечителя я еще не получилъ предложенія о волостныхъ школахъ; но если распоряженія о постройкѣ школьныхъ

зданий поручается мнѣ, то думаю, что необходимо будетъ отложить или побѣдку на экзамены, или же распоряженія о постройкѣ школы, такъ какъ и то и другое требуютъ немедленной, при первой возможности, побѣдки моей по уѣздамъ и волостямъ. Засимъ, соображая и время Вашей побѣдки, я полагаю, что мнѣ необходимо скорѣе отложить побѣдку на экзамены и дожидаться Васъ здѣсь въ Костанай. Въ первыхъ числахъ Мая здѣсь ученики не отпускаются на каникулы и Вы во всякомъ случаѣ застанете ихъ въ школѣ, если прѣдете не позже 10—15 числа Мая. Относительно Вашей побѣдки, если полагаете прѣхать прямо на Костанай, я бы совѣтовалъ, въ виду весенняго времени, ѣхать просто по тракту на Орскъ, Троицкъ и Костанай, такъ какъ по степной сторонѣ Урала до нашихъ мѣстъ не существуетъ теперь земскихъ лошадей, да въ весеннее время какъ здѣсь, такъ и въ Башкиріи вѣроятно будете встрѣчать на каждомъ шагу препятствія по разливамъ рѣкъ, несуществованію паромовъ, мостовъ и т. п. Можно прѣхать, впрочемъ, и такъ: отъ Оренбурга на Актюбу, оттуда на земскихъ лошадяхъ до Орска, а изъ Орска по казачьимъ станицамъ на Николаевскую станицу, отъ послѣдней опять на киргизскихъ лошадяхъ, о выставкѣ которыхъ Вы должны будете сообщить заранее мнѣ или уѣздному начальнику, опредѣливъ, къ какому времени должна быть сдѣлана выставка. Этотъ путь будетъ стоить дешевле, но придется ѣхать подольше, такъ какъ не вездѣ будутъ готовы лошади и установлены переправы.

Что же затѣмъ касается до моего влосчастія отъ нынѣшней главы Тургайской администраціи, то я въ общихъ чертахъ прописалъ обстоятельство его въ письмѣ къ г. Попечителю. Имени доносителя Губернаторъ мнѣ не открылъ, назвавъ сообщеніе безыменнымъ, что, конечно, не справедливо; по всему видно, что это дѣло

одного семипалатинскаго фаворита, старшаго помощника уѣзднаго начальника Э., постоянно и тайно, какъ оказывается, переписывающагося съ Губернаторомъ; онъ не оставилъ, какъ говорятъ, безъ вниманія всѣхъ своихъ костанаевскихъ пріятелей, въ томъ числѣ и своего уѣзднаго начальника. Побудительной же причиной ко всему этому полагаютъ желаніе его выслужиться предъ начальствомъ, посредствомъ шлетеніи, которымъ очень внемлетъ Его Превосходительство. Кто бы ни былъ этотъ тайный доносчикъ, но вѣроятно не полагалъ, что дѣло приметъ огласку, а хотѣли безъ суда и слѣдствія выжить изъ того мѣста, которое вѣроятно нужно кому нибудь. Наглая выдумка эта вся прежде всего обнаружится можетъ въ Оренбургѣ же, посредствомъ официального или конфиденціального запроса прокурора Областнаго Правленія Тургайской области, такъ какъ изъ письма Губернатора видно, что онъ главнымъ образомъ обвиняетъ меня теперь въ клеветныхъ прошеніяхъ, подаваемыхъ, этимъ послѣднимъ, и не письменныхъ только, а заключающихся и въ частныхъ сообщеніяхъ прокурору и Областному Правленію, на чиновниковъ уѣзднаго управленія, посланныхъ Губернаторомъ, на которыхъ повидимому никто не долженъ былъ ничего и писать или жаловаться, а жаловаться сами по себѣ, полагаятъ вѣроятно, что киргизы или поселяне не могутъ. Объ этомъ запросѣ я прежде всего прошу Васъ убѣдительнѣйше, такъ какъ онъ можетъ служить ключемъ главнымъ къ открытію истины, и просилъ бы запросить еще до выѣзда изъ Оренбурга. Грустное очень душевное настроеніе мое теперь, такъ какъ отъ тѣхъ же властей, отъ которыхъ имѣю я право ожидать помощи и поощренія, заслуживаю въ концѣ концовъ неустанное преслѣдованіе всеми законами и даже незаконными путями. Что же послѣ этого, гдѣ же справедливость? Все это приводитъ меня къ настоятельному же-

ланию, чтобы дѣло было раскрыто хотя посредствомъ публичнаго суда, а потому надѣюсь на снисхожденіе Ваше, такъ настоятельно прося о запросѣ у прокурора и Областнаго Правленія на основаніи губернаторскаго письма.

Преданный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

2 Апрѣля 1886 года
Костанай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Не безызвѣстно уже, конечно, Вамъ, что я представилъ г. Попечителю приговора Костанавскаго общества о наймѣ для новаго училища квартиры и проч. Приговора эти, не смотря на прямыя указанія съ моей стороны, все таки не были составлены такъ, какъ было желательно, т. е. не соблюдено въ нихъ всёхъ формальностей; по дальнѣйшія указанія были неудобны и я представилъ ихъ. Не знаю, что теперь дѣлается по дѣлу этому, т. е. объ учрежденіи новаго училища для поселянъ. Другое затрудняющее насъ дѣло—это торги, которые, какъ оказалось, требуютъ столько формальностей, что не рады теперь, что загляли объ нихъ переписку, хотя, впрочемъ, вынуждали къ этому обстоятельства, и между прочимъ боязь придирокъ со стороны областнаго Начальства. Не уважете-ли какой возможности избавиться отъ этихъ торговыхъ дѣлъ? Загѣмъ, не дѣлается-ли что-либо по дѣлу о волостныхъ школахъ, о чемъ, какъ не безызвѣстно, вѣроятно Вамъ, я писалъ Николаю Ивановичу! Простите, что задаю столько вопросовъ; сколько ни крѣплюсь не беспокоить Васъ вообще дѣловыми вопросами, но желаніе узнать о ходѣ очень занимающихъ меня дѣлъ оказалось сильнѣе желанія не беспокоить Васъ.

У насъ вообще благополучно. Губернаторъ былъ уже въ трехъ школахъ: Иргизской, Тургайской и Актыбинской, и хотя въ частности проявлялъ желаніе придраться кое къ чему, но въ общемъ остался, говорятъ, весьма доволенъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ выражался при ревизіяхъ.

Погода прекрасная; до сихъ поръ стоитъ осень и очень теплая; урожаи и сборы хлѣбовъ были удачны, даже и выборы въ Николаевскомъ уѣздѣ—этотъ камень преткновенія—прошли совершенно мирно. Знаменитый дѣятель въ Костанавѣ Э. теперь въ Оренбургѣ, куда вызванъ по извѣстному жестокому его дѣлу; что съ нимъ тамъ дѣлается—неизвѣстно.

Евпраксіи Васильевнѣ мой искренній привѣтъ, а равно и дѣткамъ Вашимъ.

Глубоко преданный Вашъ И. Алтынсаринъ.

3 Декабря 1886 года.
Костанай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Не знаю, какъ и чѣмъ выразить Вамъ свою благодарность за всё хлопоты по моимъ процентнымъ бумагамъ. Да вознаградитъ Богъ Васъ за это, какъ за дѣло въ сущности доброе, такъ какъ бумаги, надѣлавшія Вамъ столько хлопотъ, принадлежатъ моимъ малолѣткамъ, до совершеннолѣтія коихъ доживу-ли я—знаеть Богъ. Я же со своей стороны могу только Вамъ сказать, добрѣйшій Василій Владиміровичъ, что навсегда Вашъ усердный слуга, если бы оказалась нужною и Вамъ моя какая либо услуга.

Молодые учителя изъ киргизъ, продолжающіе кончать курсъ ученія, не выходятъ и у меня изъ головы и, какъ безсиленный

на борьбу съ сильными міра, слагать уже и оружіе, ограничившись только тѣмъ, что предлагалъ волостнымъ управителямъ взять ихъ въ писмоводители. Ваше обнадеживаніе, что жалованья учителямъ можно бы было найти, если бы киргизы принесли на себя квартиру съ отопленіемъ, освещеніемъ и прислугой, навело меня на мысль попробовать обратиться къ богатымъ киргизамъ принять это на свой счетъ; но какъ и на эти предметы потребуется ежегодно до 400 руб., то надежды мало, чтобы принять кто-либо на себя подобный, постоянный расходъ, тѣмъ болѣе, что у киргизовъ капиталистовъ вѣдь нѣтъ, потому всякое благотворительное дѣло возможно у нихъ только посредствомъ раскладки денежнаго сбора по кибиткамъ, что ими на данное дѣло уже и исполнено; сборъ и безъ того дѣйствительно бльшой на волостныя школы, именно съ Николаевского уѣзда собирается ежегодно около 20 тысячъ рублей, предлагать же еще новые сборы—и неудобно, и они не могутъ быть производимы иначе какъ съ разрѣшенія только Губернатора, а что Губернаторъ не согласится—въ томъ нѣтъ уже и сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе сообщите, Василій Владиміровичъ, на какое пособіе можемъ разсчитывать со стороны казны и какое признается возможнымъ выдавать жалованье каждому учителю. Быть можетъ устроимъ хотя одно или два, три училища на приходившихъ учениковъ, изъ нихъ одно—навѣрное, т. е. около моей зимовки, куда предполагаю пригласить одного изъ окончивающихъ курсъ въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ.

Осенью т. е. въ 1-хъ числахъ Сентября предполагалъ и я поѣхать сначала въ Оренбургъ, а потомъ на Актюбу и далѣе; но если поѣдете туда и въ то же время Вы, то нужна ли моя поѣздка? Думаю ожидать Васъ въ Костанай, тѣмъ болѣе, что и изъ тѣхъ краевъ пріѣхалъ только на-дняхъ, постигивъ оказмены.

Хотѣлось только переговорить съ Попечителемъ какъ по службѣ, такъ и по дѣламъ, касающимся лично меня, между прочимъ о томъ, должно-ли считаться за государственную службу нахождение мое учителемъ и переводчикомъ, а если нѣтъ, то просить ходатайства о зачисленіи лѣтъ, проведенныхъ на этихъ должностяхъ, за службу, такъ какъ подобныхъ примѣровъ въ другихъ, по крайней мѣрѣ, вѣдомствахъ бываетъ очень перѣдко. При настоящихъ служебныхъ условіяхъ моихъ подобное ходатайство о себѣ считаю необходимымъ, чтобы быть готовымъ на всякія невзгоды... Не можете-ли что-либо посоветовать мнѣ и Вы на счетъ этого предмета.

Но слишкомъ уже надобѣю Васъ разными просьбами. Простите. Передайте мое искреннее почтеніе супругѣ Вашей.

Глубоко преданный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

Съ настоящимъ письмомъ посылаю довѣренность.

Да, я и позабылъ было о томъ, что въ концѣ Августа общался пріѣхать въ Иргизъ, чтобы открыть тамъ женское училище. Да и въ Илецкомъ уѣздѣ придется, вѣроятно, быть для ускоренія открытія волостной школы въ Буртинской волости, что уже разрѣшено. Вопросы эти разъясняются еще опредѣленнѣе по прибытіи сюда Губернатора, котораго ждуть къ 10 Юня въ Костанай. Объ открытіи училища для русскихъ поселенцевъ переговорить и Карауловъ и я съ Губернаторомъ. По отъѣздѣ Губернатора, сообразивъ обстоятельства дѣль, я сообщу Вамъ, какимъ образомъ намъ свидѣться и чтобы я могъ встрѣтить Васъ въ Костанай, чего я очень и очень желаю.

28 Мая 1887 г.

Костанай.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Наши школьные дѣла и пререканія съ Губернаторомъ не ожиданно приняли благопріятный оборотъ. Во время бытности въ Костанай, Его Превосходительство торошилъ меня и уѣзднаго начальника войти къ нему съ представленіями объ открытіи въ Николаевскомъ уѣздѣ двухъ, въ Тургайскомъ одной, въ Иргизскомъ одной и въ Илецкомъ одной школы; кромѣ того просилъ поторопиться ходатайствомъ о пособіи на Кустанаевское русское училище,—и все это я не замедлилъ исполнить. Личное общаніе его таково, что по пріѣздѣ въ Оренбургъ не замедлитъ разрѣшеніемъ просимыхъ денегъ на наемъ для волостныхъ школъ квартиръ и содержаніе ихъ, а для фактическаго осуществленія всего этого проекта я долженъ поѣхать по Области въ началѣ или половинѣ Августа, смотря потому, какъ успѣются предварительныя распоряженія.

Но пока въ ожиданіи исполненія общанія Его Превосходительства покорнѣйше прошу Васъ, дорогой Василий Владимировичъ, не отказать назначеніемъ въ Иргизское женское училище учительницы, такъ какъ отъ Воропцовой нѣтъ до сихъ поръ никакихъ вѣстей, видно она не хочетъ ѣхать въ Иргизъ; для открытія этой школы я, во всякомъ случаѣ, въ половинѣ Августа поѣду въ Иргизъ. Не съѣдемъ ли мы тамъ, или въ концѣ Августа въ Илецкомъ уѣздѣ, такъ чтобы мнѣ сопровождать Васъ во всѣмъ уѣздамъ, а подѣ конецъ пріѣхать отдохнуть въ Костанай, ко мнѣ?

Если соблаговолите написать мнѣ письмо, то не откажите сперва своимъ содѣйствіемъ, а потомъ сообщеніемъ, будетъ ли

Попечитель ходатайствовать о пособіи на Кустанаевское русское училище.

Свидѣтельствую глубоко-искреннее почтеніе Евпраксіи Васильевнѣ.

Преданный и покорный слуга Вамъ И. Алтынсаринъ.

10 Июля 1887 г.

Костанай.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

По отношенію искренно-желаннаго мною свиданія съ Вами, пынѣшній годъ приносилъ мнѣ рядъ разочарованій: думали Вы весною побывать у насъ—разстроилось это; думалъ я видѣться съ Вами въ Оренбургѣ—Вы только что выѣхали оттуда; только что я выѣхалъ изъ Илецкаго уѣзда—Вы пріѣхали туда. Бываютъ же такіа досадныя случайности!

Отъ души благодарю Васъ за все и отдѣльно за письмо, въ которомъ выражаете радость на счетъ движенія у меня въ этомъ году школьнаго дѣла. Да, на сей разъ Областное Начальство такъ было любезно ко мнѣ и такъ согласно и быстро разрѣшило все, что я не вѣрилъ глазамъ своимъ и, по пословицѣ: „пуганная ворона куета боится“, часто задумывался даже, къ добру ли это, нѣтъ ли какихъ заднихъ мыслей. Тѣмъ не менѣе, какъ только получилъ нужныя мнѣ разрѣшенія, я не медлилъ исполненіемъ, чтобы ковать желѣзо пока горячо. Такимъ образомъ, независимо открытыхъ уже трехъ школъ, въ Декабрѣ намѣревался открыть въ Николаевскомъ уѣздѣ еще двѣ школы; пока готовятся хозяйственныя и учебныя для нихъ принадлежности.

Вы отлично надумали назначить въ Актюбу 3-го учителя для русскихъ дѣтей, такъ какъ въ этомъ году тамъ наплывъ

переселенцев; раньше-же их не было или было мало. Въ виду этого я затѣять было уже и переписку съ уѣздными и областными начальствами объ открытіи тамъ для русскихъ однокласснаго хотя мужскаго училища. Вотъ не приходится все къ концу дѣла объ устройствѣ училища для жителей Костаная. Теперь со стороны Областнаго Начальства сдѣлано все, о чемъ съ этою же почтой пишу представленіе Попечителю; но здѣсь не возможно устроить дѣло такъ, какъ въ Актыбѣ, такъ какъ на населеніе въ 20 тысячъ жителей особое училище необходимо, и здѣсь могутъ быть 200, 300 и даже, если бы было возможно, тысяча учениковъ изъ русскихъ, а въ двухклассномъ русско-киргизскомъ училищѣ и теперь большой наплывъ русскихъ дѣтей; да предполагается открытіе ремесленныхъ отдѣленій по энергичному настоянію Губернатора, противу котораго не желательно долге и идти, да дѣло будетъ и не бесполезное.

Въ этомъ году, по разнымъ обстоятельствамъ, много въ нашихъ училищахъ было переводовъ учителей. Всѣми ими пока я доволенъ, исключая Ч—го; это сумашедшій и негодный человекъ, котораго, будь только не я, другой отдалъ бы 30 разъ уже подъ судъ за разныя очень грязныя дѣлишки. Но мнѣ стыдно письменно его порочить и, по его желанію, увольняю отъ службы тѣмъ болѣе, что онъ подавалъ жалобу Губернатору, что я не желаю его будто бы уволить—черта самая нехорошая подавать жалобу Губернатору, услышавъ, что онъ мнѣ не благодаритъ. Даже и подъ конецъ, когда пріѣхалъ на его мѣсто другой, онъ самоуправно не сдавалъ дѣла новому завѣдующему училищемъ, отзываясь, что объ увольненіи его нужно было написать ему, а не новому завѣдующему училищемъ. Но будетъ,—стыдно и говорить о подобномъ нечестномъ, взбалмошномъ мужикѣ. Радуюсь, что будете имѣть случай захватъ въ Буртинскую

школу; по открытіи школы я пробывъ тамъ двое только сутокъ, чтобы положить учебному дѣлу начало, но какъ ведетъ учитель дѣло теперь—не могу ничего еще сказать. Ваши совѣты и указанія навѣрное направятъ его на успѣхъ. Одного боюсь, не будетъ-ли онъ лѣнивъ, фантовать онъ—Асаувъ, что перѣдко происходитъ отъ легкомыслія вообще.

Свидѣтельствую глубокое почтеніе Евпраксѣ Васильевнѣ, дѣтямъ Вашимъ салютъ мой, и надѣюсь весною все же видѣть Васъ въ Костанай и лично сердечно благодарить Васъ за хлопоты по моимъ собственнымъ, частнымъ дѣламъ....

Глубоко преданный Вамъ слуга И. Алтынсаринъ.

27 Ноября 1887 г.
Костанай.

Дорогой Василій Владиміровичъ!

Пріѣхаль и уѣхаль, наконецъ, новый Губернаторъ. Онъ произвелъ на всѣхъ самое хорошее впечатлѣніе, а относительно школьнаго вообще дѣла переговорилъ со мною подробно и обстоятельно, но чтобы ничего не было позабыто имъ, я вручилъ еще особую записку, въ которой изложилъ весь ходъ учебнаго дѣла въ Области, о нуждахъ училищныхъ и преподавательскихъ моихъ на счетъ желательныхъ новыхъ учебныхъ учреждений и улучшеній. Остался, повидимому, очень доволенъ, и даже отмѣнилъ нѣкоторые распоряженія, сдѣланныя до свиданія со мною по представленіямъ уѣздныхъ начальниковъ. Только въ Актыбинскомъ училищѣ проптрафился почему-то Спиридоновъ, какъ самъ онъ, такъ и его ученики, не зная напрямѣръ будтобы, что такое—побуеъ и т. п. Конечно, быть не можетъ, чтобы старшіе ученики не знали этихъ пустяковъ, но вѣдь много

значить постановка вопросов и форма самого обращения с учениками и даже с учителями, которые могли оробеть и растеряться. Къ этому надо еще прибавить нерасположеніе К—го къ Спиридонову. Человѣкъ этотъ очень пустой (простите за выраженіе), придирчивый и злой: мѣшается во все, ничего самъ не понимая, и всякое возраженіе простыхъ, по его понятіямъ, смертныхъ считающій за личное оскорбленіе его высокаго достоинства и чести—бѣда съ такими начальствами, но что же подѣлаешь? Въ виду этого, осторожно и деликатно намекнулъ я и Губернатору словесно и въ запискѣ, что вообще нѣтъ, казалось бы, необходимости уѣзднымъ начальникамъ вмѣшиваться во внутренней бытъ училищъ; между прочимъ объяснилъ, что переплетное ремесло у насъ—дѣло домашнее, для котораго ни у кого никакой суммы не требовалось, а сто рублей расходуется изъ общей сѣтной же суммы каждаго училища, и что ремесло это весьма полезно для хозяйства школы, такъ какъ всѣ учебники переплетаются самими учениками, избавляя этимъ отъ расходовъ по новымъ и частымъ приобретеніямъ книгъ, безъ переплета скоро рвущихся въ рукахъ учениковъ, что сапожное ремесло вообще очень знакомо киргизамъ и безъ училищныхъ содѣйствій и т. п. Губернаторъ соглашался во всемъ, что только ни представлялъ я, а уѣзжанъ просилъ представить соображенія на счетъ устройства по одному техническому училищу въ каждомъ уѣздѣ или по крайней мѣрѣ двухъ такихъ училищъ для четырехъ уѣздовъ, о чемъ я представлялъ ему въ запискѣ. Соображенія эти я думаю представить уже въ Оренбургѣ, куда намѣреваюсь прѣѣхать въ половинѣ Августа. Мое убѣжденіе теперь таково, что начальныхъ школъ пока достаточно; нужно только упрочить и направлять ихъ къ усильному веденію дѣла, а было бы полезно подумать теперь объ устройствѣ именно двухъ по крайней мѣрѣ тех-

ническихъ или промышленныхъ училищъ по новому типу, указанному уже Министерствомъ, со введеніемъ въ эти училища обученія кожевенному, мыловаренному и т. п. мастерствамъ съ увеличеніемъ, если понадобится, стипендій въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ, для подготовленія учителей для этихъ дѣлъ изъ киргизъ же. Обо всемъ этомъ я имѣю много переговорить и посоветоваться съ Вами.

Въ Оренбургъ я поѣду въ половинѣ Августа и, покончивъ съ вышеозначенными проектами, оттуда уже направлюсь въ Актюбу и далѣе до Костаная. Въ Апрельѣ я посетилъ всѣ новыя и старыя школы трехъ уѣздовъ Тургайскаго, Иртышскаго и Николаевскаго, не успѣлъ побывать только въ Илецкомъ, такъ какъ получилъ телеграмму о нездоровіи сына, чуть только не умершаго отъ тифозной горячки. Сынокъ этотъ мой, слава Богу, теперь поправился и уже гарцуетъ на конѣ.

Вотъ, если имѣете намѣреніе проѣхать по нашей области, и поѣхать-бы намъ вмѣстѣ изъ Оренбурга.

Въ уѣздѣ и области вообще благополучно; всходы хлѣбныхъ хороши и скотъ киргизскій здравствуетъ.

Больше писать, пока, не о чемъ. Свидѣтельствую глубокое почтеніе супругѣ Вашей и остаюсь преданнымъ Вамъ слугою И. Алтынсаринъ.

3 Юня 1888 г.

Костанай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Наконецъ и проводилъ превосходительнаго нашего начальника. Изъ Орска, 19 числа (Сентября), я отправился въ Костанай прямымъ путемъ и добрался сюда 22-го, 23-го послалъ

на встрѣчу Его Превосходительства въ Троицкѣ переводчика, извѣстнаго Вамъ Досжаца, о чемъ онъ меня просилъ. Попечитель прѣхалъ въ Костанай 29 вечеромъ, прожилъ 30 число и 1-го Октября поѣхалъ на Николаевскую станицу, чтобы прямымъ же путемъ доѣхать до Орска; я же проводилъ Его Превосходительство до ст. Николаевой, что за 120 верстъ отъ Костаная.

Костанавскими училищами, кажется, онъ остался доволенъ, особенно ихъ хозяйствами и успѣхами по русскому языку; нашелъ нѣсколько слабоватыми знанія учениковъ 2-го класса по ариметикѣ, и это понятно: у насъ, какъ Вамъ не безъизвѣстно, въ 1-мъ классѣ обращается главное вниманіе на обученіе русскому языку и грамотѣ, проходя изъ ариметики только четыре простыхъ правила, на чемъ почти и засталъ учениковъ г. Попечитель; но онъ нашелъ, что по программѣ ученики 2-го класса должны были знать больше. Я ему доложилъ, что строго программы намъ и нельзя придерживаться, такъ какъ въ 1 классѣ дѣло имѣется съ киргизятами, ничего не понимающими изъ русскаго языка, слѣдовательно имъ надо прежде всего успѣть усвоить русскій языкъ на столько, чтобы, переходя въ 2-й классъ, они вполнѣ понимали преподаваніе русскаго учителя, и что положенный размѣръ ариметики, въ теченіи 2-хъ лѣтъ въ 2-мъ классѣ, все равно успѣютъ пройти. Кажется, Его Превосходительство удовлетворился этимъ объясненіемъ.

Говоря же вообще, Попечитель былъ очень доволенъ всѣмъ и былъ веселъ. Если же что-либо не высказывалъ—это дѣло ужъ его, намъ не извѣстное.

Вотъ и все, что я могу сообщить Вамъ о посѣщеніи нашихъ училищъ Попечителемъ.

Пока я занимаюсь письменными своими дѣлами, чтобы 10-го числа отправиться въ Тургай, а оттуда въ Иргизъ, Карабутагъ

а если успѣю, и въ Актюбе; но, вѣроятно, не успѣю до зимы.

Писать пока не о чемъ.

Свидѣтельствую глубокое почтеніе Евпракіи Васильевнѣ. Въ семьѣ у меня всѣ, слава Богу, здоровы.

Преданнѣйшій слуга Вашъ И. АЛТЫНСАГИНЪ.

6 Октября 1888 г.

Костанай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Проводивъ Попечителя 1-го Октября, изъ дому я выѣхалъ 14-го числа и вотъ съ того времени путешествую по Тургайскому и Иргизскому уѣздамъ. Въ Иргизѣ пришлось мнѣ сидѣть около двухъ недѣль для устройства, сбора ученицъ и, затѣмъ, направленія самаго учебнаго дѣла въ женскомъ киргизскомъ интернатѣ. Тамъ, какъ уже вѣроятно Вамъ не безъизвѣстно, дѣла пошли отлично: съ первыхъ же дней началось руководѣніе, къ которому киргизскія дѣвочки особенно симпатизируютъ, а родители ихъ съ удовольствіемъ смотрятъ на ихъ работы. Надѣюсь, что и это дѣло пойдетъ у насъ не дурно, не смотря на видимое нерасположеніе къ нему людей въ родѣ К—ихъ? За снѣгъ вотъ уже дни четыре сижу въ Тургаѣ, за неготовностью еще паргъ, столовъ и т. п. заказанныхъ для Каратургайской волостной школы, имѣющей быть открытою на дняхъ. А погода стлится прескверная: то были дожди, то снѣга, а теперь пошли морозы; ѣзда не на саяхъ и не на телегѣ, да дѣлать-то уже нечего, надо покончить предложенныя дѣла.

Въ Иргизѣ получено достовѣрное, какъ говорятъ, свѣдѣніе, что въ Декабрѣ мѣсяцъ будетъ обнародовано новое положе-

ние о степныхъ областяхъ, по которому наша область упразднится и два уѣзда ея—Тургайскій и Иргизскій—отходятъ въ Казалинскую область, которая будетъ составлена изъ четырехъ уѣздовъ: Перовскаго, Казалинскаго, Иргизскаго и Тургайскаго; два же уѣзда нынѣшней Тургайской области—Николаевскій и Илецкій—отойдутъ въ Оренбургскую губернію... Теперь занимаетъ меня вопросъ: что сдѣлаютъ съ моею должностію? Если она будетъ упразднена, то надо мнѣ подготовиться къ этому, а если нѣтъ, то въ какомъ видѣ она будетъ существовать: будетъ ли къ инспекціи этой присоединена вся предполагаемая Казалинская область, что болѣе вѣроятно потому, что область эта отдѣляется совершенно отъ Туркестанскаго края, и въ учебномъ отношеніи, вѣроятно, подчинится Оренбургскому учебному округу; или же оставить ее въ прежнемъ видѣ, хотя въ районъ ея будутъ входить отдѣльныя части изъ двухъ губерній. Въ томъ и другомъ случаяхъ новость эта для меня крайне нерадостная: упразднить инспекцію, значитъ, я не успѣю упрочить и докончить начатая уже дѣла, не говоря уже лично о своемъ положеніи, а присоединять къ ней еще Казалинскій и Перовскій уѣзды—такъ придется мнѣ разъѣзжать круглый годъ. Во всякомъ случаѣ не откажитесь, ради Бога, заранѣе похлопотать о приведеніи въ извѣстность предстоящаго мнѣ положенія, чтобы новое положеніе не стало меня врасплохъ и не поставило вдругъ въ затруднительное состояніе какъ по дѣламъ, такъ и по отношенію себя.

Засимъ, еще одна великая моя просьба. Есть поговорка „всѣ мы подъ Богомъ“; не скажу я, чтобы я могъ похвастаться теперь такимъ же прѣтущимъ здоровіемъ, какъ бывало ранѣе, я началъ очень часто заболѣвать, хотя до серьезнаго еще не дошло. Увлекаемая дѣломъ и своею задачей, до сихъ поръ я не задумывался еще надъ своею будущностію и будущностію своей семьи,

а надо, какъ кажется, подумать и объ этомъ. Не безызвѣстно быть можетъ Вамъ, что я состою на службѣ съ 1860 года и первоначально служилъ въ Областномъ Правленіи, въ качествѣ штатнаго (кажется такъ), толмача; за симъ я перешелъ въ Тургай учителемъ начальной школы и переводчикомъ Коменданта—съ этими должностями не содвигаются, кажется права на Государственную службу; потомъ въ 1869 году я поступилъ на должность писмоводителя уѣзднаго управленія и съ этого времени до сихъ поръ занимаю штатныя должности. Въ время бытности Попечителя округа въ Костанай, не осмѣлившись обратиться прямо къ Его Превосходительству, я просилъ Карла Андреевича доложить, при случаѣ, о моей просьбѣ ходатайствовать на счетъ зачисленія въ государственную службу того промежутка, когда я состоялъ на должности учителя Киргизской школы, на что тѣмъ болѣе основанія, если первая должность моя, т. е. толмача Областнаго Правленія, была штатная. Если моя служба чѣмъ-либо была полезна и заслуживаетъ какого-либо поощренія, то этимъ ходатайствомъ Его Превосходительство оказалъ бы мнѣ истинно отеческое поощреніе, обезпечивъ, на всякій случай, будущность моей семьи на счетъ пенсіона, да и служба моя пошла бы уже безъ колебаній до тѣхъ поръ, пока я могу быть полезенъ дѣлу.

Я слишкомъ и постоянно злоупотребляю, но повѣрьте, по необходимости, Вашимъ расположеніемъ, прося и утруждая Васъ разными заявленіями; отчасти этому виною и Ваша доброта, къ которой я обращаюсь и теперь, прося доложить Его Превосходительству объ изложенной выше просьбѣ и, если для ходатайства нужны какия-либо справки, не отказать доставленіемъ ихъ кому слѣдуетъ.

Жду, засимъ, съ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта на это

письмо, уже въ Костанаѣ, такъ какъ къ 15—20 Ноября думаю уже быть на мѣстѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Вашъ слуга
И. Алтынсаринъ.

НВ. Еще просьба: въ видахъ поощренія къ законоученію и другихъ законоучителей, я ходатайствовалъ о награжденіи Тургайскаго священника; не знаю чѣмъ это кончилось; кромѣ того Тургайскій Губернаторъ обещалъ и сдѣлалъ даже распоряженіе о выдачѣ 100 руб. пособія Вайжіеневу; деньги эти до сихъ поръ не получаетъ Вайжіеневъ; думаю, что просто забыли написать объ этомъ уѣздному начальнику. Потомъ, я сдѣлалъ представленіе Губернатору объ увеличеніи числа киргизскихъ ученицъ въ Иргизскомъ женскомъ интернатѣ до 20; не можете-ли, добрый Василій Владиміровичъ, похлопотать обо всемъ этомъ на досугѣ. Какъ кажется, Губернаторъ нѣсколько сомнѣвается въ успѣхѣхъ женскаго киргизскаго интерната по наговорамъ К—го, а вѣдь если не начинать такого полезнаго дѣла, то вѣдь никогда ничего и не будетъ; да я уже и увѣренъ, что въ Иргизѣ дѣло это пойдетъ хорошо, особенно при содѣйствіи Сейдалина да жены уѣзднаго начальника, назначенной почетною блюстительницей.

Простите и извините за безпокойства.

Вашъ слуга И. Алтынсаринъ.
5 Ноября 1888 г.

Съ новымъ годомъ, наилучшій Василій Владиміровичъ и искренно уважаемая Евпраксія Васильевна!!! Отъ всей души желаемъ Вамъ и дорогому семейству Вашему добраго здоровья и счастья и успѣха во всѣхъ дѣлахъ!

Больше пока писать не въ состояннн, рука не слушается; до свиданія, дорогой Василій Владиміровичъ.

Передайте мое искреннее почтеніе Евпраксіи Васильевнѣ.

Преданнѣйшій и покорный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

10 Мая 1889 года
Костанай.

Многоуважаемый Василій Владиміровичъ!

Послѣ послѣдняго письма къ Вамъ я заболѣлъ вновь, но гораздо серьезнѣе, такъ что опасались за мою жизнь. Продолжаю еще хворать, почти не сплю и не ѣмъ: жестокое сердцебіеніе и одышка. Теперь, говорятъ, немного лучше послѣ приглашенія изъ Троицка третьяго доктора, который прописалъ леченіе до 10-хъ чиселъ Іюля. Поручаю себя волѣ Бога, болѣе того, что опредѣлено судьбой, не будетъ-жо.

Письмо Ваше получилъ, очень за него благодаренъ Вамъ. Если поправлюсь здоровьемъ, я въ концѣ Августа собираюсь развѣзжаться по Области. И если Вы пожалуете къ намъ въ половинѣ или, по крайней мѣрѣ, около 20 чиселъ Августа, то мы съ удовольствіемъ прокатились бы черезъ Тургай, Иргизъ и да-ле до Оренбурга.

Писать болѣе не въ состояннн. До свиданія, дорогой Василій Владиміровичъ.

Всей душой преданный и покорный слуга Вашъ
И. Алтынсаринъ.

15 Іюня 1889 года.

3) къ Ар. Ан. Мозохину¹⁾.

Милостивый государь Арсеній N!

Весьма жалью, что не засталъ Васъ въ Оренбургѣ. Вы уѣхали только за день до моего пріѣзда. А живется Вамъ, я полагаю, не совѣмъ удобно при неустроенномъ еще зданіи для школы. Скоро, впрочемъ, увидимся, я пріѣду между 10—15 Октября и постараюсь поудобнѣ установить Ваше положеніе. Вооружитесь пока, другъ любезный, терпѣніемъ, поживите покуда, если не возможно при школьномъ зданіи, то у Ваедилы или въ сосѣдней станицѣ. Между прочимъ я прошу Васъ заказать въ Алабайтагѣ или Гирьягѣ два простыхъ обѣденныхъ стола со скамейками по 3 арш. въ длину каждый, кухонный столъ со скамейкою въ 2½ арш. въ длину и аршина полтора въ ширину, столъ еще для Васъ, по Вашему усмотрѣнію, какой величины пожелаете. Здѣсь для Васъ заказаны шесть стульевъ. Означенные столы должны быть выкрашены простыми желтыми хотя красками (кромя кухоннаго). Кромя того, купите тамъ же (а если нѣтъ, то въ Красногорской) бочку, гелѣгу, ушатъ для воды. Быть можетъ мы приобретемъ тамъ и лошадь какъ для возки воды, такъ и для того, чтобы и Вамъ было на чемъ ѣздить. Пользуясь пока свободнымъ временемъ, Вы заранѣе постарайтесь нанять какого-нибудь изъ татаръ ближайшихъ станицъ въ повара и кромя того еще сторожа, имѣющаго быть при школѣ, только чтобы было не особенно дорого, не болѣе какъ на 4, много 5 р. въ мѣсяцъ, при нашей нищдѣ, условившись, что плата будетъ даваться по отстройкѣ зданія.

¹⁾ Учитель Актюбинской русско-киргизской школы.

Такимъ образомъ, Вы не будете безъ дѣла и до моего пріѣзда. Между прочимъ, конечно, постараетесь сойтись съ окружающими муллами и шакирдами, изучать поемному языкъ киргизскій.

На означенныя вещи и другіе могущіе встрѣтиться расходы я посылаю при этомъ 100 руб., о которыхъ Вы потрудитесь отдать мнѣ отчетъ по израсходованію.

Вотъ еще что: поговорите съ Ваедилемъ, чтобы ко времени моего пріѣзда, т. е. 15 числу были на-готовѣ 6—7 учениковъ изъ ближайшихъ волостей, чтобы мы могли съ Вами начать обученіе русскому языку (въ видѣ пробы). Въ школѣ Вашей будетъ 25 учениковъ и должны приниматься дѣтей не моложе 8 и не старше 12 лѣтъ; при пріемѣ попросите, чтобы дѣтямъ своимъ родители давали почище одежды и побольше бѣлья, но крайней мѣрѣ по 3 пары, объявивъ, что въ хорошихъ училищахъ неопрятностей и нечистотъ не допускается.

Искренно желающій Вамъ успѣховъ въ благородной дѣятельности Вашей

Вашъ преданнѣйшій слуга И. Алтынсаринъ.

Прежде чѣмъ искать повара и сторожа, узнайте о мѣстныхъ платахъ рабочимъ съ пищею и безъ нищи; а потомъ наймите, но съ тѣмъ, что плату будете давать по открытіи школы, а пока можно дать 3—4 руб. задатка, при какомъ-либо начальствѣ. Обо всемъ этомъ посоветуйтесь-ка предварительно съ Ваедилемъ и поступите по его указанію; онъ опытный въ подобныхъ дѣлахъ.

Если будете имѣть возможность и деньги, то поторгуйте пшеничную муку и задатокъ можете отдать пудовъ на 100. Справитеесь еще, что будетъ стоить мясо.

Въ особенности столы закажите поскорѣе, чтобъ, если не поспѣютъ въ скоромъ времени парты изъ Оренбурга, то на этихъ же столахъ начать и обученіе учениковъ.

Необходимо, чтобы поваръ былъ вѣтвь и хлебопекаръ; кушанья будутъ состоять изъ мяса варенаго, супа изъ сарачинской или другой крупы и плова въ праздничные дни.

3 Октября 1881 г.

Любозный другъ!

Я пріѣхалъ вчера ночью и къ сожалѣнію никого и ничего не засталъ. Пріѣзжайте поскорѣе и распорядитесь доставить сюда столы, Вами заказанные. Кромѣ того разузнайте, гдѣ остановилась наша кладь, посланная изъ Оренбурга 17 числа. Мужики, взявшіеся доставить кладь не позже 20 числа, жители, какъ оказывается, Новочеркасской станицы, что между Гирьяломъ и Красногорскою; при этомъ нужно торопить ихъ, чтобы сегодня же или не позже завтрашняго дня доставили кладь. Если для этого потребуется личное Ваше участіе, то устройте прежде доставку означенной клади, а потомъ уже пріѣдете, такъ какъ между этими вещами и находится все необходимое для первоначальнаго устройства школы. Я тоже тороплюсь, настаетъ нежданная зима. Возчики: Новочеркасскаго поселка Гирьяльской станицы Степанъ и Василій Петровы. Если они съ кладью не прибыли въ Гирьяль, то пошлите нарочнаго (наймите) къ Петровымъ, приказавъ немедленно пріѣхать съ кладью и присовокупивъ, что перевести чрезъ Уралъ можно около Алабайтала, если не найдутъ брода тамъ. Около Алабайтала есть паромъ и мы сами похлопочемъ.

Пожалуйста поскорѣе старайтесь о доставкѣ клади-то.

Оставсь покорнымъ слугою Вашимъ И. Алтынсаринъ.

21 Октября 1881 г.

Другъ любезный Арсеній Андреевичъ!

Не забудьте переговорить съ смотрителемъ почтовой конторы (у котораго жена-то умерла), чтобы корреспонденція, адресованная на Ваше имя, и посылки онъ не отдавалъ никому безъ Вашей записки, а Вы еженедѣльно черезъ попутчиковъ справляйтесь, не получено ли чего (расскажите ему о мѣстѣ Вашего жительства); черезъ каждыя недѣли двѣ можно и нарочнаго посылать, т. е. одного изъ прислуги на водовозной лошади.

Вамъ преданный И. Алтынсаринъ.

Милостивый государь Арсеній Андреевичъ!

Выпишите для чтенія себя журналъ „Народная Школа“, изд. Ѳ. Н. Мѣдниковымъ. Ц. съ пересылкою 4 руб. 50 коп. Адресъ: Васил. островъ, 4 линія, домъ № 35, (С.-Петербургъ), если не измѣнился теперь. Журналъ этотъ можно выписать и чрезъ книжный магазинъ въ Оренбургѣ. Деньги выпишите въ расходъ изъ суммы, опредѣленной на учебныя пособія.

Да, кажется, у Васъ нѣтъ мѣднаго таза, можно купить его. Послѣдите (поторопите) Ваядилу послать отчетъ.

Тороплюсь. Больше писать не приходится, почта уходитъ.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Милый друг Арсеній Андреевич!

Письмо Ваше от 1 Ноября я получил дня только два тому назад. Благодаря за сообщение о положении ввѣренной Вамъ школы. Объ учебной части мы, кажется, толковали достаточно и болѣе прибавить пока нечего. Наше правило, принятое по общему совѣщанію, такое, что послѣ того какъ выучатся читать, читальною книгою будетъ Сердобольскій и началомъ къ изученію русскаго языка „Руководство“. Для разнообразія будутъ преподаваться по временамъ уроки изъ арифметики, начать обучение счисленію по счетамъ и кубикамъ. Одновременно съ обученіемъ чтенію ученики будутъ изображать буквы на доскѣ и бумагѣ и такимъ образомъ постепенно приучатся писать. При преподаваніи по Руководству не забѣгаемъ впередъ, пока не усвоятъ заданный урокъ, и грамматическія основныя правила будутъ болѣе объясняемы на словахъ понятно, посредствомъ примѣровъ и сравненій съ похожими правилами киргизскаго же языка; а при произношеніи русскіхъ словъ не отступаемъ отъ ученика до тѣхъ поръ, пока твердо и правильно выразитъ эти слова. При чистописаніи приучаемъ къ навыку писать отчетливо, нарисовать правильно форму буквъ и до тѣхъ поръ не пускаемъ ученика впередъ, пока хорошо нарисуетъ форму извѣстной буквы. При обученіи арифметикъ стараемся дѣйствовать на умственные органы учениковъ, задавая простыя, несложныя сначала, а потомъ болѣе сложныя задачи изъ дѣтскаго и окружающаго быта. Мы не держимся слишкомъ теоретическаго обученія арифметикъ по Грубе или Евтушевскому, а ведемъ дѣло согласно успѣхамъ, способностямъ и пониманію учениковъ. Чтобы чтеніе изъ Сердобольскаго не шло безсмысленно, мы объясняемъ смыслъ прочитаннаго и для того, чтобы выучили

наизусть незнакомыя слова, даемъ тетради для записыванія незнакомыхъ словъ—это, впрочемъ, когда ученики начнутъ читать уже посвободнѣе. Вотъ основныя правила, которыя, по соглашенію со мною, Вы общались держать, правила, которыя, при практическомъ и разумномъ веденіи дѣла, принесутъ весьма скоро хорошіе плоды. Чтобы не забывалась наша основная идея, Вы приложите это письмо, на всякій случай, къ дѣлу.

Загѣмъ Вы просили выслать деньги, что я исполнилъ, посылать вѣстѣ съ сумъ 425 руб., въ уѣздное управленіе (6 р. употреблено на пересылку), откуда имѣете вытребовать деньги. Съ начала будущаго года прямо будете получать изъ Оренбурга, о чемъ я уже ходатайствую. При этомъ имѣйте въ виду, что посылаемыя деньги должны идти на содержаніе (по сумѣ) на этотъ только годъ, а съ Января получите другія деньги. Поэтому ограничивайтесь пока израсходовать изъ нихъ только самое необходимое число, а подрядчикамъ скажите, что они получаютъ деньги послѣ новаго года, выдавъ пока изъ означенныхъ денегъ столько, сколько имъ слѣдуетъ за два мѣсяца (считая въ томъ числѣ за выданными и 150 р., полученные ими при заключеніи условія). Что касается до возки воды и найма бани, то объ этомъ просто заключите условіе съ Вактыбаемъ и у него же получайте росписки въ выдачѣ денегъ. Вы пишете о мелкихъ расходахъ, которыя не знаете куда причислять. Въ сумѣ указано, на что можно употреблять деньги, и производимый расходъ долженъ быть причисленъ къ которому-нибудь изъ указанныхъ въ сумѣ. Но если мелкіе расходы относятся къ приобретенію хозяйственныхъ вещей и ремонта зданія, то объ нихъ берите особыя росписки и представляйте при общемъ представленіи отчета на полученные въ этомъ году деньги.

Засимъ прощайте, милѣйшій другъ. Желаю Вамъ всякаго успѣха и прошу не оставлять меня своими письмами о положеніи дѣлъ. Еще разъ жму Вамъ руку.

Кланяйтесь Вахтыбаю, Кейкину и всемъ знакомымъ.

Покорный слуга Вашъ И. Алтынсаринъ.

17 Ноября 1881 г.
г. Тургай.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ!

Письмо Ваше отъ 30 Ноября я получилъ 15-го Декабря. Въ немъ, между прочимъ, я увидалъ, что Вы не получили посланныхъ мною къ Вамъ двухъ писемъ. Но вѣроятно получили уже. Быть можетъ замедленіе въ полученіи моихъ бумагъ происходитъ отъ того, что не часто справляетея на почтовой станціи въ Верхнеозерной, куда, за неизмѣнимъ въ виду другихъ ближайшихъ къ Вамъ почтовыхъ отдѣленій, адресовываются бумаги. Во всякомъ случаѣ сообщите, отчего произошло позднее полученіе Вами моихъ писемъ, чтобы устранить на будущее время подобныя замедленія.

Относительно Вахтыбая, т. е. выдачи ему жалованья въ этомъ году, я увѣдомляю Васъ вмѣстѣ съ симъ официальной бумагой. Что же касается до затрудненій, встрѣчаемыхъ по случаю пятикратнаго отвлеченія учениковъ въ день на молитвы, то я затрудняюсь сдѣлать по поводу этого какое-либо официальное распоряженіе, чтобы не повлечь окружающій Васъ народъ въ недоразумѣніе. Тутъ единственный способъ переговорить съ законоучителемъ, чтобы онъ молитвы полуденныя назначалъ въ одно время, для чего можно ему сказать, что въ половинѣ пер-

ваго или въ 12 часовъ, Вы дадите ему знать о наступившемъ времени къ молитвѣ, такъ какъ, дескать, безъ часовъ трудно творить эти молитвы своевременно и не въ ущербъ занятіямъ учениковъ. Въ томъ же духѣ переговорите и съ Ваедилемъ. Ваедилъ отъ имени моего попросите еще, нельзя-ли допустить, чтобы ученики молились въ самой школѣ, а не въ мечети. Это допускается закономъ (магомет.) и, можетъ быть, Ваедилъ уповоритъ мулду. Что бы Вы ни дѣлали по этому вопросу—сообщите, пожалуйста, и мнѣ. Обо всемъ же прочемъ, на которое нужны были мои совѣты, я писалъ Вамъ въ предыдущихъ письмахъ.

Писать болѣе пока не о чемъ, кажется. Недѣль двѣ былъ нездоровъ и все еще не совсемъ поправился. Сообщите, любезнѣйшій пріятель, посѣтилъ ли Васъ Губернаторъ, что осматривалъ, спрашивалъ и остался ли доволенъ? Жаль, что не будетъ тамъ меня, а то можно было бы переговорить и съ нимъ о затрудненіяхъ, подобныхъ вышеприведенному, а онъ переговорилъ бы съ Ваедилемъ и дѣло бы въ шляпѣ. Но что же подѣлаешь, и въ этомъ состояніи школы, я питаю надежду, что она не останется безъ пользы. Немалая и, говоря прямо, главная надежда на Васъ, Арсеній Андреевичъ. Деньги на содержаніе школы здѣсь не приняли на почту, потому вынужденъ былъ отправить ихъ съ военнымъ инженеромъ, ѣдущимъ въ Оренбургъ, Миллеромъ. Имѣйте въ виду, что деньги, отпускаемые въ этомъ году, не должно смѣшивать съ деньгами, имѣющими получиться съ 1-го Января 1882 года. Почему и отчетъ за этотъ годъ оканчивайте поскорѣе и представляйте ко мнѣ, вмѣстѣ съ оправдательными документами. Послалъ я къ Илецкому увѣдному начальнику на содержаніе въ этомъ году 590 руб., изъ коихъ Вы выведете всѣ расходы до 1 Января, включая сюда и употребленные на пріобрѣтеніе разныхъ вещей, лошади, выдачу подрядчикамъ

(включив и выданные Баедилю 100 руб.), деньги положены на продовольствіе лошади и т. п., словомъ весь расходъ, произведенный до 1882 года, съ такимъ впрочемъ расчетомъ, чтобы расходъ не превышалъ 590 р. Изъ этихъ денегъ вѣроятно будутъ остатки, которые можно-бы показать употребленными на ремонтъ школьнаго зданія, о чемъ я, впрочемъ, писалъ уѣздному начальнику; только тогда нужно представить ко мнѣ и возможно въ скорое время оправдательные документы отъ Баедиля, на что онъ употребилъ эти деньги (т. е. остатки отъ содержанія школы). Впрочемъ, сколько вытребуете денегъ на покрытіе расходовъ по школьному содержанію отъ Илецкаго уѣзднаго начальника, а затѣмъ что останется, уведомить меня, навѣрное, и уѣздный начальникъ, но если будутъ остатки, то передайте Баедилю, чтобы онъ заготовилъ росписку о полученіи этихъ остатковъ на ремонтъ школы, а самые остатки получили бы отъ уѣзднаго начальника. Иначе говоря, Вы, исчисливъ всѣ расходы по содержанію школы, произведенные Вами въ настоящемъ 1881 году, вытребовавъ эти деньги отъ уѣзднаго начальника и раздавъ кому слѣдуетъ, сообщите Баедилю, что изъ 590 руб. остается за Вашими расходами столько-то, которые онъ можетъ получить и раздать мастеровымъ съ полученіемъ отъ послѣднихъ росписокъ, которыя прислать ко мнѣ.

Прощайте, другъ, и пишывайте чаще.

Вашъ преданный И. Алтынсаринъ.

Объ отчетахъ пожалуйста не забывайте. Годовой отчетъ нушенъ-бы теперь же какъ о деньгахъ, такъ и объ учебной части, а форма вѣдь у Васъ есть?

15 Декабря 1881 г.

г. Тургай.

Добрый мой другъ Арсеній Андреевичъ!

Сейчасъ получилъ Ваше письмо относительно пріѣзда къ Вамъ Губернатора и очень радуюсь, что онъ нашелъ у Васъ все въ хорошемъ состояніи. Относительно пріема учениковъ, конечно, поступите согласно желанію Губернатора. Донесеніе свое Губернатору о разрѣшеніи принимать дѣтей ближайшихъ волостей я вѣдь основалъ на Вашемъ же письмѣ, въ которомъ писали, что болѣе принятыхъ уже шести далѣе до моего разрѣшенія Вы не будете принимать; а я же, поэтому, хотѣлъ заручиться на всякій случай разрѣшеніемъ Губернатора. Если мѣстъ для учениковъ не хватитъ, то сдѣлайте простые столы. О высылкѣ денегъ я скоро сдѣлаю распоряженіе; опять, не смотря на мое ходатайство, окружное управленіе перевело деньги на Вашу школу въ Тургай. Слѣдовательно и требованіе адресуйте ко мнѣ.

Да вотъ, Арсеній Андреевичъ, остатокъ отъ прошлаго года (48 кажется руб.) Вы непременно покажите въ расходъ за прошлый же годъ, или же деньги эти нужно ввести въ казначейство и полученную квитанцію выслать ко мнѣ. Отъ меня требуютъ отчетъ, а я, живя за 900 верстъ, просто не знаю, что дѣлать. Поторопитесь прислать свѣдѣніе объ этихъ деньгахъ, да попросите и Кейкина, чтобы и онъ поторопился высылкою отчета объ израсходованіи на ремонтъ зданія остатковъ отъ 590 руб., находящихся въ Илецкомъ уѣздномъ управленіи.

Потороплюсь ѣхать въ Тургай, а пишу изъ Иргиза. По пріѣздѣ въ Тургай напишу болѣе обстоятельно, а пока прощайте. Желаю всякаго Вамъ успѣха.

Кланяйтесь Вахтыбаю и законоучителю.

Пожалуйста поторопитесь высылкою оправдательных документов на показанные Вами в остатке 480 руб.?

1 Февраля.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ!

Изъ послѣдняго письма Вашего видно, что учебное дѣло Ваше идетъ хорошо, чѣмъ Вы очень и очень меня утѣшили. Вообще я много Вами доволенъ за веденіе не только учебной, но и хозяйственной частей.

Относительно времени роспуска учениковъ на вакацію я общаю Вамъ официально, такъ какъ свѣдѣніе это Вамъ будетъ нужно и на будущіе годы, а относительно формы отчетовъ о деньгахъ я также прилагаю форму, по которой казначейство и контроль требуютъ отчеты. И тѣ отчеты, которые за этотъ годъ присылали ко мнѣ, нужно будетъ составить по прилагаемой же формѣ. Не знаю и я, будутъ ли педагогическіе курсы и гдѣ будутъ; я же давно послалъ свое мѣніе на этотъ счетъ, а отвѣта еще не получалъ; вѣроятно не поступало разрѣшенія и самому Попечителю. Такъ какъ Вы живете недалеко отъ Оренбурга, то полагаю, что можно будетъ Вамъ съѣздить въ Оренбургъ, а при школѣ на лѣтнее время оставьте работника по Вашему усмотрѣнію одного ли, двухъ ли или всѣхъ, какъ признаете болѣе удобнымъ и выгоднымъ. Нельзя ли условиться съ рабочими, чтобы они на вакатное время занялись другою работою (кромѣ, конечно, тѣхъ, которыя будутъ оставлены при школѣ), не получая за это время плату, а въ первыхъ числахъ Сентября вновь явились въ школу. Впрочемъ, дѣлайте какъ найдете нужнымъ.

Больше писать, кажется, не о чемъ. Прощайте, другъ мой, будьте здоровы.

15 Апрѣля.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Другъ сердечный Арсеній Андреевичъ!

Вмѣстѣ съ симъ я пишу Петру Ивановичу, чтобы онъ соблаговолилъ выдачею Вамъ денегъ столько, сколько потребуется для нуждъ училища до Февраля или Марта, въ виду того, что въ Тургаѣ ассигновки денегъ получаются довольно поздно. Поэтому рассчитываю, что Вы безъ денегъ не останетесь.

Письмо Ваше застало меня въ Троицкѣ, въ окрестностяхъ котораго настала уже, можно сказать, зима; и я путешествую то на саняхъ, то на тарантасѣ. Мое семейство давно, полагаю, въ Тургаѣ; теперь и отправляюсь туда, въ родимый кружокъ, дурной путь и ужасно сѣверныя погоды насучили уже мнѣ, пора и отдохнуть немного, чтобы, затѣмъ, вновь быть готовымъ къ путешествію на югъ.

Простите, милый мой, что пишу кратко. Сгнѣшу покончить здѣсь дѣла, которыя задержали меня довольно долго, именно около двухъ недѣль. Пишите ко мнѣ въ Тургай, а я въ долгу у Васъ также не останусь.

Кланяйтесь Вактыбау, Баекѣ, муллѣ и прочимъ.

По полученіи этого письма сообщите пожалуйста поскорѣе о той переѣзѣ по смѣтѣ, которую Вы находили нужною. Письмо Ваше объ этомъ предметѣ затерялось и приходится повтому вновь беспокоить Васъ.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

19 Октября 1882 г.

г. Троицкъ.

Милѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ!

Съ этою почтой посылаю къ Вамъ 490 руб., изъ коихъ 390 изъ кассы какъ еще недосланные на содержаніе школы, а

100 отъ меня какъ взяты у Васъ изъ 2 тысячъ рублей посланныхъ прежде. Засимъ у меня остается 50 съ чѣмъ-то руб., которые я оставилъ пока у себя на всякій случай, въ родѣ напримѣръ наложенного штрафа въ размѣрѣ 14 руб. за неприложение марокъ къ Вашимъ роспискамъ, приложеннымъ къ прошлогоднему отчету. Конечно, штрафъ должны заплатить мы изъ своихъ денегъ; но могутъ быть и другія придирки контроля. Во всякомъ случаѣ деньги эти Вы израсходуете въ концѣ года, а къ Вамъ ихъ вышлю вмѣстѣ съ деньгами, имѣющими послаться къ Вамъ въ будущемъ году. Относительно означенныхъ штрафныхъ денегъ 14 руб. я вошелъ съ представленіемъ въ контроль объ освобожденіи, но не знаю, едва ли чего добьюсь. Впередъ пожалуйста не забывайте прилагать марки къ документамъ, а то контроль опять сдеретъ съ насъ ни за что ни про что штрафъ въ шесть разъ болѣе стоимости марокъ. Ваше послѣднее письмо я получилъ тогда уже, когда была послана смѣта на утвержденіе; но тѣ измѣненія, которыя я сдѣлать, почти согласуются съ указанными Вами. Только не знаю, какъ Вамъ покажется то, что на содержаніе водовозной лошади я положилъ только 40 р., а такъ какъ бани нанимать болѣе не нужно, то 60 руб. оставшихся на наемъ бани я положилъ за леченіе учениковъ помощнику Вашему, а часть изъ какой-то статьи другой, кажется, прибавилъ къ отопленію. Относительно учениковъ, могущихъ быть посланными въ учительскую школу, Вы пока не безпокойтесь. Я полагаю, что отъ Васъ ничего еще послать туда не возможно. Быть можетъ Александръ Григорьевичъ имѣетъ въ виду принять Вашихъ учениковъ въ начальную школу, — такъ тогда вѣдь все равно, въ какой бы начальной школѣ ни учились. А посылать въ учительскую школу можно будетъ изъ другихъ двухклассныхъ училищъ изъ вторыхъ

наприм. классовъ. Объ этомъ вѣроятно мы снесемъ еще съ Александромъ Григорьевичемъ.

Я, признаться, что ожидалъ выходовъ со стороны (вѣроятно) Вадила Кейкина? Нашишите въ слѣдующемъ письмѣ подробности, въ чемъ заключается вѣдательство Кейкина, и я постараюсь положить конецъ. Благоразуміе Ваше не допустить, конечно, чтобы войти въ открытую ссору, но въ случаѣ надобности, поддаваться негнѣнымъ требованіямъ не слѣдуетъ; ссылаетесь при такихъ случаяхъ на меня, что инспекторъ-де такъ велѣлъ, а если дескать Вамъ нужно извинять чего, то сами снитесь съ инспекторомъ. Это будетъ лучше и освободитъ Васъ отъ личныхъ неудовольствій Кейкина.

Засимъ, прощайте, милѣйшій другъ. Жму Вашу руку.

Искренно любящій Васъ И. Алтыпаринъ.
19 Ноября 1882 г.

Скажите молодому законоучителю, чтобы онъ выслалъ мой черновой учебникъ по вѣроученію, или пришлите сами. Кланяйтесь Бактыбаю.

Извините, Арсеній Андреевичъ, за краткость письма. Занятый разными отчетами, я не могъ Вамъ писать о чемъ-либо попространнѣе. Прощу и въ письмѣ поторопиться отчетомъ о 590 рублѣхъ, поторопите также и Вадила, которому съ нимъ вмѣстѣ пишу и особое письмо. Кланяйтесь Бактыбаю, Хуббунизу и всѣмъ знакомымъ, да сообщите, какъ идутъ дѣла Ваши, а также чѣмъ кончились переговоры Ваши съ Ваеке насчетъ русскихъ-то мальчиковъ. Относительно принятія мальчиковъ изъ ближайшихъ волостей, я сообщилъ Губернатору, отъ котораго, по всей вѣроятности, и послѣдуетъ къ Вамъ распоряженіе. Пріѣзжать-ли Губернаторъ-то? Доставлены ли все вещи сполна?

Прощайте. Желаю всякаго Вамъ успѣха. Изъ 590 руб. не забудьте получить свое-то жалованье, не отлагая это до другой суммы, а то вѣдь вовсе не получите.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Глубокоуважаемый другъ Арсеній Андреевичъ!

Давно не писалъ я къ Вамъ и въ томъ я никакиме прошу извиненія. Причина—годовой отчетъ, въ особенности денежный. Съ этою почтой я отправилъ къ Вамъ выписанныя еще во время нахождения у Васъ книги, которыя я получилъ только съ прошлою почтой и то не все; а со слѣдующей почтой пришло и деньги, рублей 800 сразу; а къ какому времени посылать вновь и въ какомъ количествѣ—сообщите заранѣе. Вместе съ деньгами, слѣдующими за нынѣшній годъ, я вышло и тѣ 50 саншкомъ рублей, которые оставались у меня, конечно, за вычетомъ израсходованныхъ изъ нихъ по Вашей школѣ.

Вы пишете, что не хватаетъ книгъ для чтенія учащихся, а этого вѣдь я вовсе не предвидѣлъ; выписываемыя при Васъ книги предназначаются большею частію для учителей. Впрочемъ, въ скоромъ времени получу вѣроятно азбуки и книги для чтенія Бунакова, рекомендуемыя всеми нашими учителями; но если ихъ недостаточно, то сообщите, какихъ именно выписать для Вашей школы, да вообще о недостаткахъ учебниковъ. Вы бы сказали мнѣ еще тогда, когда я былъ у Васъ. Обстоятельство это, вѣроятно, было упущено изъ вида и моего и Вашего.

У насъ ничего новаго нѣтъ. Зима стоитъ прекрасная. Только существуютъ заразы бѣдѣзни какъ на людяхъ, такъ и на скотѣ; на людяхъ—оспа, а на рогатомъ скотѣ—чума.

Передайте мое почтеніе мullahамъ, Бақтыбаю, Баеке и прочимъ. Пишите пожалуйста, какъ идутъ дѣла Ваши, а на слѣдующіе разы я буду справесть, также буду пописывать.

Искренно любящій Васъ И. Алтынсаринъ.

22 Января 1883 г.

Да, я хотѣлъ сдѣлать Вамъ маленький *выговоръ*. Что за штука такая, что письма начинаете титулованіемъ: „Ваше Высокородіе“. Развѣ между друзьями да въ письмахъ употребляются подобныя титулованія? Такими словами впередъ меня не стѣсняйте, не конфузьте, а то и я буду начинать къ Вамъ письма: „Ваше Высочкоблагородіе“.

Весь Вашъ И. Алтынсаринъ.

Милѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ!

Изъ принадлежащихъ Вашему училищу денегъ, отпущенныхъ на содержаніе школы въ прошломъ 1882 году, у меня оставались 53 (пятьдесятъ) руб. Деньги эти я не посылалъ къ Вамъ до сихъ поръ въ виду ожиданнаго взыскація за непріложеніе марокъ на Вашихъ роспискахъ; нынѣ только вопросъ этотъ, возбужденный мною, разрѣшился тѣмъ, что вѣлно внести штрафъ 14 р. 40 к., изъ коихъ 1 руб. 40 к. я принялъ на себя, влѣдствіе того, что на эту именно сумму не приложено марокъ собственно на моихъ роспискахъ. Остающіеся затѣмъ 40 руб. къ сему прилагаю, прося извиненія за долгое задержаніе этихъ денегъ. Эти 40 руб., конечно, Ваша собственность, такъ какъ съ казною расчесть по школьному содержанію за прошлый годъ уже совершенно оконченъ.

Нового у насъ ничего нѣтъ. Весна было началась съ 1-хъ чиселъ Марта, т. е. растаялъ тогда же снѣгъ, но послѣ этого стоятъ ужасные холода и вѣтры. Была здѣсь оспа и чума на рогатомъ скотѣ, но теперь, кажется, прекращается.

Что-то у Васъ дѣлается, милѣйшій дружокъ? Вы напрасно беспокоитесь, что послали двухъ учениковъ въ учительскую школу; напротивъ, выходитъ хорошо, когда принимаютъ ихъ, какъ я теперь слышалъ въ 1-й классъ учительской школы; мы же съ Вами боимся вѣдь приготовительнаго класса, что равносильно съ нашими классами.

Кланяйтесь Бактыбаю, мулламъ и Вашимъ питомцамъ. Мени ждите къ послѣднимъ числамъ Августа.

Желаю Вамъ всѣмъ всякаго успѣха.

Вашъ искренній другъ и слуга И. Алтынсаринъ.

2 Апрѣля 1883 г.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ!

Письмо Ваше я получилъ и очень Васъ благодарю, что не забываетъ меня. Теперь навѣрно и Вы получили послѣднее мое письмо, при которомъ посланы къ Вамъ сорокъ руб., оставшіяся за мною съ прошлаго года.

Что будете дѣлать лѣтомъ? Если думаете съѣздить домой, какъ полагали, кажется, въ прошломъ году, то надо бы заранее объ этомъ сообщить мнѣ, чтобы своевременно могъ я уволить Васъ. Но такъ какъ я чрезъ недѣлю уѣзжаю въ Николаевскій уѣздъ, и загѣмъ въ Троицкъ, то слѣдующее письмо Ваше только и можетъ застать меня въ тѣхъ краяхъ, поэтому адресуйте его уже чрезъ Троицкъ и Николаевское уѣздное управленіе.

А то можно, я думаю, Вамъ съестись съ Василіемъ Владиміровичемъ Катаринскимъ, который также можетъ разрѣшить Вамъ отпустить; но уѣзжая, Вы должны кому-либо сдать школьное имущество, вѣриже, конечно, всего помощнику Вашему, а если и это неудобно, то законоучителю, какъ лицамъ официальнымъ; другімъ же сдавать едвали удобно.

Что Хуббуніазъ оставилъ школу, я не печалюсь; назначеніе новаго я отлагаю до своего пріѣзда, а пока помощникъ его пусть получаетъ только то содержаніе, которое было условлено раньше.

О системѣ преподаванія во 2 классахъ—мы потолкуемъ при свиданіи; а между тѣмъ, если Вамъ есть время, составьте по своему соображенію планъ занятій и пришлите ко мнѣ. Этотъ планъ Вашъ покажу другимъ учителямъ, отъ нѣкоторыхъ также отберу мнѣнія и со всѣми этими данными я пріѣду къ Вамъ, полагаю, въ серединѣ Августа, такъ какъ нынче нужно мнѣ побывать въ Актобѣ, осмотрѣть зданіе и составить смѣту на содержаніе его, т. е. новаго, устраиваемаго тамъ училища. Такъ быть можетъ пріѣду (смотря по обстоятельствамъ) и въ началѣ Августа.

Кланяйтесь отъ меня Бактыбаю и мулламъ.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Милѣйшій другъ мой Арсеній Андреевичъ!

Едва дождавшись Попечителя, вернушагося только дня четыре тому назадъ, я снѣгну впередъ въ Иргизъ и Тургай: дни ненастные и нужно ожидать уже наступленія зимы, а я вѣдь на лѣтнемъ все экипажѣ; кромѣ того Попечитель округа торопитъ открыть ремесленную школу; вотъ почему я не забываю

жаю къ Вамъ, хотя возвращаюсь по Орскому же тракту и чрез Верхнеозерную.

Въ этомъ году, конечно, Вы не перейдете въ Актюбу, а когда что будетъ, я сообщу Вамъ своевременно.

Пишите пожалуйста почаще. Посылаю къ Вамъ сочиненіе одного киргизскаго ученика Туркестанской учительской семинаріи, быть можетъ Словарь этотъ Вамъ пригодится.

Учебныя пособия я выпишемъ; пошлѣ въ магазинъ и деньги.

Вотъ еще что Вамъ хотѣлъ сказать: при представленіи ко мнѣ отчетовъ о содержаніи школы, росписки, взятые отъ частныхъ лицъ, пишите, гдѣ возможно, въ формѣ счетовъ и на эти счета прилагайте *пятикопѣчную только марку*, а не 10 и 60 копѣчныя, во избѣжаніе напрасныхъ расходовъ.

Прошу въ скоромъ же времени прислать свѣдѣніе, всѣ ли ученики явились къ Вамъ въ школу; сколько своекоштныхъ прежнихъ и новыхъ?

Думаю прѣхать еще разъ къ Вамъ въ Февраль, если только буду имѣть къ тому возможность и позволить того мое неустановившееся здоровіе.

Вахтыбаю саламъ.

Ахуну скажите, чтобы онъ поскорѣ прислалъ свѣдѣніе:

1) сколько бывало при Хубиніязѣ и теперь учениковъ въ медресѣ, 2) какими учебниками они пользуются, т. е. арабско-татарскими и какими именно, въ родѣ напр. Гакаидъ, Мангыкъ, Мухтасаръ, Тяфсиръ и т. п., а татарскія: Субатул-гажинъ и проч. и 3) о чемъ именно поясняется въ этихъ учебникахъ?

Пишу и сплю; слипаются глаза; всю ночь не спалъ.

Простите за безпорядочность письма.

Ночъ 21. Утро 22.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Любезный и дорогой другъ Арсеній Андреевичъ!

Извините ради Бога, что на нѣсколько писемъ Вашихъ я еще не успѣлъ отвѣтить. Ревизію школы я окончилъ только 20 Декабря, а послѣ этого занялся разными отчетами, мѣшали гости по случаю праздниковъ, а тутъ необходимо устроить свое хозяйство, такъ какъ нынѣ мы перешли на Костанай. Такимъ образомъ просто голова ходила еругомъ.

Деньги Вы будете теперь получать постоянно изъ кассы спеціального сборщика Илецкаго уѣзда, куда сумма уже переведена; распорядителемъ кредита будете уже лично Вы и должны будете сами же отчитываться предъ контрольною палатою. Об этомъ я уже сообщилъ Вамъ официально. Относительно дѣтскаго театра не беспокойтесь; вѣдь я не ставлю Васъ въ обязательство сдѣлать то, что не можетъ быть исполнимо, я пошлѣ „Сиротку“ такъ, на всякій случай.

Благодарю, другъ, за поздравленіе съ новымъ годомъ, дай Богъ здоровья и успѣха всемъ вамъ—дорогимъ соотечественникамъ.

Не знаю, съ чего вздумалъ измѣнить намъ Бақтыбай; думается мнѣ, что, взявъ мѣсто фельдшера, онъ ничего не выиграетъ, а можетъ быть и потерять. Также передайте ему, что если на самомъ дѣлѣ онъ находитъ для себя выгоднымъ фельдшерскую должность, долженъ заранѣе меня увѣдомить, чтобы я могъ прислать Вамъ другаго помощника, а до назначенія послѣдняго онъ не можетъ быть мною уволенъ отъ нашей службы. Это общее для всѣхъ служебное правило.

Кажется, писать болѣе не о чемъ.

Пишите почаще. Теперь я ѣду опять въ Тургай, чтобы посмотрѣть на новую ремесленную школу, а къ Вамъ едва-ли

успѣю до весны. Такія все непредвидимыя слагаются обстоятельство, что не знаешь куда и ѣхать.

Вашъ преданнѣйшій И. Алтынсаринъ.

4 Февраля 1884 г.
Костанай.

Милый другъ Арсеній Андреевичъ!

Письмо Ваше относительно полученія книгъ я получилъ, и съ этою почтой посылаю всѣ руководства Бунакова, которыя, по тщательномъ просмотрѣ мною всѣхъ вообще руководствъ, оказались болѣе примѣнительны къ нашимъ школамъ. Засимъ остается благословить Васъ и пожелать успѣха. Кажется, теперь всѣ необходимыя пособия для Васъ присланы. Далѣе, я имѣю выписать нѣкоторые приборы физическіе и химическіе (конечно самыя простыя), нѣсколько литературныхъ произведеній и т. п.

Жалѣю, что безъ моего вѣдома пришлось Вамъ послать учениковъ въ учительскую школу, такъ какъ я, не зная, что изъ Вашей школы будутъ посланы ученики, сдѣлалъ распоряженіе пополнить комплектъ (15 на Область) поступающихъ въ учительскую школу изъ другихъ уѣздовъ. Такимъ образомъ, теперь, вмѣсто требуемыхъ 15, у Александра Григорьевича будутъ нашихъ 22. Не знаю ужъ, какъ тамъ устроить дѣло. На будущее же время, во избѣжаніе такихъ недоразумѣній, на непосредственное распоряженіе г. Безсонова прошу отвѣтить, что до моего разрѣшенія Вы ничего не можете предпринимать.

Больше пока писать не о чемъ. Кланяйтесь Вактыбаю.

Александръ Григорьевичъ вѣроятно хочетъ что-нибудь выгадать у Хубиніяза; ахъ, какъ онъ сильно ошибается! Правду сказать—убилъ же бобра! И слава Богу, что онъ не пойдетъ въ учительскую школу.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Любезнѣйшій мой Арсеній Андреевичъ!

По слѣдующему дѣлу я опять проѣзжаю близъ Вашего мѣста жительства въ Оренбургъ. Извините, что никакъ не могъ вернуться къ Вамъ, ѣдучи еще съ компаньономъ—чиновникомъ особыхъ порученій Губернатора Ѳедоровымъ, послѣдній, при настоящей распутицѣ, ни за что не хочетъ медлить ѣздой. Я приѣду вѣроятно къ Вамъ скоро; но если что имѣете сказать мнѣ лично, то пишите въ Оренбургъ чрезъ Василія Владимировича Катаринскаго или чрезъ Петра Ларионовича Ѳедорова, живущаго въ домѣ Щербакова, близъ артиллерійскихъ казармъ. Обнимаю Васъ заочно. Пока, до свиданія, милѣйшій другъ мой.

31 Марта.

Ст. Гирьяльская.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Многоуважаемый Арсеній Андреевичъ!

Вчера только я допелся до Иргиза, все время стояло ненастье и дороги ужасныя. Книги и газеты Ваши не возвращалъ по сіе время потому, что не успѣлъ ихъ прочитать. Мы съ Петромъ Ивановичемъ порѣшили, чтобы перевести Вашу школу въ Актюба; о времени же перевода Вамъ сообщитъ Петръ Ивановичъ своевременно, средства къ перевозкѣ школьныхъ принадлежностей уже готовы, только предварительно нужно имѣть разрѣшеніе отъ Начальства.

Когда же получите распоряженіе о переездѣ въ Актюба, сообщите мнѣ пожалуйста подробно обо всемъ.

Посылаю при семь книги и газеты, взятыя у Васъ. Писать пока не о чемъ. Завтра утромъ ѣду далѣе въ Тургай, а засимъ къ своей семьѣ. Пишите почаще. Кланяйтесь отъ меня Вактыбаю.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

5 Мая. г. Иргизъ.

Дорогой друг мой Арсеній Андреевич!

Предложеніе Губернатора о принятіи новыхъ пяти только мальчиковъ, а не 25, было писано еще при мнѣ и такъ какъ этимъ предложеніемъ разрѣшается приобрести учебныя пособия и другія хозяйственныя принадлежности на 5 человекъ, то вовсе не предстоитъ надобности составлять новую смѣту, а нужно прямо приступить къ заготовленію разрѣшеннаго количества пособій, а отчетъ о израсходованныхъ на этотъ предметъ деньгахъ представить куда слѣдуетъ вполнѣ на общемъ основаніи. Объ этомъ Вы и передайте пожалуйста Василію Илларионовичу; пусть не сомнѣвается въ этомъ отношеніи. Съ Господиномъ Губернаторомъ и много разъ разговаривалъ относительно Актюбинской школы и Его Превосходительство положительно разрѣшилъ приобретать пособия на пять учениковъ; слѣдовательно въ возбужденіи объ этомъ же предметѣ новаго вопроса не только нѣтъ надобности, но даже считаю даже неудобнымъ.

Относительно квартиры муллѣ я также не могу разрѣшить казенную, такъ какъ это нигдѣ не полагается; но я думаю, онъ, какъ человекъ одинокій, можетъ пріютиться въ какомъ-нибудь свободномъ уголкѣ, пока нѣтъ въ этомъ уголкѣ никому надобности.

Въ этомъ году столько разныхъ моихъ ходатайствъ и просьбъ, требующихъ новыхъ издержекъ, что, при всемъ желаніи, я не могу представить новую еще смѣту со включеніемъ туда статьи на медикаменты, тѣмъ болѣе, что смѣта на 1885 годъ уже у Васъ имѣется. Пообойдитесь какъ-нибудь до лѣта, употребивъ небольшое количество денегъ хотя изъ суммъ, определенныхъ на ремонтъ, а лѣтомъ или весной, когда я непре-

мѣнно думаю быть у Васъ, посоветуемся выѣсть и что-нибудь придумаемъ.

Представленіе о назначеніи новаго учителя отъ меня еще не поступило; да думаю пока и отложить его, такъ какъ не знаю куда-бы помѣстить Бактыбал. Вы скажите ему, не можетъ ли поступить къ уѣздному врачу фельдшеромъ, какъ и раньше предлагали, а я къ этому прибавилъ-бы еще и свое ходатайство о признаніи его домашнимъ фельдшеромъ еще школы съ назначеніемъ небольшого хотя жалованья. Это было бы и для него, я думаю, выгодноѣ.

Если же назначимъ новаго учителя, то я ужасно затруднись опредѣленіемъ этого послѣдняго въ учителя 1 класса, такъ какъ въ виду имѣю Соколова, не знающаго вовсе татарскаго языка; но все-таки дѣло еще впереди—увидимъ что можно будетъ сдѣлать.

На дняхъ отправляюсь въ Тургай и Иргизь. Я и семья моя здравствуемъ. Новаго ничего нѣтъ. Постарайтесь въ этомъ году поставить учениковъ на хорошую степень, т. е. къ пріѣзду Губернатора, который очень интересуется киргизскими школами.

Вашъ преданный И. Алтынсаринъ.

14 Ноября 1884 г.

Добрый друг мой Арсеній Андреевич!

Относительно порядка денежныхъ отчетностей я могу сказать Вамъ слѣдующее: деньги будутъ выдаваться по Вашему требованію изъ кассы Илецкаго уѣзднаго управленія и Вы, по крайней мѣрѣ чрезъ каждые четыре мѣсяца, а если представится возможность, и ежемѣсячно должны представлять въ палату

авансовый счет по той самой формѣ, кака у Васъ имѣется, съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что жалованье всегда должно выдаваться послѣ 20 числа каждаго мѣсяца, а на прочіе предметы расходъ производить по мѣрѣ надобности.

Объятныя учебныя пособия высылаются къ Вамъ чрезъ Орскъ, къ сожалѣнію даѣе этого города контора не взяла на себя доставку, обратитесь съ просьбою о высылкѣ изъ Орска тѣмъ лицамъ, которыя указаны въ официальной бумагѣ.

Отчеты Ваши я получилъ и отправилъ уже въ Оренбургъ. Сердиться мы долго не любимъ, а письмо Ваше быть можетъ рѣдко потому, что въ данное время сами были поставлены въ скверное положеніе, такъ какъ срокъ отчета уже проходить. Не сердитесь и Вы на меня, если бумажка моя показалась грубою. Кланяйтесь Бактыбаю.

Желаю Вамъ всякаго успѣха.

Вашъ неизмѣнный И. Алтынсаринъ.

Милѣйшій мой Арсеній Андреевичъ!

Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ благословляю Васъ на вступленіе въ бракъ съ дѣвцею Впрюковой, которую, какъ и ея родителей, я знаю давно и знаю какъ людей достойнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ; а потому и радуюсь, что выборъ Вашъ палъ на это честное, добрейшее семейство. Женитьба, мой милѣйшій, дѣйствительно составляетъ важное, серьезное событіе въ жизни молодыхъ людей и, вступая въ этотъ періодъ жизни, необходимо, конечно, серьезно обдумать ея послѣдствія; а потому очень поправилось мнѣ, что Вы смотрите на это серьезное дѣло

именно съ серьезной точки зрѣнія. Но въ данномъ случаѣ надѣюсь и уповаю на Бога, что заживете съ молодою женою тихо и счастливо, такъ какъ Вы, другъ мой, характера спокойнаго и добраго, не вѣтреннаго, и жена Ваша изъ такого семейства, которое отличалось всегда высокимъ благопріемъ, простотою и немпшурою обстановкою въ жизни. Придерживайтесь только совѣта на дальнѣйшее время, не моего совѣта, а знаменитаго философа-педагога Коменскаго: „истинно счастливы тѣ, которые умѣютъ быть довольными тѣмъ, что у нихъ есть, и тѣ, которые могутъ себѣ сказать: мы живемъ своимъ личнымъ честнымъ трудомъ“, да еще другаго, арабскаго философа, котораго когда спрашивали въ чемъ состоитъ счастье и богатство, отвѣчалъ: „въ умѣренности“. Пусть привыкаетъ къ такому же взгляду и молодая жинка Ваша, не увлекаясь примѣромъ другихъ, неправильно ведущихъ жизнь, людей.

Но я на минуты счастливыя и радужнаго цвѣта какъ-бы набрасываю тѣмъ своимъ непрошенымъ совѣтамъ, — можете съ Маріей Васильевной бранить и ворчать на меня за это, сколько угодно, и я съ удовольствіемъ принимаю теперь эту брань.

До свиданія, милѣйшіе молодые, желаю отъ души всякаго благополучія и счастія. Подарокъ на свадьбу ждите отъ меня въ концѣ Генваря, а теперь не успѣлъ.

Передайте мое искреннее поченіе Бактынкѣ Василю Ѳедоровичу и его многоуважаемой мною супругѣ.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

25 Октября 1885 г.

Большой салымъ Вамъ, милѣйшій Арсеній Андреевичъ. Торговое производство Ваше отослано на утвержденіе Попечителю и по полученіи не замедлю его послать къ Вамъ. Дѣло это я остав-

О саване
Мол
Бракъ

лял у себя и не желалъ вовсе и представлять, въ надеждѣ, что палата, по примѣру прежнихъ лѣтъ, не потребуетъ его. Но какъ скоро она потребовала, значитъ—нужно стало представить его, что я и исполнилъ теперь, хотя поздно. Пока же контрольной палатѣ можете сообщить, что торговые книги прешрождены были ко мнѣ и что онѣ требуются Вами отъ меня обратно.

Кланяйтесь молодой ханымъ. Напишите, какіе успѣхи оказали ученики на экзаменахъ.

Саламъ Ивану Спиридоновичу, Ватюшкѣ В. Ф. и Маріи Васильевнѣ. Я убавилъ Ивану Спиридоновичу срокъ отпуска на 15 дней, такъ какъ 15 Юлія думаю быть въ Актюбѣ самъ и, быть можетъ, онъ нуженъ будетъ для совѣщанія по учебнымъ дѣламъ. Если онъ думаетъ перевестись куда либо, прошу объ этомъ сообщить мнѣ заранее, иначе не можетъ быть дозволено ему переводъ, такъ какъ безъ учителя школа не можетъ остаться.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Получено 2 Юлія 1887 г.

Предложеніе инспектора школъ Тургайской области заводитьяющему Актюбинскимъ двухкласснымъ училищемъ отъ 12 Февраля 1883 года за № 35.

Отославъ къ Вамъ руководства для учителей и учениковъ, считаю нужнымъ покорнѣе просить Васъ и другихъ учителей, находящихся во вѣренной Вамъ школѣ, обратить вниманіе на слѣдующія книги, мною лично просмотрѣнныя и найденныя весьма полезными для употребленія въ русско-киргизскихъ школахъ. 1) Для прохожденія въ первыхъ классахъ я и всѣ почти

Учитель

учителя вѣренныхъ мнѣ школъ находятъ болѣе всѣхъ другихъ учебниковъ соответствующими азбуки и книги для чтенія Н. Бунакова, элементарный курсъ грамматики Тихомирова (грамматика эта, какъ избѣгающая сложныхъ объясненій, грамматическихъ терминовъ и обучающая русскому языку посредствомъ примѣровъ и наводящихъ вопросовъ, особенно соответствуетъ для нашихъ школъ) и сборника басенъ для тверженія наизусть (преимущественно басни Крылова). 2) Для прохожденія во вторыхъ классахъ: зоологію Сентъ-Илера, краткій курсъ минералогіи Герда, ботанику Оливера (впрочемъ ботаника эта лично мнѣ не очень нравится, а потому выписываются на пересмотръ другія), учебный атласъ естественной исторіи, элементарную физику по Крюгеру, географію Пуцковича для учениковъ и Пуликовского для учителей, исторію Россіи Острогорскаго или, если время позволитъ, Фармаковского, а для учителей Белларминова, и историческую хрестоматію Гуревича, правоисаніе—Тихомирова. 3) Для вечернихъ, устныхъ бесѣдъ съ учениками рекомендую бесѣды о природѣ Зобова, химическія бесѣды Константиновича и важнѣйшія открытія и изобрѣтенія Фигье, и 4) Кромѣ того, какъ полезное чтеніе и руководства для учителей, рекомендую педагогикѣ Бобровскаго, систематической обзоръ народно-учебной литературы, великую дидактику Коменскаго, родной языкъ Бунакова, нашъ другъ Корфа; земля, суша и океанъ Реклю, земледѣліе и скотоводство Совѣтова и другія, присовокупляя, что по всѣмъ вообще предметамъ преподаванія въ народныхъ школахъ и на будущее время буду присылать самыхъ практическихъ и удобопонятныхъ руководствъ, и какъ только усмотрятся таковыя, буду приобретать и разсылать по вѣреннымъ мнѣ школамъ. При этомъ считаю долгомъ заявить мое убѣжденіе, что было-бы особенно полезно, независимо самостоя-

тельно преподаваемых предметов, какъ русскій языкъ съ грамматикой, географіи съ черченіемъ, исторіи и естествознанія, прочитывать и вести устные съ учениками бесѣды (по вечерамъ и вообще при всякомъ удобномъ случаѣ) напримеръ о природѣ—Зобова (эту книгу я рекомендую особенно), о важнѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ Филъа, а также и о химическихъ бесѣдахъ Константиновича, и вести эти бесѣды на русскомъ языкѣ, конечно толково и ясно; а по окончаніи этихъ бесѣдъ переспрашивать учениковъ о прочитанномъ. Мнѣ же случилось испытывать на дѣлѣ, какъ подобныя бесѣды съ удовольствіемъ слушаются учениками и легко ими усваиваются. Необходимые же приборы при объясненіяхъ и чтеніяхъ о химии и физикѣ, я постараюсь выписать, какъ только будутъ на это средства. Не считаю лишнимъ передать еще одно мое мнѣніе, что всѣ упомянутыя книги непременно должны быть внимательно прочитаны съ начала до конца самими учителями, чтобы быть въ состояніи ясно опредѣлить себѣ цѣль и содержаніе каждаго руководства, а затѣмъ уже начинать примѣненіе ихъ къ дѣлу.

Обученіе же русскому языку, естествознанію, географіи и исторіи должно быть ведено въ каждой школѣ по одной предвзятой системѣ и руководствамъ, такъ какъ дознано на опытѣ, что нѣкоторые молодые учителя, у которыхъ не установился еще твердый взглядъ на дѣло воспитанія и обученія, то и дѣло перемѣняютъ не только учебники, но и самые способы и порядки преподаванія предметовъ, проходимыхъ въ народныхъ школахъ, и такимъ образомъ, заставляя учениковъ изучать предметы то по одному, то по другому способу и руководствамъ, или же вѣрнѣе сказать, начиная, но никогда не проходя цѣлостно и по порядку ни одинъ предметъ,—подобные учителя положительно сбиваютъ учениковъ съ толку, и затѣмъ сами же сердятся и

доходятъ до злобныхъ даже обращеній съ учащимися, досадуя, что послѣдніе не умѣютъ отвѣчать на задаваемые вопросы; а это, въ свою очередь, еще болѣе сбиваетъ съ толку и запугиваетъ учениковъ до того, что они не въ состояніи уже ничего отвѣчать. Конечно, заранѣе можно сказать, что отъ подобнаго порядка веденія дѣла ничего хорошаго ожидать нельзя, и понятно, что такіе учителя сильно заблуждаются, относя непонятливость учениковъ къ невнимательности или тупости ихъ, а не къ собственной своей винѣ. Мною замѣчалось еще, что эти учителя никогда положительно не знакомятся съ руководствами, рекомендованными педагогическимъ міромъ, не прочитываютъ ни одного изъ нихъ до конца, не выкаютъ въ общій характеръ и умственный складъ учащихся, а также въ особенность и отличія роднаго языка киргизскихъ мальчиковъ въ сравненіи съ русскимъ, не трудятся серьезно, сообразивъ все. Это ведетъ къ безпорядочному обученію дѣтей чему-то безъ начала и конца. Не могу не поставить при этомъ на видъ одному изъ учителей, до котораго эти замѣчанія преимущественно и касаются, что онъ никогда не долженъ забывать, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Онъ имѣеть дѣло съ дѣтьми, которые если не понимаютъ что-либо, то учитель долженъ пенять не на учениковъ, а на самого себя, что не можетъ довести ихъ до пониманія. Долженъ онъ обращаться съ дѣтьми кротко, не раздражительно, терпѣливо, и объяснять каждый предметъ охотно и простымъ языкомъ, безъ вычурныхъ фразъ и ненужныхъ терминовъ, кои не только не понятны ученикамъ, но неприяты для слушанія даже постороннимъ присутствующимъ лицамъ, которые видятъ только, что данный учитель желаетъ рисоваться учеными терминами или разсужденіями, не истекающими при этомъ изъ какихъ-либо глубокихъ знаній или убѣжденій, а о педагогическихъ и учительскихъ пріемахъ или

имѣть весьма ограниченное, поверхностное понятие, или же смотреть на послѣднѣя, какъ на второстепенный предметъ, забывая, что все вообще наглядное обученіе основано именно на простотѣ учебныхъ приемовъ и удобопонятности учительскихъ объясненій. Надѣюсь впрочемъ, что при природныхъ способностяхъ, этотъ молодой учитель постарается поглубже вникнуть въ свой предметъ, поправить ошибки свои и показать, что, постаравшись, онъ не отстанетъ отъ товарищей по ремеслу, которые, не могу теперь не высказать этого, ушли далеко отъ него. Въ этомъ онъ и самъ убѣдится, если признаетъ, что учителей судить не по ихъ устнымъ, существенно не идущимъ къ дѣлу фразамъ, а по тѣмъ плодамъ, которые окажутся на почвѣ ихъ посѣвовъ, т. е. въ ученикахъ.

Инспекторъ школъ Алтынсаринъ.

ПИСЬМА УЧИТЕЛЕЙ ОБЪ АЛТЫНСАРИНЪ.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Письмо Ваше получилъ 25-го Августа, но занятый уборкой хлѣба и ремонтомъ дома, я не могъ приняться за письменную работу. Но теперь, освободившись отъ заботъ по хозяйству и вполне обдумавши все, чувствую, что я не въ силахъ изобразить вполне то, что Вы требуете. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ былъ у насъ въ школѣ В. В., которому я между прочимъ передалъ о своихъ затрудненіяхъ по сему предмету; онъ мнѣ посоветовалъ послать Вамъ письма, полученныя отъ Алтынсарина, изъ которыхъ Вы можете заключить, какъ онъ обращался съ учителями

и какъ мнѣ помогалъ на первыхъ порахъ въ борьбѣ съ фанатизмомъ муллъ. А потому я и рѣшилъ собрать всѣ его письма и послать Вамъ съ своими замѣтками о причинахъ того или другаго письма.

Живя отъ насъ въ 700 верстахъ, Алтынсаринъ посѣщалъ школу обыкновенно разъ или два въ годъ, жилъ каждый разъ дня по три не больше и все почти время проводилъ въ дѣлахъ: съ 9 утра и до 2 часовъ дня сидѣлъ въ классахъ, вечеромъ съ 6 до 8 часовъ тоже приходилъ на вечернія занятія; свободное же время было у насъ только ночью съ 8 до 12 часовъ, а иногда и позже. Это время проводилось нами въ задушевную пріятельскую бесѣду, именно пріятельскую, потому что Иванъ Алексѣевичъ былъ не только начальникомъ для учителей, а отцемъ, самымъ задушевнымъ, добрымъ пріятелемъ. Пріѣзду его въ школу бывало такъ радъ, какъ великому празднику; въ бесѣдѣ съ нимъ я всегда почти забывалъ, что говорю съ магометаниномъ киргизомъ, и дѣйствительно по его добротѣ и образу мыслей, трудно было замѣтить, что это киргизъ-магометанинъ; ему можно было говорить все, всѣ свои ошибки по школьной практикѣ, даже такія, которыя нельзя было замѣтить при ревизіи и на все это всегда давался отъ всей его доброй души дѣльные софиты для руководства въ будущемъ.

Но приступлю къ самымъ письмамъ. Въ 1881 г. я, по окончаніи курса въ Семинаріи, былъ назначенъ учителемъ въ одну изъ киргизскихъ школъ Тургайской области, для чего и отправился въ Оренбургъ, откуда выѣхалъ къ мѣсту служенія своего въ первыхъ числахъ Октября мѣсяца. По пріѣздѣ въ школу я нашелъ ее въ такомъ положеніи, что оставаться въ ней не было никакой возможности: ремонтъ въ ней не былъ еще оконченъ, окна всѣ выбиты, печи разломаны, однимъ словомъ,

школа была наполнена мусоромъ. Положеніе мое было затруднительное, гдѣ я могъ жить до открытія школы; можно было, конечно, прожить у киргизъ въ землянкѣ, но вѣдь я ни слова не зналъ по киргизски; ѣхать въ Оренбургъ и ждать тамъ инспектора я не могъ по особенно сложившимся обстоятельствамъ. Выручилъ изъ бѣды киргизъ Ваядиль Кикинъ, служившій въ то время младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Губернаторѣ (нынѣ уже умершій): онъ пригласилъ меня къ себѣ до пріѣзда инспектора; конечно, я съ радостію согласился. Жить у Кикина было удобно, но все-таки ужасно было грустно. Что это за край, думалъ я: открываютъ школу, а ничего нѣтъ для нея и даже не заказано, нѣтъ ни мебели, ни книгъ, ни учебныхъ пособій; инспекторъ гдѣ-то за тысячу верстъ, такъ и предполагалъ, что школа не будетъ открыта. Все это я написалъ надзирателю татарской школы В., единственному знакомому въ Оренбургѣ, и послалъ съ шабаромъ, котораго Кикинъ отправилъ съ какими-то бумагами къ Губернатору. И вотъ черезъ недѣлю съ тѣмъ же шабаромъ получаю письмо (№ 1-й) отъ незнакомаго мнѣ еще инспектора; письмо это подняло мой упавшій духъ, ободрило меня. Видно было изъ письма, что инспекторъ чловѣкъ добрый, хотя и киргизъ, но не такой, какъ Кикинъ, который мнѣ не понравился своимъ пристрастіемъ ко всему киргизскому—худому и доброму, и пренебреженіемъ ко всему русскому. Получивши письмо и деньги, я кое-какъ выбрался отъ Кикина (онъ почему-то все удерживалъ меня) и поселился въ станицѣ Гирьяль у одного казака, знающаго по киргизски и отъ нечего дѣлать учился у него этому языку. Наконецъ 21-го Октября вечеромъ, получилъ записку отъ инспектора (№ 2-й), онъ пріѣхалъ уже въ школу. Я отправился въ школу на другой же день и явился инспектору; это былъ чловѣкъ средняго роста,

одѣтъ по-киргизски и по лицу совершенный киргизъ съ нѣсколькимъ суровымъ взглядомъ. Сношенія наши съ инспекторомъ и разговоры въ это время были чисто дѣловаго характера, такъ сказать официальные; въ этихъ разговорахъ принималъ участіе и Кикинъ, который почти неотлучно былъ при инспекторѣ. На вопросы мои относительно веденія школьныхъ дѣлъ и вообще обученія киргизскихъ мальчиковъ, касающіеся религіи киргизъ и ихъ обычаевъ, Алтынсаринъ обыкновенно отмалчивался, или, не отвѣчая на вопросъ, начиналъ разговоръ совершенно о другомъ, я просто былъ въ недоумѣніи. Наконецъ все объяснилось: разъ инспекторъ мнѣ сказалъ, чтобы я при Кикинѣ въ разговорахъ былъ остороженъ, такъ-какъ онъ-де не изъ друзей нашихъ, и дѣйствительно, это я узналъ и самъ впоследствии. Вскорѣ пришелъ обозъ съ школьными принадлежностями; въ какихъ-нибудь 18 дней инспекторъ успѣлъ приготовить все для школы: тутъ была прекрасная школьная мебель, разные учебники, учебныя пособія, однимъ словомъ, все что нужно для начальной школы. И я не былъ забытъ: для меня привезены койка, матрацъ, подушка, разная кухонная посуда и другія мелочи въ хозяйствѣ. Наконецъ, была открыта и школа, приняли всего только семь мальчиковъ, болѣе желающихъ учиться по-русски не нашлось. Самъ Алтынсаринъ далъ первый урокъ ученикамъ и затѣмъ предложилъ мнѣ продолжать занятія, но увы! я не могъ: я не зналъ ни слова по киргизски, а ученики мои—ни слова по русски, потому я и сказалъ инспектору, что безъ подготовки не могу заниматься.

На другой день по открытіи школы инспекторъ уѣхалъ, такъ-какъ выпалъ уже снѣгъ, а онъ былъ въ лѣтнемъ экипажѣ. Передъ отъѣздомъ онъ о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ Кикинымъ и съ муллою Хуббинзаомъ Аблаевымъ, главнымъ учителемъ со-

сѣдней медресы, назначеннымъ законоучителемъ ко мнѣ въ школу; мнѣ онъ сказалъ, что ему очень грустно оставлять меня, что онъ пожилъ бы недѣлю и двѣ въ школѣ, но наступающая зима заставляеть его ѣхать домой. И такъ я остался одинъ. Открылась, такъ сказать, русско-киргизская школа съ семью учениками и съ 20-лѣтнимъ, малоопытнымъ и кромя того не понимающимъ ни слова по киргизски, учителемъ во главѣ; о довѣрїи и уваженїи къ учителю со стороны киргизъ не могло быть и рѣчи при незнанїи киргизскаго языка. Съ другой стороны рядомъ съ моей школой, сажаяхъ въ двухъ отъ нея, была медреса, въ ней было около 100 учениковъ и во главѣ ея стоялъ мулла-инашъ (Хубинназъ), прїобрѣтшїй за свою ученость общее уваженїе среди киргизъ (онъ и говорилъ даже по бухарски, хотя былъ киргизъ), слышнїй среди ихъ за святаго. О конкуренціи печего было пока и думать, съ моей стороны требовалась большая осторожность въ сношенїяхъ съ муллами и шакирдами; яблокомъ раздора могли послужить, конечно, разные релїгиозные обряды и обычаи киргизъ; такъ оно и случилось. Мулла, нашъ законоучитель, сталъ требовать, чтобы ученики моей школы наравнѣ съ шакирдами аккуратно исполняли все намазы, положенные по закону, т. е. пять разъ въ день ходили въ мечеть. Это требованїе муллы было для меня непредвидѣннымъ, пришлось покориться ему, чтобы не поддерживать разныхъ нелѣпныхъ толковъ о нашей школѣ, распускаемыхъ муллами. Но пятикратныя отлучки учениковъ изъ школы на молитву сильно вредили учебнымъ занятїямъ, особенно молитва въ полдень: ученики уходили въ мечеть около 12 часовъ и приходили обратно около 2-хъ и такимъ образомъ, занимались днемъ только 3 часа. Пришлось писать инспектору, отъ него я получилъ отвѣтъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ (письмо № 6-й). Я послушался его совѣта и все кое-

какъ уладилось къ лучшему: молитвы были назначены не въ мечети, а въ медресѣ, о времени молитвы я давалъ знать мулламъ; ученики уходили на молитву въ 12 часовъ и возвращались около часу пополудни. Но продолжалось это недолго, вскорѣ опять все пошло по старому, а мулла сдѣлался еще требовательнѣе: онъ предъ молитвой иногда, особенно въ пятницу, приходилъ самъ въ школу съ посохомъ въ рукахъ и гналъ на молитву всѣхъ оставшихся въ школѣ (иногда и по уважительнымъ причинамъ) учениковъ. Положеніе становилось невыносимымъ, между тѣмъ состояніе моей школы гораздо улучшилось: киргизы увидали, что дѣтей ихъ въ школѣ вовсе не хотятъ обращать въ христіанскую вѣру, видѣли также, что дѣти ихъ, проучившись въ школѣ мѣсяцъ—два уже читали и кое-какъ писали по русски, такимъ образомъ довѣрїе киргизъ къ школѣ все болѣе и болѣе увеличивалось. Я, выучившись не много по киргизски, тоже становился уже на почву, и ободряемый отечески-добрыми письмами Ивана Алексѣевича, сдѣлался смѣлѣе (письма №№ 5, 6, 7 и 8-й) и рѣшился положить конецъ выходкамъ муллы. Противны мнѣ были ихъ дяреты съ намазами, ихъ ханжество и фарисейская святость, нужно было какъ-нибудь вырвать учениковъ изъ-подъ ихъ вліянія, пропитаннаго фанатизмомъ. Нѣсколько разъ я говорилъ муллѣ, чтобы онъ заставлялъ учениковъ ходить на молитву не палкой, а словами, ученїемъ закона, и приводилъ ему въ примѣръ нашихъ священниковъ-законоучителей, но онъ и слушать не хотѣлъ. Однажды въ пятницу, когда мулла дѣлалъ свою обычную расправу съ учениками, ища ихъ подъ койками въ спальнѣ, я пришелъ въ школу и, взявши его за рукавъ, вывелъ вонъ, сказавши ему, что бы онъ не смѣлъ болѣе, кромя своихъ уроковъ, ходить въ школу; а ученикамъ запретилъ ходить на молитвы въ медресе и мечеть,

кроме пятницы, да и те желающим. Полегли жалобы и инспектору, кажется и узбодному начальнику, но, конечно, из них ничего не вышло. Теперь нужно было для блага школы совершенно удалить от нее муллу Хуббинназа Аблапча, но я не мог это сделать своею властью, нужно было ждать Алтынсарина. Наконец в Августе месяца 1882 года долго жданный гость явился и, замечательно, он был того же мѣсяца, что и я, т. е. считался необходимым удалить от преподавания уроков по вѣручению муллу Хуббинназа. Но какъ это сделать? Задача трудная: отказать прямо отъ мѣста—значило нажить себѣ тайнаго врага—сосѣда, но Алтынсаринъ сдѣлалъ это такъ, что и мулла остался доволенъ, а мы еще того больше. Онъ позвалъ муллу къ себѣ, тотъ пришелъ и, конечно, первымъ долгомъ сталъ жаловаться на меня. Не знаю ужъ, что именно говорилъ Алтынсаринъ, но видно мулла остался доволенъ, а затѣмъ онъ предложилъ муллѣ приблизительно слѣдующее: вы дескать обременены трудами по преподаванію шакирдамъ высшихъ наукъ а потому, я думаю, васъ затрудняетъ возня съ ребятишками, не лучше-ли назначить вамъ помощника, который бы подъ вашимъ руководствомъ и надзоромъ обучалъ дѣтей киргизской грамотѣ. Мулла, конечно, съ радостію согласился, почему же не получать десять руб. въ мѣсяцъ, ничего не дѣлая. Инспекторъ назначилъ въ помощники ему своекоптнаго ученика моей школы, учившагося прежде въ Каргалинской медресѣ, что около Оренбурга; жалованье было раздѣлено на двѣ части, одну часть, т. е. 5 руб. получалъ мулла, а другіе 5 руб.—помощникъ. При первомъ же полученіи жалованья Хуббинназъ выразилъ не-удовольствіе на такое несправедливое отношеніе къ нему, но дѣлать было нечего, онъ самъ согласился имѣть у себя помощника.

Теперь оставалось еще уничтожить намъ самую медресу, которая была вреднымъ сосѣдомъ нашей школы, что сознавалъ и Алтынсаринъ и общалъ мнѣ въ случаѣ свою помощь и поддержку. Медреса помѣщалась въ домѣ, стоящемъ противъ школы, въ немъ было три комнаты: одна довольно просторная, свѣтлая комната служила помѣщеніемъ для муллы и старшихъ шакирдовъ, въ тоже время это была и молельная комната, въ остальныхъ двухъ комнатахъ, поменьше первой, помѣщались остальные шакирды. Пользуясь отсутствіемъ шакирдовъ, разбѣжавшихся по домамъ на лѣтнія работы, я помѣстилъ въ медресу своего помощника, который прежде жилъ со мной въ одной квартирѣ; онъ былъ человекъ семейный, а потому безконечно обрадовался этому, вызвалъ изъ аула жену съ дѣтьми и устроился въ медресѣ; такимъ образомъ для медресы осталось только двѣ комнаты, которыя поменьше. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ начали собираться шакирды, пришелъ Хуббинназъ и къ ужасу моему увидѣлъ, что его нашенное мѣсто занято; посланъ былъ, кажется, нарочный къ Ваядилу Кикину, который вѣкорѣ явился.

Онъ, не говоря ни слова прямо началъ гнать моего помощника изъ квартиры, нечего дѣлать приходилось ссориться и съ Кикинымъ. Я сказалъ ему, что помощникъ мой ничѣмъ не виноватъ, такъ какъ поселился въ медресѣ по моему приказанію, за немѣнимъ для него другой удобной квартиры. Но онъ не слушалъ и продолжалъ свое. Тогда, чтобы положить конецъ этому, я заявилъ ему, что если онъ выгонитъ моего помощника изъ квартиры, то я сейчасъ же ѣду въ Верхне-Озерное и телеграфирую о такомъ самоуправствѣ Губернатору и инспектору. Это его видимо остановило и онъ ухажалъ съ угрозами жаловаться начальству. Я хотя и надѣялся на поддержку со стороны областного начальства, но тѣмъ не менѣе написалъ объ этомъ узб-

ному начальнику, какъ ближайшему къ школѣ, и между прочимъ сообщилъ кратко и Алтынсарину; онъ просилъ меня сообщить ему обо всемъ подробно (письмо № 10). Черезъ нѣсколько времени послѣ моего отвѣта я получилъ отъ Алтынсарина письмо съ передачей Кикину; зная въ чемъ состоитъ суть письма (№ 16), я побоялся передать его по назначенію и оставилъ у себя, чтобы не разстроитъ нашихъ отношеній съ Баяди-лемъ и не рассердитъ старика, который сталъ особенно любезенъ со мной послѣ ссоры и о медресѣ не поминалъ ни слова. Послѣ я говорилъ объ этомъ и Алтынсарину, но письмо забылъ ему передать и вотъ теперь посылаю его Вамъ (№ 16), можетъ быть и оно пригодится.

Дальнѣйшая судьба медресы была такова: старшіе шакирды за наимѣнѣе для нихъ помѣщенія въ медресѣ, въ силу необходимости, оставили Хубиніаза и разошлись по разнымъ медресамъ кто куда, а съ младшими, вѣроятно, самъ Хубиніазъ не захотѣлъ заниматься, такъ что къ началу 1883 года медреса опустѣла—и мы наконецъ вздохнули свободно. Хубиніазъ въ началѣ 1883 года перѣхалъ на жительство въ другую волость (Карагугайскую) и тамъ основалъ, говорятъ, медресу. Безоуповъ приглашалъ было его законоучителемъ въ Орскую учительскую школу, но онъ отказался (Письм. №№ 14 и 18).

Волше ничего не могу написать о дѣятельности покойнаго Алтынсарина относительно нашей школы, одно могу сказать, что это былъ справедливый, честный во всѣхъ отношеніяхъ и добрый человѣкъ. Грустно становится, когда вспоминаешь, что онъ кончилъ свою жизнь во врагѣ магометанства, а какъ близко онъ былъ къ христіанству! Но судьбы Воли несповѣдны.

Посылаю при семъ всѣ его письма, изъ нихъ Вы сами увидите все; особенно задумчивостью отличается его письмо за

№ 23*). Посылаю также копію съ одной его официальной бумаги, изъ которой видѣтъ взглядъ его на образованіе киргизъ въ школахъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ, глубоко уважая Васъ, пребываю вашимъ покорнѣйшимъ слугою воспитанникъ вашъ

Арсеній Мозохинъ.

28 Сентября 1889 г.

Изъ письма О. Д. Соколова, отъ 9-го Августа 1889 года, къ Н. И.

Добрыйишій и дорогой Иванъ Алексѣевичъ заболѣлъ 24-го Апрѣля отъ разстройства сердца и печени, отъ чего и скончался. Недѣли за двѣ до серьезнаго заболѣванія покойный жаловался на какое-то неопредѣленное недомоганіе и въ этомъ состояніи онъ снятъ на карточкѣ выѣзѣ съ учителями и киргизскими учениками, а 24 Апрѣля, по возвращеніи изъ Костанайской домы, на зимовку, не въ мѣру потогорчился на одного киргиза, причинившаго ущербъ его хозяйству. Точчасъ же послѣ этого у него появилась сильная одышка, сердце стало работать неправильно и онъ не могъ нѣкоторое время ходить,—задыхался. Около 7 Мая покойному стало лучше, какъ 8-го случился пожаръ на его зимовкѣ, тогда онъ не мало поволновался, распорядился при тушеніи пожара. Былъ въ то время сильный, пронзительный вѣтеръ; благодаря всему этому Иванъ Алексѣевичъ опять заболѣлъ, но пролежавъ серьезно не весьма продолжительное время, стало

*) Перенумерованныя письма находятся выше: № 1 на стран. 344, № 2—346, № 5—348, №№ 6, 7, 8—350, 353, 354, № 10—въ концѣ стран. 355, № 15—361, № 18—364, № 23—368. № 16 писано по киргизски, здѣсь не начатано.

ему лучше, такъ что до 24-го Мая чувствовалъ онъ себя сравнительно хорошо. Жилъ на зимовкѣ, что въ 3-хъ верстахъ отъ Костаная. А. И. К. и я почти ежедневно нѣшкомъ похаживали къ нему и прелестно время проводили, то въ бесѣдахъ, держа въ рукахъ по чашкѣ кумыза, то въ чтеніи. 23 Мая покойный чувствовалъ себя на столько хорошо, что могъ быть въ Костанай, лично присутствовалъ въ церкви при отпавленіи панхииды по покойномъ Графѣ Дмитріѣ Андреевичѣ Толстомъ. 24-го Мая въ Костанай прибылъ Губернаторъ. Иванъ Алексѣевичъ 3 дня прожилъ въ Костанай, докладывая Губернатору о школьных дѣлахъ: объ усиленіи денежныхъ сборовъ въ пользу народнаго образованія, объ учрежденіи женскихъ киргизскихъ училищъ, сельско-хозяйственныхъ школъ, объ открытіи киргизскихъ общественныхъ стипендій въ Московской земледѣльской академіи, объ открытіи такихъ же стипендій въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ, независимо открытыхъ уже стипендій въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи этого училища, объ устройствѣ заводовъ кожевенныхъ и мыловаренныхъ и др. Всѣ его доклады и ходатайства Губернаторъ весьма одобрилъ и обѣщавъ съ своей стороны исполнить все, что только отъ него будетъ зависеть. По причинѣ всего этого Иванъ Алексѣевичъ былъ очень веселъ; не въ мѣру, по его болѣзни, радовался; жизнь за эти три дня была вообще не соответственная его болѣзни и, по отъѣздѣ Губернатора, заболѣлъ уже тяжело. Послѣ проводовъ Губернатора мѣстный врачъ М. Карабаевъ посоветовалъ покойному отправиться въ лѣтовочныя кибитки, которыя отстояли отъ Костаная въ 25 верстахъ (по киргизскому счету, а ихнія версты не нашимъ чета). Кибитки эти стояли на озерѣ съ плохой водой. Съ трудомъ добравшись до лѣтовки, Иванъ Алексѣевичъ такъ заболѣлъ, что не могъ уже лежать ни на спинѣ, ни на бокахъ,

только сидѣть, опираясь на подушки и день и ночь, и совѣмъ почти не спать, развѣ только по часу въ сутки. Видя, что мѣстный врачъ Карабаевъ колеблется при выборѣ медикаментовъ, Иванъ Алексѣевичъ выписывалъ другаго изъ Троицка. Этотъ посмотрѣвъ болѣзнь, прописалъ молочное лѣченіе, не велѣлъ пить сырую озерную воду и уѣхалъ обратно, сказавъ, что относительно теченія болѣзни ничего нельзя сказать раньше, какъ черезъ мѣсяць. Погода, къ несчастью, стояла сырая, дождливая, что не въ пользу было здоровью Ивана Алексѣевича. Убѣдънный начальникъ посоветовалъ ему переѣхать обратно на зимовку, гдѣ и помѣщеніе удобное, сухое, да и вода лучше. Покойный послушался и около 5 Юля переѣхалъ въ свой домъ. Нѣсколько дней передъ послѣдними тремя днями его жизни, покойный могъ лежать на одномъ боку и спать. Послѣдніе же три дня Иванъ Алексѣевичъ совѣмъ лишился сознанія, не видѣлъ, не слышалъ и ничего не говорилъ, и 17 Юля въ 11 часовъ дня скончался. На другой день его похоронили недалеко отъ зимовки, рядомъ съ его отцомъ, на берегу рѣки Тобола. При похоронахъ было до 900 киргизъ и татаръ, въ томъ числѣ до 100 муллъ, преимущественно изъ татаръ. Въ послѣдніе три дня жизни къ больному уже никого изъ русскихъ не допускали: около него сидѣли муллы и читали коранъ. А. В. Т., А. И. К. и я еще пріѣзжали на зимовку, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ любимымъ человекомъ, но не смотря на нашу просьбу, были не допущены и уѣхали ни съ чѣмъ. Грустно было, тяжело чувствовалось на душѣ! При похоронахъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ насъ учителей, да и мы должны были находиться въ отдаленіи: киргизы смотрѣли на насъ, какъ на нежеланныхъ людей при этомъ обрядѣ, даже нѣкоторые подхледили къ намъ съ вопросомъ: „какое дѣло есть у васъ?“

Очень жалко Ивана Алексѣевича, былъ онъ съ весьма хорошей душой. Сейчасъ чувствуется одиночество, спротивство. Вещды его съ нами, учителями, были весьма сердечны и въ высшей степени живительно дѣйствовали на душу, прибавляя энергич къ дѣлу, заставляя полюбить всей душой школу и всѣми силами отдаться своимъ обязанностямъ; вообще побывавши, поговоривши съ нимъ, выходишь бывало отъ него съ живымъ и бодрымъ челоушкомъ. Бывало ждешь и не дожدهшься, когда онъ вернется изъ области, и когда придетъ, то не медля ни минуты, если не найдется лошадь, то пышкомъ стремишься къ нему на зимовку, и пріятно текло время въ умныхъ и назидательныхъ его разговорахъ. Жаль такого дорогого челоушка, да дѣлать нечего, такъ ужъ Богу угодно, но Богъ не безъ милости.

9 Августа 1889 года.
Поселеніе Костанай
Тургайской области.

Изъ письма того же отъ 6 Октября 1889 г.

✓ Вся жизнь покойнаго Ивана Алексѣевича за все время моего пребыванія въ Степи сосредоточивалась на образованіи своего любимаго киргизскаго народа. Онъ зорко слѣдилъ за теченіемъ народной жизни и глубоко понималъ ее. Цѣлью своей поставилъ онъ всѣми силами и средствами оберегать свою націю отъ вліянія назойливыхъ, фанатичныхъ и пламенно преданныхъ исламу татаръ и дѣйствовать путемъ образованія, просвѣщенія на киргизъ въ духѣ русскаго народа. Онъ говаривалъ: „сохрани Богъ, если вліяніе татаръ будетъ усиливаться въ Степи“, и болясь душевно при мысли о нахальныхъ пропагандистахъ ученія Магомета. Въ училища онъ даже татарскихъ дѣтей не принималъ

въ число учениковъ, говоря, что это вредный элементъ. Насколько глубоко и искренне заботился онъ о просвѣщеніи своего народа, это видно изъ развѣдковъ его по всѣмъ почти уголкамъ области къ вліятельнымъ представителямъ киргизъ, убѣждая ихъ установить большой покимботочный сборъ въ пользу образованія киргизъ; самъ устранивалъ, съ той-же цѣлью, угощенія для аксакаловъ киргизскаго народа. До назначенія его инспекторомъ школы Тургайской области, было только два училища въ области—въ Троицкѣ (нынѣ въ Кустанай) и Тургай*), а теперь всѣхъ 13 училищъ, изъ нихъ 4 двухклассныхъ центральныхъ, русско-киргизскихъ, 4 волостныхъ киргизскихъ, 1 волост. русско-киргизское, 1 ремесленное для дѣтей киргизъ, 2 русскихъ училища для поселенцевъ Кустаная и Актюбя и 1 женское училище вмѣстѣ съ женскимъ киргизскимъ интернатомъ, и открыто много общественныхъ стипендій для киргизъ (въ гимназіяхъ Троицкой и Оренбургской) въ русско-башкирской сельско-хозяйственной школѣ и сельско-хозяйственномъ отдѣленіи при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ (и въ университетахъ). Стипендіи въ гимназіяхъ и университетахъ открыты до Ивана Алексѣевича.

Къ народнымъ учителямъ Иванъ Алексѣевичъ относился строго, требуя аккуратнаго отношенія къ дѣлу и строго преслѣдовалъ неисполнительныхъ. Какъ самъ горячо любилъ учебное дѣло, то-же желалъ видѣть и въ учителяхъ своей инспекціи. Умѣлъ онъ своими бесѣдами сердечными возбудить въ учителяхъ рвеніе къ учебному дѣлу. Въ глазахъ общества поставилъ насъ высоко, заставилъ всѣхъ относиться къ учителямъ съ должнымъ уваженіемъ; гордятся ими передъ всѣми, какъ честными и полезными труженниками. Въ общество одинъ, безъ учителей рѣдко

*) Еще было училище въ Иргизѣ.

выѣзжать, преимущественно забиралъ насъ вмѣстѣ съ собой. Съ особеннымъ участіемъ относился онъ къ молодымъ киргизскимъ учителямъ и весьма радовался, видя ихъ въ русскомъ обществѣ, въ русскомъ видѣ. Отъ учителей онъ пользовался рѣдкой преданностью.

Въ частной жизни это былъ милый, сердечный человекъ. Всегда и во всемъ можно было обращаться къ нему и найти у него сердечное участіе или искреннимъ совѣтомъ, или дѣломъ. Народъ киргизскій относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. И было за что уважать Ивана Алексѣевича: двери его всегда и для всѣхъ были открыты; независимо помощи совѣтомъ, онъ въ трудные для киргизъ годы помогалъ имъ и своею собственностью, раздавалъ нуждающимся заимообразно свои деньги, безъ всякихъ процентовъ, и часто не получая обратно. Русскіе поселенцы тоже видѣли въ немъ добраго и справедливаго человека. Интеллигенты Бугустана безъ него положительно скучали, онъ былъ душею общества, веселый и пріятный собесѣдникъ, и былъ вездѣ принимаемъ съ рѣдкимъ радушіемъ.

Были у него и враги, особенно въ лицѣ нѣкоторыхъ Николаевскихъ киргизъ, отатарившихся подъ вліяніемъ Троицкихъ мullahъ. Они называли его измѣнникомъ своему народу, „такъ какъ онъ болѣе симпатизировалъ русскимъ“, говорили они; особенно не уважали его за то, что открылъ школу для киргизскихъ дѣвочекъ въ г. Иргизѣ.

4) къ Е. Д. Соколову¹⁾.

Эти письма Алтинсарина слѣдовало бы помѣстить съ 370 страницы, вслѣдъ за его письмами къ А. А. Мозохину, но они сообщены мнѣ послѣ того, какъ были уже отпечатаны послѣдующія статьи.

Простите, что долго не писалъ Вамъ ничего. Причиной тому было то, что я хотѣлъ быть у Васъ самъ, да удержала здѣсь масса предложеній отъ начальствующихъ по дѣлу объ устройствѣ волостныхъ школъ.

Знаю, другъ сердечный, что плохо Вамъ живется въ старой развалинѣ, да что же подѣлаешь: успѣешь, какъ кажется, провести одну мысль, возникаетъ съ стороны Областнаго Правленія другая, и приходится начинать дѣло опять съзнова. Теперь въ виду того, что Иргизскій уѣздъ не имѣетъ средствъ на постройку зданія на 50 тысячъ, какъ печислялъ г. архитекторъ, г. Губернаторъ возбудилъ вопросъ о пристановленіи устройства волостныхъ школъ не только въ Иргизскомъ, но и въ другихъ уѣздахъ, для того, чтобы суммы, опредѣленныя на волостныя школы, ото всѣхъ уѣздовъ обратили на постройку зданія для Иргизскаго училища—мысль, какъ кажется, трудно осуществимая, такъ какъ киргизскія общества другихъ уѣздовъ едвали согласятся свои тысячныя деньги дарить киргизамъ Иргизскаго уѣзда. Имѣя это въ виду, я сдѣлалъ представленіе или постройку у Васъ домъ изъ болѣе дешевыхъ матеріаловъ, напр. изъ воздушнаго кирпича, или же произвестъ основательный ремонтъ, какъ желалъ г. уѣздный начальникъ. Чѣмъ раз-

¹⁾ Учитель русско-киргизской школы, временно завѣдывавшій Иргизской школой.

рѣшится этотъ вопросъ, пока не знаю. Но дѣло въ томъ, что время все идетъ и можетъ случиться, что будетъ уже поздно произвести даже ремонтъ, а не только успѣть построить новый домъ. Пока же будьте такъ добры, добудьте изъ уѣзднаго управленія точное свѣдѣніе, сколько въ наличности тамъ денегъ на устройство ликоль и сообщите объ этомъ мнѣ.

Во всякомъ случаѣ, отвѣтъ на мое представленіе получится вѣроятно на дняхъ и я постараюсь сообщить Вамъ о результатѣ.

Кланяйтесь отъ меня супругѣ Вашей.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

Получено 12 Юня 1886 г.,
въ г. Иргизѣ.

Любезнѣйшій Федоръ Демьяновичъ!

Благодарю Васъ еще разъ за рациональное, успѣшное веденіе возложеннаго на Васъ учебнаго дѣла, и будьте увѣрены, что съ своей стороны я постараюсь, насколько только возможно, отличать Васъ по заслугамъ.

Цѣль настоящаго письма та, что, какъ извѣстно уже Вамъ, я ищу въ здѣшнихъ степяхъ растенія „Кермекъ“, и такъ какъ растенія подъ такимъ названіемъ не находится, то собираю другія, также содержащія въ себѣ дубильное и красильное вещество. Такъ прошу Васъ купить въ лавкахъ Иргиза „Ирмене,“*) привозимое изъ Туркестанскаго края и употребляемое какъ красильное вещество. Напишите о вынискѣ собственно „Кермека“ судѣ Алеке, о чемъ я уже просилъ его лично.

*) Кермекъ и Ирмене А. розсыкивалъ для директора Красноуфимскаго реальнаго училища, г. Соковина, но свѣдѣній котораго въ этихъ растеніяхъ содержится большой процентъ дубильной кислоты.

Независимо того, еще другая просьба заключается въ томъ, что здѣшній старшій помощникъ уѣзднаго начальника П. Л. Федоровъ покорнѣйше проситъ Васъ добыть какъ-нибудь у уѣзднаго врача опенную матерію въ стеклянкахъ, или какъ признаетъ докторъ за болѣе удобное и прислать съ нѣкоторымъ предупрежденіемъ, чтобы онъ везъ матерію эту въ грудномъ карманѣ; а сколько за это слѣдуетъ выслать денегъ, сообщите своимъ письмомъ непосредственно самому г. Федорову. Здѣсь оспа вообще не прививается, а я передалъ ему, что въ Иргизѣ дѣло это идетъ успѣшно.

Не забывайте записаться медикаментами въ этомъ же году.

Сообщите о времени начатія занятія Алмукуловымъ и его успѣхахъ.

„Ирмене“ пришлите фунта два. При свиданіи учламу стоимость. Относительно опенной матеріи сообщите Федорову, если и не найдется свѣжей въ Иргизѣ.

Прилагаю къ сему телеграмму въ Орскъ, которую отошли те пожалуйста тотчасъ же и отвѣтъ не откажитесь прислать съ почтагономъ Матвѣевымъ съ настопаею же почтой.

Сейчасъ слышалъ, что ѣдетъ Губернаторъ. Постарайтесь не ударить лицомъ въ грязь.

Передайте мой искренній привѣтъ супругѣ Вашей.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

9 Октября 1886 г.

Костанай.

Милѣйшій мой Федоръ Демьяновичъ!

Душевно скорбѣю, что случилось у Васъ семейное несчастье; но что же подблаетъ, на все воли Вожьд. Примите всѣ

дѣры къ спокойной жизни Вашей супруги, и въ виду непредвидѣнныхъ съ Вашей стороны матеріальныхъ жертвъ, я постараюсь Вамъ помочь, насколько это отъ меня зависитъ*).

Посылаю просимый открытый листъ и если найдутся почто-содержатели, требующіе болѣе 1½ коп. на лошадь, то Вы не поддавайтесь ихъ требованіямъ, будьте настоятельны и въ концѣ концовъ уступите Вамъ. Въ открытомъ листѣ я написалъ, что вызываю Васъ по дѣламъ службы, и на самомъ дѣлѣ здѣсь мы поговоримъ о службѣ.

Отъ искренней души желаю скорого выздоровленія супруги Вашей и восстановленія семейнаго положенія Вашего.

На телеграмму я тотчасъ же отвѣтилъ разрѣшеніемъ; не знаю, получили ли Вы его.

Вашъ искренно любящій И. Алтынсаринъ.

5 Января 1887 г.
Костанай.

Не сердитесь, другъ мой Федоръ Демьяновичъ, что давно Вамъ не писалъ; а причина та, что до сихъ поръ окончательно не рѣшенъ вопросъ о Костанайской русской школѣ, отвѣтъ на который я жду со дня на день. Тутъ представляется еще и другой случай: Мужанъ Вайжієновичъ желалъ бы оставить учительскую службу, если получитъ мѣсто переводчика при уѣздномъ начальникѣ, что, въ свою очередь, связано съ вопросомъ о назначеніи г. Каржасова, настоящаго переводчика, на писмоводительскую должность при уѣздномъ же управленіи, на что далъ слово Губернаторъ. Всѣ эти гордіевы узлы еще не развя-

*) Алтынсаринъ ходатайствовалъ о денежномъ пособіи Соколову, какъ лучшему учителю во всей инспекціи, до 300 руб.; Попечитель, по ограниченности кредита, разрѣшилъ 150 руб.

заны, а за симъ поймете сами, что не могъ порадовать Васъ чѣмъ либо фактически, чего искренно желаю.

Но прошу не терять надежды и, пожалуй, если сама не пожелаетъ, не увозите супругу Вашу; вопросы о Костанайской школѣ или о назначеніи Вайжієнова въ переводчики рѣшатся же чѣмъ нибудь, не позже, во всякомъ случаѣ, Сентября или, самое позднее, Октября, когда я непременно буду въ Оренбургѣ.

Въ половинѣ Августа думаю выѣхать на Иргизъ, чтобы открыть тамъ женское училище; тамъ увидимся, а пока до свиданія. Кланяйтесь супругѣ Вашей и передайте мое душевное пожеланіе ей крѣпкаго здоровья. Пусть не тужитъ она, муженька ея пристрою, какъ она желаетъ, если не теперь, то въ недалекомъ будущемъ.

Тороплюсь, дружкомъ. Извините за безпорядочность письма.

Вашъ И. Алтынсаринъ.

5 Августа 1887 г.
Костанай.

Любезнѣйшій Федоръ Демьяновичъ!

Благодарю Васъ за послѣднее исполненіе моихъ порученій. Учителемъ 1-го класса назначенъ въ Костанай извѣстный Вамъ Балгимбаевъ, и я вполне увѣренъ, что съ нимъ у Васъ дѣла найдутъ рука объ руку.

По пріѣздѣ Царегородцева, Вы не переставайте заниматься во 2-мъ же классѣ и пусть г. Царегородцевъ познакомится съ порядкомъ и духомъ Вашего преподаванія, о чемъ я просилъ также и Царегородцева.

Если даже пріѣдетъ Сергій Даниловичъ, Вы день-другой походите въ классъ, чтобы не вышло рѣзкихъ переменъ въ

преподаваніи другого, я нахожу это положительно необходимымъ.

Сергій же Даниловичъ будетъ преподавать въ 1-мъ классѣ, какъ знающій киргизскій языкъ, и завѣдывать школою; кланяйтесь ему, если пріѣхалъ, и попросите написать о моихъ домашнихъ, если успеетъ до 2 Ноября.

Сильно беспокоюсь о дѣткахъ своихъ, о которыхъ съ 20 Сентября не имѣю никакихъ свѣдѣній.

Передайте мой алдіаръ Алеке и Шаху-Мурату, въ Иргизъ теперь не поѣду, полагаю прямо по степи проѣхать на Николаевскій уѣздъ, или же черезъ Орскъ.

Г-жѣ Сахаровой мой искренній привѣтъ. Отголоски обѣихъ очень хорошіе, и меня искренно это радуетъ. Дай же Богъ успѣха ей.

Поспѣшайте же въ Костанай, я увижусь тамъ съ Вами съ истиннымъ удовольствіемъ.

О пособіяхъ вѣроятно у Васъ уже есть предписаніе; определено выдать по 50 руб.

Если затруднятся въ уѣздномъ управленіи о выдачѣ денегъ Меркурьеву и Царегородцеву изъ запаснаго капитала, то укажите на § 66 Инстр. для двухл. и однокл. учил. и на мое отношеніе уѣздному управленію по этому поводу.

Здѣсь я вполнѣ въ непосредственное сношеніе съ киргизами объ опредѣленіи дѣтей ихъ въ училище, кажется и не безуспѣшно.

Передайте почтеніе мое и г-жѣ Гайджевской, а съ Павломъ Платоновичемъ вѣроятно увижусь здѣсь.

Любящій Васъ И. Алтынсаринъ.

Многоуважаемый Федоръ Демьяновичъ!

Ночью съ 11 на 12-ю только пріѣхалъ Попечитель изъ Перми и собирается въ Костанай, выѣдетъ 16 числа, поѣдетъ черезъ Троицкъ. Нечего мнѣ и просить Васъ относительно лучшаго устройства Вашей школы и школы для русскихъ. Попросите о. діакона постараться представить дѣло въ возможно лучшемъ видѣ, конечно, подъ руководствомъ Вашихъ. Квартиру я полагаю лучшею Вашу, а Вы, пока, перейдете къ Балгимбаеву; мебелируйте получше эту квартиру и не оставьте безъ мебели и библиотечную, тамъ остановилось я. Передайте и моимъ домашнимъ, чтобы получше обставили и домъ мой, гдѣ непременно будетъ Попечитель, а Николаю Петровичу передайте мой поклонъ и просьбу заранѣе, по полученіи сего же, извѣстить почто-содержателей по пути изъ Троицка въ Костанай и отсюда до Тургая, чтобы были лошади на готовѣ, да кибитки поубрали бы получше. Если чего у меня для пріема не достанетъ, я надѣюсь на Н. П., что не откажетъ мнѣ помочь, главное не знаю, какъ быть съ приготовленіемъ обѣдовъ. Вы заранѣе предупѣдите извѣстнаго повара, который ходитъ ко мнѣ, чтобы былъ готовъ и пріобрѣлъ все нужное для лучшихъ обѣдовъ, а деньги ему дастъ Османъ. Вина привезу самъ.

Осману передайте еще, чтобы дворъ и улица около моего дома были приведены въ порядокъ, нечистоты сметаны, печи въ домѣ выбѣлены, да пускай, если нѣтъ особыхъ неудобствъ, перейдутъ даже на зимовку.

Относительно верблюдовъ скажите ему, что если провозныя цѣны будутъ возвышаться до 20 руб., то можетъ послать въ

Ташкентъ; впрочемъ пускай подождетъ меня, такъ какъ скоро прїѣдемъ и сами.

Кажется, больше нечего писать.

Уважающій Васъ И. Алтынсаринъ.

Получено 20 Сентября 1888 года, въ Костанай, когда Соколовъ завѣдывалъ тамошнимъ 2 класснымъ русско-киргизскимъ училищемъ.

Любезнѣйшій Федоръ Демьяновичъ!

Сегодня что-то очень ужъ тяжело мнѣ; а потому, вѣроятно, не въ состоянїи буду прїѣхать въ Костанай. Въ числѣ прочихъ, Вы встрѣчайте Губернатора. Будетъ полегче—прїѣду завтра; такъ и передайте, при случаѣ, Николаю Петровичу.

За симъ, попросите Константина Давыдовича, чтобы не отказался прїѣхать ко мнѣ на минутку—выдернуть зубъ, который, въ добавокъ, также сильно мучаетъ меня.

Мужана Вайжиѣевича прому узнать теперь же, прїѣхавъ ли Мендыгаринскій волостной управитель *Нурханъ Мурзабакинъ*; въ утвердительномъ случаѣ просить его сегодня же заѣхать ко мнѣ: до свиданія съ Губернаторомъ надо съ нимъ переговорить о дѣлѣ очень нужномъ.

Уважающій Васъ И. Алтынсаринъ.

24 Мая 1889 г.

Получено также въ Костанай.

